

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№10 2025 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боровов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

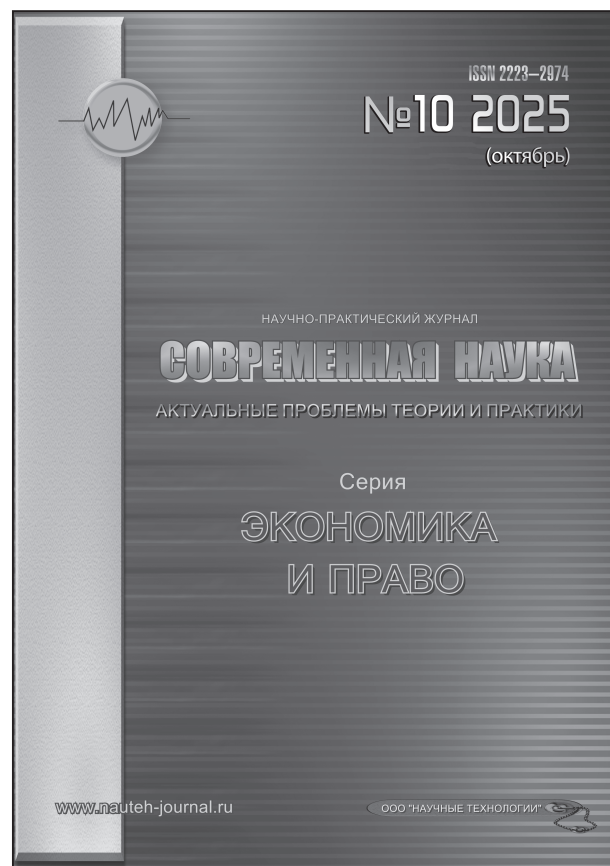
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK — 5.1x, 5.2x, 5.4x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.10.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Агазаде Э.А. — Устойчивость инновационной деятельности в малых предприятиях и принципы управления рисками

Agazade E. — Sustainability of innovative activities in small enterprises and principles of risk management.....6

Аксенов С.Г., Стрижов В.И. — Определение параметров устойчивого функционирования предприятий электроэнергетической отрасли

Aksenov S., Strizhov V. — Determination of parameters of sustainable functioning of electric power industry enterprises11

Гамазин С.В. — Оценка перспективы развития лизинговых отношений транспортной отрасли РФ

Gamazin S. — Estimation of the potential for the development of leasing relationships in the transport sector of the Russian Federation14

Гокинаева И.А. — Цифровая трансформация таможенного транзита в евразийском экономическом союзе

Gokinaeva I. — Digital transformation of customs transport in the Eurasian economic union22

Горбани А. — Влияние экономических и политических санкций на экономический рост

Ghorbani A. — Impact of economic and political sanctions on economic growth29

Гринь М.Г., Вerezубова Н.А. — Бюджетное планирование и контроль в ИТ-проектах: методы оптимизации затрат

Grin M., Verezubova N. — Budget planning and control in IT projects: cost optimization methods.....36

Гринь М.Г., Вerezубова Н.А. — Формирование эффективной команды в ИТ-проектах: стратегия мотивации и лидерства

Grin M., Verezubova N. — Forming an effective team in it projects: motivation and leadership strategy...41

Давыдов Р.В. — Трансформация рынка труда Владимирской области: региональные диспропорции, вызовы и драйверы устойчивого развития

Davydov R. — Labor market transformation in the Vladimir region: regional disproportions, challenges, and drivers of sustainable development.....45

Денисова Е.С., Лисейкина О.В., Лебедев Н.А. — Стартапы как драйверы экономического роста

Denisova E., Liseikina O., Lebedev N. — Startups as drivers of economic growth.....50

Диваков П.И. — Привлечение амбассадоров-блогеров/знаменитостей в качестве маркетинговой стратегии продвижения бренда на примере клубов НБА

Divakov P. — Attracting blogger/celebrity ambassadors as a marketing promotion strategy the brand on the example of the NBA clubs54

Еремин С.И. — Анализ поведенческих паттернов пользователей на лендингах: авторская типология и метод А/В-диагностики

Eremim S. — Analysis of user behavioral patterns on landing pages: author's typology and A/B diagnostic method58

Ляшенко В.Е. — Разработка адаптивной модели привлечения и интеграции молодых специалистов в условиях конкуренции за таланты на высокотехнологичных рынках

Lyashenko V. — Developing an adaptive model for attracting and integrating young professionals in a competitive talent market for high-tech industries63

Медведева Н.В. — Вопросы методологии преодоления неравномерности пространственного развития

Medvedeva N. — Issues of methodology for overcoming disparities in spatial development69

Панибратов Ю.П., Петров И.С. — Влияние демографических трендов на развитие жилищного строительства в России

Panibratov Yu., Petrov I. — The impact of demographic trends on the development of housing construction in Russia74

Патырыкин К.Г. — Обзор исследований на тему эффективности и контроля качества просветительских услуг волонтерских организаций

Patyrykin K. — Review of research on the effectiveness and quality control of educational services provided by voluntary organisations.....79

Печенкин Д.В. — Методология формирования себестоимости кинопроектов

Pechenkin D. — Methodology for forming the cost price of domestic film projects86

Смирнов К.И. — Интеграция управления клиентским опытом (customer experience management) в систему стратегического контроллинга компании

Smirnov K. — Integration of customer experience management into the company's strategic controlling system.....90

Турищева Т.Б. — Взаимосвязь эффективности контроля бизнес-процессов и уровня кибербезопасности: оценка рисков в цифровой среде

Turishcheva T. — The relationship between the efficiency of business process control and the level of cybersecurity: risk assessment in the digital environment94

Право

Барташевич Ю.А. — Компенсационные механизмы защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг: правовые проблемы и пути совершенствования

Bartashevich Yu. — Compensation mechanisms for protecting the rights of holders of non-documentary securities: legal problems and ways of improvement97

Витовская Е.С. — Актуальные вопросы гражданско-правового значения цифрового рубля

Vitovskaya E. — Topical issues of civil law significance of the digital ruble..... 100

Дао Ле Минь Чанг — Определение «аналогичные ситуации» («аналогичные обстоятельства») в арбитражной практике и международных инвестиционных договорах Вьетнама

Dao Le Minh Trang — Definition of «like situations» («like circumstances») in arbitration legal cases and international investment treaties of Vietnam 105

Кобзарь-Фролова М.Н. — Ядро предмета науки финансового права (теоретико-правовое исследование)

Kobzar-Frolova M. — The core of the subject of financial law science (theoretical and legal research) 111

Наумов В.В. — Характеристика признаков квалифицированного состава преступления, предусмотренного статьей 338 Уголовного Закона Китайской Народной Республики

Naumov V. — Characteristics of the signs of a qualified composition of a crime provided for by article 338 of the Criminal law of the People's Republic of China..... 119

Орехова Н.Л. — Правовые аспекты регулирования удаленной работы: пробелы и противоречия

Orekhova N. — Legal aspects of remote work regulation: gaps and contradictions..... 124

Орехова Н.Л. — Трудовые права лиц с ограниченными возможностями: реализация и защита

Orekhova N. — Labor rights of persons with disabilities: implementation and protection 129

Печенкин А.В. — Разработка модели оценки рисков НИОКР высокотехнологичного оборудования для бурения горизонтальных и наклонно-направленных скважин

Pechenkin A. — Development of a model for R&D risk assessment of high-tech equipment for drilling horizontal and directional wells 134

Шабалина Е.И., Анохин А.В. — Эмпирическая характеристика доктрины советского контроля

Shabalina E., Anokhin A. — Empirical characteristics of the soviet control doctrine 139

Яворский С.А. — Баланс интересов наследника и отказополучателя как важный принцип исполнения легата

Yavorsky S. — Balancing the interests of the heir and the rejection recipient as an important principle of legacy execution 143

Социология

Ананичева С.Р. — Стратегии решения демографической проблемы России

Ananicheva S. — Strategies for solving Russia's demographic problem..... 147

Благорожева Ж.О. — Репродуктивные установки и репродуктивные планы молодежи

Blagorozheva Zh. — Reproductive settings and reproductive plans for youth..... 153

Ван Цин, Нью Исюань — Исследование культурных различий в российско-китайских бизнес-переговорах

Wang Qing, Niu Yixuan — A study of cultural differences in Russian-Chinese business negotiations 157

Каштанюк В.А., Шелудько А.С. — Компоненты идентичности жителей Еврейской автономной области: гражданская принадлежность, региональная специфика и историческое сознание
Kashtanyuk V., Sheludko A. — Components of identity of residents of the Jewish autonomous region: civic belonging, regional specificity and historical consciousness 161

Мысливец Н.Л., Баласанян Г.А., Цветов С.В., Петров В.В. — Роль искусственного интеллекта в повышении управленческой компетентности руководителей международных проектов в странах ЕАЭС: социологический анализ
Myslivets N., Balasanyan G., Tsvetov S., Petrov V. — The role of artificial intelligence in enhancing the managerial competence of international project leaders in the EAEU countries: a sociological analysis 168

Писаревская Н.С., Толмачева И.В. — Особенности экономики внимания в цифровом пространстве

Pisarevskaya N., Tolmacheva I. — Features of the attention economy in the digital space 173

Скопа В.А. — Молодежные неформальные движения: зеркало социальных трансформаций
Skopa V. — Youth subcultural movements: a mirror of social transformations 177

Титоренко Е.Ю., Тихонова О.Ю., Сашко А.А., Берсенов И.И., Вершинин В.Г. — Актуальные тенденции оценки социальной безопасности регионов
Titorenko E., Tihonova O., Sashko A., Bersenev I., Vershinin V. — Current trends in assessing regional social security 181

Чжу Минь, Лебединцева Л.А., Юй Ян — Парадигмальный сдвиг цифрового разрыва и возникновение разрыва в использовании искусственного интеллекта
Zhu Min, Lebedintseva L., Yu Yang — Paradigm shift of the digital divide and the emergence of the gap in the use of artificial intelligence 187

Наши авторы 192

УСТОЙЧИВОСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

SUSTAINABILITY OF INNOVATIVE ACTIVITIES IN SMALL ENTERPRISES AND PRINCIPLES OF RISK MANAGEMENT

E. Agazade

Summary. Small businesses bear a significant share of the economic burden and simultaneously act as the main driving force of the economy. Their sustainable operation largely depends on the effectiveness of innovative development. International research confirms that small businesses' innovative activity plays a key role in their long-term development. However, in this area, small businesses face numerous challenges and risks. Therefore, creating a sustainable innovative economic environment and improving the effectiveness of risk management in small businesses are crucial strategic conditions for their development. This article examines the key factors influencing the sustainable development of small businesses and the development of fundamental risk management principles.

Keywords: small enterprises, innovative activity, sustainability, risk management, state support, economic development, competitiveness.

Агазаде Эльнур Акшин оглы

*Диссертант, Бакинский государственный университет
elnuragazada@mail.ru*

Аннотация. Малые предприятия несут значительную долю экономической нагрузки и одновременно выступают в качестве основного движущего звена экономики. Их устойчивое функционирование во многом зависит от эффективности инновационного развития. Международные исследования подтверждают, что инновационная активность малых предприятий играет ключевую роль в их долгосрочном развитии. Однако в данном направлении малые предприятия сталкиваются с множеством вызовов и рисков. В этой связи формирование устойчивой инновационной экономической среды и повышение результативности управления рисками в малых предприятиях являются важнейшими стратегическими условиями их развития. В статье рассматривается вопрос выявления основных факторов, влияющих на устойчивое развитие малых предприятий, и формирования фундаментальных принципов управления рисками.

Ключевые слова: малые предприятия, инновационная деятельность, устойчивость, управление рисками, государственная поддержка, экономическое развитие, конкурентоспособность.

Введение

Развитие малых предприятий должно строиться на стратегии непрерывной хозяйственной деятельности. На этой основе необходимо обеспечить создание сбалансированной системы малого бизнеса, разработку и реализацию конкурентной стратегии, а также совершенствование существующей системы управления в данной сфере [7].

Исследования показывают, что разработка плана устойчивого инновационного развития способствует повышению производительности в отдельных секторах экономики. В результате продолжительность выполнения проекта на одного человека сокращается на 12–20 %, инвестиционный цикл — на 13–15 %, а общий срок реализации проекта — на 7–9 %.

На инновационном рынке малые предприятия в соответствии со своими стратегическими целями постоянно создают и внедряют новые виды продукции и услуг. Данные, полученные из научных и экономических источников, свидетельствуют о том, что количество новых товаров и услуг может увеличиваться до 10 %, что, в свою

очередь, обеспечивает рост общего уровня прибыли на 25 %.

Определение целей устойчивого развития малых предприятий зависит от ряда элементов, среди которых некоторые имеют ключевое значение [8]. Формирование стимулов для поддержки инновационной активности также является важным направлением создания инновационного рынка. Это могут быть конкурсы и премии за лучшие инновационные проекты, налоговые льготы для инновационных компаний, а также программы поддержки и инкубации стартапов [9].

Существуют различные аспекты устойчивости, однако они оцениваются с двух основных позиций: наличие потенциала устойчивости и обеспечение его эффективного использования. Потенциал устойчивости, сформированный на основе современной инновационно-ориентированной деятельности, позволяет поддерживать стабильное состояние. По этой причине многие исследователи отождествляют потенциал устойчивости с инновационным потенциалом. Однако формирование данного потенциала требует значительных финансовых и иных ресурсов, что может поставить под угрозу саму

устойчивость предприятия. Кроме того, внедрение инноваций требует времени, в течение которого также возможно нарушение устойчивости.

Таким образом, при анализе инновационного развития и устойчивости необходимо учитывать все особенности и их взаимосвязи. Тем не менее, несмотря на наличие инновационного потенциала, для обеспечения устойчивого развития в динамичной и неопределённой среде предприятия должны отслеживать рыночный спрос на всех уровнях управления, своевременно корректировать ассортимент продукции, применять принципы эффективного менеджмента и современные маркетинговые стратегии.

Современная экономическая среда характеризуется быстрыми изменениями потребностей потребителей, усилением конкуренции и высокой динамикой трансформации других внешних факторов. Эти воздействующие элементы усложняют последовательность управленческих решений, направленных на повышение стабильности организационных процессов. Многие экономические подходы подчёркивают, что внутренняя экономическая устойчивость организации определяется взаимосвязанностью и влиянием организационной, инновационной, логистической, производственной и материальной деятельности; научно-техническим обеспечением материальной базы; устойчивостью всех аспектов ресурсного обеспечения; развитием человеческого капитала и интеллектуального потенциала; а также наличием системы управления инновациями — всё это рассматривается как составные элементы единого целого. В то же время устойчивость производственной системы связана с сохранением её ключевых характеристик и способностью к формированию новых [10].

Малые предприятия сталкиваются с различными проблемами, связанными с финансовой устойчивостью в условиях рыночной среды. Среди них — недостаток опыта, управленческие трудности, ограниченные знания о рынке и, что наиболее важно, сложности в доступе к финансовым ресурсам, что, в свою очередь, обусловило определённые ограничения в исследованиях [11].

Применение принципов управления рисками в малых предприятиях

Для успешной реализации стратегии устойчивого развития малых предприятий приоритетное значение следует придавать инвестициям и надлежащей организации системы финансового менеджмента. Одновременно эффективное использование имеющихся ресурсов в малых предприятиях в сочетании с контролируемым управлением рисками позволит им достигать позитивных результатов.

Во многих секторах, включая предпринимательство, инновационная деятельность выступает как особый вид экономической активности, характеризующийся высокой вероятностью риска. В рамках инновационной деятельности существует значительная вероятность столкновения с различными видами рисков. Среди рисков, возникающих в процессе экономических инноваций, особое внимание следует уделить финансовым и коммерческим рискам, при этом причины их возникновения должны анализироваться как количественными, так и качественными методами [12].

Создание механизмов управления рисками и стимулирования инновационных процессов, в свою очередь, формирует условия для привлечения креативного персонала и развития их инновационных идей и проектов. Анализ и оценка рисков помогают предпринимателям и компаниям выявлять потенциальные угрозы и возможности, связанные с их деятельностью. Подготовка стратегий управления рисками и использование финансовых инструментов, включая страхование, способствуют минимизации рисков и защите бизнеса от непредвиденных потерь.

Грамотно разработанная финансовая стратегия направлена на эффективное распределение и использование финансовых ресурсов малых предприятий. Это облегчает их адаптацию к стремительным изменениям рыночной среды и обеспечивает финансовую устойчивость. Малые предприятия часто сталкиваются с рисками, вызванными нестабильностью рыночных условий. Поэтому плановое и стратегическое управление финансовыми ресурсами может способствовать снижению данных рисков.

Основными принципами финансовой стратегии являются целенаправленное использование финансовых ресурсов, балансирование доходов и расходов, а также принятие обоснованных инвестиционных решений. Эти принципы позволяют вырабатывать финансовые решения, обеспечивающие долгосрочное развитие предприятия. Одновременно малые предприятия, учитывая инвестиционные возможности, должны разрабатывать стратегические планы в соответствии с современными условиями рыночной среды [13].

В современную эпоху роль финансовой политики в развитии малых предприятий существенно возросла. Финансовая политика выступает в качестве ключевого фактора реализации стратегических планов развития предприятий, их адаптации к изменениям на товарном рынке и повышения экономической конкурентоспособности. Финансовая политика предприятия должна соответствовать тенденциям развития товарных и инвестиционных рынков, ориентируясь на совершенствование хозяйственной деятельности предприятия.

При формировании финансовой политики должны соблюдаться следующие принципы:

- обеспечение соответствия государственным финансовым регламентам;
- учёт экономических, социальных и экологических эффектов при осуществлении инвестиций;
- использование инвестированного капитала таким образом, чтобы он приносил доход;
- учёт государственной поддержки, льготных кредитов и субсидий международных организаций;
- оптимизация прибыльности и ликвидности инвестиций для обеспечения финансовой устойчивости предприятия.

Следует отметить, что по сравнению с крупными предприятиями малые предприятия подвержены более высоким рискам. Причины этого заключаются в ограниченных финансовых возможностях малых предприятий, масштабе их деятельности и относительной слабости в конкурентной борьбе. Устойчивое управление инновационной деятельностью в малых предприятиях способствует минимизации данных рисков. В целом такие риски можно сгруппировать следующим образом.

Таблица 1.

Группировка видов рисков малых предприятий

Виды рисков	Характерные черты
Рыночные риски	Ослабление конкурентоспособности по сравнению с соперниками, низкий уровень спроса и др.
Финансовые риски	Недостаточность капитала, высокие процентные ставки по кредитам, низкая платёжеспособность.
Технологические риски	Быстрое устаревание технологий, нарушение патентных прав и др.
Правовые и институциональные риски	Нестабильность законодательства
Риски, связанные с человеческими ресурсами	Дефицит специализированных кадров и др.

Примечание: составлено автором

В целом, надлежащее управление рисками представляет собой ключевую задачу, которая не только предотвращает потенциальные угрозы в будущей деятельности предприятий, но и обеспечивает устойчивость их инновационной активности.

В международной практике, в частности в соответствии со стандартом ISO 31000:2018 — Руководство по управлению рисками, принципы управления рисками формулируются следующим образом [14]:

Принцип идентификации — рассматривается как начальный этап управления рисками. На данном этапе

исследуются и выявляются источники рисков, определяется их характеристика.

Принцип оценки — включает анализ выявленных рисков с использованием количественных и качественных показателей, определение вероятности их возникновения и степени воздействия.

Принцип приоритизации — предполагает ранжирование рисков по масштабу воздействия и потенциальным угрозам. Иными словами, более опасные риски, исходя из их влияния, должны рассматриваться в приоритетном порядке и подлежать мониторингу.

Принцип диверсификации — предполагает снижение рисков посредством распределения деятельности по различным направлениям.

Принцип систематизации и гибкости — в соответствии с данным принципом управление рисками должно охватывать все сферы деятельности предприятия, а также обеспечивать его быструю адаптацию к событиям или любым изменениям.

Роль государственной поддержки в обеспечении устойчивости инновационной деятельности и управлении рисками в малых предприятиях

Для развития малого бизнеса важно, чтобы предприниматели стремились к инновациям, используя опыт успешных компаний. Государственная поддержка выражается в формировании правовой и организационно-экономической среды, способствующей повышению конкурентоспособности предприятий. По нашему мнению, инновации являются важнейшим фактором, влияющим на качество развития предприятий; их можно определить как способность экономической системы трансформировать новые идеи в успешные предприятия, что ведёт к выпуску новых высококачественных продуктов.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость инновационного развития для обеспечения долгосрочной устойчивости предприятий. Настоящее исследование может служить основой для будущих работ в области инновационного менеджмента и разработки эффективных стратегий управления устойчивостью в условиях высокой конкуренции и постоянных экономико-технологических изменений.

Наибольшие трудности в инновационных процессах малых и средних предприятий связаны с внешними факторами. К ним относятся бюрократические барьеры, отсутствие достаточной государственной поддержки, недостаточная поддержка инноваций со стороны банков, а также несовершенство применения патентного

права и налогового регулирования. Для того чтобы быть эффективными в условиях глобальной конкуренции, малые предприятия должны реализовывать следующие меры, касающиеся видов инноваций и стратегий:

- Малые предприятия не могут выделять достаточные инвестиции на инновационные проекты из-за дефицита капитала. Для преодоления данной проблемы они могут создавать совместные лаборатории для проведения коллективных инновационных экспериментов. Такой подход способен повысить инновационный потенциал предприятий.
- Предпринимателям следует максимально расширять имеющиеся финансовые возможности. Малые предприниматели и владельцы бизнеса должны иметь доступ к финансовым ресурсам не только за счёт государственной поддержки, но и посредством частных институтов. Малые предприниматели могут воспользоваться льготными кредитами через коммерческие банки с использованием созданных возможностей.
- Помимо финансовой поддержки, стимулы могут предоставляться и через специальные программы. Например, для обеспечения гендерного баланса в малом бизнесе могут применяться налоговые льготы для предприятий, возглавляемых женщинами.
- Наличие развитых сбытовых сетей и возможность охвата широкой аудитории с продукцией является одним из ключевых факторов успеха предприятий. В этой связи предприятия могут развивать маркетинговые инновации и создавать комплексные рыночные сети.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении видов инноваций и стратегий, способствующих развитию инновационной деятельности малых предприятий.

Реализуя указанные меры, государство может прямо или косвенно оказывать влияние на управление рисками в малых предприятиях. Эти эффекты представлены более подробно в следующей таблице (см. табл. 2).

Выводы

Устойчивость инновационной деятельности и управление рисками в малых предприятиях имеют решающее значение для их конкурентоспособности и непрерывного развития. Для поддержки внедрения инноваций необходимо создать соответствующие условия для реализации новых идей как со стороны государства, так и со стороны частного сектора. Многие малые предприятия разрабатывают новые механизмы управления, однако зачастую они не располагают достаточными ресурсами для их внедрения. Для решения этих проблем могут

Таблица 2.

Влияние государственных мер на управление рисками в малых предприятиях

Управление операционными рисками	Создание технопарков и бизнес-инкубаторов обеспечивает эффективное использование ресурсов внутри предприятий. Предоставление образовательных и консультационных услуг способствует оптимизации рабочих процессов и снижению технических ошибок.
Снижение финансовых рисков	Гарантии по кредитам и субсидии способствуют снижению риска финансовых затруднений.
Обеспечение устойчивости	Устойчивость предприятий обеспечивается за счёт мер, реализуемых государством. Иными словами, они оказываются подготовленными к непредвиденным финансовым, операционным и другим вызовам.
Управление рыночными и стратегическими рисками	Благодаря государственной поддержке малые предприятия получают доступ к внешним рынкам и становятся более конкурентоспособными. Кроме того, расширение исследовательских возможностей способствует развитию инновационной деятельности и обеспечивает адаптацию к требованиям рынка.

Примечание: составлено автором

быть полезны имитационные исследования и создание необходимых условий для реализации новых идей.

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

- малые предприятия могут сталкиваться с различными рисками, включая финансовые, операционные и рыночные, что было подробно рассмотрено в данном исследовании;
- управление этими рисками позволяет предприятиям снижать финансовые потери и способствует их устойчивому и стабильному развитию;
- государственная поддержка играет особенно важную роль, она имеет ключевое значение в предотвращении рисков и их эффективном управлении;
- принципы риск-менеджмента занимают важное место в стратегическом развитии малых предприятий.

На основе проведённого исследования важными являются следующие рекомендации:

- необходимо организовать курсы по управлению инновациями и их поддержке, а также курсы по административной инновационной грамотности для обучения управлению. Участниками этих курсов должны стать администраторы, банкиры, предприниматели, бизнесмены, законодатели, промышленники и другие заинтересованные лица;
- одной из наиболее серьёзных проблем для инновационного бизнеса является недостаток фи-

нансирования. Самостоятельные усилия малых и средних предприятий зачастую оказываются неудачными. Существующее финансирование недостаточно для обеспечения высокого уровня инновационного потока. Для решения данной проблемы следует создавать национальные банки развития, а наряду с венчурным финансированием и государственной поддержкой государство должно внедрять стимулирующие меры, побуждающие частные финансовые ин-

ституты оказывать поддержку предпринимательству;

- для упрощения и повышения доступности управления рисками в малых предприятиях целесообразно оптимизировать системы риск-менеджмента и применять простые методы;
- меры, связанные с государственной поддержкой, необходимо расширять, а соответствующие государственные сервисы — сделать простыми и доступными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abbade, E.B., de Vargas Mores, G., & Spanhol, C.P. Влияние предпринимательской ориентации на устойчивую результативность: доказательства на основе МСП из Риу-Гранди-ду-Сул. *Revista de Gestão Social e Ambiental*, 2014, 8(2), 49—.
2. Гасанова, П.А. Естественная монополия в непроизводственных секторах Азербайджана. Баку: Элм ва Тəhsil, 2011, 264 с.
3. Гусейнова, А.Д. Анализ инновационного потенциала в Азербайджане. Баку: Элм ва Тəhsil, 2013.
4. Гусейнова, М.С. Малый бизнес: Учебное пособие. Министерство образования Азербайджанской Республики, Сумгаитский государственный университет. Сумгаит: Билик, 2013, 327 с.
5. Иманов, А.Ш. Малое предпринимательство. Баку: Элм, 2009, 363 с.
6. Манафов, Г.Н. Социально-экономические аспекты предпринимательской деятельности. Баку, 2012, 365 с.
7. Агазаде, Э.А. Направления повышения устойчивости малых предприятий в Азербайджане. *Экономика и менеджмент строительства*, 2023, Т. 24, № 3, с. 200—206.
8. Агазаде, Э.А. Методы и правила анализа и оценки финансового состояния хозяйствующих субъектов. *Word of Conferences. VII Международная научная конференция «Развитие науки в XXI веке»* — Дортмунд: Word of Conferences, 03—04 августа 2023, № 7, с. 18—21.
9. Мусаев, А.Ф. Основные направления налоговой политики в формировании инновационной экономики. НАНА, Научный инновационный центр, Корпоративное управление и инновационное развитие экономики. Международная научно-практическая конференция, Баку, 2011, с. 76—88.
10. Zindiye, S., Chiliya, N., & Masocha, R. Влияние поддержки со стороны государства и других институтов на результативность малых и средних предприятий в производственном секторе г. Хараре, Зимбабве. *International Journal of Business Management and Economic Research*, 2012.
11. Алиев, Т.Н. Инновационный потенциал малого предпринимательства. *Научные вести Западного Каспия*, Баку, 2019, № 2, с. 26—34.
12. Santarelli, E., & Piergiovanni, R. Анализ индикаторов инновационной результативности на основе литературных источников: итальянский опыт. *Research Policy*, 2016, Т. 25, с. 689—712.
13. Гусейнова, Х.М., & Рагимли, С.Р. Основные характеристики создания промышленных кластеров. *Управление металлургическим и материаловедческим производством*.
14. International Organization for Standardization. ISO 31000:2018 Управление рисками — Руководство. Женева: ISO, 2018, 16 с.

© Агазаде Эльнур Акшин оглы (elnuragazada@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ УСТОЙЧИВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

DETERMINATION OF PARAMETERS OF SUSTAINABLE FUNCTIONING OF ELECTRIC POWER INDUSTRY ENTERPRISES

**S. Aksenov
V. Strizhov**

Summary. The article discusses the issues of forming a system of sustainability indicators for enterprises in the electric power industry. The relevance of using an indicative approach based on objective and verified sources of information, including statistical data, expert assessments and methods of exact sciences, is substantiated. The key principles of determining the directions of enterprise development are highlighted: social orientation of goals, ensuring economic growth and technical and technological stability. Specific criteria for selecting indicators are proposed that take into account the specifics of the electric power industry, such as the territorial distribution of infrastructure, dependence on fuel and energy resources, and a high level of manufacturability. The developed methodology can be used in the formation of mechanisms for ranking enterprises and creating a map of indicators, which helps to increase the responsiveness to potential threats and reduce risks.

Keywords: sustainability indicators, electric power industry, data verification, indicator model, economic security.

Аксенов Сергей Геннадьевич

д-р э.н., профессор,

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий
beregpilya@mail.ru

Стрижов Владислав Игоревич

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий
statiya2023@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования системы индикаторов устойчивости предприятий электроэнергетической отрасли. Обосновывается актуальность использования индикативного подхода, основанного на объективных и проверенных источниках информации, включая статистические данные, экспертные оценки и методы точных наук. Выделены ключевые принципы определения направлений развития предприятий: социальная ориентированность целей, обеспечение экономического роста и технико-технологическая устойчивость. Предложены специфические критерии выбора показателей, учитывающие особенности электроэнергетики, такие как территориальная распределённость инфраструктуры, зависимость от топливно-энергетических ресурсов и высокий уровень технологичности. Разработанная методика может быть использована при формировании механизмов ранжирования предприятий и создания карты индикаторов, что способствует повышению оперативности реагирования на потенциальные угрозы и снижению рисков.

Ключевые слова: индикаторы устойчивости, электроэнергетическая отрасль, верификация данных, модель индикаторов, экономическая безопасность.

В области экономической науки индикативный подход пользуется широким применением благодаря своему относительно высокому уровню объективности и соответствия реальным процессам. Определение конкретных индикаторов, а также установление их пороговых значений осуществляется на основе разнообразных источников информации. Среди них можно выделить как статистические данные, так и методологические материалы, обеспечивающие научную обоснованность используемых показателей. Кроме того, методы и приёмы, применяемые в рамках данного подхода, могут опираться как на законы, заимствованные из естественнонаучных и точных дисциплин — теории которых уже получили общее признание и не нуждаются в дополнительной проверке, — так и на экспертные оценки, предоставленные практикующими специалистами или авторитетными научными экспертами [1].

При выборе индикаторов устойчивого развития необходимо учитывать их взаимосвязь с приоритетными

направлениями развития самого анализируемого предприятия. В формировании этих направлений можно выделить три ключевых принципа:

1. Первый принцип заключается в определении целей развития хозяйствующего субъекта с учётом общественных задач и условий их реализации. При этом экономические цели подчиняются более широким целям общественного развития и рассматриваются как инструмент, способствующий достижению общей устойчивости.
2. Второй принцип связан с установлением условий, которые обеспечивают устойчивый экономический рост — центральный объект изучения в теориях экономического роста и экономических циклов. Основной задачей здесь является выявление факторов сбалансированного развития, условий динамического равновесия, а также критериев оптимального экономического развития.
3. Третий принцип охватывает технико-технологические аспекты устойчивости, понимаемые,

в частности, как обеспечение безаварийности производственных процессов и предотвращение возникновения чрезвычайных ситуаций. На фоне увеличения числа аварий и катастроф, вызванных природно-техногенными факторами, всё большее значение приобретает именно эта область. Очевидно, что её развитие требует ориентации на инновационные подходы [2], включая технологические, продуктовые и организационно-управленческие новшества.

Уровень угрозы перехода промышленных предприятий в кризисное состояние — включая ситуации, вызванные авариями, — мог быть значительно снижен при наличии разработанной и внедрённой на практике соответствующей системы индикаторов устойчивости и эффективности их деятельности. Основной задачей таких индикаторов является оперативное выявление признаков существенных отклонений от нормального функционирования предприятия и своевременное информирование о возникших рисках.

Анализ кривой жизненного цикла предприятий, применяемой как в России, так и за рубежом (рис. 1), показывает, что одной из причин позднего начала разработки планов реструктуризации является отсутствие чётко сформулированных и экспериментально проверенных индикаторов или показателей. Именно такие параметры могли бы служить сигналом для руководства российских предприятий о начале потери устойчивости их функционирования [1].

На рис. 1 представлено, что на отрезке кривой жизненного цикла предприятия, расположенном между отметкой SI (уровень финансовой устойчивости) и точкой, характеризующей угрозу банкротства, выделяются три ключевые точки:

- точка потери стратегической устойчивости;
- точка финансовой неустойчивости;
- точка явного банкротства.

Наиболее благоприятным периодом для проведения реструктуризации считается начальный этап потери рыночной устойчивости. В этот момент предприятие находится на грани рентабельности. Оно остаётся конкурентоспособным, обладает финансовой устойчивостью и располагает достаточными денежными и трудовыми ресурсами для самостоятельного и эффективного осуществления процесса реструктуризации. Приведённый пример наглядно демонстрирует важность разработки и использования чётко определённых индикаторов.

Выбор показателей-индикаторов для предприятий электроэнергетической отрасли, как и в большинстве других отраслей реального сектора экономики, может быть основан на критериях устойчивости. Использование таких критериев позволяет обосновать методику обработки данных, характеризующихся достаточным уровнем достоверности и проверяемости. Среди основных критериев устойчивости можно выделить:

- уровень воздействия на устойчивость предприятия;
- степень связанности с основными направлениями деятельности.

Помимо указанных критериев выбора индикаторов устойчивого развития предприятий электроэнергетической отрасли, разрабатываемая методика должна учитывать специфические особенности, присущие данным предприятиям и имеющие важное стратегическое значение для их функционирования. При применении подобной методики для определения показателей устойчивости развития в неё могут быть включены следующие основные и второстепенные индикаторы [3, 4]:

- особенность выпускаемой продукции (оказываемых услуг), а именно — производство и передача электроэнергии [5];
- значительная доля специализированного оборудования в составе производственных активов;
- территориальная распределённость производственной инфраструктуры, включающей линии

Рис. 1. Кривая жизненного цикла предприятия и стадии, на которых чаще всего проводится реструктуризация в России и за рубежом

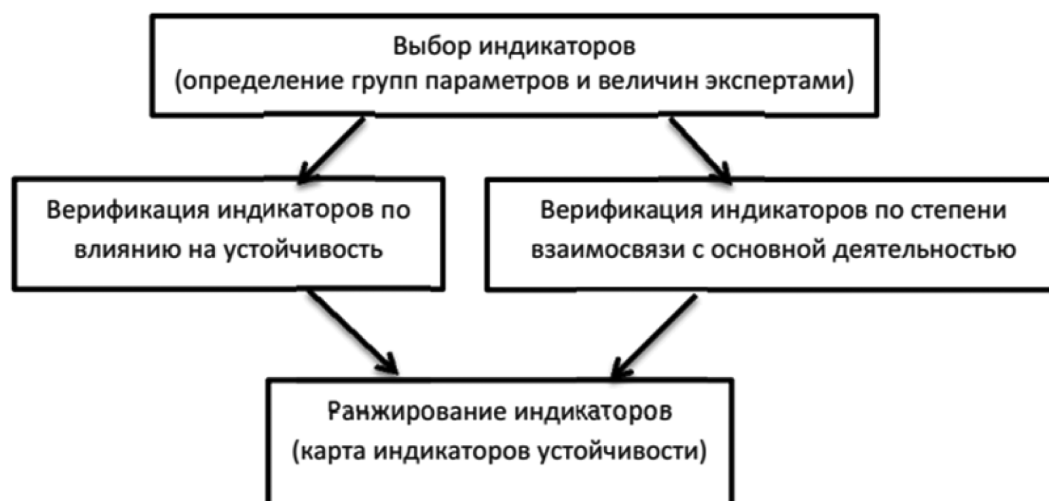

Рис. 2. Модель определения индикаторов устойчивости

электропередач, трансформаторные и распределительные подстанции;

- наличие сложной системы диспетчерского управления;
- высокий уровень технологичности отрасли, требующий специальной квалификации персонала;
- зависимость от доступности топливно-энергетических ресурсов [6];
- зависимость от режимов потребления электроэнергии и другие факторы.

В рамках проведенного исследования следующим этапом представляется разработка модели определения индикаторов. Построение данной модели может быть выполнено на основе выделенных ранее критериев и специфических особенностей электроэнергетической отрасли. Предполагается, что модель будет иметь структурированный вид и может быть представлена в форме процесса, изображенного на рис. 2.

Следует подчеркнуть, что сложность верификации индикаторов предполагает применение специализированного математического аппарата или аналитического инструментария. Одним из подходящих методов в этом контексте может выступать метод нечеткой классифика-

ции. Суть его заключается в преобразовании качественных (лингвистических) характеристик в количественные показатели [7]. При этом процесс определения индикаторов устойчивости включает использование корреляционного анализа, предусматривает распределение параметров по весовым коэффициентам, значения которых далее интерпретируются с помощью нечеткой классификации.

Таким образом, сама по себе методика будет представлять собой совокупность логически взаимосвязанных этапов, включающих применение экспертных оценок и математических инструментов для определения индикаторов устойчивости предприятий электроэнергетической отрасли. Эта методика может быть использована в дальнейшем при разработке механизмов ранжирования предприятий и формировании карты индикаторов. Указанная карта, в свою очередь, создаст основу для разработки эффективных механизмов обеспечения устойчивости предприятий, базирующихся на достоверных и верифицированных данных. Это позволит значительно снизить уровень потенциальных угроз в будущем и повысить скорость реагирования на возникающие риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов С.Г., Горбунова В.С. Определение категории «экономическая безопасность» в научном дискурсе // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2024, №4. — С. 53–59.
2. Рычикина Н.С. Реструктуризация предприятия на основе анализа индикаторов стратегической и финансовой устойчивости. [Электронный ресурс] URL: <http://main.isuct.ru/files/publ/snt/2006/01/HTM/48.htm> (дата обращения: 04.06.2025).
3. Дадалко В.А., Дубков С.В., Дадалко А.В. Стратегии обеспечения экономической безопасности предприятий лесного комплекса. Минск: ИВЦ Минфина, 2013. 300 с.
4. Чаленко Н.Н., Дадалко В.А. Корреляция энергетических показателей и экономического развития региона // Страховое дело. 2015. № 8 (269). С. 12–15.
5. Официальный сайт МРСК Северного Кавказа. [Электронный ресурс] URL: http://www.mrsk-sk.ru/customer/net_loss (дата обращения: 04.06.2025).
6. Энергетический центр «Мега дом». [Электронный ресурс] URL: <http://www.energycenter.ru/article/228/5/1/> (дата обращения: 04.06.2025).
7. Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.minenergo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2025).
8. Nedosekin A. Fuzzy financial management. Russia, Moscow, AFA Library, 2003.

© Аксенов Сергей Геннадьевич (beregipilya@mail.ru); Стрижов Владислав Игоревич (statiya2023@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ РФ

ESTIMATION OF THE POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF LEASING RELATIONSHIPS IN THE TRANSPORT SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. Gamazin

Summary. The paper presents an assessment of the prospects for the development of leasing relations in the transport industry of the Russian Federation using the least squares method and the ARIMA model. An assessment of the significance of regressors affecting leasing in the transport industry allowed us to make a forecast for new leasing contracts up to 2030. The obtained values of the total volume of the leasing portfolio of vehicles show an increase of +9 % in 2025 by 2024. In the following years, growth is expected to be at least +13 % annually, despite the current constraints in the domestic economy.

Keywords: transport industry of the Russian Federation, leasing of the transport industry of the Russian Federation, prospects for the development of leasing in the transport industry, econometric assessment of leasing factors.

Гамазин Сергей Владимирович

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени П. Лумумбы, Москва
1142220745@pfur.ru

Аннотация. В работе представлена оценка перспективы развития лизинговых отношений транспортной отрасли РФ с помощью метода наименьших квадратов и модели ARIMA. Оценка значения регрессоров, оказывающих влияние на лизинг в транспортной отрасли, позволила построить прогноз на новые лизинговые контракты вплоть до 2030 г. Полученные значения суммарного объема лизингового портфеля транспортных средств показывают прирост +9 % в 2025 г. к 2024 г. В последующие года ожидается прирост как минимум +13 % ежегодно, несмотря на сложившиеся ограничения в отечественной экономике.

Ключевые слова: транспортная отрасль РФ, лизинг транспортной отрасли РФ, перспектива развития лизинга транспортной отрасли, эконометрическая оценка факторов лизинга.

Введение

Современная транспортная отрасль РФ является важнейшим элементом национальной экономики, обеспечивающим не только внутреннюю мобильность грузов и пассажиров, но и интеграцию страны в глобальные логистические цепочки. Эффективное функционирование данной отрасли напрямую зависит от состояния его основных средств, включающих автомобильный, железнодорожный, авиационный, морской и речной транспорт. В условиях санкционного давления, технологических вызовов и макроэкономической нестабильности ключевой проблемой отрасли остается обновление парка техники и инфраструктуры, требующее значительных капиталовложений. [1]

В данном контексте лизинг выступает одним из наиболее востребованных финансовых инструментов, позволяющих транспортным компаниям минимизировать первоначальные затраты, оптимизировать налоговую нагрузку и гибко управлять своими активами. В отличие от традиционного кредитования, лизинговые схемы обеспечивают предприятиям доступ к современной технике и оборудованию без необходимости единовременной траты значительной суммы денежных средств.

Это особенно актуально для малого и среднего бизнеса, а также для компаний, работающих в условиях высокой волатильности рынка. [2,3,4]

До 2022 г. российский лизинговый рынок демонстрировал устойчивый рост, чему способствовали как государственные программы поддержки (например, льготный лизинг техники и субсидирование ставок), так и развитие конкуренции среди лизинговых компаний. В транспортном секторе наибольшим спросом пользовался лизинг грузового автотранспорта, спецтехники, железнодорожных вагонов. При этом на фоне цифровизации экономики лизинговые сделки стали оформляться быстрее за счет эффективной системы скоринга. Лизинговые компании получили возможность быстро обрабатывать заявки от потенциальных лизингополучателей и тем самым наращивать свою клиентскую базу. В свою очередь кредиторам стало проще планировать свою деятельность из-за увеличения скорости принятия решения по сделке. [5,6]

Однако, несмотря на позитивную динамику, лизинговые отношения транспортной отрасли в начале 2022 г. сталкиваются с рядом ограничений. Среди них — высокая стоимость заемных ресурсов, дефицит долгосрочно-

го финансирования, ужесточение регуляторных требований, а также риски, связанные с колебаниями курсов валют и санкционными ограничениями на поставки импортной техники. В этой связи актуальной задачей становится оценка перспектив дальнейшего роста лизинга в транспортном секторе и выработка мер, способствующих его устойчивому развитию. [7,8]

Целью данной статьи является анализ текущего состояния лизинговых отношений транспортной отрасли России, выявление ключевых тенденций и факторов, влияющих на их развитие, а также прогнозирование возможных сценариев на среднесрочную перспективу с применением эконометрических моделей.

Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи были использованы методы теоретического обобщения и систематизации данных, полученных из открытых источников. Применены также логический и аналитический подходы, метод наименьших квадратов, ARIMA. Информационной базой исследования послужили статистические данные Росстат, материалы исследовательских организаций и рейтинговых агентств, размещенных в открытом доступе.

Основная часть

Лизинговые отношения транспортной отрасли РФ имели положительную динамику развития довольно

продолжительное время, вплоть до 2022 г. Динамика объема новых лизинговых договоров представлена на Диаграмме №1. При этом лизинг транспортных средств подвержен влиянию множества факторов, которые оказывают как положительное, так и негативно воздействие.

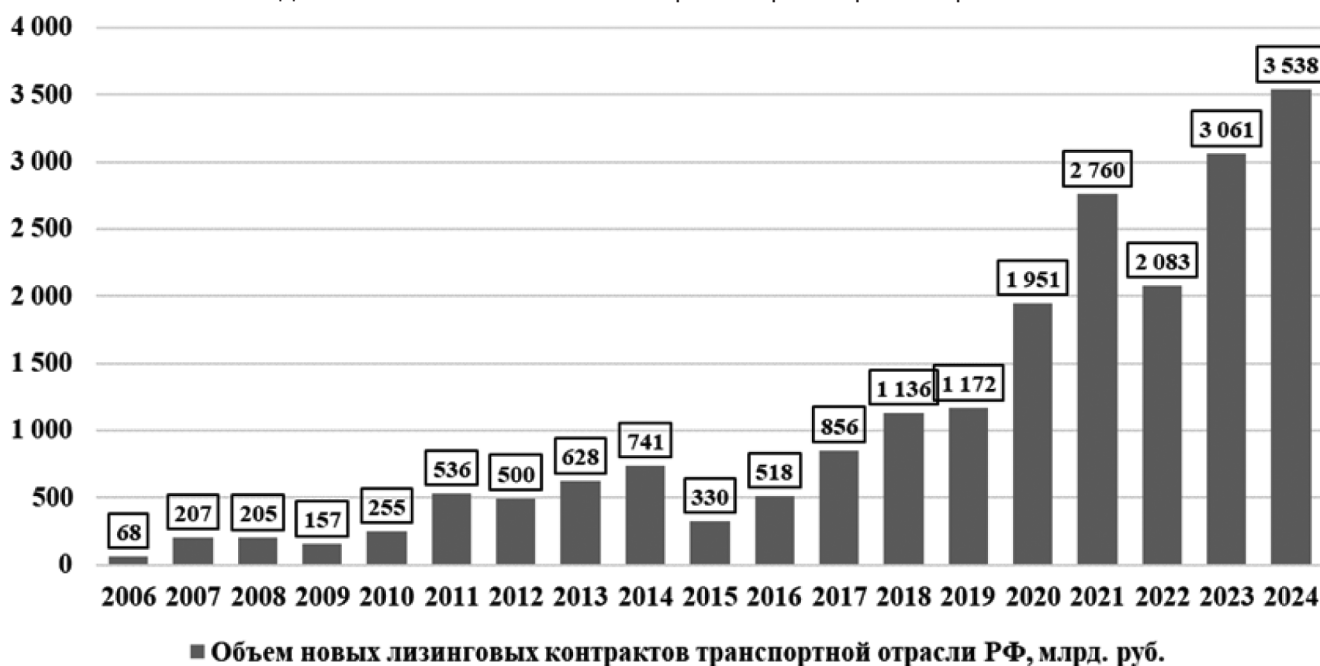
В целях определения количественной значимости воздействия факторов на развитие лизинговых отношений транспортной отрасли РФ была построена модель с применением МНК. В оценке использовались следующие переменные:

- Lease — объем новых лизинговых контрактов транспортной отрасли РФ, млрд руб. [9]
- Key_rate — ключевая ставка ЦБ РФ, % [10]
- Inflation — уровень инфляции в РФ, % [11]
- Transport_in_use — количество коммерческого транспорта в РФ, тыс. шт. [12]
- Investment — инвестиции в нефинансовые активы, млрд руб. [9]
- Labor_Force — рабочая сила, задействованная в транспортной отрасли РФ, тыс. [13]

Данные регрессоры позволяют нам с одной стороны оценить влияние на лизинг таких категорий факторов как капитал, основные фонды и рабочая сила, а с другой стороны позволяют рассмотреть, как ограничения, введенные в 2022 г. влияют на лизинговые отношения транспортной отрасли. Модель № 1 демонстрирует влияние каждого из описанного выше регрессора на спрос на лизинг в транспортной отрасли РФ.

Диаграмма № 1

Динамика новых лизинговых контрактов транспортной отрасли РФ

Источник: Составлено автором на основании данных Росстата.

Модель 1: МНК, использованы наблюдения
2006–2024 (T = 19)

Зависимая переменная: Lease

Стандартные ошибки HAC, полоса пропускания 2,
Ядро Бартлетта (Bartlett)

	Коэф	Ст. ошибка	t-стат.	p-значение	
const	–4589,35	1110,69	–4,132	0,0012	***
Key_rate	–85,8467	26,2109	–3,275	0,0060	***
Inflation	–34,8441	17,6782	–1,971	0,0704	*
Transport_in_use	4,69055	1,21624	3,857	0,0020	***
Investments	0,149055	0,0136595	10,91	<0,0001	***
Labor_Force	0,378786	0,163701	2,314	0,0377	**

Среднее завис. перемен	1089,599	Ст. откл. завис. перем	1068,040
Сумма кв. остатков	690365,5	Ст. ошибка модели	230,4453
R-квадрат	0,966377	Исправ. R-квадрат	0,953446
F(5, 13)	291,4524	P-значение (F)	7,20e-13
Лог. правдоподобие	–126,7149	Крит. Акаике	265,4299
Крит. Шварца	271,0965	Крит. Хеннана-Куинна	266,3889
параметр rho	0,040801	Стат. Дарбина-Уотсона	1,869912

Можно отметить, что каждая переменная значима, а $R^2 = 0.95$, что говорит о пригодности модели для оценки влияния регрессоров на переменную Lease. Таким образом полученную зависимость можно интерпретировать в виде уравнения:

$$\begin{aligned} Lease = & -4589.35 - 85.85 * Key_rate - \\ & - 34.84 * Inflation + 4.69 * Transport_in_use + \\ & + 0.15 * Investments + 0.38 * Labor_force \end{aligned}$$

Как следствие, при увеличении ключевой ставки и уровня инфляции можно ожидать снижения притока нового объема лизинга в транспортной отрасли РФ. С ростом количества коммерческого транспорта, уровня инвестиций и рабочей силы ожидается рост спроса на лизинг транспортных средств.

Данное уравнение описывает зависимость регрессов и зависимой переменной, учитывая данные с 2006 г., и может позволить оценить перспективу развития лизинга транспортной отрасли РФ. Для этого требуется оценить прогнозные значения независимых переменных уравнения и оценить совокупные значения лизинга транспортных средств в будущем. Прогнозные значения регрессов будут оценены при помощи модели ARIMA, с учетом оценки стационарности ряда и подбора параметров p и q .

При проведении ADF теста на стационарность, а также определения параметров модели ARIMA (p, q) для переменной Key_rate (ключевая ставка ЦБ РФ) была получена следующая спецификация — (0;1;1). В результате была получена следующая модель ARIMA для построения прогноза:

Модель 2: ARIMA, использованы наблюдения
2006:02–2024:12 (T = 227)

Зависимая переменная: (1-L) Key_rate

Стандартные ошибки рассчитаны на основе Гессииана

	Коэффициент	Ст. ошибка	z	p-значение	
const	0,0391144	0,0808756	0,4836	0,6286	
theta_1	0,260592	0,0621737	4,191	<0,0001	***

Среднее завис. перемен	0,039648	Ст. откл. завис. перем	1,002395
Среднее инноваций	0,000032	Ст. откл. инноваций	0,967496
R-квадрат	0,907826	Исправ. R-квадрат	0,907826
Лог. правдоподобие	–314,6333	Крит. Акаике	635,2665
Крит. Шварца	645,5414	Крит. Хеннана-Куинна	639,4126

В результате оценки переменной Key_rate посредством ARIMA был построен прогноз до 2030 г., который отображен на Диаграмме № 2.

Для оставшихся переменных были также проведены тесты ADF на стационарность рядов и определены параметры модели ARIMA (p, q). В результате общие спецификации моделей представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Параметры модели ARIMA

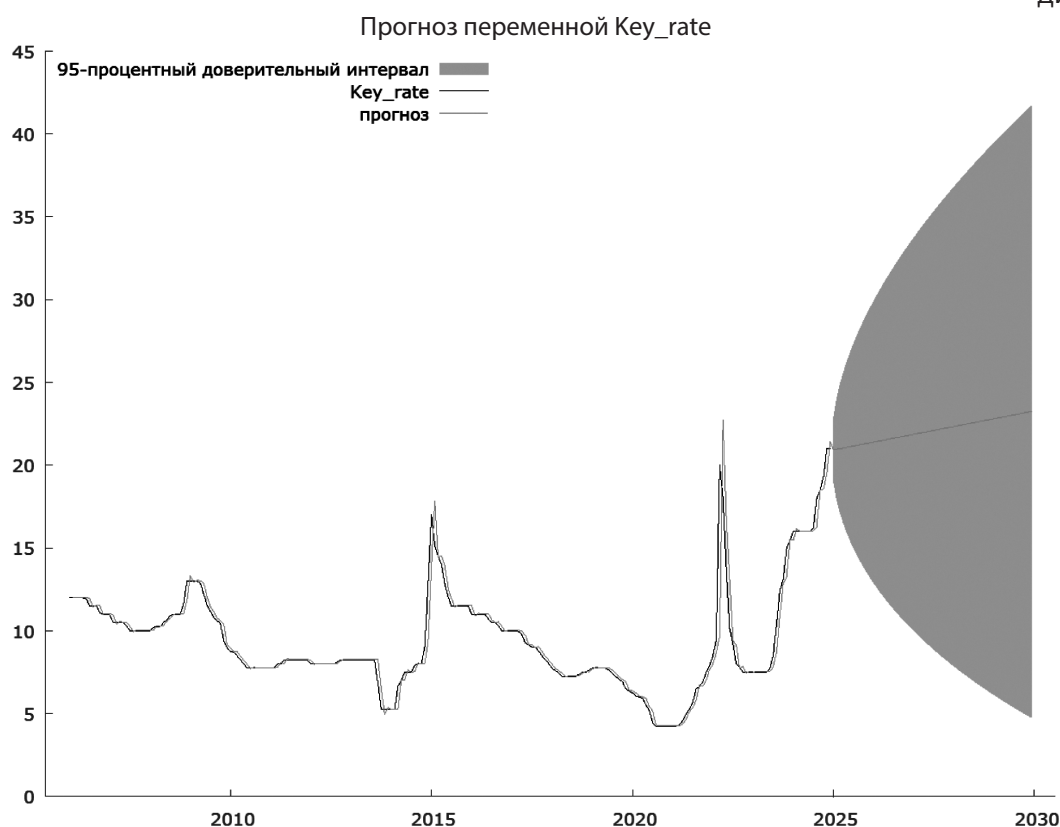
Переменная	AR (p)	I (d)	MA (q)
Key_rate	0	1	1
Inflation	1	0	0
Transport_in_use	0	1	1
Investments	2	2	0
Labor_Force	2	0	1

Составлено автором

С учетом параметров модели ARIMA был построен прогноз уровня инфляции, который отражен на Диаграмме №3. Прогноз показывает усредненные значения по уровню инфляции до 2030 г.

Для переменной Transport_in_use был также составлен прогноз, согласно которому ожидается постепенно снижение количества коммерческого автотранспорта

Диаграмма № 2

Составлено автором

с учетом исторических данных. Фактические и прогнозные данные показаны на Диаграмме № 4.

Аналогичный прогноз (Диаграмма № 5) был составлен для переменной Investments, который показывает, что ожидается увеличение инвестиций в нефинансовые активы.

На Диаграмме № 6 представлен прогноз рабочей силы, задействованной в транспортной отрасли РФ до 2030 г., который показывает, что с течением времени прирост показателя остановится.

Полученные прогнозные данные переменных Key_rate, Inflation, Transport_in_use, Investments, Labor_force могут быть использованы для прогнозирования будущих показателей лизинга транспортной отрасли РФ. Для этого будущие значения регрессоров были подставлены в представленное ранее уравнение, что позволяет оценить итоговые значения с 2025–2029 г. На Диаграмме № 7 представлены текущие значения, а также прогнозные значения объемов новых лизинговых контрактов транспортной отрасли РФ с 2006 г. по 2029 г. По прогнозу ожидается прирост +9 % в 2025 г. по сравнению с данными 2024 г. В последующие годы ожидается как минимум 13 % ежегодного прироста лизинга транспортных средств в РФ. Спрогнозированный рост лизинговых отношений транспортной отрасли РФ ожидается несмотря

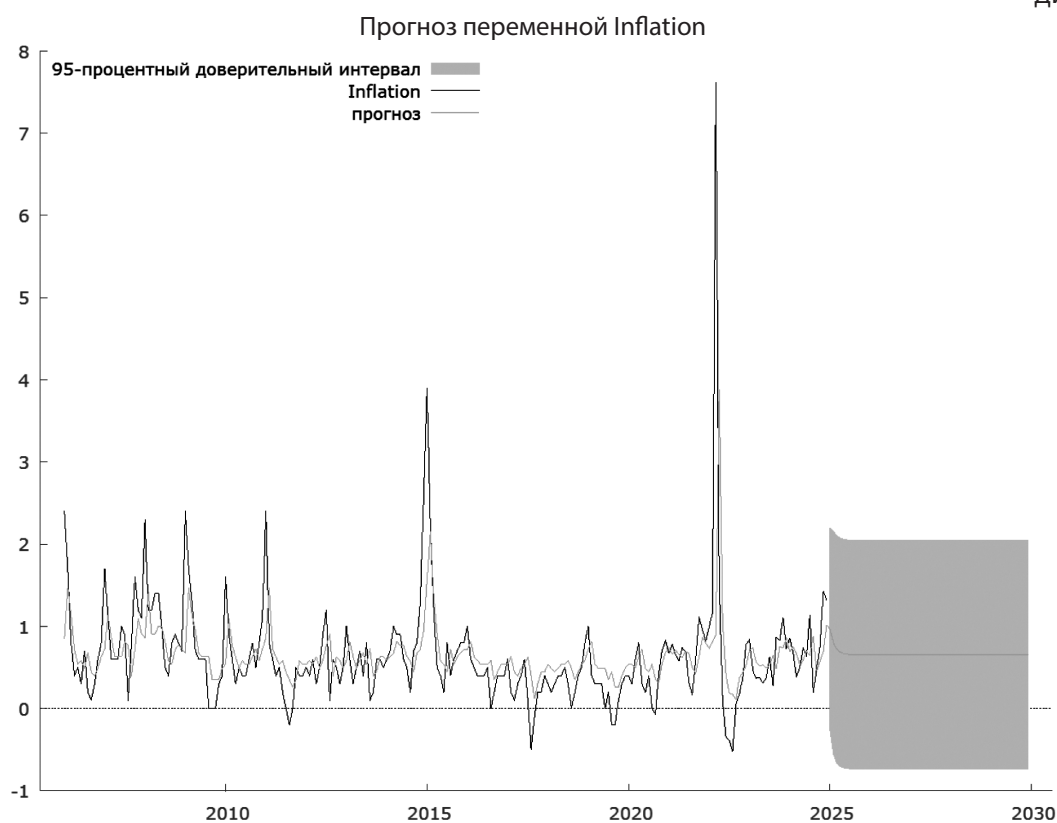
на сложившиеся в 2022 г. ограничения, с которыми столкнулась отечественная экономика.

Несмотря на то, что лизинг является приоритетным способом пополнения и обновления парка транспортных средств для поддержания его активного развития требуется помощь со стороны государства. Спрогнозированный рост спроса на лизинг должен быть в том числе подкреплен наличием государственных программ по субсидированию получения лизинга малыми компаниями. Несмотря на включение в проведенный анализ таких макроэкономических факторов как ставка ЦБ РФ и уровень инфляции, которые частично отражают общую макроэкономическую обстановку, важно оказывать поддержку тем участникам лизинговых отношений, которые не в состоянии самостоятельно профинансировать свою деятельность лизингом

Заключение

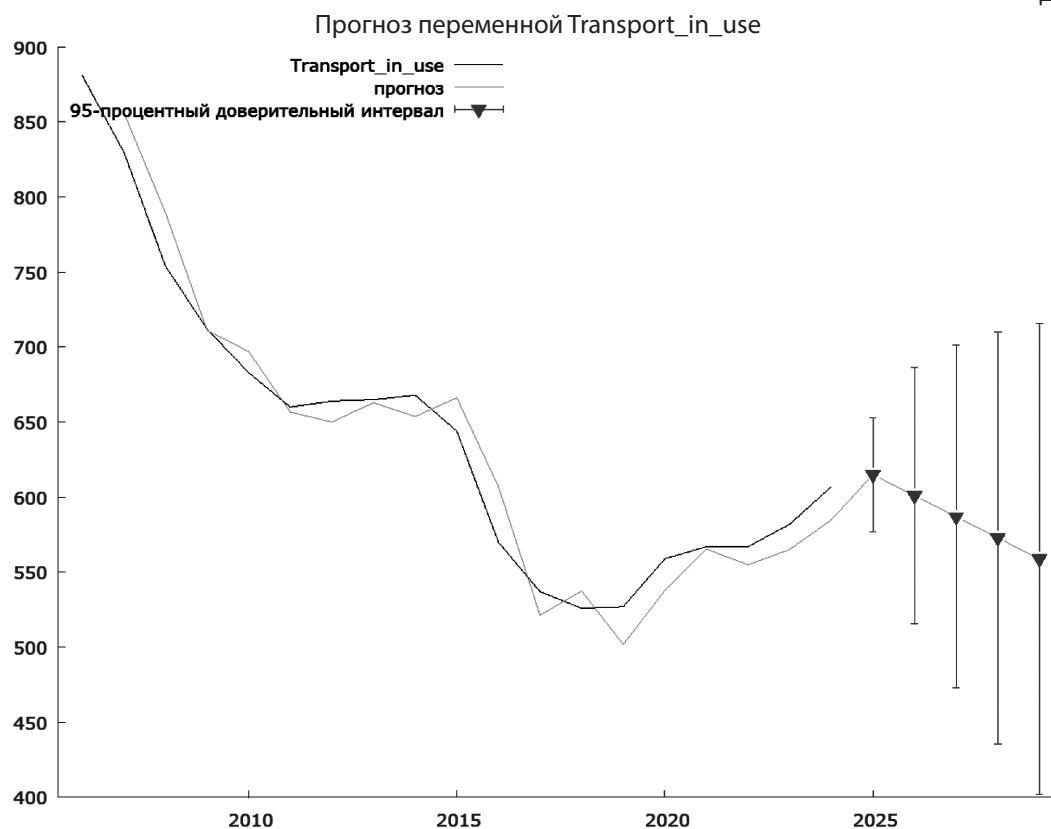
Лизинговые отношения играют ключевую роль в развитии транспортной отрасли России, предоставляя предприятиям гибкие и эффективные инструменты обновления парка техники и инфраструктуры. При этом лизинг выступает основным финансовым инструментом пополнения и обновления парка транспортных средств за счет своих преимуществ перед другими кредитными механизмами. В 2022 г. отечественная экономика столк-

Диаграмма № 3

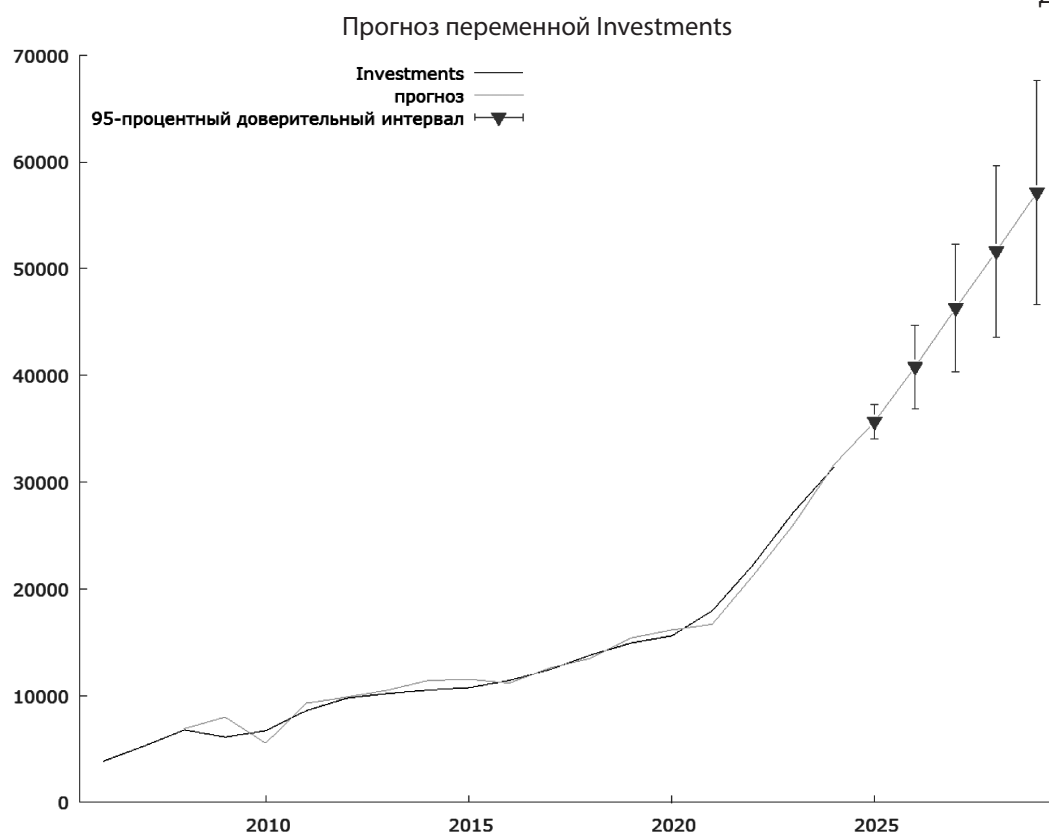
Составлено автором

Диаграмма № 4

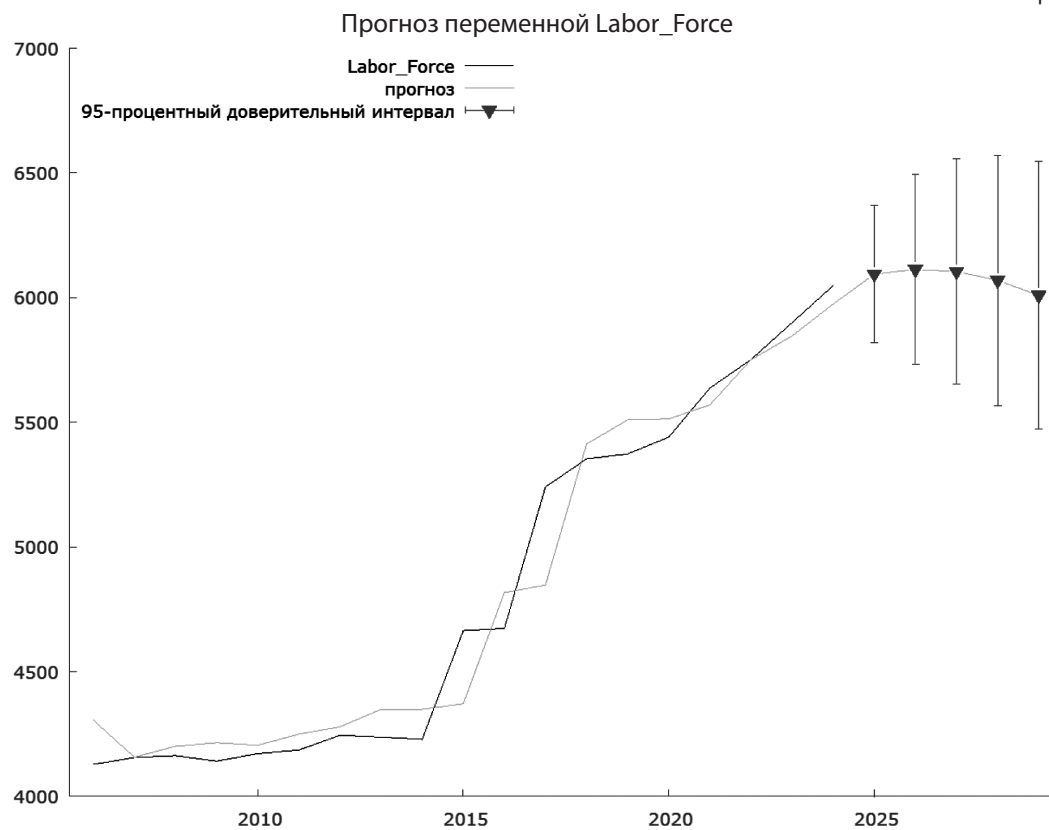
Составлено автором

Диаграмма № 5

Составлено автором

Диаграмма № 6

Составлено автором

Диаграмма № 7

Составлено автором

кнулась с ограничениями, которые повлияли на доступность кредитных инструментов и основных средств. В связи с этим важно оценить, как будут развиваться лизинговые отношения транспортной отрасли РФ с учетом исторических данных показателей.

В качестве регрессоров, оказывающих влияние на развитие лизинговых отношений, были выявлены и оценены следующие факторы — ключевая ставка ЦБ РФ, уровень инфляции, количество коммерческого транспорта, размер инвестиций и рабочая сила в транспортной отрасли. В результате первоначальной оценки значимости факторов, оказывающих влияние на динамику лизинга транспортных средств в РФ, и построения их прогноза, были получены ожидаемые

значения объема новых лизинговых сделок в транспортной отрасли.

В итоге был получен прогноз по положительному приросту лизинга в транспортной отрасли вплоть до 2030 г. с минимальным приростом +9%. Прирост в том числе обеспечен изменением факторов, которые влияют на лизинг. Однако важно отметить, что для поддержания соответствующего развития лизинга необходима государственная поддержка на развития малых компаний, которым может быть затруднительно использование лизинга. Субсидирование лизинга поможет малым компаниям в транспортной отрасли активнее развивать свою деятельность и преодолевать все сложившиеся в текущее время ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паристова Л.П., Лысенко И.И. Пути совершенствования системы управления инвестиционной деятельностью транспортной отрасли Российской Федерации // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2015.
2. Правкин, С.А. Механизм реализации инвестиций в соответствии с целями и задачами Транспортной стратегии Российской Федерации / С.А. Правкин // Транспортное право и безопасность. — 2024. — № 1(49). — С. 167–190. — EDN HJFWOM.
3. Лебедева, Н.А. Проблемы и особенности реализации транспортной стратегии Российской Федерации до 2035 года / Н.А. Лебедева // Научный результат. Экономические исследования. — 2023. — Т. 9, № 2. — С. 74–84. — DOI 10.18413/2409-1634-2022-9-2-0-7. — EDN CSIGER.
4. Деспотулис, Е.Э. Разработка модели управления инвестиционным обеспечением проекта развития транспортной инфраструктуры / Е.Э. Деспотулис // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 4(155). — С. 447–449. — EDN ICACOV.
5. Магомед, К.А. Состояние и проблемы механизмов инвестирования в транспортную инфраструктуру России / К.А. Магомед // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — № 1(31). — С. 40–42. — EDN YVAUFF.

6. Бычкова, А.А. Инвестиции в транспортную инфраструктуру России / А.А. Бычкова // Вестник университета. — 2022. — № 2. — С. 151–159. — DOI 10.26425/1816-4277-2022-2-151-159. — EDN AUTNE.
7. Кудрявцева, И.Ю. Проблемы и перспективы развития транспортной инфраструктуры Российской Федерации / И.Ю. Кудрявцева, Д.А. Тряпичникова // Материалы Афанасьевских чтений. — 2024. — № 1(48). — С. 51–56. — EDN JUPISZ.
8. Гамазин, С.В. Лизинг как источник финансовых ресурсов в рамках устойчивого экономического развития транспортной отрасли РФ / С.В. Гамазин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2025. — № 4. — С. 28–32. — DOI 10.37882/2223-2974.2025.04.07. — EDN MMNKBVJ.
9. Финансовый лизинг. Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial
10. Ключевая ставка Банка России. Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/
11. Цены, инфляция. Росстат. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>
12. Транспорт. Росстат. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport>
13. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force#

© Гамазин Сергей Владимирович (1142220745@pfur.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО ТРАНЗИТА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

DIGITAL TRANSFORMATION OF CUSTOMS TRANSPORT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. Gokinaeva

Summary. In the current conditions of digital transformation and globalization of economic processes, the development of information technologies for the unified customs transit system has become one of the key areas of activity for the customs services of the member states of the Eurasian Economic Union. The integration of new technologies into the field of customs control and management of the transit cargo movement process allows not only to optimize existing processes, but also to ensure a higher level of security, transparency, and efficiency in the movement of goods across the customs border.

The article discusses the basics of creating a unified system for the transit of goods by introducing modern information technologies that can ensure the prompt exchange of data between participants in foreign economic activity and customs authorities.

Based on the results of the study, the article provides suggestions for solving the problems associated with the development of the integrated system of the Eurasian Economic Union as part of the digitalization of the customs transit system.

Keywords: digitalization of customs transit, integrated information systems, risk management system, customs technologies, artificial intelligence, and customs administration.

Гокинаева Ирина Александровна

Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Санкт-Петербург
gokinaeva-ia@ranepa.ru

Аннотация. В современных условиях цифровой трансформации и глобализации экономических процессов развитие информационных технологий единой системы таможенного транзита становится одним из ключевых направлений деятельности таможенных служб государств-членов Евразийского экономического союза. Интеграция новых технологий в сферу таможенного контроля и управления процессом перемещения транзитных грузов позволяет не только оптимизировать существующие процессы, но и обеспечить более высокий уровень безопасности, прозрачности и эффективности перемещения товаров через таможенную границу.

В статье рассмотрены основы создания единой системы транзита товаров при внедрении современных информационных технологий, которые способны обеспечить оперативный обмен данными между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами.

По результатам исследования даны предложения по решению проблем, связанных с развитием механизма интегрированной системы Евразийского экономического союза в рамках цифровизации системы таможенного транзита.

Ключевые слова: цифровизация таможенного транзита, интегрированные информационные системы, система управления рисками, таможенные технологии, искусственный интеллект, таможенное администрирование.

Информационные технологии играют ключевую роль в модернизации таможенной процедуры (ТП) таможенного транзита (ТТ), обеспечивая возможность электронного декларирования товаров, что существенно упрощает процедуру оформления транзитных грузов. Электронное декларирование является фундаментальным элементом цифровизации ТТ. Оно позволяет участникам внешнеэкономической деятельности (ВЭД) передавать данные о товарах в режиме реального времени, минимизируя необходимость использования бумажных носителей. Это способствует сокращению времени на проверку информации и ускорению выпуска товаров.

Развитие интегрированных информационных систем (ИИС) обеспечивает эффективное взаимодействие между всеми участниками цепочки транзитного движения: отправителями, перевозчиками, получателями и таможенными органами (ТО). Такие системы позволяют

обмениваться данными в электронном виде, что исключает ошибки при ручном вводе информации и снижает вероятность мошенничества. Примером может служить единая система межведомственного электронного взаимодействия.

Информационные технологии предоставляют возможности для внедрения системы управления рисками (СУР), которые помогают ТО выявлять потенциально опасные или подозрительные партии товаров. С помощью аналитических алгоритмов и баз данных можно проводить предварительную оценку рисков до фактического прибытия груза на территорию государства-транзитера. Это позволяет сосредоточить внимание на наиболее критичных случаях и минимизировать излишний контроль над добросовестными участниками ВЭД.

Современные технологии, такие как GPS-мониторинг и использование специальных средств идентификации

(например, RFID-меток), позволяют отслеживать местоположение транзитных грузов на протяжении всего пути следования.

Внедрение механизмов электронной подписи и криптографической защиты данных позволяет гарантировать подлинность и достоверность электронных документов, используемых в ТП ТТ. Это особенно важно для обеспечения легитимности транзитных деклараций (ТД) и других документов, что исключает необходимость их дополнительной проверки на этапе прохождения границы.

Информационные технологии способствуют созданию единого технического пространства для всех государств-членов ЕАЭС, что включает унификацию стандартов обмена данными, форматов документов и правил взаимодействия между информационными системами различных государств. Это позволяет обеспечить бесшовное перемещение грузов через общую таможенную территорию без необходимости повторного оформления.

Внедрение информационных технологий в процесс реализации ТП ТТ заключается в следующем: ускорение процессов оформления: автоматизация многих этапов работы с документами значительно сокращает время на оформление грузов; цифровые технологии делают весь процесс транзитного перемещения более прозрачным, что способствует снижению коррупционных рисков; технологии отслеживания и управления рисками позволяют своевременно выявлять потенциальные угрозы; оптимизация затрат; уменьшение количества человеческих ресурсов, задействованных в оформлении грузов, снижает административные и финансовые издержки.

Информационные технологии играют ключевую роль в модернизации ТП ТТ, становясь основой для повышения эффективности, прозрачности и безопасности перемещения товаров через территорию ЕАЭС и других государств. Внедрение современных технологий позволяет оптимизировать процессы управления рисками, сократить временные затраты на оформление грузов и минимизировать административные барьеры для участников ВЭД.

Уровень цифровизации ТТ в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) на 2025 г. можно охарактеризовать как высокий, но неоднородный. Значительным достижением является внедрение системы электронного транзита, когда подача электронной транзитной декларации (ЭТД) и обмен данными между ТО происходят в электронном виде.

Система электронного транзита в рамках ЕАЭС представляет собой комплекс цифровых механизмов и про-

цессов, обеспечивающих оформление, сопровождение и контроль транзитных перемещений товаров между государствами-членами ЕАЭС в безбумажной форме.

Функционирование системы основано на применении единого электронного транзитного документа, который содержит исчерпывающую информацию о грузе, маршруте следования, участниках перевозки и условиях транспортировки. Все операции по созданию, передаче и обработке транзитных данных осуществляются посредством ИИС ЕАЭС, что позволяет обеспечить автоматизированный обмен данными между национальными ТО в реальном времени.

Ключевым элементом контроля в рамках системы выступает применение электронных навигационных пломб (ЭНП), которые фиксируют целостность транспортных средств и позволяют отслеживать перемещение товаров по всему маршруту транзита. Это технологическое решение минимизирует необходимость физического контроля на промежуточных этапах и позволяет оперативно реагировать на возможные нарушения.

Развитие системы электронного транзита направлено на обеспечение полной юридической значимости электронных документов, унификацию технологических процессов и взаимное признание электронных средств идентификации и аутентификации между государствами-членами ЕАЭС. В долгосрочной перспективе система должна стать основой для формирования единого цифрового пространства таможенного регулирования, что будет способствовать дальнейшему углублению интеграционных процессов в ЕАЭС и расширению внешнеэкономических связей ЕАЭС.

Также, в рамках развития цифровизации ТТ сформирован механизм ИИС ЕАЭС, которая соединяет ТО государств-членов ЕАЭС. Механизм ИИС ЕАЭС представляет собой технологическую платформу, обеспечивающую информационное взаимодействие между государственными органами государств-членов ЕАЭС в целях реализации задач экономической интеграции. В контексте таможенного регулирования ИИС ЕАЭС служит основой для координации деятельности ТО, формируя единую цифровую среду для обмена данными о перемещении товаров, транспортных средствах и сопроводительной документацией.

Функционирование системы построено на принципах распределённого хранения и обработки информации, где каждый национальный сегмент сохраняет автономность в управлении данными, одновременно обеспечивая их доступность для уполномоченных органов других государств-членов ЕАЭС. За счёт использования стандартизированных форматов сообщений и единых протоколов передачи данных достигается совмести-

мость национальных информационных систем, что позволяет осуществлять оперативный и достоверный обмен сведениями, необходимыми для выполнения ТП.

ИИС ЕАЭС играет ключевую роль в обеспечении беспрепятственности таможенных операций, способствуя синхронизации действий сторон, снижению административных барьеров и повышению прозрачности трансграничных потоков. Благодаря встроенным механизмам аутентификации, авторизации и защиты информации, система гарантирует безопасность передаваемых данных и соблюдение принципов конфиденциальности, предусмотренных законодательствами государств-членов. Интеграция на базе ИИС ЕАЭС формирует предпосылки для дальнейшей цифровизации процессов в рамках ЕАЭС и является одним из центральных инструментов построения единого экономического пространства.

В современных условиях глобальных трансформационных преобразований, РФ раньше других государств-членов ЕАЭС встала на путь цифровизации [6], о чем свидетельствует принятие в 2018 г. Национального проекта «Цифровая экономика» [5]. Возможность автоматической регистрации ЭТД во всех российских ТО, наделенных компетенцией по совершению таможенных операций, связанных с помещением товаров под ТП ТТ, реализована с октября 2019 г.

Использование информационных технологий ТО государств-членов ЕАЭС при организации таможенного контроля транзитных грузов сопровождается рядом системных и технологических проблем, обусловленных как уровнем цифровой зрелости национальных систем, так и сложностью координации в условиях многосторонней интеграции.

Во-первых, наблюдается неоднородность технической и программной инфраструктуры между государствами-членами ЕАЭС, что затрудняет полную синхронизацию информационного обмена. Несмотря на наличие ИИС ЕАЭС, интеграция национальных решений с данной платформой происходит с различной скоростью и глубиной, особенно в государствах с менее развитой информационно-технической инфраструктурой. Это приводит к рассогласованности в обработке транзитных данных и необходимости дублирования процедур, включая использование бумажных носителей.

Во-вторых, сохраняется проблема недостаточной совместимости правовых и регламентных подходов к признанию юридической значимости электронных документов, в том числе ЭТД и цифровых подписей. Отсутствие единых правил интероперабельности может вызывать задержки при перемещении товаров между странами, а также снижает уровень доверия к результатам автоматизированного контроля.

Технические ограничения также проявляются в виде нестабильной работы программных комплексов, перегрузки каналов связи, недостаточной защищенности информационных систем от киберугроз и утечек данных. Это особенно актуально для маломощных пунктов пропуска или отдаленных регионов, где скорость передачи данных и качество связи остаются критически низкими.

Также межведомственная координация и согласованность действий при цифровом сопровождении транзита всё ещё требуют совершенствования. Недостаточная интеграция таможенных систем с логистическими, транспортными и фискальными платформами снижает эффективность комплексного контроля и анализа транзитных рисков.

Основной прогресс был обеспечен благодаря внедрению пилотного проекта, связанного с использованием ЭНП для мониторинга перемещения грузов. Кроме того, значимый вклад внесла разработка проекта соглашения о применении подобных технологий на территории ЕАЭС.

Соглашение о применении на территории ЕАЭС ЭНП было подписано лишь в начале 2-го квартала 2023 г. — то есть с задержкой на 2 года. При этом практика применения ЭНП показала, что и в процессе применения пломб имеет место ряд проблем.

Во-первых, одной из ключевых проблем выступает отсутствие единых технических стандартов и регламентов, определяющих порядок использования ЭНП на межгосударственном уровне. Это приводит к фрагментарности подходов, при которой каждое государство-член ЕАЭС использует собственные типы устройств, программное обеспечение и протоколы передачи данных. В результате возникают сложности в совместимости и интероперабельности оборудования, особенно при прохождении транзитных маршрутов через несколько государств-членов ЕАЭС.

Во-вторых, недостаточная плотность покрытия транспортной инфраструктуры навигационными контрольными точками и слабая устойчивость сигнала в удаленных регионах ограничивают эффективность мониторинга в реальном времени. Потери сигнала, задержки в передаче координат или отсутствие связи с устройством могут создавать ложные срабатывания, требующие вмешательства и вызывающие необоснованные приостановки движения.

В-третьих, высокая стоимость ЭНП и услуг по их установке и сопровождению. Для участников ВЭД это становится дополнительным финансовым и административным бременем, особенно при перемещении мелких и средних партий товаров. При этом не во всех государ-

ствах ЕАЭС действуют прозрачные механизмы субсидирования или компенсации расходов на применение ЭНП.

Также одним из ключевых барьеров на пути к эффективной цифровой интеграции и полноценной реализации единого таможенного пространства при осуществлении ТТ является проблема разрыва в уровне развития ИТ-инфраструктуры государств-членов ЕАЭС. Например, такие государства как Республика Беларусь и Республика Казахстан обладают высокоразвитыми информационными системами, поддерживающими полный цикл электронного декларирования, интеграцию с навигационными средствами контроля и взаимодействие с транспортными операторами в режиме реального времени. В то же время в Республике Армения и Киргизской Республике, несмотря на предпринимаемые усилия, продолжают действовать фрагментарные ИТ-системы, отдельные модули которых не всегда совместимы с союзной архитектурой и часто требуют ручной доработки при трансграничных операциях.

Следствием разрыва становится неравномерная нагрузка на логистические маршруты, так как перевозчики стремятся минимизировать риски задержек, выбирая более технологически оснащённые страны в качестве транзитных коридоров. Это, в свою очередь, формирует перекося в распределении грузопотоков и снижает общую эффективность транспортно-логистической системы ЕАЭС.

Кроме того, проблема усиливается недостаточной координацией инвестиционных и технических стратегий в рамках ЕАЭС: отсутствие общего плана синхронного технологического развития ИТ-инфраструктуры приводит к нарастанию цифрового разрыва, что противоречит принципам равноправного участия государств в интеграционном процессе.

Следовательно, преодоление цифрового неравенства в развитии ИТ-инфраструктуры ТО является необходимым условием для формирования единого цифрового пространства транзитного перемещения товаров, повышения прозрачности операций и обеспечения равных условий для всех государств участников взаимодействия.

Одна из ключевых проблем — неоднородность уровней защиты информации в государствах-членах ЕАЭС, что обусловлено различиями в национальных правовых режимах, подходах к построению инфраструктуры ключей и сертификации средств защиты.

Недостаточная согласованность криптографических стандартов и протоколов создаёт препятствия для безопасного взаимодействия между национальными сег-

ментами информационных систем. Использование несовместимых алгоритмов шифрования, отсутствие единой процедуры аутентификации и верификации электронных документов затрудняет построение единого доверенного пространства.

Проблемным моментом является также то, что в настоящее время Федеральная таможенная служба (ФТС) России обрабатывает огромные объёмы разнородных данных (ДТ, товары, платежи, участники ВЭД и т.д.) Эти данные, поступающие из различных источников и требуют иногда сложной обработки. Действующие информационные системы ФТС России во многом устарели и не всегда эффективно справляются с современными объёмами и требованиями. Зачастую информация хранится в изолированных системах, что затрудняет ее анализ и использование для принятия решений.

Что касается проблем контроля ТП ТТ, возникающих в процессе прохождения алгоритма автоматического выпуска (АВ) ЭТД, то к ним относятся следующие: отсутствие результатов проверки на риски (26 % ЭТД); несоответствие сведений о весе брутто товаров в подтверждении о прибытии со сведениями в графе 35 ЭТД (64 % ЭТД); несовпадение места доставки со сведениями о ТО назначения, указанной в накладной, представленной в виде электронного документа (72 % ЭТД); несоответствие срока транзита средним расчетным (47 % ЭТД).

Таким образом, более 90 % ДТ не проходят успешно проверку алгоритма АВ по причине некорректного заполнения декларантом граф ЭТД и сведений, представленных в формализованных товаросопроводительных документах (например, критерий «несовпадение места доставки со сведениями о коде железнодорожной станции назначения, приводит к появлению критерия «несоответствие срока транзита средним расчётным значениям с учётом вида транспорта, кодов ТО», поскольку срок транзита программным средством рассчитывается исходя из сведений о месте доставки), что является основной проблемой.

В процессе цифровой трансформации ФТС России возникают определенные вызовы, ключевым из которых остается обеспечение высокого уровня информационной безопасности. Основные угрозы можно структурировать следующим образом: увеличивается вероятность утраты информации, которой оперируют сотрудники ТО и участники ВЭД, или утраты их личных данных; под влиянием санкционного давления со стороны западных стран ряд зарубежных ИТ-решений, ранее используемых ФТС России для анализа больших данных и выполнения других задач, прекратили свою работу на территории России. Например, платформа Oracle, которая предоставляла широкие возможности для обработки массивов информации, стала недоступной. Это

создает зависимость от иностранных разработчиков и повышает риски потери данных без возможности их восстановления.

Существует проблема, связанная с большим объемом документов, которые бизнес вынужден предоставлять, и этот объем продолжает расти. Цифровизация не решает эту задачу полностью, так как подготовка каждого документа — будь то в бумажном или электронном виде — требует времени и усилий ДЛ ТО. Основная цель сбора таких документов заключается в сравнении средней справедливой цены, установленной ФТС России, с ценой, заявленной участниками ВЭД. Однако этот процесс можно оптимизировать за счет внедрения технологий анализа больших данных, а в будущем — технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Бизнес надеется на реализацию государственных инициатив, направленных на улучшение системы таможенного администрирования. Среди них — введение прозрачных правил для присвоения категорий участникам ВЭД, создание единого подхода к классификации товаров по Товарной номенклатуре ВЭД ЕАЭС в разных регионах РФ, разработка универсальной СУР до и после выпуска товаров, а также повышение точности выбора объектов для проверок. Особое внимание уделяется внедрению концепции цифрового двойника участника ВЭД, что позволит персонализировать уровень контроля на основе цифрового профиля и цифрового следа компании.

В настоящее время ФТС России активно работает над внедрением перспективных цифровых решений, которые обеспечат комплексную автоматизацию и ускорение цифровой трансформации системы ТП ТТ. Представляется, что основными направлениями улучшения цифровой инфраструктуры ТП ТТ могут стать применение технологий больших данных (Big Data), блокчейна и ИИ, а также интеграция цифровых технологий и формирование единой платформы информационного взаимодействия между государствами-членами ЕАЭС для создания единой системы ТТ.

В процессе развития системы ТТ основными направлениями использования Big Data являются следующие: анализ статистики внешней торговли для выявления тенденций и закономерностей; сравнение данных из различных источников с целью обнаружения несоответствий и определения причин таких расхождений; оперативное выявление рисков, связанных с каждой партией товаров, что позволяет проводить более целевые проверки и досмотры; мониторинг цифровых цепочек поставок, предупреждение изменений в логистике и наблюдение за активностью в интернете для выявления подозрительных операций.

ФТС России уже накопила значительные массивы данных о ВЭД, включая импорт и экспорт, а также создала систему взаимодействия с таможенными администрациями других стран. Это позволяет использовать потенциал Big Data для повышения эффективности управления рисками и оптимизации процессов.

Применение технологий Big Data в рамках совершенствования единой системы ТТ в ЕАЭС позволит повысить эффективность, предсказуемость и прозрачность контроля транзитных операций, а также для оптимизировать процессы управления рисками на межгосударственном уровне.

ИИ представляет собой ключевой элемент автоматизации процессов в различных сферах, включая таможенную деятельность. Его значимость подтверждается в рамках «Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [7], где особое внимание уделяется внедрению стандартов ИИ для оптимизации таможенных операций. Одним из ключевых направлений внедрения ИИ является автоматизация ТП.

Ключевые преимущества применения ИИ в работе ТО включают: повышение производительности за счет ускорения выполнения задач; возможность автоматизированных процессов адаптироваться к изменяющимся условиям, что позволяет решать больше задач одновременно; снижение количества ошибок, вызванных «человеческим фактором», благодаря алгоритмической точности и аналитическим возможностям ИИ.

В настоящее время разрабатывается проект, направленный на создание «интеллектуального пункта» пропуска для всех видов транспортных средств. Этот пункт будет представлять собой единую информационную платформу, интегрирующую данные с различных средств таможенного контроля. На основе собранных данных система будет проводить анализ и принимать решения о необходимости досмотра груза. На сегодняшний день уже реализован один из этапов данного направления. Так, 16 сентября 2022 года в Твери был открыт Главный центр обработки данных ФТС России, где сосредоточена обработка всего объема информации, необходимой для работы ТО.

Благодаря этому реализованному проекту таможенная служба получает новые цифровые возможности, которые позволяют прийти к конечной цели Стратегии-2030 [7], а также созданию интеллектуальной таможни будущего.

Перспективное направление цифровой трансформации, направленное на обеспечение доверия, прозрачности и надежности трансграничного обмена данными между ТО государств-членов, представляет собой ис-

пользование технологии блокчейн в качестве основы для создания единой цифровой платформы транзитных перевозок в рамках ЕАЭС.

В условиях многостороннего взаимодействия, где каждая страна обладает суверенными ИТ-инфраструктурами, блокчейн обеспечивает распределённую архитектуру хранения и обработки информации, позволяющую синхронизировать данные о транзитных операциях без необходимости создания единого центра обработки.

Ключевым преимуществом блокчейна является невозможность незаметного изменения или удаления информации, связанной с ТД, маршрутами, статусами груза или применением ЭНП. Каждое изменение фиксируется в виде неизменяемой записи с временной меткой, цифровой подписью и указанием инициатора операции. Это формирует сквозной цифровой след, что повышает подотчётность участников ВЭД и снижает возможности для манипуляций или коррупционных действий.

Платформа на основе блокчейна может служить единым пространством для автоматизированного обмена транзитными данными, включая декларации, разрешения, электронные сопроводжения и результаты контроля, интегрированного с национальными системами через API (Application Programming Interface — программный интерфейс приложений, который позволяет разным приложениям общаться между собой). Это упрощает ТП ТТ, снижает издержки и ускоряет перемещение грузов по всему пространству ЕАЭС.

Кроме того, смарт-контракты, реализуемые на блокчейн-платформе, открывают возможности для автоматизации исполнения условий транзита: например, автоматического уведомления о пересечении контрольных точек, блокировки транзитной гарантии в случае отклонения от маршрута или подтверждения доставки по факту пересечения границы.

Стратегическим направлением развития ЕАЭС в 2025 г. является работа по реализации соглашения от 26.12.2024 «О Единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон)» [1] и соглашения от 19.04.2022 «О применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок» [2].

На данный момент соглашение по ЭНП уже вступило в силу. Совет Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) принял более 20 актов, в связи с этим. Сейчас необходимо активизировать работу национальных таможенных администраций — по тарификации услуг национальных операторов по отслеживанию с использованием навигационных пломб, а также по информационно-интеграционным вопросам.

Совершенствование применения ЭНП в целях таможенного контроля транзитных перевозок в рамках ЕАЭС требует системного подхода, включающего как унификацию технологических решений, так и развитие нормативно-правовой и организационной базы. Ниже представлены основные направления таких мер:

- гармонизация технических стандартов и протоколов взаимодействия. Для обеспечения сквозного контроля на всем маршруте следования транзитных товаров необходима разработка и внедрение единых союзных технических стандартов для ЭНП, включая требования к формату передачи данных, интерфейсам связи, криптографической защите и энергетической автономности устройств;
- централизация управления данными и межгосударственный обмен в реальном времени. Создание общей платформы (или модуля в составе ИИС ЕАЭС) для межгосударственного обмена навигационной информацией позволит реализовать оперативный мониторинг транзитных маршрутов и выявление отклонений в режиме реального времени;
- расширение телекоммуникационного покрытия и технической инфраструктуры. Решение проблемы «белых пятен» на маршрутах транзита возможно за счёт развития спутниковой и мобильной инфраструктуры, а также использования гибридных решений (например, буферизация данных с последующей передачей);
- финансово-экономическая оптимизация и поддержка бизнеса. Для повышения привлекательности использования ЭНП необходимо внедрение механизмов софинансирования и субсидирования затрат субъектов ВЭД, особенно для малых и средних компаний;
- нормативное закрепление юридической значимости данных навигационного контроля. Для легитимного использования навигационных данных в целях контроля, доказывания правонарушений и разрешения споров требуется гармонизация правовых актов государств-членов ЕАЭС в части признания статуса электронных данных, полученных от ЭНП, как полноправных доказательств в административных и судебных процедурах. Комплексная реализация вышеуказанных мер позволит превратить ЭНП в неотъемлемый элемент интеллектуальной СУР и цифрового контроля транзитных потоков, соответствующий стратегическим целям развития интеграции в ЕАЭС.

Таким образом, решение данных проблем, позволит совершенствовать информационные технологии единой системы таможенного транзита в рамках Евразийского экономического союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение от 26.12.2024 «Соглашение о единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон)». Санкт-Петербург, 26.12.2024. Не вступил в силу. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24bn0222/> (дата обращения 19.06.2025).
2. Соглашение о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок. Заключено в г. Москве 19.04.2022г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения 21.06.2025).
3. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22.08.2023 № 128 «О некоторых вопросах применения навигационных пломб» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.06.2025).
4. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 21.02.2020 № 4 «О плане мероприятий («дорожной карте») по развитию единой системы транзита товаров в Евразийском экономическом союзе на основе системы отслеживания транзитных перевозок товаров с использованием навигационных пломб» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 15.06.2025).
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения 19.05.2025).
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 19.06.2025).
7. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р (ред. от 08.07.2023) «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62de6eae95a59b101c046143d08662125b1b4032/ (дата обращения 15.07.2025).

© Гокинаева Ирина Александровна (gokinaeva-ia@ranepa.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

IMPACT OF ECONOMIC AND POLITICAL SANCTIONS ON ECONOMIC GROWTH

A. Ghorbani

Summary. This article analyses the impact of economic and political sanctions on economic growth, with a particular focus on Russia and Iran. The study examines the essential nature of economic and political sanctions and their distinctive features. Particular emphasis is placed on the effectiveness of sanctions at specific points in history. The influence of economic sanctions on the welfare of the state is also examined through the prism of fundamental concepts and paradigms of economic theory. Using the example of sanctions against Russia and the policy of containment towards Iran, the effects of stimulating trade and investment activity as a result of the introduction of restrictive measures are described.

Keywords: economy, growth, sanctions, trade, investment, GDP.

Горбани Алиреза

аспирант, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск
ali.reza.1995@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния экономических и политических санкций на экономический рост, с особым акцентом на примеры России и Ирана. В процессе исследования отдельное внимание уделено сущностному содержанию экономических и политических санкций и их отличительным чертам. Отдельный акцент сделан на эффективности санкций в определенные исторические промежутки времени. Также через призму фундаментальных концепций и парадигм экономической теории рассмотрено влияние экономических санкций на благополучие государства. На примере санкций против России и политики сдерживания по отношению к Ирану описаны эффекты стимулирования торговли и инвестиционной активности в результате введения ограничительных мер.

Ключевые слова: экономика, рост, санкции, торговля, инвестиции, ВВП.

В последние годы политическое и экономическое санкционное давление получило новое развитие. Эти меры стали одним из самых популярных инструментов дипломатии принуждения во внешней политике. По своей сути, международные санкции — распространенный и часто используемый инструмент, который позволяет воздействовать на политическую повестку дня другого государства, не прибегая к военному конфликту [1]. Они использовались на протяжении тысячелетий и приобрели большую популярность после окончания холодной войны. Этому можно найти ряд объяснений.

Во-первых, стали очевидными ограничения и низкая эффективность жесткой военной силы, особенно после войн в Ираке и Афганистане. Хотя санкции направлены на принуждение целевых правительств к соблюдению интересов навязывающей страны или международного права, они зачастую трактуются в качестве менее жесткой, менее спорной и — по крайней мере для страны инициатора — менее затратной альтернативой другим принудительным мерам, особенно военным интервенциям [4]. Таким образом, государства или блоки — инспираторы санкционных режимов выражают свои опасения или защищают собственные интересы, не подвергаясь большому неблагоприятным гуманитарным издержкам крупного военного вмешательства.

Во-вторых, стимулом активизации санкционного давления послужил возросший институциональный потен-

циал, созданный в ходе войны с терроризмом, и осознание силы, обусловленной центральным положением США в мировой финансовой системе. В то время как в эпоху после холодной войны наблюдался спад в использовании экономических методов государственного управления, сегодня опасения по поводу геополитической напряженности, особенно в отношениях с Китаем и Россией, возродили интерес к применению экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей.

В-третьих, произошли значительные изменения в целях санкций, их типах и составе международных субъектов, применяющих санкции. Увеличение числа ограничительных мер сопровождается ростом числа стран-мишеней и, что особенно важно, ростом числа стран-источников санкционного давления. Куба, Иран, Северная Корея, Сирия и Россия в настоящее время являются одними из объектов экономических санкций.

Однако несмотря на то, что санкции пользуются широкой популярностью в контексте международных переговоров, в научно-экспертном сообществе высказываются серьезные опасения по поводу их результативности и эффективности [12]. Подобного рода сомнения подкрепляются тем фактом, что государства часто не спешат прекращать или хотя бы приостанавливать экономические отношения с санкционными державами, поскольку это может быть сопряжено как с финансовы-

ми, так и с политическими издержками. Анализ заявлений правительств, проведенный Глобальной базой данных по санкциям, показывает, что до половины санкций не достигают намеченного результата. Темпы экономического роста страны-объекта снижаются незначительно, а в некоторых случаях наблюдается противоположное явление — подъем экономики и увеличение ВВП. На рис. 1 представлена эффективность санкций в историческом разрезе.

Таким образом, вопросы, касающиеся влияния санкций на экономическое положение стран-объектов, их способность развиваться и противодействовать ограничительным мерам, являются открытыми, что предопределило выбор темы данной статьи.

Влияние экономических санкций на макроэкономическом уровне и микроуровне рассматривают в своих трудах Юйинь Цзинь, Сюэ Мэн [15], Гусев В.Б. [2], Демиденко Д.С. [2]. Авторы раскрывают особенности воздействия санкционной политики на торговые потоки, валютные кризисы, неравенство доходов и разрыв в уровне бедности.

Влияние санкций на международные инвестиции и потоки капитала в подсанкционную страну из-за неопределенности относительно ее будущего и предполагаемых рисков, связанных с вложениями, изучают Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А. [5], Донган Тан [9], Цзе Сунь, Льюис Макоса [10].

Значимость экономической структуры целевой страны и характера товаров или услуг, затронутых санк-

циями, с точки зрения эффективности их воздействия на экономику и ее подверженности давлению, изучают Марио Ларч, Серж Шихер [11], Константинос Сиропулос, Г. Фельбермайр [8], Титов И.А. [7].

Несмотря на то, что рассматриваемой проблематике посвящено значительное количество публикаций и ученые продолжают работать над ее раскрытием, ряд дискуссионных вопросов не получили своего должного освещения и нуждаются в более детальном анализе. Так, дальнейшего обоснования и уточнения требует индекс санкций, что является сложной задачей для академического сообщества, однако критически важной с точки зрения построения модели, позволяющей проверить воздействие ограничительных мер и их результативность. Кроме того, особого внимания и масштабной эмпирической аргументации требует явления, когда санкции выступают в качестве стратегического инструмента, который не сдерживает, а наоборот стимулирует экономический рост страны-объекта давления.

Объектом исследования является России и Иран. Выбор этих двух стран обусловлен тем фактом, что обе страны занимают первые места в мире по количеству и разнообразию введенных санкций. В 2022 году против России было введено 11 000 новых ограничений в отношении граждан, компаний, продуктов и технологий. Иран в свою очередь находится под санкциями, начиная с 1979 года и с каждым годом их количество только увеличивается. На начало 2022 года количество санкций было свыше 3000.

С учетом отмеченного цель статьи заключается в проведении анализа влияния экономических и политических

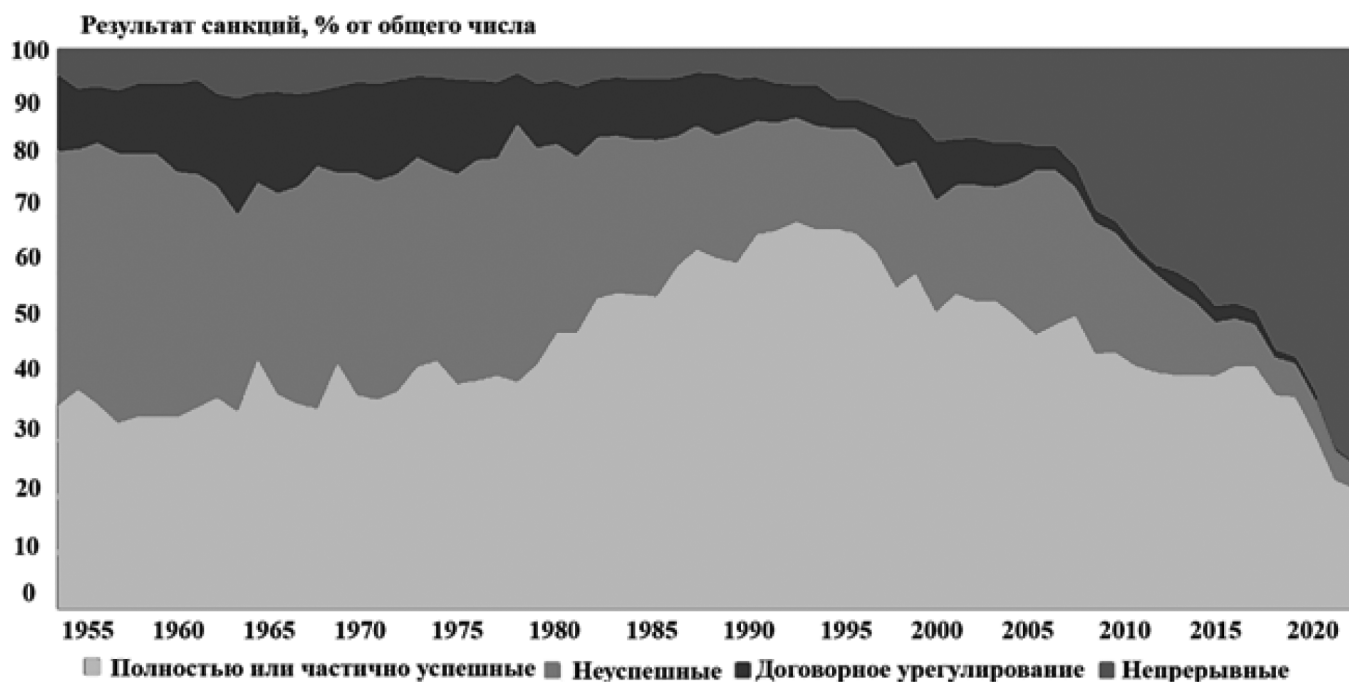

Рис. 1. Эффективность экономических и политических санкций в мире [16]

санкций на экономический рост, с учетом их сущностного содержания, а также влияния на торговлю и инвестиционную активность на примере России и Ирана.

Прежде всего, кратко охарактеризуем содержание политических и экономических санкций.

В рамках проводимого исследования под экономическими санкциями понимается преднамеренный, инициированный правительством отказ или угроза отказа от обычных финансовых, торговых, инвестиционных и прочих отношений. Более конкретно, санкции — это карательные меры (например, прекращение финансо-

Таблица 1.

Основные различия между политическими и экономическими санкциями (составлено автором)

Область	Политические санкции	Экономические санкции
Сфера применения и воздействие	Санкции направлены на политические отношения и дипломатическую сферу. Действие санкций нацелено на политическую изоляцию объекта, уменьшение его влияния и способности участвовать в международных отношениях	Санкции нацелены на экономическую деятельность и финансовые активы государства, организации или отдельного лица. Действие санкций направлено на разбалансирование экономики, ее дестабилизацию для того, чтобы вынудить объект изменить реализуемую политику
Цели	Основная цель — повлиять на политическое поведение объекта санкций, обеспечить соблюдение прав человека или решить проблемы управления. Эти санкции направлены на создание политического давления, которое приведет к изменению политики или улучшению управления	Главная цель — заставить объект санкций изменить свое экономическое поведение, соблюдать международные законы или решить конкретные проблемы, такие как нарушение прав человека или распространение ядерного оружия, финансирование терроризма, незаконные торговые потоки
Целевые субъекты	В большинстве случаев это политические деятели, государственные чиновники, лидеры партий, руководители государств.	Сферы экономики, отрасли промышленности, предприятия, финансовые учреждения, иногда и физические лица.
Механизмы осуществления	Ограничение или разрыв дипломатических связей, запрет на поездки в определенные страны (ограничение передвижения конкретных должностных лиц, крупных бизнесменов), исключение страны из международных организаций или соглашений	Политика торгового сдерживания (например, квоты на экспорт/импорт), эмбарго, ограничение доступа к финансовым услугам, активам, замораживание счетов, запрет на инвестиции в определенные сектора, отключение от международных платежных систем
Институциональный контур	В большинстве своем санкции вводятся определенными странами или их коалициями. В некоторых случаях международные организации могут поддерживать санкции. Однако в большинстве своем они определяются целями внешней политики конкретного государства	Преимущественно инициируются международными организациями, например, ЕС или ООН, в ряде случаев могут быть введены отдельными странами. Наибольшая эффективность санкций достигается при скоординированных усилиях основных заинтересованных сторон
Краткосрочные эффекты	Прямые последствия охватывают ограничение дипломатической активности, политическую изоляцию, снижение возможностей оказывать влияние на международные отношения. В ряде случаев это способно оказать быстрый эффект и повлечь за собой быстрое изменение политического поведения или реализуемого вектора	Оперативные, быстрые эффекты наблюдаются в снижении торговых потоков, сокращении инвестиций, падении курса национальной валюты, колебаниях на финансовом рынке, подрыве устойчивости банковских учреждений, оттоке капитала из страны. Действие этих санкций может быть быстрым, поскольку они оказывают давление сразу на ряд экономических сфер
Долгосрочные эффекты	Действие санкций на длительном временном горизонте включает постоянную политическую изоляцию, смену конфигурации в международных альянсах, возможную смену режима. Введение ограничительных мер на длительный период может повлечь за собой существенные перемены в управлении страной и ее международных отношениях	Потенциальное влияние экономических санкций в длительном периоде способно привести к долгосрочному экономическому спаду, сворачиванию производственных мощностей, утрате промышленного потенциала и общей экономической нестабильности. Долговременные экономические проблемы могут повлечь за собой существенные изменения в политике или даже инициировать смену режима
Примеры	Запрет на поездки представителей власти России в Америку и ЕС, с целью оказания давления на вектор внешней политики, а также проводимую политику на постсоветском пространстве. Дипломатические санкции в отношении Мьянмы, в том числе ограничение дипломатических контактов и осуждение со стороны международного сообщества политики, связанной с нарушением прав человека	Санкции США против Ирана, которые направлены на экспорт нефти и финансовый сектор страны, чтобы ограничить ее ядерную программу. Санкции против Северной Кореи, направленные на ограничение ее доступа к международной торговле и финансовым ресурсам для оказания давления на денуклеаризацию

вых операций, торговые ограничения), которые применяются одним государством, группой стран или же многосторонним органом, в отношении страны, организации или группы лиц, с целью принудить выполнить некоторые действия с помощью экономического давления.

В свою очередь политические санкции — это меры, которые направлены на изоляцию или наказание государства, правительственных чиновников или политических организаций для достижения политических целей.

Не будем подробно останавливаться на типах и видах экономических и политических санкций, они достаточно широко описаны в современной литературе. Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживает четкое определение различий между этими двумя видами санкций (табл. 1).

В эмпирической литературе основное внимание уделяется общему воздействию санкций на страну-объект. В тоже время, очевидно, что не существует легко различимого пути, связывающего экономическую проблему серьезных издержек с политической проблемой изменения политики. Поэтому в данном случае, по мнению автора, целесообразным является проведение анализа условного воздействия санкций на экономический рост.

Итак, в многочисленных исследованиях отмечается, что экономические санкции оказывают значительное влияние на экономику страны-объекта, особенно на уровень и распределение доходов. Рассматривая экономические последствия многосторонних санкций, введенных разными организациями, блоками и государствами, ученые обнаружили, что рост ВВП на подсанкционной территории снижается в среднем на 2 % в год, если страна находится под санкциями ООН, и на 1 %, если против нее введены, например, санкции США. Используя метод исследования событий, Tran Manh Ha, Doan Ngoc [14] демонстрируют, что экономические санкции негативно влияют практически на все составляющие ВВП и что негативный эффект санкций наиболее ярко проявляется в первые два года после начала санкций.

Для более четкой формализации влияния экономических санкций на экономическое благополучие в измерении и понимании фундаментальных концепций и парадигм экономической теории, предлагаем рассмотреть более конкретные целевые сферы, например, торговлю и инвестиции.

С целью анализа влияния торговых санкций используем метод моделирования кривых предложения, разработанный Кемпфером и Лоуэнбергом. Кривые предложения, или кривые взаимного спроса, показывают уровень импортных и экспортных потоков, который ожидает получить та или иная страна при условии дей-

ствия различных цен [6]. Применяя кривые предложения для изучения последствий торговых санкций, можно показать не только влияние на условия торговли для соответствующих стран, но и сделать выводы о последствиях санкций для экономического роста. На рисунке 2 продемонстрировано исходное равновесие на кривой предложения (Т) между страной, которая является потенциальным объектом экономических санкций, и ее текущими торговыми партнерами, включающими все остальные страны мира (кривая предложения W).

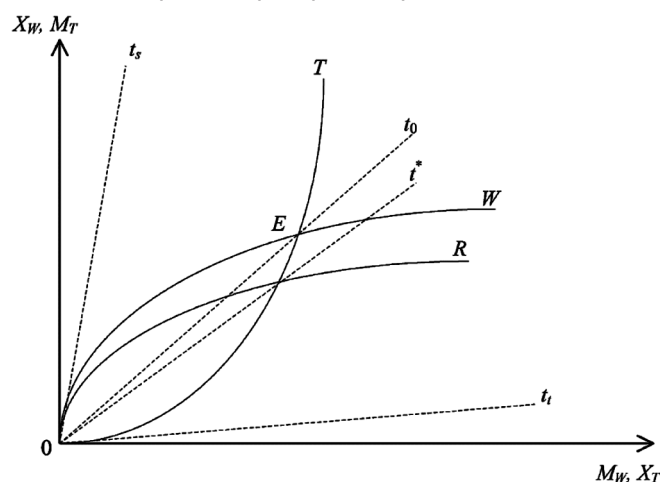

Рис. 2. Международные торговые равновесия с санкциями [9]

На рис. 2 по горизонтальной оси отложено количество экспортного товара страны T , X_T , а по вертикальной оси — количество импортного товара страны T , M_T . Мир экспортирует товар, который импортирует целевая страна, — товар на вертикальной оси ($X_W = M_T$) — и импортирует экспортный товар целевой страны на горизонтальной оси ($M_W = X_T$). Пересечение E между двумя кривыми предложения, W и T , является равновесием международной торговли. Это пересечение показывает равновесие, при котором заданные условия торговли, t_o , одновременно уравнивают спрос и предложение, то есть экспорт и импорт, на товарных рынках.

Теперь предположим, что были наложены экономические санкции страной W на страну T . Это может быть, например, полное эмбарго на торговлю определенными группами товаров. Такие меры, полностью нивелируя возможность торговли между двумя странами, вынуждают T выйти из торгового равновесия в точке E , ухудшают условия торговли с t_0 до t_t , что очевидно без введения замещающих мер, негативным образом сказывается на экономическом росте и ВВП. Однако на рисунке 1 также хорошо видны издержки эмбарго как для подсанкционной страны, так и для страны, которая эти санкции вводит. Используя ограничительные меры против своего торгового партнера, страна-субъект также навязывает себе условия автаркии по отношению к T , что влечет за собой ухудшение условий торговли этой стра-

ны до t_s . Этот отход от торгового равновесия ухудшает благосостояние для всех сторон санкционного режима, поскольку изменение условий торговли стран, применяющих санкции, от t_0 до t_s представляет собой рост цены их чистого импортируемого товара.

Согласно вышеизложенному, экономическая теория артикулирует негативный эффект влияния торговых санкций на экономический рост страны, однако реальная ситуация в РФ опровергает этот постулат. На рис. 3 показано влияние санкций на торговые операции с основными отправителями в 2022 году. Приведенные данные позволяют прийти к выводу, что эффекты от санкций были не слишком ощутимыми для экономики России (по средним оценкам на 25 % произошло сокращение

объемов торговли), помимо этого, негативные воздействия были весьма неоднородны.

Наибольший негативный эффект оказали санкции, введенные Канадой и Норвегией. Однако данная картина является не полной, если не рассматривать последствия либерализации торговых мер, предпринятых правительством России, внедренные меры стратегии диверсификации и переориентации торговых потоков на протяжении 2023–2024 гг., которые привели к тому, что торговля России с несколькими ее крупными торговыми партнерами (в частности, Китаем, Индией и Турцией) выросла сверх стандартных (и ожидаемых) эффектов отклонения торговли (см. рис. 4).

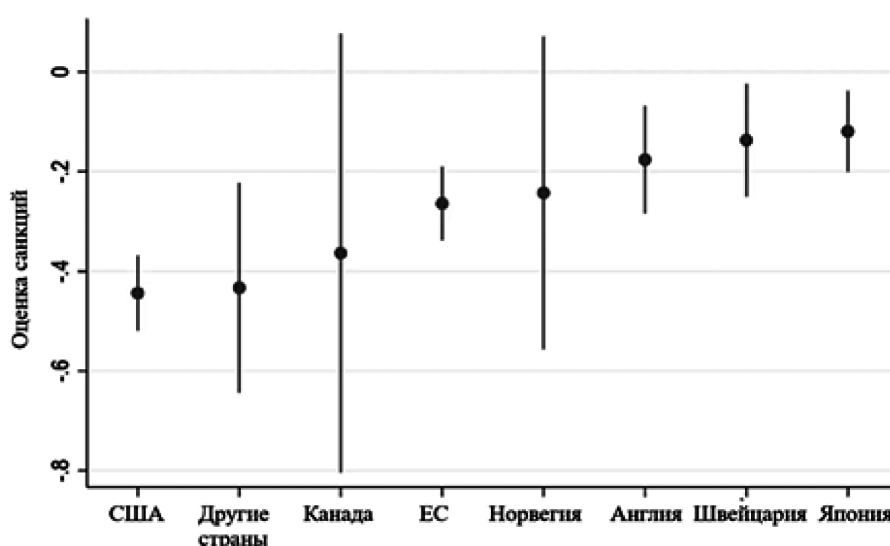

Рис. 3. Оценка влияния санкций на торговые операции РФ с основными отправителями [13]

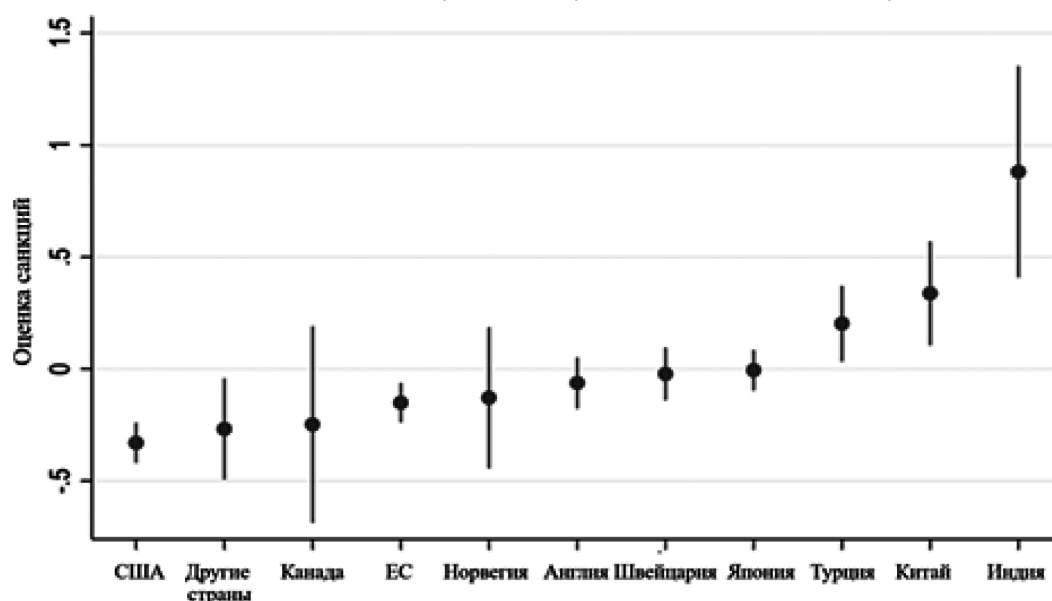

Рис. 4. Влияние санкций на торговлю России с отправителями и третьими странами после мер, принятых правительством России [13]

Таблица 2.

Линейная регрессия (влияние санкций на макроэкономические факторы в Иране) [12]

Переменная	Рост ВВП	Уровень инфляции	Политическая стабильность	Открытость торговли	Инфра-структура	Курс валют	Доходность инвестиций	Управление	Приток ПИИ
Санкции	-0.459	0.964	-0.299	0.798	0.971	0.814	-0.215	-0.827	0.789
R ²	0.211	0.929	0.089	0.637	0.944	0.662	0.046	0.684	0.622
Скорректированный R ²	0.175	0.926	0.048	0.621	0.941	0.647	0.003	0.670	0.605

Рисунок 4 показывает, что комплекс введенных санкций оказал прямо противоположный эффект на экономику России, нежели прогнозируемое падение, поскольку прямые издержки двусторонней торговли между Россией, Турцией, Китаем и Индией существенным образом снизились. Например, оценка 0,88 для торговли между Россией и Индией означает, что при прочих равных условиях торговые потоки между этими двумя странами более чем удвоилась сразу после 2022 года.

В некотором роде подобная ситуация наблюдается и с Ираном (табл. 2).

Проведенные экспертами расчеты показывают, что санкции не оказывают существенного влияния на взаимосвязь между макроэкономическими факторами и прямыми иностранными инвестициями в Иране. Кроме того, международные санкции имеют положительную связь с притоком ПИИ в страну. Это означает, что, несмотря на ограничения, некоторые транснациональные компании осознали возможности иранского рынка как развивающейся экономики и инвестировали в отрасли, находящиеся под меньшей угрозой. Более того, особые условия Ирана в годы после войны в Ираке, включая обилие природных ресурсов, географическое положение, молодое и образованное население, а также растущую экономику, определили страну как одну из целей прямых иностранных инвестиций.

Анализ непосредственного влияния политических санкций на экономический рост затруднен в связи с их общим эффектом, который скрывает различия между дифференцированными санкционными эпизодами. Кроме того, установленным является тот факт, что воздействие санкций различается в разных государствах, в зависимости от их экономической и политической институциональной среды. Так, например, санкции, направленные против политической элиты в автократической стране, создают большие экономические трудности по сравнению с санкциями против бизнес-среды. Такой результат свидетельствует о том, что политическая элита часто обладает необходимыми средствами для пере-

носа негативных последствий индивидуальных санкций на широкие слои населения и экономику страны в целом.

Инструменты санкционного давления на сегодняшний день приобрели особую популярность в качестве способа принуждения других правительств изменить свою политику. В ряде публикаций можно встретить убедительные эмпирические доказательства того, что санкции могут нанести существенный вред странам. Они приводят к падению ВВП на душу населения и его основных компонентов, особенно частных инвестиций, потребления, и торговли. Эти издержки являются необходимым условием эффективности экономических санкций. Однако спорным вопросом является утверждение, что санкции можно считать эффективными с точки зрения регулярного достижения целей и удержания долгосрочного.

Полученные результаты позволяют поставить под сомнение утверждение относительно того, что экономические и политические санкции вызывают внезапный обвал роста, создавая структурный разрыв в экономическом развитии страны-объекта ограничительных мер. Эмпирические данные России и Ирана демонстрируют противоположный эффект от санкционного давления в некоторых сферах. Это свидетельствует о том, что эффективность санкционной политики определяется гетерогенностью целевых стран, а также предпринимаемыми правительством защитными мерами.

Для успешного применения санкций в качестве инструмента внешней политики необходимо детальное исследование, учитывающее специфические аспекты каждой отрасли промышленности, экономического положения в стране, состояния финансовой системы.

Перспективы дальнейших исследований включают в себя изучение влияния санкций на страны с разным политическим устройством (автократия, демократия), степенью открытости экономики (открытые, закрытые), уровнем развития (развитые и развивающиеся).

ЛИТЕРАТУРА

1. Говорков Н.А. Влияние внешнеэкономических стратегий на экономический рост российской федерации в условиях санкций // Вопросы региональной экономики. 2024. № 3 (60). С. 194–200. EDN: FVAJTY
2. Гусев В.Б. Метод планирования реструктуризации и перехода к экономическому росту в условиях санкций // Математические методы в технологиях и технике. 2022. № 11. С. 84–87.
3. Демиденко Д.С. Возможности экономического роста промышленных предприятий России в условиях экономических санкций // Экономические науки. 2023. № 220. С. 54–59. <https://doi.org/10.14451/1.220.54>
4. Рубцова Л.Н. Возможные последствия санкционных воздействий на экономику России и способы их преодоления // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 6. С. 2123–2134. <https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114805>
5. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А. Санкционное давление на экономику России: пути преодоления издержек и выгоды конфронтации в рамках импортозамещения // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 1. С. 150–161. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161>
6. Серяпова И.В. Санкции как фактор стимулирования внутренних механизмов экономического роста // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (151). С. 149–151. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.028>
7. Титов И.А. Стимулирующая функция налоговой политики как фактор экономического роста в условиях санкционных ограничений // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 55. EDN: XWQILN
8. Constantinos Syropoulos, Gabriel Felbermayr The global sanctions data base—Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions // Review of International Economics. 2023. Issue 1. <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
9. Dongan Tan The causal effect of economic sanctions on political stability: A two-stage difference-in-differences analysis // International Journal of Social Welfare. 2024. Volume 34, Issue 1. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12707>
10. Jie Sun, Lewis Makosa Economic sanctions and shared supply chains: A firm-level study of the contagion effects of smart sanctions on the performance of nontargeted firms // European Management Review. 2022. Volume 19, Issue 1. <https://doi.org/10.1111/emre.12497>
11. Mario Larch, Serge Shikher Quantifying the impact of economic sanctions on international trade in the energy and mining sectors // Economic Inquiry. 2022. Volume 60, Issue 3. <https://doi.org/10.1111/ecin.13077>
12. Peter Egger, Constantinos Syropoulos Analyzing the effects of economic sanctions: Recent theory, data, and quantification // Review of International Economics. 2024. Volume 32, Issue 1. <https://doi.org/10.1111/roie.12724>
13. Phuc Van Are sanctions costly for the energy industry of sanctioning states? A difference-in-differences approach to sanctions during the Russia–Ukraine war // The World Economy. 2024. № 9. <https://doi.org/10.1111/twec.13604>
14. Tran Manh Ha, Doan Ngoc Thang Economic sanction and global sourcing complexity: A cross-country analysis // The World Economy. 2022. Volume 46, Issue 4. <https://doi.org/10.1111/twec.13350>
15. Yuying Jin, Xue Meng Interdependence and multilateral economic sanctions // The World Economy. 2023. Issue 3. <https://doi.org/10.1111/twec.13476>
16. European Union Agency for Criminal Justice Cooperation. Prosecution of Sanctions (Restrictive Measures) Violations in National Jurisdictions: A Comparative Analysis: Addendum. The Hague: Eurojust, 2022.

© Горбани Алиреза (ali.reza.1995@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БЮДЖЕТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ В ИТ-ПРОЕКТАХ: МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ

BUDGET PLANNING AND CONTROL IN IT PROJECTS: COST OPTIMIZATION METHODS

**M. Grin
N. Verezubova**

Summary. The purpose of this article is to develop an integrated approach to budget planning and control in IT projects, integrating modern cost optimization methods into a single, practice-oriented model. Unlike existing works that focus on individual aspects of IT budget management, this study offers a holistic view of the budget management process as a continuous cycle that requires close integration of financial and technological competencies. It was found that traditional budgeting methods based on annual planning and strict control of compliance with budget limits are ineffective in the context of rapidly changing technological landscapes and business needs. Based on the results of the conducted research, the author's development is proposed: «Cognitive cost optimization cycle in AI-based IT projects», which is a closed iterative algorithm where the optimization core is not traditional regulations, but predictive and self-learning models of artificial intelligence. The algorithm transfers cost management from the reactive mode of «plan-based analysis» to the proactive mode of «prediction and prevention». The scientific novelty of the development lies in the transition from control automation to cognitive optimization. The proposed algorithm is not a rigid sequence of steps, but rather a flexible, self-adjusting ecosystem where AI acts not as a tool, but as an active participant in the financial management process, capable of generating hypotheses, verifying them and implementing them, which fundamentally changes the role of a financial manager in an IT project from a controlling one to a strategic one.

Keywords: budget planning, IT projects, cost control, budget optimization, deviation management.

Гринь Марина Георгиевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Брянский государственный технический университет
marinagrין-3@mail.ru

Верезубова Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nverez@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является разработка комплексного подхода к бюджетному планированию и контролю в ИТ-проектах, интегрирующего современные методы оптимизации затрат в единую, практико-ориентированную модель. В отличие от существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах управления ИТ-бюджетом, данное исследование предлагает целостный взгляд на процесс бюджетного управления как на непрерывный цикл, требующий тесной интеграции финансовых и технологических компетенций. Было установлено, что традиционные методы бюджетирования, основанные на ежегодном планировании и жестком контроле соответствия бюджетным лимитам, неэффективны в условиях быстро меняющихся технологических ландшафтов и бизнес-потребностей. По результатам проведенного исследования предложена авторская разработка: «Когнитивный цикл оптимизации затрат в ИТ-проектах на основе ИИ», которая представляет собой замкнутый итеративный алгоритм, где ядром оптимизации выступают не традиционные регламенты, а предиктивные и самообучающиеся модели искусственного интеллекта. Алгоритм переводит управление затратами из реактивного режима «план-фактного анализа» в проактивный режим «предсказания и предотвращения». Научная новизна разработки заключается в переходе от автоматизации контроля к когнитивной оптимизации. Предложенный алгоритм не является жесткой последовательностью шагов, а представляет собой гибкую, самонастраивающуюся экосистему, где ИИ выступает не инструментом, а активным участником процесса управления финансами, способным к генерации гипотез, их проверке и реализации, что принципиально меняет роль финансового менеджера в ИТ-проекте с контролирующей на стратегическую.

Ключевые слова: бюджетное планирование, ИТ-проекты, контроль затрат, оптимизация бюджета, управление отклонениями.

Введение

Современная экономика характеризуется беспрецедентной зависимостью бизнеса от информационных технологий, которые превратились из вспомогательного инструмента в главный драйвер конкурентных преимуществ и инновационного развития. Глобальные тренды цифровизации, обострившиеся в условиях геополитической нестабильности и экономической турбулентности, вынуждают компании коренным

образом пересматривать традиционные подходы к бюджетному планированию и контролю в ИТ-сфере. Актуальность данной темы обусловлена тем, что грамотное планирование и контроль затрат на информационные технологии напрямую влияют на конкурентоспособность компании, эффективность бизнес-процессов и качество предоставляемых услуг. Также актуальность темы обусловлена парадоксальной ситуацией, сложившейся в управлении ИТ-бюджетами: с одной стороны, цифровая трансформация требует значительных инвестиций в тех-

нологическое развитие, с другой — растущее давление на операционные расходы заставляет компании искать пути оптимизации ИТ-затрат без ущерба для стратегических инициатив. При этом традиционные подходы к бюджетированию, основанные на ежегодном планировании и жестком закреплении бюджетных ассигнований, демонстрируют свою неэффективность в условиях быстро меняющихся технологических ландшафтов и бизнес-потребностей. Целью данной статьи является разработка комплексного подхода к бюджетному планированию и контролю в ИТ-проектах, интегрирующего современные методы оптимизации затрат в единую, практико-ориентированную модель. В отличие от существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах управления ИТ-бюджетом, данное исследование предлагает целостный взгляд на процесс бюджетного управления как на непрерывный цикл, требующий тесной интеграции финансовых и технологических компетенций.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу данного исследования составил комплекс качественных и аналитических методов, направленных на всесторонний анализ проблемы и выработку концептуальной модели управления ИТ-бюджетами. Для достижения поставленной цели был применен системный подход, позволяющий рассматривать бюджетное планирование и контроль в ИТ-проектах как многогранную проблему, требующей учета технологических, финансовых и организационных аспектов. Материалами послужили научные статьи российских и зарубежных авторов, материалы практических исследований консалтинговых и ИТ-компаний.

Результаты и обсуждения

Для раскрытия темы и достижения цели исследования необходимо, прежде всего, обратиться в теории вопроса. В научной литературе отсутствует единое определение этого понятия, при этом разные авторы трактуют его по-разному — как систему управления [6], как процесс составления и реализации бюджетов [9], или как совокупность процессов планирования, контроля и анализа [5]. Исследователи выделяют различные функции бюджетирования: от базовых (планирование, координация, стимулирование, контроль) до расширенного набора, включающего оценку эффективности и обучение менеджеров [2, 5].

Анализ источников позволил провести сравнительное исследование и оставить обобщенную характеристику традиционного и современного подходов к бюджетному планированию в ИТ-проектах (табл. 1).

Также проведенное исследование выявило комплекс взаимосвязанных проблем, с которыми сталкиваются

Таблица 1.
Сравнительная характеристика традиционного и современного подходов к бюджетному планированию в ИТ-проектах

Критерий	Традиционный подход	Современный подход
Базовый принцип	Восприятие ИТ как центра затрат	Восприятие ИТ как стратегических инвестиций
Периодичность планирования	Годовое бюджетное планирование	Непрерывное планирование с квартальными корректировками
Фокус контроля	Соблюдение бюджетных лимитов	Достижение запланированной бизнес-ценности
Ключевые метрики	Соответствие бюджету, объем освоенных средств	ROI, TCO, время реализации ценности
Управление отклонениями	Реактивное, по факту возникновения отклонений	Проактивное, на основе предиктивной аналитики
Гибкость	Жесткое закрепление бюджетных ассигнований	Динамическое перераспределение средств между проектами

Источник: составлено автором по данным [2, 3, 5–9]

организации при планировании и контроле бюджетов ИТ-проектов. Одной из наиболее острых является проблема технического долга — стоимости отсроченной модернизации технологий, которая часто мешает переходу на более экономичные модели. Как отмечают эксперты, бизнес-кейсы обычно строятся вокруг многолетних сценариев, в то время как скорость инноваций может сделать решения устаревшими до их полной амортизации. В результате более старые активы часто становятся менее совместимыми с более передовыми технологиями, что приводит к дорогостоящим обходным путям, более высоким затратам на поддержку или неспособности удовлетворить потребности бизнеса. Еще одним значимым вызовом является распространение гибридных и многокомпонентных ИТ-ландшафтов, сочетающих унаследованные системы, частные и публичные cloud-сервисы. Такая гибридизация создает значительные сложности в точном планировании и распределении затрат, особенно в условиях динамического масштабирования ресурсов. Исследования показывают, что в среднем 30 % облачных расходов тратится впустую, что требует от организаций внедрения специализированных практик управления [11].

Не менее важной проблемой является несовершенство методологии анализа бюджетных отклонений. Традиционный план-фактный анализ часто ограничивается констатацией отклонений без глубокого исследования их причин и последствий. Как отмечается в источни-

ках, эффективный анализ отклонений должен выходить за рамки простого сравнения плановых и фактических показателей, включая оценку влияния отклонений на денежные потоки и выявление критических точек возникновения несоответствий [4]. При этом важно анализировать не только неблагоприятные, но и благоприятные отклонения, поскольку последние могут указывать на заниженные плановые показатели или неучтенные резервы оптимизации.

На основе анализа современных практик управления ИТ-бюджетами были систематизированы наиболее эффективные методы оптимизации затрат, доказавшие свою результативность в условиях цифровой экономики.

ИТ-финансовый менеджмент (ITFM) представляет собой системный подход к управлению затратами на информационные технологии, обеспечивающий полную прозрачность и обоснованность ИТ-инвестиций. Главным элементом данного подхода является категоризация расходов по различным признакам: оборудование, ПО, облачные сервисы, персонал, аутсорсинг. Специализированные ITFM-платформы позволяют проводить детальный анализ затрат, выявлять неиспользуемые и малоэффективные ресурсы, оптимизировать договоры с поставщиками [8]. Реализация ITFM позволяет перейти от восприятия ИТ как черного ящика к управлению ИТ-затратами как портфелем инвестиций, каждая из которых должна приносить измеримую бизнес-ценность.

Методы анализа и управления отклонениями составляют основу эффективного бюджетного контроля в ИТ-проектах. Исследование показало, что эффективная система управления отклонениями должна включать несколько взаимосвязанных аналитических методов. План-фактный анализ позволяет выявить и оценить абсолютные и относительные отклонения фактически достигнутых результатов от запланированных в бюджете [4].

Оптимизация ИТ-инфраструктуры остается одним из наиболее действенных направлений снижения затрат в ИТ-проектах. Консолидация серверов и виртуализация позволяют значительно снизить расходы на оборудование и электроэнергию, улучшить утилизацию ресурсов и упростить управление ИТ-инфраструктурой. Использование облачных технологий обеспечивает экономию за счет модели *pay-as-you-go* — оплаты только за используемые ресурсы — и автоматического масштабирования мощностей [8]. Оптимизация затрат на программное обеспечение достигается за счет комплекса мер, включающих аудит и управление лицензиями, переход на открытое программное обеспечение и централизованное управление лицензиями. Практика показывает, что компании часто переплачивают за ненужные лицензии, при этом во многих случаях бесплатные аналоги коммерческих решений могут обеспечивать аналогичный функционал.

Автоматизация ИТ-процессов позволяет значительно снизить затраты на поддержку и управление ИТ-инфраструктурой. Внедрение DevOps-практик, использование CI/CD-пайплайнов, создание скриптов и ботов для рутинных задач — все это способствует снижению операционных расходов и повышению эффективности ИТ-команды [8]. Как отмечают эксперты, автоматизация не только сокращает прямые затраты на персонал, но и минимизирует влияние человеческого фактора, снижая вероятность ошибок и простоев систем.

Успешная реализация методов оптимизации ИТ-затрат требует существенных изменений в организационной культуре и процессах. Исследование выявило, что главным препятствием на пути внедрения современных подходов к бюджетному управлению является организационная инерция и сопротивление изменениям. Большинство компаний использовали проверенные методы ужесточения контроля над затратами для решения проблем с затратами. Различие сейчас заключается в том, что главным рычагом является не выявление потерь или снижение стоимости одних и тех же вещей из года в год, а постоянный пересмотр основ.

Еще одной значимой проблемой является разрозненность и непрозрачность систем записи и моделей принятия решений. Как правило, отдельные отделы отслеживают показатели и индикаторы, которые наиболее важны для их ролей. Это может изолировать отдельный элемент стоимости. Например, когда контакт-центры сокращают свои затраты способами, которые создают неудобства для внутренних и внешних клиентов, которых они поддерживают. Менее очевидным примером являются модели закупок, которые рассматривают только отдельный приобретаемый компонент, а не влияние, которое этот выбор окажет на общую стоимость решения [3, 7].

Важным организационным аспектом является формирование культуры финансовой дисциплины в ИТ-подразделениях. Как отмечают эксперты, успешная оптимизация затрат требует сдвига в мышлении. Организации должны сместить фокус на размышления об оптимизации затрат как о постоянной деятельности, а не как о разовой практике. Это предполагает изменение системы мотивации ИТ-специалистов, внедрение показателей экономической эффективности в KPI и создание системы непрерывного обучения в области финансовой грамотности [1, 10].

Особое место в организационных изменениях занимает внедрение сквозных процессов управления бюджетом, обеспечивающих интеграцию между ИТ-подразделениями и бизнес-заказчиками. Как показало исследование, плохое взаимодействие между этими двумя группами может препятствовать способности организации достигать своих цифровых целей. Для решения

этой проблемы организации все чаще используют Agile и DevOps подходы для достижения своих целей своевременным образом. Эти подходы позволяют организовать итеративную разработку с непрерывной обратной связью от бизнес-заказчиков, что обеспечивает более точное соответствие ИТ-результатов бизнес-потребностям и снижает риск нецелевого использования бюджетных средств.

По результатам проведенного исследования предложена авторская разработка: «Когнитивный цикл оптимизации затрат в ИТ-проектах на основе ИИ», которая представляет собой замкнутый итеративный алгоритм, где ядром оптимизации выступают не традиционные регламенты, а предиктивные и самообучающиеся модели искусственного интеллекта. Алгоритм переводит управление затратами из реактивного режима «план-фактного анализа» в проактивный режим «предсказания и предотвращения».

На первой стадии «Когнитивный аудит и формирование цифрового двойника затрат» происходит не просто сбор данных, а их комплексное слияние из всех систем организации: систем мониторинга облачных провайдеров, систем управления финансами, репозитория кода и систем коммуникации. На основе этих разрозненных данных ИИ-модель создает «цифрового двойника» ИТ-затрат проекта. Этот двойник не просто отражает текущее состояние, но и выявляет скрытые причинно-следственные связи, например, как количество мердж-реквестов в master ветку влияет на рост затрат на тестовые среды или как низкое качество кода в определенном модуле увеличивает стоимость его поддержки.

На второй стадии «Предиктивное бюджетирование и сценарное моделирование» вместо статичного бюджета, основанного на исторических данных, система на основе ИИ генерирует динамическую финансовую модель. Модель учитывает множество переменных: волатильность ключевой ставки, курсы валют, сезонность спроса на ИТ-ресурсы, планы выхода новых версий программного обеспечения и даже геополитические риски. Лидер проекта может запускать сценарное моделирование, задавая вопросы, например, «как оптимизировать затраты при сокращении команды на 15 %?». ИИ предоставляет вероятностный прогноз и рекомендации по каждому сценарию.

На третьей стадии «Автономный мониторинг и аномалии» система в режиме реального времени отслеживает финансовые и операционные метрики, используя алгоритмы машинного обучения для обнаружения аномалий. В отличие от традиционных систем, которые срабатывают при превышении лимита, ИИ идентифицирует отклонения в паттернах поведения. Например, он может обнаружить, что потребление вычислительных ресурсов

растет нехарактерными темпами для текущей нагрузки, и автоматически выявить причину — например, неоптимизированный запрос в базу данных, который начал выполняться после последнего обновления.

На четвертой стадии «Генерация гипотез оптимизации и A/B тестирование» на основе выявленных аномалий и данных прогнозов ИИ переходит от диагностики к генерации решений. Он формирует конкретные гипотезы для оптимизации, например, «перевод сервиса X на бессерверную архитектуру снизит месячные затраты на 23 %». Далее система может самостоятельно или с утверждения менеджера запускать тесты в изолированных средах, чтобы оценить реальный экономический эффект и потенциальные риски до масштабного внедрения.

На следующей стадии «Автоматизированная реализация и оркестрация» для проверенных гипотез система переходит к автоматизированному исполнению. Интегрируясь с системами оркестрации (например, Terraform, Kubernetes), ИИ может автоматически масштабировать инфраструктуру вниз в нерабочие часы, переключать типы виртуальных машин на более экономичные, останавливать неиспользуемые ресурсы или переносить вычислительные нагрузки между облачными регионами с более низкой стоимостью.

На заключительной фазе цикла «Стратегическая рефлексия и отчетность» ИИ готовит аналитический отчет не в виде таблиц с цифрами, а в форме вывода. Он объясняет, какие факторы оказали наибольшее влияние на бюджет в отчетном периоде, оценивает успешность принятых решений и формирует стратегические рекомендации для руководства по пересмотру инвестиционной политики, архитектурных принципов или процессов разработки для долгосрочного снижения стоимости владения ИТ.

Основное отличие алгоритма — его способность к самообучению. Каждое действие, его результат (экономика или перерасход) и внешние факторы фиксируются и отправляются в тренировочный контур модели, что позволяет алгоритму постоянно уточнять свои прогнозы и рекомендации, адаптируясь к специфике конкретной компании, команды и технологического стека. Эффективность алгоритма со временем не падает, а возрастает.

Научная новизна разработки заключается в переходе от автоматизации контроля к когнитивной оптимизации. Предложенный алгоритм не является жесткой последовательностью шагов, а представляет собой гибкую, самонастраивающуюся экосистему, где ИИ выступает не инструментом, а активным участником процесса управления финансами, способным к генерации гипотез, их проверке и реализации, что принципиально меняет роль финансового менеджера в ИТ-проекте с контролирующей на стратегическую.

Выводы

Проведенное исследование показало, что эффективное бюджетное планирование и контроль в ИТ-проектах требуют принципиально новых подходов, адекватных вызовам цифровой трансформации. Было установлено, что традиционные методы бюджетирования, основанные на ежегодном планировании и жестком контроле соответствия бюджетным лимитам, неэффективны в условиях быстро меняющихся технологических ландшафтов и бизнес-потребностей. По результатам проведенного исследования предложена авторская разработка: «Когнитивный цикл оптимизации затрат в ИТ-проектах на основе ИИ», которая представляет собой замкнутый итеративный алгоритм, где ядром оптимизации выступа-

ют не традиционные регламенты, а предиктивные и самообучающиеся модели искусственного интеллекта. Алгоритм переводит управление затратами из реактивного режима «план-фактного анализа» в проактивный режим «предсказания и предотвращения». Научная новизна разработки заключается в переходе от автоматизации контроля к когнитивной оптимизации. Предложенный алгоритм не является жесткой последовательностью шагов, а представляет собой гибкую, самонастраивающуюся экосистему, где ИИ выступает не инструментом, а активным участником процесса управления финансами, способным к генерации гипотез, их проверке и реализации, что принципиально меняет роль финансового менеджера в ИТ-проекте с контролирующей на стратегическую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагин, А.Ю. Мотивация сотрудников ИТ-организаций: компетентностный подход / А.Ю. Брагин, Е.П. Особов // Современные проблемы инновационной экономики. — 2023. — № 9. — С. 49–53. — DOI 10.52899/978-5-88303-653-7_49.
2. Губарева, А.В. Глава 4. Бюджетирование на предприятии / А. В. Губарева // Экономика и управление организацией. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. — С. 121–129.
3. Емельянова, Н.З. Особенности формирования ИТ-бюджета в современных условиях // Информационные технологии в управлении. — 2024. — №6. — С. 136–148.
4. Мостовой, О. Анализ отклонений как инструмент контроля и принятия решений // Strategic-line. — URL: <https://www.strategic-line.ru/index.files/materials30-publications-finance-critical-deviations-Oleg-Mostovoy.htm> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Николаев, В.А. Теоретические аспекты исследования понятия «бюджетирование» и его постановка в торговой деятельности организации / В.А. Николаев // Микроэкономика. — 2011. — № 3. — С. 158–162.
6. Самочкин, В.Н., Пронин Ю.Б., Логачева Е.Н. и др. Гибкое развитие предприятия: Эффективность и бюджетирование. — М.: Дело, 2002. — 352 с.
7. Цыренов, Д.Д. Оценка затрат на ИТ в крупной фирме: подходы, модели, необходимые исходные данные / Д.Д. Цыренов, А.П. Плотникова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2025. — № 6. — С. 185–190.
8. Шадрин, А. Оптимизация ИТ-бюджета: как сократить расходы без ущерба для бизнеса // РБК. Компании. — 2025. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/ChtyrrLrwY/optimizatsiya-it-byudzheta-kak-sokratit-rashodyi-bez-uscherba-dlya-biznesa/?ysclid=mhdgt6vjeg378153554> (дата обращения: 28.10.2025).
9. Циборщ, К.В. Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России. М.: Дело и Сервис, 2005. — 544 с.
10. Boggs, A., Glickman J. Five areas of focus for IT cost optimization // Ernst & Young Global Limited. — 2023. — URL: https://www.ey.com/en_us/insights/financial-services/five-areas-of-focus-for-it-cost-optimization (date of application: 28.10.2025).
11. Williams, R. IT Budget Planning for 2025: Tips and Considerations // Platform24. — 2025. — URL: <https://platform24.com.au/blog/it-budget-planning-for-2025-tips-and-considerations/> (date of application: 28.10.2025).

© Гринь Марина Георгиевна (marinagrinn@mail.ru); Вепезубова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ КОМАНДЫ В ИТ-ПРОЕКТАХ: СТРАТЕГИЯ МОТИВАЦИИ И ЛИДЕРСТВА

FORMING AN EFFECTIVE TEAM IN IT PROJECTS: MOTIVATION AND LEADERSHIP STRATEGY

**M. Grin
N. Verezubova**

Summary. The purpose of this study is to identify the problems and determinants of teamwork effectiveness in the IT field and to develop a holistic approach to the formation and development of project teams that are resilient to the challenges of a dynamic environment. As a practical result of this research, the author's development is proposed — the «IT Team Viability Cycle», which is an iterative algorithm for the continuous development of a project team consisting of eight interrelated phases. The model is presented as a continuous spiral of development, emphasizing the iterative and progressive movement of the team towards higher levels of maturity and efficiency. The scientific and practical novelty of the development consists in the following aspects. The allocation of a separate phase for the purposeful formation of an emphasis on psychological safety underlines its critical importance as a basis for innovation and effective collaboration. Phase 8 formalizes the organizational learning process at the team level, turning a one-time success into a sustainable competitive advantage for the company. The presented cycle is adaptive, which indicates the flexibility of the model. For stable teams, it is possible to switch from phase 8 to phase 4, bypassing re-profiling. For new projects from scratch, complete passage of all phases. This development provides IT project managers with a structured roadmap for building not only productive, but also sustainable, self-developing teams capable of thriving in the face of constant change.

Keywords: IT project management, team building, staff motivation, leadership, IT Specialist.

Гринь Марина Георгиевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Брянский государственный технический университет
marinagrinn-3@mail.ru

Вerezubova Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nvez@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования — выявить проблемы и детерминанты эффективности командной работы в ИТ-сфере и разработать целостный подход к формированию и развитию проектных групп, устойчивых к вызовам динамичной среды. В качестве практического результата данного исследования предложена авторская разработка — «Цикл жизнеспособности ИТ-команды», представляющая собой итеративный алгоритм непрерывного развития проектной группы, состоящий из восьми взаимосвязанных фаз. Модель представлена в виде непрерывной спирали развития, подчеркивающей итеративность и поступательное движение команды к более высоким уровням зрелости и эффективности. Научная и практическая новизна разработки заключается в следующих аспектах. Выделение отдельной фазы для целенаправленного формирования акцента на психологической безопасности подчеркивает его критическую важность как основы для инноваций и эффективной совместной работы. Фаза 8 формализует процесс организационного обучения на уровне команды, превращая разовый успех в устойчивое конкурентное преимущество компании. Представленный цикл является адаптивным, что свидетельствует о гибкости модели. Для стабильных команд возможен переход с фазы 8 на фазу 4, минуя повторное профилирование. Для новых проектов с нуля — полный проход всех фаз. Данная разработка предоставляет руководителям ИТ-проектов структурированную дорожную карту для построения не просто результативных, но и устойчивых, саморазвивающихся команд, способных процветать в условиях постоянных изменений.

Ключевые слова: управление ИТ-проектами, командообразование, мотивация персонала, лидерство, ИТ-специалист.

Введение

Современная экономика характеризуется беспрецедентной скоростью технологических изменений, где ИТ-проекты становятся не просто инструментом оптимизации бизнес-процессов, а основным драйвером конкурентных преимуществ и инновационного развития. Однако до сих пор множество ИТ-проектов терпят неудачи, одной из причин чего являются проблемы в человеческой сфере: низкая сплоченность команды, неэффективная коммуникация, демотивация сотрудников и неадекватное лидерство, что обусловило

актуальность темы исследования. Цель статьи — выявить проблемы и детерминанты эффективности командной работы в ИТ-сфере и разработать целостный подход к формированию и развитию проектных групп, устойчивых к вызовам динамичной среды.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составил качественный анализ данных, включающий обзор научной литературы, практический опыт руководителей ИТ-проектов и кейсы успешных компаний. Для достижения

поставленной цели был применен системный подход, позволяющий рассматривать ИТ-команду как сложную социотехническую систему, находящуюся в постоянном взаимодействии с внешней средой.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование позволило выявить комплекс взаимосвязанных проблем, с которыми сталкиваются руководители при формировании команд в ИТ-проектах: сложности профессионального самоопределения, мотивации; требования профессиональной пригодности, готовности к данному виду профессионального труда; трудности в сфере профориентации, профессиональной диагностики в системе непрерывного образования, дополнительной квалификации и переподготовки кадров [3, 4, 9]. Высокая текучесть кадров, особенно среди наиболее талантливых разработчиков, синдром эмоционального выгорания, усугубленный режимом постоянной многозадачности и когнитивной перегрузки, а также вызовы, связанные с интеграцией распределенных и разнородных по культурному коду команд, делают традиционные подходы к управлению персоналом малоприменимыми [7, 9].

Одной из наиболее актуальных является проблема мотивации. Традиционные системы мотивации, основанные исключительно на материальном стимулировании, демонстрируют свою ограниченность в отношении ИТ-специалистов. Как показывают практические исследования, для высококвалифицированных ИТ-специалистов главными стимулами выступают не столько денежное вознаграждение, сколько комплекс факторов, включающий ощущение смысла и значимости выполняемой ра-

боты, возможность профессионального роста и работы с новейшими технологиями, а также степень автономии и свободы в принятии решений [6, 8, 10]. Это полностью согласуется с теорией самодетерминации Деси и Райана, согласно которой внутренняя мотивация базируется на трех китах: компетентности, автономии и связанности [11]. В контексте ИТ-проекта это означает, что специалист должен чувствовать, что его навыки развиваются (компетентность), он имеет пространство для маневра и творчества (автономия) и ощущает себя частью сообщества, разделяющего общие цели (связанность).

Не менее важной проблемой является поиск адекватного стиля лидерства. Авторитарный, жестко директивный стиль, как правило, демотивирует творческих специалистов и подавляет их инициативу. В то же время, полностью попустительский подход в условиях высоких рисков и неопределенности ИТ-проекта может привести к хаосу и срыву сроков [1, 2, 5].

В качестве практического результата данного исследования предлагается авторская разработка — «Цикл жизнеспособности ИТ-команды». Эта модель представляет собой итеративный алгоритм непрерывного развития проектной группы, состоящий из восьми взаимосвязанных фаз. Ниже представлена диаграмма, визуализирующая описанный выше 8-фазный цикл. Она выполнена в виде непрерывной спирали развития, подчеркивающей итеративность и поступательное движение команды к более высоким уровням зрелости и эффективности (рис. 1).

Фаза 1 — глубокая диагностика и профилирование. На этой начальной стадии происходит не просто оцен-

Рис. 1. Графическое представление разработки «Расширенный цикл жизнеспособности ИТ-команды»

ка профессиональных навыков, а комплексный анализ каждого потенциального члена команды. Руководитель совместно с HR формирует многослойный профиль специалиста, который включает в себя технические компетенции, мягкие навыки, мотивационную структуру, а также его предпочитаемую роль в команде по методологии Белбина (например, «исполнитель», «мыслитель», «координатор»). Также оценивается устойчивость к стрессу и склонность к работе в условиях неопределенности.

Фаза 2 — стратегическое проектирование рабочей среды. На основе собранных профилей осуществляется не сборка группы, а именно проектирование экосистемы, в которой команда будет существовать. Это включает в себя формальные аспекты: утверждение регламентов коммуникации, определение инструментов управления задачами и документацией, установление принципов принятия архитектурных решений. Но что еще важнее — проектируются неформальные элементы: ритуалы (ежедневные планерки), принципы конструктивной обратной связи и механизмы разрешения конфликтов. Для распределенных команд особое внимание уделяется созданию цифрового пространства для неформального общения.

Фаза 3 — целенаправленная интеграция и формирование безопасности. После формирования команды запускается процесс ее «спаивания». Главная задача этой фазы — создание атмосферы психологической безопасности, когда любой член команды может задать вопрос, предложить смелую идею или признаться в ошибке без страха быть осмеянным или наказанным. На этом этапе проводятся стартовые воркшопы по разработке документа, который фиксирует общее видение, цели, ценности и правила взаимодействия. Лидер выступает в роли фасилитатора, помогая группе сформулировать эти принципы самостоятельно.

Фаза 4 — оперативный запуск и адаптация. Команда приступает к работе над первыми задачами в рамках выбранной методологии. Роль лидера на этой стадии максимально активна и близка к директивному стилю: он помогает расставить приоритеты, устраняет первоначальные организационные и технические препятствия, обеспечивает команду всеми необходимыми ресурсами. Он внимательно наблюдает за групповой динамикой, выявляя первые трения и точки напряжения, и мягко корректирует процесс, не подавляя при этом инициативу.

Фаза 5 — непрерывное развитие и поддержка. Когда команда достигает первоначальной операционной эффективности, фокус лидера смещается с тактического управления на стратегическое развитие. Запускаются процессы менторства и парного программирования для передачи знаний. Регулярно проводятся ретроспективы, направленные не на поиск виноватых, а на совершен-

ствование процессов. Лидер инициирует обсуждение карьерных траекторий каждого участника, обеспечивая возможность профессионального роста внутри проекта. Мониторинг индекса удовлетворенности и признаков выгорания становится регулярной практикой.

Фаза 6 — полная синергия и максимальная производительность. Это фаза зрелости команды, когда она функционирует как слаженный, самоорганизующийся организм. Члены команды эффективно коммуницируют, самостоятельно распределяют задачи и разрешают большую часть конфликтов. Роль лидера трансформируется в роль «служилого лидера»: он защищает команду от внешнего вмешательства, обеспечивает ее стратегическим контекстом, занимается развитием связей с другими командами и стейкхолдерами. Его основная задача — не мешать, а создавать условия для максимальной реализации потенциала группы.

Фаза 7 — целенаправленная регенерация и перезагрузка. После завершения крупного этапа или проекта команда не просто переходит к следующим задачам. Выделяется специальное время для осмысленного «творческого отпуска». Это может быть хакатон по исследованию новых технологий, работа над pet-проектом, участие в конференции или командный обучающий воркшоп. Цель — предотвратить профессиональное выгорание, обновить знания и вдохнуть новую энергию в коллектив. Проводится глубокая итоговая ретроспектива, извлекаются и документируются уроки.

Фаза 8 — систематизация знаний и стратегическое планирование. Завершающая фаза цикла направлена на извлечение долгосрочной ценности из опыта команды. Формализуются и сохраняются в базе знаний лучшие практики, шаблоны решений, архитектурные находки. Лидер анализирует эффективность пройденного цикла, оценивая, какие из примененных подходов к мотивации и организации работы сработали лучше всего. На основе этого анализа проводится корректировка и ставятся стратегические цели на следующий виток развития, после чего цикл закрывается и начинается заново с Фазы 1 (или 4, если состав команды не претерпел значительных изменений).

Переход от фазы 8 к фазе 1 не обязательный: опыт, систематизированный на фазе 8, становится входными данными для более качественной диагностики и проектирования при запуске нового проекта или следующей итерации.

Научная и практическая новизна разработки заключается в следующих аспектах. Выделение отдельной фазы (фаза 3) для целенаправленного формирования акцента на психологической безопасности подчеркивает его критическую важность как основы для инноваций

и эффективной совместной работы. Фаза 8 формализует процесс организационного обучения на уровне команды, превращая разовый успех в устойчивое конкурентное преимущество компании. Представленный цикл является адаптивным, что свидетельствует о гибкости модели. Для стабильных команд возможен переход с фазы 8 на фазу 4, минуя повторное профилирование. Для новых проектов с нуля — полный проход всех фаз.

Данная разработка предоставляет руководителям ИТ-проектов структурированную дорожную карту для построения не просто результативных, но и устойчивых, саморазвивающихся команд, способных процветать в условиях постоянных изменений.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило первоначальную гипотезу о том, что формирование эффективной команды в ИТ-проектах является многогранной проблемой, требующей выхода за рамки технического менеджмента и глубокого понимания психологических и социальных аспектов командной динамики. Было установлено, что традиционные, универсальные подходы к мотивации и лидерству малоэффективны в креативной и высоко динамичной среде ИТ-разработки. В качестве

практического результата данного исследования предложена авторская разработка — «Цикл жизнеспособности ИТ-команды», представляющая собой итеративный алгоритм непрерывного развития проектной группы, состоящий из восьми взаимосвязанных фаз. Модель представлена в виде непрерывной спирали развития, подчеркивающей итеративность и поступательное движение команды к более высоким уровням зрелости и эффективности. Научная и практическая новизна разработки заключается в следующих аспектах. Выделение отдельной фазы для целенаправленного формирования акцента на психологической безопасности подчеркивает его критическую важность как основы для инноваций и эффективной совместной работы. Фаза 8 формализует процесс организационного обучения на уровне команды, превращая разовый успех в устойчивое конкурентное преимущество компании. Представленный цикл является адаптивным, что свидетельствует о гибкости модели. Для стабильных команд возможен переход с фазы 8 на фазу 4, минуя повторное профилирование. Для новых проектов с нуля — полный проход всех фаз. Данная разработка предоставляет руководителям ИТ-проектов структурированную дорожную карту для построения не просто результативных, но и устойчивых, саморазвивающихся команд, способных процветать в условиях постоянных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагин, А.Ю. Мотивация сотрудников ИТ-организаций: компетентностный подход / А.Ю. Брагин, Е.П. Особов // Современные проблемы инновационной экономики. — 2023. — № 9. — С. 49–53. — DOI 10.52899/978-5-88303-653-7_49.
- Водопьянова, Н.Е., Журина М.А. Особенности ценностно-мотивационной сферы ИТ-специалистов // Педагогика. Психология. СоциокINETика. — 2020. — № 2. — С. 91–99.
- Демиденко, Н.Н. Глава 10. Профессиограмма ИТ-специалиста с учетом психологических особенностей его деятельности / Н.Н. Демиденко, Е.А. Ератина // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. — Тверь: Тверской государственный университет, 2021. — С. 151–160.
- Исламова, Э.Х. Анализ современных научных исследований профессионально важных качеств ИТ специалистов / Э.Х. Исламова // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XXXVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2024 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. — С. 224–227.
- Королева, А.А. Особенности мотивации профессиональной деятельности ИТ-специалистов / А.А. Королева // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 114-2. — С. 92–97. — DOI 10.18411/trnio-10-2024-75.
- Круг, Э.А. Практический опыт мотивации ИТ-специалистов // Прогрессивная экономика. — 2021. — №7. — С. 5–18.
- Михайлов, А.А. Особенности мотивации ИТ-специалистов // Естественно-гуманитарные исследования. — 2020. — № 28 (2). — С. 185–189.
- Мотивация ИТ-персонала. Что, кроме денег, нужно айтишнику? // HR-академия. — URL: https://hr-academy.ru/to_help_article.php?id=269 (дата обращения: 28.10.2025).
- Муратова, А.И. Цифровая трансформация: кадровая политика ИТ в подразделениях организаций / А.И. Муратова, В.С. Логанова // Мавлютовские чтения : Материалы XVII Всероссийской молодежной научной конференции. В 9-ти томах, Уфа, 21–23 ноября 2023 года. — Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024. — С. 629–635.
- Трунов, И. Как мотивировать сотрудников диджитал-поколения на ИТ-рынке // Электронный журнал «Контур». — URL: https://kontur.ru/articles/49078-kak_motivirovat_sotrudnikov_didzhitai_pokoleniya?ysclid=mhc0sb9dso727468658 (дата обращения: 28.10.2025).
- Ryan, R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. — 2000. — №1. — pp. 68–78.

© Гринь Марина Георгиевна (marinagrinn-3@mail.ru); Верекубова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ, ВЫЗОВЫ И ДРАЙВЕРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

LABOR MARKET TRANSFORMATION IN THE VLADIMIR REGION: REGIONAL DISPROPORTIONS, CHALLENGES, AND DRIVERS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

R. Davydov

Summary. This article is dedicated to a comprehensive analysis of the transformation of the regional labor market in the Vladimir Region, which is occurring under the conditions of modern socio-economic changes. The study examines and systematizes key employment trends, analyzes the structure of the labor market, and identifies territorial, sectoral, and skill-based disproportions. The article identifies the key challenges that determine the dynamics of the labor market, namely: demographic and technological factors, including migration outflow and the mismatch between the professional and skill-based training of specialists and the current demands of the regional economy. Special attention is given to analyzing the drivers of sustainable development, specifically: the development of human capital, support for the small and medium-sized enterprise sector, stimulation of public-private partnerships, and the intensification of innovative and promising sectors of the economy. The results obtained allow for the formulation of scientifically sound and practically significant recommendations for government authorities, employers, and educational institutions, aimed at minimizing existing disproportions and strengthening the socio-economic sustainability of the region.

Keywords: Vladimir Region, labor market, regional disproportions, employment, unemployment, sustainable development, human capital, public-private partnership, innovative sectors, demographic challenges.

Давыдов Роман Владимирович

Аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Владимирский филиал
sawer@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу трансформации регионального рынка труда Владимирской области, происходящей в условиях современных социально-экономических изменений. В рамках исследования рассмотрены и систематизированы ключевые тенденции занятости, проанализирована структура рынка труда и выявлены территориальные, отраслевые и квалификационные диспропорции. Выявлены ключевые вызовы, детерминирующие динамику рынка труда, а именно: демографические и технологические факторы, включая миграционный отток и несоответствие профессионально-квалификационной подготовки специалистов актуальным запросам региональной экономики. Особое внимание уделено анализу драйверов устойчивого развития, в частности: развитию человеческого капитала, поддержке сектора малого и среднего предпринимательства, стимулированию государственно-частного партнёрства и интенсификации инновационных и перспективных секторов экономики. Полученные результаты позволяют сформулировать научно обоснованные и практически значимые рекомендации для органов государственной власти, работодателей и образовательных учреждений, направленные на минимизацию существующих диспропорций и укрепление социально-экономической устойчивости региона.

Ключевые слова: Владимирская область, рынок труда, региональные диспропорции, занятость, безработица, устойчивое развитие, человеческий капитал, государственно-частное партнёрство, инновационные секторы, демографические вызовы.

Введение

В настоящее время современный рынок труда в Российской Федерации претерпевает существенные изменения, детерминированные как макроэкономическими, так и региональными факторами. В частности, усиление глобальных и национальных вызовов, таких как демографические сдвиги, технологические инновации и социокультурные трансформации, обуславливает необходимость пересмотра традиционных подходов к занятости и поиска адекватных моделей устойчивого развития. В связи с этим, особую значимость приобретает исследование региональных рынков труда, поскольку именно на уровне субъектов Федерации формируются

специфические диспропорции, а также выявляются уникальные возможности для их преодоления.

В данном контексте Владимирская область, характеризующаяся синергией промышленного и аграрного потенциала, специфической демографической структурой и географической близостью к крупнейшему центру притяжения трудовых ресурсов — Московскому региону, может рассматриваться как репрезентативный пример трансформации рынка труда в условиях структурных изменений. Например, в регионе наблюдаются противоречивые тенденции: относительно низкий уровень регистрируемой безработицы сопряжен с острым дефицитом квалифицированных специалистов, а мигра-

ционный отток населения сосуществует с ростом спроса на новые профессии в высокотехнологичных секторах экономики.

Таким образом, анализ региональных диспропорций рынка труда Владимирской области обладает не только теоретическим, но и выраженным прикладным значением. Прежде всего, он позволяет выявить критические зоны, связанные с территориальным и отраслевым неравенством, объективно оценить влияние демографических и технологических вызовов, а также идентифицировать ключевые драйверы устойчивого развития.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ динамики рынка труда Владимирской области в контексте его трансформации, с последующим выявлением региональных диспропорций, анализом вызовов и определением драйверов устойчивого развития.

Основные результаты

В целом, рынок труда представляет собой ключевую подсистему социально-экономического развития региона, отражающую взаимодействие между спросом на рабочую силу со стороны хозяйствующих субъектов и её предложением со стороны экономически активного населения. Специфика данного рынка заключается в его территориальной ограниченности и зависимости от уровня экономического развития, отраслевой структуры производства и демографических характеристик населения. В условиях усиления глобальных трансформационных процессов именно региональный рынок труда становится ареной, где наиболее отчётливо проявляются социальные и экономические диспропорции. В научной литературе рынок труда традиционно трактуется как система экономических отношений, обеспечивающая воспроизводство, распределение и эффективное использование рабочей силы [5]. В этой связи региональный рынок труда обладает рядом специфических особенностей, включая ограниченность трудовых ресурсов, обусловленную демографическими характеристиками территории, зависимость от специализации и структуры региональной экономики, существенные различия в уровне занятости и доходов между городскими и сельскими территориями, а также высокую чувствительность к миграционным потокам [9]. Таким образом, региональный рынок труда выступает не только как экономическая, но и как социальная система, тесно взаимосвязанная с качеством жизни населения и перспективами устойчивого развития территории.

Исследование трансформаций в сфере занятости, как правило, базируется на нескольких фундаментальных теоретических подходах. Неоклассический подход акцентирует внимание на механизмах спроса и предло-

жения, объясняя возникающие диспропорции неэффективностью распределения ресурсов. Институциональный подход, напротив, рассматривает рынок труда как сложную систему, в которой ключевую роль играют социальные институты — государство, профессиональные союзы и образовательные учреждения. Эволюционный подход фокусируется на динамике занятости, профессиональной мобильности и структурных изменениях в профессиях, вызванных научно-технологическим прогрессом. И, наконец, региональный подход выделяет пространственные различия в занятости и доходах, подчёркивая необходимость учёта специфики каждой территории при разработке регулирующих мер [10; 13].

Анализ трансформации регионального рынка труда требует применения комплексной системы показателей и индикаторов. В качестве ключевых индикаторов могут быть выделены: уровень занятости и безработицы (включая скрытую), структура занятости по отраслям, полу, возрасту и уровню образования, коэффициенты профессиональной и территориальной мобильности, уровень и дифференциация доходов населения, а также производительность труда и соответствие кадрового потенциала запросам экономики. Для выявления региональных диспропорций широко применяются методы сравнительного анализа, индексные и кластерные методы, а также корреляционно-регрессионное моделирование, что позволяет установить взаимосвязи между характеристиками рынка труда и социально-экономическими параметрами региона [3]. Таким образом, теоретико-методологические основы анализа трансформации рынка труда предполагают комплексный подход, включающий учёт структурных особенностей региона, институциональных факторов и динамики социальных процессов. Это позволяет не только выявлять характерные диспропорции, но и определять стратегические направления для устойчивого развития территории.

Результаты исследования

Анализ социально-экономического положения Владимирской области, субъекта Российской Федерации, расположенного в Центральном федеральном округе, позволяет охарактеризовать его как регион со смешанной структурой экономики, где ключевую роль играют промышленность, сельское хозяйство и сфера услуг. При этом промышленный сектор занимает доминирующее положение в структуре валового регионального продукта, что обуславливает его статус базового драйвера экономического развития.

Представляется целесообразным рассмотреть уровень безработицы (рис. 1) как ключевой индикатор, позволяющий осуществить оценку доли незанятого населения в структуре экономически активных граждан. По существу, безработица является отрицательным

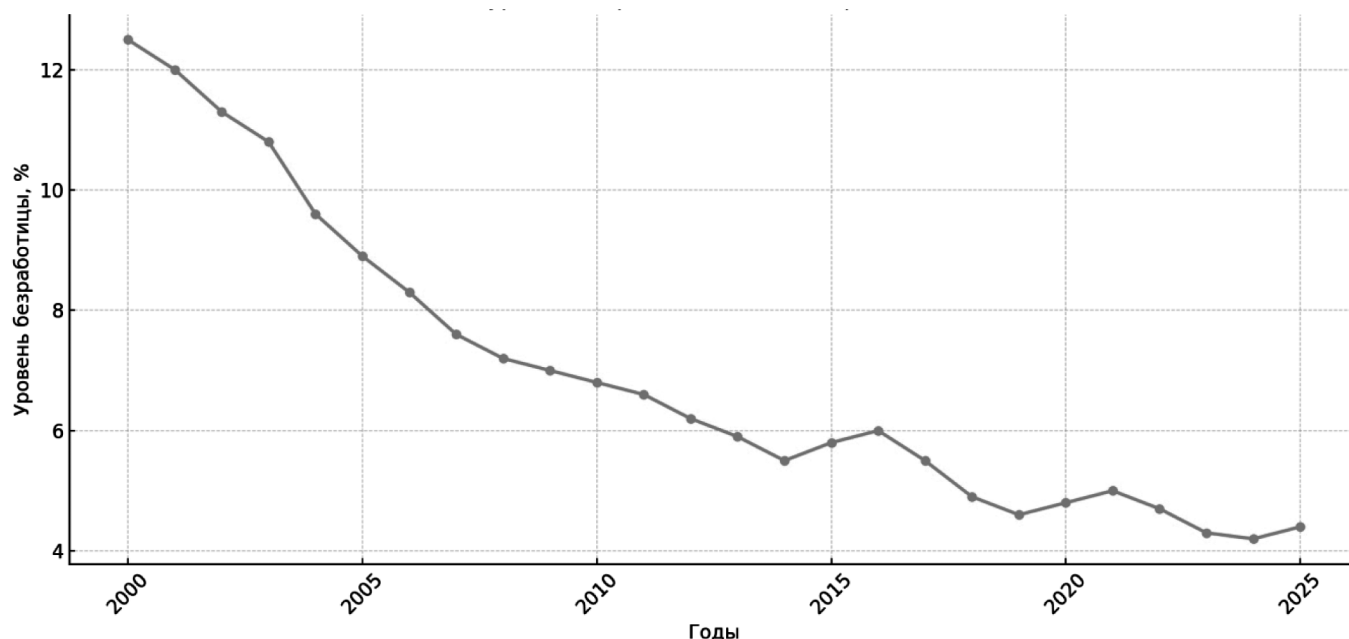

Рис. 1. Динамика изменения уровня безработицы Владимирской области (2000–2025 гг.)* [14]

социально-экономическим феноменом, поскольку сопряжена со значительными издержками, способными оказать деструктивное влияние на развитие отдельных регионов и государства в целом [1]. Следовательно, анализ данного показателя имеет принципиальное значение для выявления структурных дисбалансов и разработки эффективных мер политики занятости.

Анализ динамики рынка труда Владимирской области в период с 2000 по 2025 год (Таблица 1) свидетельствует о существенных трансформациях. Наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня безработицы: с 12,5 % в 2000 году до 4,4 % в 2025 году [15]. Данный тренд отражает постепенную стабилизацию региональной экономики, рост занятости и структурные изменения в хозяйственном комплексе региона.

Следует отметить, что уровень безработицы во Владимирской области традиционно превышал среднероссийские показатели в начале 2000-х годов, однако к 2020-м годам разрыв существенно сократился. Основные диспропорции сохраняются между городскими и сельскими территориями: в городской местности уровень занятости выше, тогда как в сельской сохраняется скрытая безработица. Существенным вызовом остаётся миграционный отток молодых специалистов в Москву и Московскую область [2].

Следует отметить, что выявленные диспропорции в распределении трудовых ресурсов имеют как территориальный, так и возрастной характер. Территориальные различия обусловлены неравномерным распределением рабочих мест: в муниципальных образованиях, расположенных в непосредственной близости от крупных

Таблица 1.
Ключевые этапы динамики уровня безработицы во Владимирской области (2000–2025 гг.).

Период	Динамика уровня безработицы	Ключевые факторы
2000–2007	Снижение с 12,5 % до 7,2 %	Экономический рост после кризиса 1998 г., развитие промышленности и инвестиций
2008–2009	Рост до 7,0 %	Мировой финансовый кризис, сокращение рабочих мест в промышленности и строительстве
2010–2014	Стабилизация на уровне 6,8–5,5 %	Рост реального сектора, госпрограммы поддержки занятости
2015–2016	Рост до 6,0 %	Экономический спад, санкции, снижение доходов населения
2017–2019	Снижение до 4,6 %	Развитие МСП, сферы услуг, стабилизация промышленности
2020–2021	Рост до 5,0 %	Пандемия COVID-19, сокращение рабочих мест в сфере услуг и туризме
2022–2025	Стабилизация на уровне 4,2–4,4 %	Адаптация к новым условиям, риск дефицита квалифицированных кадров

центров, отмечается более высокий уровень предложения вакансий и, как следствие, меньший уровень безработицы, который в некоторых районах достигает аномально низких 0,2 %. В сельской местности, напротив, уровень безработицы может быть выше. В то же время,

данные по возрастным группам показывают, что молодёжь (16–29 лет) демонстрирует более высокую скорость трудоустройства, чем средний показатель по региону, что может быть обусловлено их большей мобильностью и адаптивностью. Несмотря на официально низкий уровень регистрируемой безработицы, регион испытывает дефицит квалифицированных кадров в ключевых отраслях, в первую очередь в промышленности [11].

Трансформация рынка труда в условиях современных социально-экономических изменений сопровождается комплексом вызовов, которые имеют как общероссийский, так и региональный характер. В контексте Владимирской области можно выделить ключевые технологические, демографические, социальные и макроэкономические риски, которые определяют специфику занятости и перспективы устойчивого развития региона.

В первую очередь, технологические вызовы обусловлены процессами цифровизации, автоматизации и внедрения инновационных производственных технологий, что приводит к существенному перераспределению спроса на рабочую силу. В регионе, где обрабатывающая промышленность традиционно занимает значительную долю в структуре занятости, автоматизация производственных процессов закономерно снижает потребность в низкоквалифицированных кадрах, одновременно с этим усиливая спрос на специалистов, обладающих инженерными и цифровыми компетенциями. Отсутствие адекватной и своевременной системы переподготовки и повышения квалификации кадров формирует угрозу структурной безработицы [6].

Кроме того, регион сталкивается с серьезными демографическими вызовами. Как и многие субъекты Центральной России, Владимирская область характеризуется старением населения и сокращением численности трудоспособных граждан. Эта ситуация усугубляется интенсивным миграционным оттоком молодых и квалифицированных специалистов в столичные регионы, что обусловлено более высоким уровнем заработной платы и широкими возможностями для карьерного роста. В результате наблюдается острый дефицит рабочей силы в таких ключевых отраслях экономики, как промышленность и здравоохранение. Социальная сфера также подвержена негативным тенденциям, проявляющимся в росте дифференциации доходов между городскими и сельскими территориями, ограниченными возможностями вертикальной и горизонтальной мобильности работников, а также в значительной доле скрытой занятости и теневого сектора. Наряду с этим, существует явный дисбаланс между системой профессионального образования и актуальными потребностями региональной экономики. Совокупность данных факторов ведет к усилению социального неравенства и снижает привлекательность региона для молодых и квалифицированных специалистов [4].

В современных условиях добавляются макроэкономические и геополитические вызовы. Санкционное давление и ограничения на доступ к зарубежным технологиям создают новые условия функционирования рынка труда. С одной стороны, это стимулирует политику импортозамещения и, как следствие, формирование новых рабочих мест. С другой стороны, данные факторы порождают риск технологической изоляции и дефицита критически важных компетенций. Экономическая нестабильность и высокий уровень неопределённости существенно затрудняют долгосрочное планирование в области занятости и инвестиций в человеческий капитал [7].

Таким образом, можно объективно констатировать, что рынок труда Владимирской области находится под комплексным воздействием нескольких групп вызовов. Их синергетическое влияние формирует риски усиления региональных диспропорций, снижения качества занятости и потери кадрового потенциала. Преодоление этих проблем требует разработки системного подхода и выявления новых драйверов устойчивого развития.

Вместе с тем, значительный потенциал заключается в развитии инновационных и перспективных секторов экономики, таких как высокотехнологичное производство, IT-сектор, зелёные технологии, возобновляемая энергетика и туристическая сфера, включая культурный и кинотуризм. Развитие этих секторов способствует формированию новых профессий и привлечению квалифицированных кадров, что обеспечивает выравнивание региональных диспропорций. В контексте обеспечения устойчивого развития рынка труда ключевую роль играет региональная политика и реализация национальных проектов. Важными инициативами являются проекты «Производительность труда», «Демография» и социальные программы, направленные на повышение эффективности предприятий и поддержание трудоспособности населения [12]. Эффективная реализация этих инициатив требует координации между муниципальными и региональными органами власти, бизнесом и образовательными структурами, что служит основой для устойчивого развития рынка труда Владимирской области.

Выводы

Анализ динамики трансформации рынка труда Владимирской области выявил наличие комплекса структурных и социально-экономических вызовов, оказывающих существенное влияние на его функционирование. В частности, несмотря на относительно низкий уровень регистрируемой безработицы, сохраняются значительные диспропорции, проявляющиеся в территориальном, отраслевом и квалификационном аспектах. Основные проблемные зоны включают дефицит высококвалифицированных кадров, демографический спад, миграционный отток молодёжи и несоответствие струк-

туры профессиональной подготовки текущим потребностям экономики региона.

Вместе с тем, в ходе исследования были идентифицированы ключевые драйверы, способствующие устойчивому развитию регионального рынка труда. К ним относятся инвестиции в человеческий капитал, стимулирование развития малого и среднего предпринимательства, укрепление механизмов государственно-частного партнёрства в сфере подготовки кадров, расширение высокотехнологических и инновационных секторов экономики, а также эффективная реализация региональной политики в контексте национальных проектов.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности использования его результатов для аргументации и разработки региональных страте-

гий занятости, программ переподготовки и повышения квалификации, а также мер по стимулированию малого бизнеса и инновационной экономики. Выводы, полученные в ходе исследования, позволяют органам государственной власти, работодателям и образовательным организациям адресно реагировать на структурные диспропорции, минимизировать кадровый дефицит и формировать условия для устойчивого социально-экономического развития Владимирской области.

Таким образом, можно констатировать, что устойчивое развитие рынка труда Владимирской области обусловлено комплексной реализацией мероприятий, направленных на повышение квалификации трудовых ресурсов, поддержку инновационной экономики и нивелирование региональных диспропорций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белан Л.С. Анализ занятости и безработицы как фактора макроэкономической нестабильности в Российской Федерации // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. С. 47–59.
2. Быкова, М.Л. Исследование особенностей рынка труда Владимирской области //Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. №1. С.151–158.
3. Былков, В.Г. Трансформация регионального рынка труда под действием санкций //Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т.32. №4. С.732–740.
4. Воронов, В.В., Малышев, М.Л. Общее и особенное в новых условиях занятости на рынке труда в стране и регионах //Власть. 2024. Т.32. №5. С.179–186.
5. Ермакова, Е.М. Особенности современного рынка труда в рыночной и переходной экономике: дисс... канд. экономич. наук. Москва. 2010. 198 с.
6. Крошилин, С.В. Технологические вызовы образованию и рынку труда в России //Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. №3. С.492–500.
7. Манахова, И.В. Глобальные угрозы и риски на пути к нооэкономике //Экономическое возрождение России. 2021. №3. С.144–153.
8. Миндлин, Ю.Б. Формирование основных мероприятий по совершенствованию политики Московской области в сфере привлечения трудовых ресурсов / Ю.Б. Миндлин // Микроэкономика. — 2009. — № 2. — С. 131–138. — EDN KZTDBB.
9. Орлова А.Л. Статистическое исследование занятости и безработицы на основе позадачного структурирования показателей рынка труда: дисс... канд. экономич. наук. Орел. 2022. 176 с.
10. Попов, А.В. Концептуальные основы изучения процесса трансформации занятости //Теоретическая экономика. 2019. №6. С.18–26.
11. Скрипкина, Е.В., Голубятникова, М.В., Григорьян, А.Н. О состоянии рынка труда в регионах ЦФО //Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2025. №1. С.198–203.
12. Трункина, Л.В., Телятникова, Т.В., Кузьмина, Н.А. Повышение производительности труда на предприятиях в условиях сложной эпидемиологической ситуации //Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. №2. С.146–153.
13. Царенко, И.В. Состояние и тенденции развития регионального рынка труда в условиях цифровой трансформации экономики (на примере Пермского края) //Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. №2. С.63–71.
14. Интерактивный портал Службы занятости населения Владимирской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://vladzan.ru/> (Дата обращения: 12.09.2025).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. [Электронный ресурс]: URL: <https://33.rosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 12.09.2025).

© Давыдов Роман Владимирович (sawer@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАРТАПЫ КАК ДРАЙВЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

STARTUPS AS DRIVERS OF ECONOMIC GROWTH

**E. Denisova
O. Liseikina
N. Lebedev**

Summary. The article examines the role of startups in stimulating economic development through the introduction of innovations and attracting investments. The key factors of startup success are analyzed, as well as their impact on the creation of new jobs, the development of technologies, and the modernization of economic sectors. Special attention is paid to the mechanisms of public and private support for startups, as well as to the strategies of attracting capital for the implementation of innovative projects. Examples of successful startups and their contribution to economic growth at the national and international levels are provided.

Keywords: startups, economic growth, innovation, investment, technological progress, public support, capital attraction.

Денисова Елена Сергеевна

Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
alenadenisova14@yandex.ru

Лисейкина Ольга Витальевна

ст. преподаватель, Московская государственная
академия ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
ofoxi73@bk.ru

Лебедев Никита Андреевич

д.э.н., профессор, Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
swonson@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль стартапов в стимулировании экономического развития через внедрение инноваций и привлечение инвестиций. Анализируются ключевые факторы успеха стартапов, их влияние на создание новых рабочих мест, развитие технологий и модернизацию отраслей экономики. Особое внимание уделяется механизмам государственной и частной поддержки стартапов, а также стратегиям привлечения капитала для реализации инновационных проектов. Приводятся примеры успешных стартапов и их вклад в экономический рост на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: стартапы, экономический рост, инновации, инвестиции, технологический прогресс, государственная поддержка, привлечение капитала.

Наступление цифровой эры привело к периоду беспрецедентного технологического развития и экономических преобразований. Одной из ключевых движущих сил этой революции являются начинающие компании, которые стали мощными катализаторами экономического роста. Инновационные организации, отличающиеся гибкостью, адаптивностью и приверженностью к прорывным идеям, обладают потенциалом для преобразования отраслей, создания новых рынков и создания значительного богатства [2].

Важность стартапов в современной экономике нельзя недооценивать. Многие из самых влиятельных компаний в мире, такие как Apple, Google и Amazon, начинали как небольшие инновационные стартапы. Эти предприятия, наряду со многими другими, разрушили традиционные отрасли, изменили характер работы и торговли, а также улучшили коммуникации. Благодаря своей культуре инноваций они бросают вызов существующему положению вещей, внедряя новаторские технологии и улучшая существующую продукцию. Это ведет к повышению экономической производительности и конкурентоспособности.

Основная цель исследования — изучить многогранную роль, которую стартапы играют в качестве движущей силы экономического развития. Анализируя взаимосвязь между инновациями и инвестициями, мы стремимся понять механизмы, с помощью которых стартапы способствуют экономическому росту.

Исследование включает в себя углубленное изучение различных факторов, влияющих на успех начинающих компаний, включая доступ к капиталу, талантам и благоприятную нормативно-правовую среду. Кроме того, мы рассмотрим влияние государственной политики и сотрудничества между государственным и частным секторами на экосистему стартапов.

В конечном счете, исследование направлено на предоставление ценной информации о стратегиях, которые могут быть реализованы для развития и масштабирования начинающих компаний, тем самым максимально увеличивая их способность стимулировать экономический рост и процветание.

Стартап — это начинающая компания, которая стремится создать масштабируемую бизнес-модель на осно-

ве инновационного продукта или услуги [1]. Стартапы отличаются высокой гибкостью и способностью быстро адаптироваться к изменениям на рынке и потребностям клиентов. Благодаря адаптивности и постоянному стремлению к инновациям стартапы могут предлагать новые решения существующих проблем и бросать вызов устоявшимся нормам.

Стартапы часто работают в условиях неопределённости и риска, что необходимо для стимулирования инноваций и расширения возможностей [3]. Предприниматель принимает риск и возможные неудачи как часть процесса, ищет новые решения, нестандартные зачастую, что способствует развитию экономики и повышению её устойчивости.

Стартапы играют важную роль в стимулировании экономического роста, создавая новые рабочие места, разрабатывая инновационные технологии и привлекая инвестиции. По мере своего развития и расширения стартапы предоставляют возможности для трудоустройства, особенно в таких быстрорастущих отраслях, как технологии, биотехнологии и экологически чистая энергетика [1, 3]. Создание рабочих мест не только способствует росту экономической активности, но и повышает благосостояние общества.

Кроме того, стартапы находятся на передовой технологических инноваций, разрабатывая новые продукты и услуги, которые могут изменить промышленность и улучшить качество жизни людей. Поддерживая культуру инноваций, стартапы способствуют технологическому прогрессу, повышению производительности и долгосрочной конкурентоспособности экономики.

Кроме того, стартапы являются привлекательным объектом для инвестиций, что позволяет привлекать капитал от венчурных фондов, бизнес-ангелов и других финансовых организаций. Приток капитала способствует развитию стартапов, позволяя им расширять свою деятельность, привлекать талантливых специалистов и выходить на новые рынки. Привлечение инвестиций способствует росту капитализации экономики, стимулирует экономическую активность и создаёт динамичную предпринимательскую среду.

История успеха многих компаний служит ярким примером преобразующей силы стартапов. Эти компании оказали значительное влияние на свои отрасли и на мировую экономику в целом.

Одним из самых впечатляющих примеров является компания Apple, которая начинала свою деятельность в небольшом гараже и превратилась в мирового технологического гиганта. Благодаря постоянному внедрению инноваций и акценту на удобство использования,

Apple создала революционные продукты, такие как iPod, iPhone и iPad [4]. Данные устройства произвели настоящую революцию в мире бытовой электроники и завоевали популярность среди миллионов потребителей по всему миру.

Google, ещё один яркий пример успешного стартапа, оказал огромное влияние на то, как люди получают и обрабатывают информацию. Благодаря своей инновационной поисковой системе и множеству других продуктов, таких как Gmail, YouTube и Android, Google изменил цифровой мир и стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни [6].

Успех этих компаний демонстрирует, как стартапы могут разрушать традиционные отрасли, создавать новые рынки и приносить значительную экономическую выгоду.

В России есть множество примеров успешных стартапов, которые внесли значительный вклад в развитие экономики страны.

«Яндекс» — ведущая технологическая компания, предлагающая широкий спектр продуктов и услуг, включая поисковую систему, службу электронной почты и платформу для вызова такси [5]. Благодаря использованию передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, «Яндекс» стал крупным игроком на российском рынке высоких технологий.

В последние годы Ozon, платформа электронной коммерции, демонстрирует впечатляющий рост, предлагая российским покупателям широкий ассортимент товаров [3]. Благодаря постоянным инновациям и гибкой адаптации к изменениям на рынке, Ozon уверенно занимает лидирующие позиции в сфере электронной коммерции в России.

Несмотря на свой потенциал, стартапы часто сталкиваются с рядом проблем, которые могут помешать их развитию и успеху. Одной из наиболее серьёзных проблем являются финансовые трудности. Обеспечение достаточного финансирования для поддержания операционной деятельности, исследований и разработок, а также маркетинговых усилий может быть сложной задачей для многих стартапов.

Венчурные компании и бизнес-ангелы могут быть не склонны инвестировать в компании на ранних стадиях развития, особенно в те, которые работают в секторах с высоким уровнем риска. Более того, даже при наличии гарантированного финансирования, стартапы могут столкнуться с трудностями в управлении денежными потоками и достижении прибыльности.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются стартапы, является высокая конкуренция. В условиях современного рынка стартапам необходимо выделиться среди известных игроков и новых конкурентов, что требует внедрения инновационных решений, создания качественных продуктов и разработки эффективных маркетинговых стратегий [4, 6].

Кроме того, нормативные барьеры могут создавать серьёзные проблемы для стартапов. Сложные нормативные акты, административные препятствия и непоследовательное применение законодательства могут сдерживать инновационную деятельность и увеличивать затраты на ведение бизнеса.

Стартапы, особенно те, которые работают в строго регулируемых сферах, таких как здравоохранение и финансы, могут столкнуться с жёсткими нормативными требованиями, которые могут задержать запуск продукта и ограничить выход на рынок [9].

Преодоление нормативно-правовых «преград» может быть трудоёмкой и ресурсоёмкой задачей для начинающих предпринимателей — это отвлекает ценное время и энергию от основной деятельности.

Стартапы представляют собой инновационные компании, которые обладают способностью быстро разрабатывать и внедрять новые технологии и продукты. Их инновационный потенциал обусловлен рядом факторов, включая культуру эксперимента, готовность к риску и ориентацию на решение реальных проблем. [2, 5]

Благодаря своей способности бросать вызов устоявшимся подходам и исследовать нетрадиционные решения, стартапы могут стимулировать научно-технический прогресс и способствовать значительным достижениям в различных областях.

Одной из наиболее перспективных областей, в которых стартапы вносят значительный вклад, являются информационные технологии. Стартапы в этой сфере разрабатывают передовые программные решения, алгоритмы искусственного интеллекта и инструменты для анализа данных, которые преобразуют целые отрасли и улучшают нашу жизнь и работу.

Ещё одной областью передовых решений являются биотехнологии. Биотехнологические стартапы работают над созданием инновационных методов лечения, вак-

цин и диагностических инструментов, которые могут произвести революцию в здравоохранении.

В секторе зелёной энергетики наблюдается всплеск инноваций: стартапы разрабатывают технологии использования возобновляемых источников энергии, таких как солнечная энергия, энергия ветра и решения для хранения энергии. Эти инновации необходимы для решения проблемы изменения климата и перехода к устойчивому будущему.

В целях стимулирования инновационной деятельности и поддержки стартапов правительства различных стран реализуют разнообразные стратегии и инициативы. Одним из наиболее распространенных способов государственной поддержки являются гранты и субсидии, которые могут помочь стартапам покрыть расходы на исследования, разработку прототипов и выход на рынок [8].

Также существуют налоговые льготы, такие как налоговые каникулы и сниженные налоговые ставки, которые могут стимулировать инновации, снижая финансовую нагрузку на стартапы.

Особые экономические зоны создают благоприятную среду для роста и развития стартапов, предоставляя льготный налоговый режим, упрощенное регулирование, доступ к специализированной инфраструктуре и услугам. Таким образом, правительства могут создать благоприятные условия для стартапов, что способствует их росту и развитию, а также формированию будущего экономического потенциала страны.

Выводы

Стартапы стали незаменимыми двигателями экономического роста, внося значительный вклад в инновации, создание рабочих мест и инвестиции. Благодаря своей готовности идти на риск, созданию условий для экспериментов и настойчивой реализации прорывных идей, стартапы обладают потенциалом для преобразования отраслей и изменения глобального экономического ландшафта. Правительства, политики и инвесторы поддерживают рост стартапов путем предоставления доступа к финансированию, создания благоприятной нормативно-правовой базы и инвестирования в исследования. Понимая многогранную природу стартапов, и, проводя соответствующую политику, страны могут раскрыть свой инновационный потенциал и обеспечить будущее процветание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринченков, Д.В. Стартап как пространство использования творческого инновационного потенциала аспирантов / Д.В. Гринченков, С.В. Гудзь // Наука. Образование. культура. вклад молодых исследователей: Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов вузов, Новочеркасск, 23 апреля 2024 года. — Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, 2024. — С. 123–129.
2. Калачева, Д.С. Роль и значение стартапов в развитии цифровой экономики / Д.С. Калачева, Б.Р. Салахиев // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 05 декабря 2019 года / Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева. — Казань: Издательство «Познание», 2020. — С. 97–101.
3. Каюмова, А.И. Оживление региональной экономики с помощью стартапов на примере Республики Корея / А.И. Каюмова // Корееведение в России: направление и развитие. — 2024. — Т. 5, № 1. — С. 171–174.
4. Клинцева, А.Г. Стартап и бизнес: сущность и различия / А.Г. Клинцева // Парадигмы социальных и экономических процессов России и тенденции их трансформации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 105-летию Финансового университета при Правительстве РФ и 30-летию Новороссийского филиала Финансового университета, Новороссийск, 21 марта 2024 года. — Краснодар: Индивидуальный предприниматель Алзидан Махер, 2024. — С. 165–170.
5. Кочеткова, Д.В. Устойчивое инвестирование промышленных стартапов: российский аспект / Д.В. Кочеткова // 4-я Международная научно-практическая конференция молодых учёных и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум»: Материалы конференции, Москва, 16 апреля 2024 года. — Москва: Московский политех, 2024. — С. 567–573.
6. Мамонтова, Т.В. Роль стартапов в инновационном развитии экономики / Т.В. Мамонтова, И.С. Найденко // Проблемы автоматизации. Региональное управление. связь и акустика: Сборник трудов XII Всероссийской научной конференции и молодежного научного форума, Геленджик, 01–03 ноября 2023 года. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. — С. 437–441.
7. Миргород, Т.П. Молодежное предпринимательство: проблемы и возможные пути решения / Т.П. Миргород // Глобальная экономика: вызовы и возможности России и мира: Сборник материалов Всероссийского конкурса с международным участием исследовательских работ молодежи, Тверь, 01 февраля — 30 июня 2022 года / Под редакцией Л.А. Карасёвой, Н.В. Новиковой. — Тверь: Тверской государственный университет, 2022. — С. 241–257.
8. Характер развития малых и средних предприятий: современные тенденции / Н.А. Лебедев, М.В. Новиков, О.А. Яковлева, О.В. Лисейкина. — Москва: Научные технологии, 2022. — 115 с. — ISBN 978-5-4443-0253-8. — EDN PYEDGX.
9. Миндлин, Ю.Б. Инновационный менеджмент / Ю.Б. Миндлин, О.А. Яковлева, О.В. Лисейкина. — Москва: Научные технологии, 2021. — 241 с. — ISBN 978-5-4443-0229-3. — EDN VNECWG.

© Денисова Елена Сергеевна (alenadenisova14@yandex.ru); Лисейкина Ольга Витальевна (ofoxi73@bk.ru);

Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИВЛЕЧЕНИЕ АМБАССАДОРОВ-БЛОГЕРОВ/ЗНАМЕНИТОСТЕЙ В КАЧЕСТВЕ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА НА ПРИМЕРЕ КЛУБОВ НБА

ATTRACTING BLOGGER/CELEBRITY AMBASSADORS AS A MARKETING PROMOTION STRATEGY THE BRAND ON THE EXAMPLE OF THE NBA CLUBS

P. Divakov

Summary. This article discusses the possibilities of attracting bloggers to cooperate as a major marketing step and advertising to promote the brand of the National Basketball Association. Now, at the stage of development of digital technologies and the online environment, bloggers are the main element of an advertising strategy, promoting important information to the masses. The purpose of the article is to identify the main brand promotion tools of the National Basketball Association clubs through bloggers and celebrities.

The scientific novelty lies in the fact that the knowledge concerning successful marketing case technologies for the promotion of the sports industry has been updated.

The results of the work confirm the importance of switching to online technologies in popular social networks, where sports fans can find out the news. The importance of bloggers' work for the promotion of sports brands is confirmed.

Keywords: NBA, blogger, ambassador, marketing strategy, promotion, sports, clubs.

Диваков Павел Игоревич
Аспирант, МФПУ «Синергия»
divakov.pavel2011@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности привлечения блогеров к сотрудничеству в качестве основного маркетингового шага и рекламы с целью продвижения бренда Национальной баскетбольной ассоциации. Сейчас на этапе развития цифровых технологий и онлайн среды блогеры выступают основным элементом рекламной стратегии, продвигая в массы важную информацию. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить главные инструменты продвижения через блогеров и знаменитостей брендов клубов Национальной баскетбольной ассоциации.

Научная новизна состоит в том, что обновлены знания, касающиеся успешных кейс-технологий маркетинга для продвижения спортивной индустрии. Результаты работы подтверждают важность перехода на онлайн технологии в популярных социальных сетях, где поклонники спорта могут узнавать новости. Подтверждается важность работы блогеров для продвижения спортивных брендов.

Ключевые слова: НБА, блогер, амбассадор, маркетинговая стратегия, продвижение, спорт, клубы.

Актуальность темы статьи объясняется тем, что сейчас по причине популяризации здорового образа жизни и спорта активно продвигаются всевозможные спортивные клубы, ассоциации секции, информация о которых в последние годы принято узнавать от известных личностей и знаменитостей. Как известно, спорт играет особую роль не только для отдельного человека, но и для общества в целом. С целью продвижения брендов и увеличения прибыли от продажи билетов, рекламных кампаний и спонсорской поддержки различные ассоциации и клубы используют современные маркетинговые стратегии, которые направлены на привлечение максимальной аудитории к просмотру матчей. Формирование здорового образа жизни населения и укрепление здоровья стало первостепенной задачей, для решения которой необходимо задействовать все доступные инструменты и методики спортивной культуры.

Создание положительного образа бренда сейчас активно выполняется благодаря социальным сетям,

в которых амбассадоры и блогеры размещают полезную информацию с помощью цифровых инструментов, способствуя тем самым привлечению аудитории и даже инвесторов.

С точки зрения теоретического контекста брендинг в спорте представляет собой целенаправленную деятельность по взаимодействию с обществом, которая формирует правильную спортивную культуру, подчеркивает важность здорового образа жизни, знакомит население с разнообразными спортивными дисциплинами и стимулирует постоянный интерес к спортивным событиям.

Изучение успешных примеров партнерства между спортсменами и их спонсорами изучено в научных трудах зарубежных исследователей. Особого внимания заслуживают публикации A. Febrian и T. Mandler, в которых исследователи анализировали восприятие персонального бренда спортсмена как на глобальном, так и на ло-

кальном уровне. Авторы углубляются в проблематику формирования доверия к бренду и исследуют стратегическую функцию специалиста по маркетингу в процессе работы с известными персонами. Аспекты результативного вовлечения и критерии оценки такого сотрудничества также находят отражение в их исследованиях, предоставляя ценный аналитический материал по данной тематике [9, 12].

В своей публикации К. Nak-Kwon исследует взаимосвязь между известными спортсменами, их спонсорами и тем, как это сотрудничество влияет на восприятие бренда и приверженность клиентов к продукции компании [11]. В тоже время работа А. Fegade сфокусирована на международных аспектах ценообразования и маркетинговых стратегиях, связанных с использованием имиджа знаменитостей для продвижения товаров на глобальном рынке [10].

Российский опыт маркетинговых стратегий бренда в спортивных клубах стал формироваться еще в последние годы существования советского союза, о чем подробно указывает исследователь С. Дюфрес.

А.А. Богуславская в своем исследовании анализирует факторы, определяющие выбор спортсменов для спонсорской поддержки в России [1]. В монографии А.В. Малыгина рассматриваются различные проблемы маркетинга в сфере профессионального спорта, включая возникший еще на начальном этапе дисбаланс между количеством спортивных звезд и реальной потребностью в их привлечении для маркетинговых кампаний [5].

Также ряд ученых предложили рекомендации относительно привлечения знаменитостей-спортсменов и спортивных событий в маркетинговые кампании престижных брендов. Тем не менее, аспекты привлечения российских спортсменов для продвижения интересов и торговых марок остаются недостаточно изученными. Данная область требует углубленного анализа, включая научные исследования, поскольку многие вопросы в этой сфере до сих пор не нашли своего решения [8].

Так, если обратить внимание на прогнозы, представленные Ассоциацией блогеров и агентств совместно с платформой eLama, объем рынка маркетинга с участием знаменитостей в России может достичь 55–57 миллиардов рублей к концу 2025 года. ТАСС сообщает, что ожидается увеличение на 25–30 %. Потенциал для отечественных спортсменов открывается существенный, учитывая, что треть (32 %) опрошенных компаний-рекламодателей намерена впервые обратиться к инструментам инфлюенс-маркетинга в 2025 году [6].

Одним из примеров использования цифровых маркетинговых стратегий является спортивный клуб НБА

(Национальная баскетбольная ассоциация). Данная ассоциация является всемирно признанной организацией по баскетболу, которая смогла создать впечатляющий имидж.

Успех бренда НБА строится на четырех главных принципах. Маркетинговый подход ассоциации включает комплексный анализ продукта, ценообразования, локации и дистрибуционных каналов. Формирование и развитие бренда НБА происходило поэтапно с использованием передовых маркетинговых методик. Именно системное внедрение современных технологий продвижения позволило ассоциации достичь своего текущего статуса [2].

Важно отметить тот факт, что выручка НБА в сезон достигает примерно 8 миллиардов долларов согласно экспертным оценкам. Основной доход лига получает от рекламных контрактов и трансляции игр по разным медиаканалам. Одновременно с этим ассоциация укрепляет свой имидж через реализацию брендированных товаров с официальной символикой [2].

Фанаты могут приобрести недорогие сувениры, включая кружки и мячи, а также сумки и головные уборы. В линейке продукции также представлены премиальные коллекционные предметы бизнес-уровня с подписями знаменитых баскетболистов НБА.

На текущем этапе социальные сети стали незаменимым маркетинговым инструментом, и Национальная баскетбольная ассоциация эффективно использует их потенциал. Фанаты имеют возможность наблюдать за достижениями своих кумиров и любимых команд благодаря специально разработанному приложению «NBA Game Time». Кроме собственного приложения, ассоциация активно развивает присутствие в популярных соцсетях — TikTok, Instagram и Twitter, что позволяет привлекать всё больше поклонников баскетбола по всему миру [3].

В рамках своей маркетинговой стратегии НБА активно внедряет цифровые инструменты продвижения. Официальный веб-портал ассоциации предоставляет фанатам возможность приобретать билеты, получать актуальные сведения и взаимодействовать с организацией. Также продвижение бренда НБА включает разнообразные интернет-технологии:

- контент в видеоформате,
- подкастинг,
- таргетированную рекламу,
- сотрудничество с блогерами, известными личностями и амбассадорами,
- активное присутствие в социальных сетях [4].

Стоит сказать, что термин «амбассадор» обозначает лицо бренда. Это популярная личность, которая регу-

лярно демонстрирует приверженность компании. Такое сотрудничество всегда имеет долгосрочный характер. Известная личность постоянно продвигает продукцию и услуги бренда среди целевой аудитории, транслируя его ценности и концепции [6]. Методы продвижения могут быть разнообразны, включая участие в мероприятиях и съемках в рекламных кампаниях, публикации материалов в социальных медиа с упоминанием представляемого бренда, в данном случае НБА. То есть, амбассадоры эффективно распространяют информацию о компании среди широких масс населения.

Выбор амбассадора, который будет представлять интересы спортивного клуба, является важной задачей для любого бренда. Эффективность партнерства между брендом и его представителем напрямую зависит от совпадения их целевых аудиторий. Человек, которого уважают, к чьему мнению прислушиваются и на кого равняются в обществе, становится идеальным «лидером мнения» [7]. Таким амбассадором в НБА являлся в 2023 году Юнги из группы BTS. Юнги выбрал себе сценическое имя Шуга, основываясь на своей баскетбольной позиции шутинг-гарда (Атакующий защитник).

Также стоит сказать, что в 2024 году легенда НБА Кармело Энтони присоединился к программе NBL Next Stars в качестве глобального посла. Энтони, знаменитый своими десятью появлениями на звездном небосклоне НБА и тремя золотыми олимпийскими наградами, вошел в состав совладельцев будущей команды лиги. Эта инициатива перекликается с недавним шагом Кенни Смита, возглавившего североамериканское направление программы Next Stars Player Initiatives и также ставшего совладельцем одной из новых команд НБЛ.

В качестве посла Кармело Энтони занимается поиском и менторством талантливых игроков со всех уголков планеты. Руководство НБА рассчитывает, что привлечение фигуры такого масштаба придаст еще больше авторитета их программе развития.

Еще одной известной фигурой является Леброн Джеймс. Это американская суперзвезда баскетбола, которую считают одним из лучших игроков всех времен, так как он выиграл 4 чемпионата НБА, получив 4 награды MVP НБА и 4 награды MVP финала НБА. Его также можно считать амбассадором НБА [4].

Известные блогеры, которые ведут каналы на youtube освещают важные события и моменты клубов НБА. Например, канал, который называется «Основные моменты MLG», транслирует новости лиги, регулярные сезоны, моменты игры и имеет 1,8 млн подписчиков.

Майк Корземба также на своем канале выкладывает скандальные моменты игр, предлагая комментировать баскетбольные матчи.

В целом, амбассадоры и так называемые инфлюенсеры имеют большую способность с помощью каналов и контента влиять на мнение аудитории и формировать тренды. Это объясняется тем, что подписчики выражают доверие их рекомендациям, а личный контакт с брендом выглядит более естественно и убедительно, чем традиционная реклама.

Итак, на основании изложенной информации предлагается выявить наиболее актуальные направления в процессе работы с блогерами по продвижению спортивных клубов на примере НБА (рисунок 1).

Рис. 1. Актуальные и трендовые направления в работе с блогерами по продвижению спортивных клубов на примере НБА

Источник: составлено автором

Данные рисунка 1 показывают, что наиболее популярные виды продвижения стратегии маркетинга строятся на том, чтобы поэтапно выполнять ряд определённых процедур. Эти процедуры включают выбор конкретного амбассадора, затем определяется формат продвижения, который может быть выражен как в разовом мероприятии, так и в рамках долгосрочного сотрудничества. Далее выбираются каналы продвижения, которые сейчас наиболее приемлемы (Телеграм, ВК, youtube). Далее оценивается уровень охвата аудитории и степень повышения лояльности.

С точки зрения перспективных решений в развитии и продвижении брендинга спортивного клуба предлагаются следующие направления:

- Выстраивать длительные отношения со спортивными лидерами вместо краткосрочных контрактов. Это обогатит маркетинговые кампании глубиной и аутентичностью.
- Организовать совместные производственные инициативы, объединяющие потенциал спортсменов и бренда. Такая синергия создаёт прочную основу для взаимовыгодного сотрудничества.
- Вкладывать в профессиональное развитие спортсменов через обучающие программы и кол-

лаборативные сессии. Данный шаг поможет им формировать собственный имидж, укрепить долговременные партнерские связи и повысить эффективность взаимодействия.

Таким образом, можно сказать, что привлечение амбассадоров и блогеров к сотрудничеству является сейчас самым действенным методом маркетинговой стратегии управления ценностью бренда клубов на примере НБА. Это новый тип продвижения компании со стороны агентов бренда, суть которого заключается в «заражении» позитивными эмоциями, подчеркивании выгод от пользования товарами/услугами бренда и влиянии на аудиторию.

Было определено, что НБА показал большой успех в продвижении своего бренда. В целом, амбассадорство будет продолжать оставаться мощным инструментом для брендов, способствуя укреплению их имиджа и увеличению коммерческого успеха. Успех таких стратегий подтверждается множеством примеров, демонстрирующих, как известные личности способны воздействовать на восприятие спортивного бренда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская А.А. Критерии, влияющие на выбор спортсмена для спонсорства// Актуальные вопросы развития спортивной индустрии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий РФ, Москва, 24 ноября 2021 года. — Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)». — 2021. — С. 256–261.
2. Диваков П.И. Маркетинговые технологии продвижения бренда на примере клубов НБА// Экономика и право. — 2023. — №12. — С. 22–25.
3. НБА URL: <https://www.espn.com/nba/> (дата обращения 20.07.2025).
4. Маркетинговая стратегия и маркетинговый комплекс NBA (Национальной баскетбольной ассоциации) (4Ps) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mbaskool.com/marketing-mix/services/17801-nba-national-basketball-association.html> (дата обращения 20.07.2025).
5. Малыгин А.В. Процесс маркетинга профессионального спортсмена// Вестник Российского Международного Олимпийского Университета. — 2019. — № 1(30). — С. 34–47.
6. Суворова Т.В., Филиппов М.В. Амбассадоринг в качестве эффективной стратегии управления ценностью бренда: эволюция и тренды// Вестник университета. — 2025. — № 4. — С. 59–71.
7. Управление спортивными знаменитостями: большие результаты: маркетинговые стратегии, вдохновленные спортивными иконами. URL: (дата обращения 21.07.2025).
8. Dewi L.G.P.S., Edyanto N., Siagian H. The effect of brand ambassador, brand image, and brand awareness on purchase decision of Pantene Shampoo in Surabaya, Indonesia. SHS Web of Conferences. 2020. № 4 (76). 8 p.
9. Febrian A. Brand trust as celebrity endorser marketing moderator's role / A. Febrian, M. Fadly // Jurnal Aplikasi Manajemen, 2021. Volume 19, Number 1, C. 207–216.
10. Fegade A. Celebrity branding and celebrity brand value. Paridnya The MIBM Research Journal, 2020. Volume 7, Number 1, C. 55–68.
11. Hak-Kwon K. Effect of celebrity athlete endorsement on sporting goods consumers' brand passion and loyalty / K. Hak-Kwon, L. Kwang-Yong, B. Woo-Yeul // Social Behavior and Personality: an international journal, 2020. Volume 48, Number 5, C. 1–11.
12. Mandler, T. Brand credibility and marketplace globalization: The role of perceived brand globalness and localness / Mandler, T., Bartsch, F., Han, C. // Journal of International Business Studies, 2021. Volume 52, C. 1559–1590.

© Диваков Павел Игоревич (divakov.pavel2011@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НА ЛЕНДИНГАХ: АВТОРСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И МЕТОД А/В-ДИАГНОСТИКИ

ANALYSIS OF USER BEHAVIORAL PATTERNS ON LANDING PAGES: AUTHOR'S TYPOLOGY AND A/B DIAGNOSTIC METHOD

S. Eremin

Summary. This article presents a method for analyzing user behavioral patterns on landing pages using domestic web analytics tools. The author introduces an original typology of user behavior based on Yandex Metrika data, including scroll depth, time on page, and activity in key interaction zones. An author-developed A/B diagnostic method was implemented on the Mottor platform to match behavioral segments with landing page types and adapt page structure accordingly. The experimental results demonstrate that landing page modifications tailored to specific behavioral groups can significantly improve conversion rates. The novelty of the study lies in the integrated approach to behavioral segmentation as a practical tool for optimizing marketing interfaces under constrained budgets.

Keywords: landing page, behavioral pattern, web analytics, A/B testing, Yandex Metrika, Mottor, user typology.

Еремин Сергей Игоревич

Соискатель,

Краснодарский государственный институт культуры

9282788737@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается метод анализа поведенческих паттернов пользователей на лендинговых страницах с использованием инструментов отечественной веб-аналитики. Автор предлагает оригинальную типологию поведения посетителей, основанную на данных Яндекс Метрики: глубине скроллинга, времени взаимодействия, активности в целевых зонах. На базе платформы Mottor разработан и протестирован авторский метод А/В-диагностики, который позволяет соотнести выявленные паттерны с типами лендингов и адаптировать структуру страниц под наиболее ценные сегменты аудитории. Проведенный эксперимент показал, что персонализированные модификации лендингов, ориентированные на конкретные поведенческие группы, могут значительно повысить конверсию. Новизна статьи заключается в комплексном подходе к выявлению и использованию поведенческих паттернов как управляемого ресурса оптимизации маркетинговых интерфейсов в условиях ограниченного бюджета.

Ключевые слова: лендинг, поведенческий паттерн, веб-аналитика, А/В-тестирование, Яндекс Метрика, Mottor, типология пользователей.

Введение

Современные посадочные страницы сайта (лендинги) остаются одним из ключевых инструментов цифрового маркетинга, позволяющим оперативно тестировать гипотезы и собирать заявки с трафика [1]. В условиях высокой конкуренции и ограниченных рекламных бюджетов эффективность лендинга определяется не только качеством визуального исполнения и структуры, но прежде всего — его соответствием ожиданиям и поведенческим характеристикам целевой аудитории.

Несмотря на активное развитие веб-аналитики, в частности широкое распространение инструментов вроде Яндекс Метрики, многие маркетологи до сих пор ограничиваются базовыми показателями: количеством посетителей, коэффициентом конверсии и временем на странице. Однако такие метрики не раскрывают реальную логику поведения пользователей и не позволяют строить гипотезы, основанные на пользовательском опыте. Это особенно актуально для малого и среднего бизнеса, где важна каждая заявка, а возможности для масштабного тестирования ограничены.

В последние годы предпринимались попытки классифицировать поведение пользователей на лендингах [2, 3], однако большинство таких подходов опирается на универсальные модели, не учитывающие специфику российской аудитории, а также особенности локальных аналитических платформ. Кроме того, методология сопоставления поведенческих паттернов с архитектурой лендинга и последующего А/В-тестирования остаётся слабо формализованной, что затрудняет ее применение в практической работе.

Настоящее исследование направлено на устранение этих пробелов. *Целью статьи* является разработка и апробация авторской методики выявления и классификации поведенческих паттернов пользователей лендинговых страниц на основе данных Яндекс Метрики, а также их применения в рамках управляемого А/В-тестирования с помощью конструктора Mottor. В работе предложена собственная типология пользовательского поведения, отличающаяся прикладной направленностью и адаптированная под реалии российского рынка.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе, сочетающем сбор поведенческих данных, ин-

терпретацию активности через призму типологии, а также тестирование гипотез по адаптации контента под конкретные поведенческие группы. Такая методика позволяет повысить эффективность лендинговых страниц без увеличения бюджета на трафик за счёт лучшего соответствия структуры сайта реальным сценариям взаимодействия пользователей

Обзор литературы и подходов

Анализ пользовательского поведения на веб-страницах получил широкое распространение в связи с развитием цифровой аналитики. Большинство современных исследований в этой области сосредоточено на выявлении факторов, влияющих на конверсию: расположение элементов, скорость загрузки, качество визуального контента и призывов к действию [4, 5]. При этом внимание всё чаще уделяется не только техническим, но и поведенческим аспектам взаимодействия пользователя с интерфейсом.

Среди известных подходов можно выделить модели на основе тепловых карт (heatmap), глубины скроллинга и сегментации по времени нахождения на странице. Так, в некоторых научных работах [6, 7] описываются методы выделения поведенческих кластеров на основе последовательностей действий. Однако указанные исследования, как правило, опираются на западные инструменты и ориентированы на крупные сайты с высокой посещаемостью. В российской практике, особенно при работе с лендинговыми страницами для малого и среднего бизнеса, такие решения не всегда применимы ввиду ограничений по бюджету и объему трафика.

В отечественной аналитической практике основным инструментом анализа остается Яндекс Метрика, которая предоставляет визуализированные данные о взаимодействии пользователей с сайтом (карты кликов, скроллинга, вебвизор). Однако даже в рамках Яндекс Метрики отсутствуют формализованные типологии поведения, пригодные для целевой оптимизации лендингов. Наблюдается также недостаток методик, позволяющих использовать поведенческие паттерны как основу для A/B-тестирования в среде конструктора сайтов.

Отдельный интерес представляет возможность применения A/B-тестов для подтверждения эффективности различных версий интерфейса [8]. Тем не менее, большинство A/B-экспериментов в маркетинговой практике проводится интуитивно или «вслепую», без привязки к реальному поведению пользователей. Это приводит к высокому проценту неудачных гипотез и неоптимальному использованию трафика.

Таким образом, на данный момент существует явный разрыв между возможностями веб-аналитики и их прак-

тической реализацией при оптимизации посадочных страниц. В литературе отсутствует целостный подход, в котором бы поведенческий анализ стал основой для структурированных A/B-тестов, нацеленных на конкретные поведенческие сегменты пользователей.

Настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Автор предлагает прикладную типологию пользовательских паттернов, выявляемых на основе Яндекс Метрики, и разрабатывает систему A/B-диагностики в среде конструктора лендингов Mottor. Такой подход позволяет превратить веб-аналитику из инструмента «пост-фактум» в активный элемент построения гипотез, направленных на рост эффективности страниц [9].

Методология исследования

В рамках данного исследования была разработана и апробирована авторская методика выявления поведенческих паттернов пользователей на лендинговых страницах, основанная на анализе данных Яндекс Метрики и дальнейшей A/B-диагностике с использованием конструктора Mottor. Методика нацелена на малые и средние бизнес-проекты, работающие с ограниченным бюджетом и трафиком, и позволяет повысить конверсионную эффективность за счёт адаптации структуры страницы под наиболее значимые поведенческие группы.

1. **Исходные условия.** Для тестирования методики было отобрано три лендинга, созданных на платформе Mottor. Тематика страниц различалась:
 - онлайн-услуги (консультации);
 - бытовой сервис (ремонт техники);
 - локальный бизнес (салон красоты).

Каждая страница имела цель — сбор заявок или заказов, и была подключена к системе Яндекс Метрика с активированными:

- картой скроллинга;
- картой кликов;
- вебвизором (визуализация сессий).

2. **Авторская типология поведенческих паттернов.** На основании анализа более 500 пользовательских сессий были выделены пять устойчивых паттернов поведения на лендингах (таблица 1).

Типология фиксировалась вручную и уточнялась на основании повторяющихся поведенческих паттернов. Критериями служили:

- глубина и скорость скроллинга;
- частота и тип кликов;
- время на ключевых зонах (например, блок с оффером);
- наличие возвратов.

Таблица 1.

Устойчивые паттерны поведения

Название паттерна	Описание поведения
1. Мгновенный уход	Сессия < 10 сек, скроллинг < 30 %, отсутствие кликов
2. Скроллер	Скроллинг до конца страницы, без кликов и заявок
3. Избирательный читатель	Вовлечен в 2–3 секции, кликает по якорям, изучает, но не конвертирует
4. Целевой пользователь	Активен, кликает по кнопкам СТА, оставляет заявку
5. Циклический визитер	Возвращается повторно, взаимодействует фрагментарно

3. Применение А/В-диагностики

Для каждой поведенческой группы была сформирована гипотеза по улучшению UX (пользовательского опыта) на лендинге. Примеры:

- для «Скроллеров» была предложена версия с повторяющимися СТА-блоками через каждые 2 экрана;
- для «Избирательных читателей» — лендинг с упрощенной навигацией по якорям и всплывающими подсказками;
- для «Циклических визитеров» — добавление блока «часто задаваемые вопросы» и блока «остались вопросы?».

На платформе Mottor создавались альтернативные версии лендингов, соответствующие гипотезам. А/В-тестирование проводилось в течение 10–14 дней, при сопоставимых объемах трафика.

4. Методы оценки результатов

Каждая пара страниц (исходная и модифицированная) оценивалась по следующим метрикам:

- коэффициент конверсии (заполнение формы);
- средняя глубина просмотра;
- относительное изменение отказов.

Дополнительно анализировалось распределение поведенческих паттернов на новых версиях — чтобы проверить, сместилась ли структура поведения [10].

5. Технические инструменты:

- Конструктор сайтов: Mottor
- Аналитика: Яндекс Метрика (вебвизор, scrollmap, clickmap)
- Форма сбора заявок: встроенные формы Mottor с UTM-метками
- Расчеты изменений: Microsoft Excel, Яндекс Метрика

Результаты исследования

В результате применения авторской типологии и адаптивной А/В-диагностики были получены различия в показателях эффективности между базовыми и экспериментальными версиями лендингов. Приведем агрегированные результаты по каждому типу страницы.

1. Сравнительные показатели эффективности лендингов (Таблица 2)

Таблица 2.

Сравнительные показатели эффективности лендингов

Лендинг (ниша)	Версия	Конверсия (%)	Сред. время на странице (сек)	Глубина скролла (%)	Отказы (%)
Онлайн-услуги	Базовая	3,2	41	67	52
	Тестовая	5,6	53	81	37
Ремонт бытовой техники	Базовая	4,8	38	60	48
	Тестовая	6,9	49	74	33
Салон красоты	Базовая	7,4	55	70	39
	Тестовая	9,2	66	86	27

Во всех случаях адаптация лендинга под поведенческие паттерны показала положительный прирост целевых показателей:

- увеличение конверсии в среднем на +2,3 п.п. (относительный рост от 25 % до 70 %);
- снижение доли отказов на 11–15 п.п.;
- повышение вовлеченности, выраженное в увеличении времени на странице и глубине прокрутки.

2. Изменения в распределении поведенческих паттернов (таблица 3)

Таблица 3.

Изменения в распределении поведенческих паттернов

Паттерн	Доля в трафике (базовая)	Доля в трафике (тестовая)	Основной результат
Мгновенный уход	22 %	13 %	Снижение отказов
Скроллер	26 %	21 %	Частично конвертированы
Избирательный читатель	18 %	16 %	Повышена глубина взаимодействия
Целевой пользователь	24 %	39 %	Рост доли конверсий
Циклический визитер	10 %	11 %	Незначительные изменения

На тестовых версиях значительно увеличилась доля целевых пользователей, что указывает на результативность гипотез, основанных на паттерн-ориентированном подходе. Также наблюдается снижение доли мгновенных уходов, что подтверждает повышение релевантности структуры страниц [11].

Полученные результаты демонстрируют, что применение авторской методики позволяет не только повышать абсолютные показатели конверсии, но и качественно перераспределять поведенческую структуру трафика. Это особенно важно в условиях, когда рост трафика невозможен по бюджету — оптимизация достигается за счет повышения конверсии уже имеющейся аудитории.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе эксперимента данные подтвердили гипотезу о том, что персонализированная адаптация лендинговых страниц под поведенческие паттерны пользователей способствует значительному росту эффективности. Результаты демонстрируют не только количественные улучшения в показателях конверсии и вовлеченности, но и качественные изменения в самой структуре пользовательского взаимодействия.

Наиболее показательной является динамика увеличения доли целевых пользователей и одновременного снижения доли мгновенных уходов. Это свидетельствует о том, что адаптированные версии лендингов стали более релевантными в глазах аудитории: пользователи быстрее находили нужную информацию, чаще переходили к целевому действию, и реже испытывали когнитивный шум или фрустрацию от интерфейса. Повышение глубины скроллинга и времени на странице указывает на улучшение пользовательского опыта, что, в свою очередь, влияет на доверие и готовность к взаимодействию.

Одним из ключевых факторов эффективности методики стало четкое сопоставление поведенческих сегментов и структурных решений лендингов. Например, пользователи с паттерном «Скроллер» чаще завершали конверсию при наличии повторяющихся СТА-блоков (призывы к действию) и фиксированных якорных меню, позволяющих сократить время на принятие решения. Аналогично, «Циклические визитеры» охотнее вступали во взаимодействие при наличии блока с ответами на частые вопросы, что снижало уровень сомнений.

Таким образом, авторская методика позволяет рассматривать лендинг не как фиксированный объект, а как динамическую структуру, которую можно адаптировать под преобладающий тип поведения аудитории. Это особенно ценно для малого и среднего бизнеса, где А/В-тесты обычно проводятся вслепую и не дают стабиль-

ных приростов, а стоимость привлечения одного лида растёт.

Важно также отметить универсальность предложенного подхода:

- типология поведенческих паттернов может быть использована при анализе любых посадочных страниц, вне зависимости от тематики или целевой аудитории;
- методика легко воспроизводима и не требует дорогостоящих инструментов — достаточно интеграции с Яндекс Метрикой и базового функционала конструктора Mottor;
- в отличие от западных фреймворков, предложенный подход учитывает поведенческие особенности российской аудитории, в частности склонность к «длительному присматриванию» и возвратам.

Тем не менее, методика имеет и ограничения. Во-первых, она требует ручной квалификации паттернов на этапе сбора данных, что ограничивает масштабирование без автоматизации. Во-вторых, ее эффективность может снижаться на лендингах с малым объемом трафика, где недостаточно данных для уверенного распределения по поведенческим группам.

Тем не менее, представленный подход открывает новые перспективы для разработки более «умных» систем тестирования, в которых А/В-гипотезы будут формироваться не на основе визуальных догадок, а исходя из реального поведения пользователей. В долгосрочной перспективе возможна автоматизация всей связки: сбор данных → определение паттерна → генерация гипотезы → тест → обратная коррекция лендинга.

Выводы

В рамках данного исследования была разработана и апробирована авторская методика анализа поведенческих паттернов пользователей на лендингах с применением российских инструментов — Яндекс Метрики и конструктора сайтов Mottor. На основе собранных данных предложена прикладная типология пользовательского поведения, включающая пять ключевых паттернов, различающихся по глубине взаимодействия, характеру навигации и склонности к целевому действию.

Особенность предложенной методики заключается в интеграции этапов поведенческого анализа и А/В-диагностики. В отличие от классического «вслепую» тестирования, подход автора предполагает выдвижение гипотез на основе реальных сценариев взаимодействия пользователей с лендингом. Это позволило не только повысить коэффициент конверсии на тестируемых страницах (в среднем на 25–40 %), но и перераспределить

поведенческую структуру трафика в сторону более ценных сегментов.

Новизна исследования заключается в следующем:

- предложен формализованный подход к типологизации поведения на основе данных Яндекс Метрики;
- создана и проверена система формирования А/В-гипотез с ориентацией на поведенческие кластеры;
- доказана применимость методики в условиях ограниченного бюджета и малого трафика.

Практическая значимость работы состоит в том, что представленная модель может быть внедрена в процес-

сы оптимизации лендингов для малого и среднего бизнеса без привлечения внешних ресурсов и без необходимости использования платных иностранных решений. В то же время полученные результаты могут лечь в основу дальнейших исследований, направленных на автоматизацию выделения паттернов, интеграцию с генераторами лендингов и построение прогнозных моделей пользовательского поведения.

В перспективе методика может быть масштабирована и дополнена элементами машинного обучения, что позволит перейти от ручной аналитики к интеллектуальным системам адаптации лендинговых страниц под поведение реальных пользователей в режиме реального времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багиев Г.Л. Тарасевич В.М., Х.Дж. Анн. Маркетинг: 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2021. 704 с.
2. Барышников Н.В. Интернет-маркетинг: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2020. 234 с.
3. Веснин В.Р. Электронный бизнес и электронная коммерция. М.: Юрайт, 2022. 416 с.
4. Глушков И.А. Веб-аналитика: практическое руководство. М.: Альпина Паблишер, 2021. 288 с.
5. Журавлёв П.С. А/В-тестирование: теория и практика в digital-среде. Маркетинг и маркетинговые исследования. 2021. № 5. С. 57–64.
6. Коровин Д.С. Поведенческая аналитика в Яндекс Метрике: руководство для специалистов. Интернет-маркетинг. 2022. № 3. С. 21–29.
7. Крылов С.В. Методы оптимизации пользовательского пути на лендингах. Управление интернет-проектами. 2023. № 1. С. 34–42.
8. Лукьянов А.И. Поведение пользователей как фактор эффективности посадочных страниц. Вестник маркетинга и аналитики. 2023. № 4. С. 13–19.
9. Павлов Н.А. Анализ эффективности digital-кампаний с помощью Яндекс Метрики. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2020. 172 с.
10. Сидоров П.Е. Использование scroll-карт в оптимизации лендингов: кейс-методология. Цифровая экономика и управление. 2021. № 2. С. 44–50.
11. Фролов Е.П. Цифровой маркетинг: основы, инструменты, аналитика. М.: Проспект, 2022. 320 с.

© Еремин Сергей Игоревич (9282788737@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА АДАПТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ЗА ТАЛАНТЫ НА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ РЫНКАХ

Ляшенко Валерий Евгеньевич

Аспирант, Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
vallys2012@yandex.ru

DEVELOPING AN ADAPTIVE MODEL FOR ATTRACTING AND INTEGRATING YOUNG PROFESSIONALS IN A COMPETITIVE TALENT MARKET FOR HIGH-TECH INDUSTRIES

V. Lyashenko

Summary. Currently, there are enough support measures aimed at the employment of young specialists. These include career guidance in schools to determine professional preferences from an early age, financial support for employers to hire young specialists, and the development of youth entrepreneurship in universities and colleges. However, young people still face challenges in finding employment, such as a mismatch between their knowledge and the employer's requirements, the desired compensation for their work, and the offered salary level, as well as psychological barriers. These existing contradictions explain the relevance of the topic considered by the author. The purpose of this article is to develop an adaptive model for attracting and integrating young professionals in a competitive environment. The article analyzes the employment of young professionals in Russia for 2024–2025, highlights the main opportunities, problems and solutions for job seekers and employers in the context of competition for talent. The objects of research are high-tech companies, designed to play a leading role in ensuring the technological sovereignty of the country. The article provides an overview of the main adaptation models, considers the factors of successful implementation of the adaptation model. The scientific novelty is the developed recommendations and adaptive model of a young specialist, which takes into account the factors of positive impact on this process, in which special attention is paid to mentoring as the main element of adaptation.

Keywords: young professionals, employment, adaptive models, factors and problems of adaptation, mentoring.

Аннотация. В настоящее время создано достаточно мер поддержки, направленных на трудоустройство молодых специалистов. Это и профориентационная работа в школах, для определения профессиональных предпочтений еще со школьной скамьи, меры материальной поддержки работодателей за прием на работу молодых специалистов, развитие молодежного предпринимательства в вузах и колледжах. Тем не менее молодежь все же сталкивается с проблемами при трудоустройстве — неполное соответствие полученных знаний и требований работодателя, желаемого вознаграждения за труд и предлагаемый уровень заработной платы, психологические барьеры. Этими существующими противоречиями объясняется актуальность темы, рассматриваемой автором. Целью данной статьи является разработка адаптивной модели привлечения и интеграции молодых специалистов в условиях конкуренции. В статье проведен анализ трудоустройства молодых специалистов в России за 2024–2025 гг., отмечаются основные возможности, проблемы и решения для соискателей и работодателей в условиях конкуренции за таланты. Объектами исследования выступают высокотехнологичные компании, призванные играть ведущую роль для обеспечения технологического суверенитета страны. В статье проведен обзор основных моделей адаптации, рассмотрены факторы успешного внедрения адаптивной модели. Научной новизной являются разработанные рекомендации и адаптивная модель молодого специалиста, учитывающая факторы эффективного воздействия на данный процесс, в данной модели особое внимание уделяется наставничеству, как основному элементу адаптации.

Ключевые слова: молодые специалисты, трудоустройство, модели адаптации, факторы и проблемы адаптации, наставничество.

Введение

Одной из главных угроз развития российской экономики является отток молодых людей в зарубежные страны, а что самое главное, это отток талантливой молодежи. Необходимо отметить, что данный процесс носит глобальный характер и присущ практически всем странам ввиду сложившейся международ-

ной миграции населения. Основной движущей силой развития экономики страны является ее высокотехнологический сектор. В последние годы отмечается положительная динамика выпуска продукции высокотехнологичными организациями (рис. 1). В 2024 году удельный вес отгруженных товаров, работ, услуг таких организаций составил более четверти (27,8 %) всех товаров, работ, услуг в обрабатывающей промышленности [3].

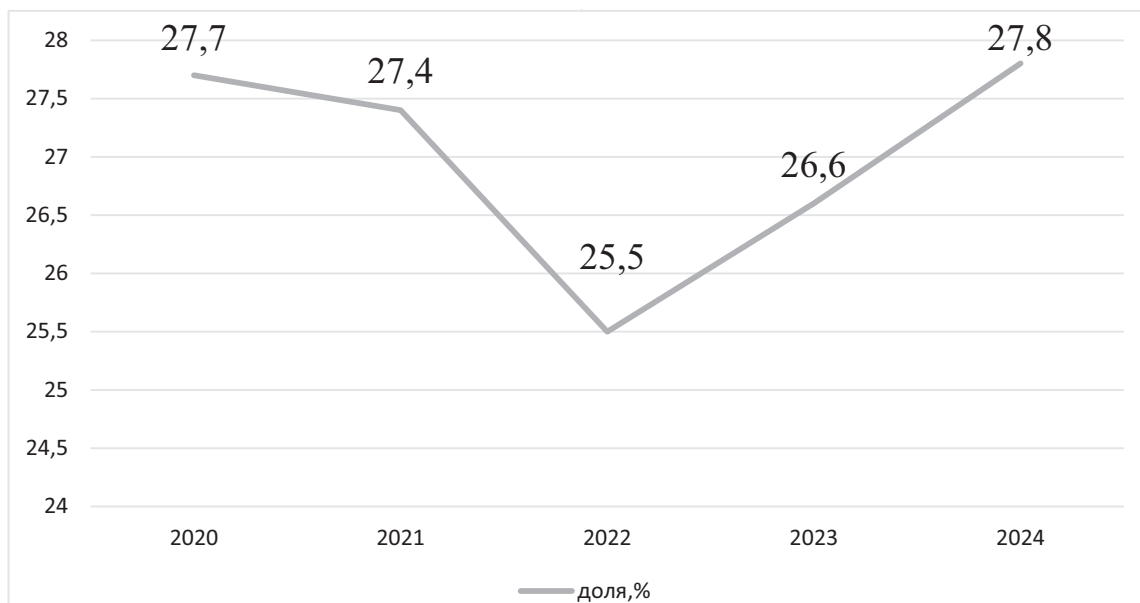

Рис. 1. Динамика объема отгруженных товаров, работ и услуг высоко- и среднетехнологичных отраслей в общем объеме организаций обрабатывающих производств

Для последующего роста данного сектора экономики крайне необходимо решение кадровой задачи, экспертами называются цифры около 10,9 млн человек — такова потребность рынка труда к 2030 году. Этим объясняется целесообразность разработки мер по привлечению и удержанию молодых специалистов, для чего необходимо провести оценку ожиданий, возможностей как молодых людей, так и работодателей, а также государственных мер поддержки и стимулирования данного процесса.

Задачами, решаемыми в рамках статьи, являются:

- Проведение анализа состояния рынка труда молодых специалистов;
- Выявление основных возможностей и проблем привлечения талантливой молодежи;
- Рассмотрение вопросов использования модели адаптации молодых специалистов в высокотехнологичных отраслях;
- Обозначение факторов эффективного внедрения адаптивной модели.

Методы исследования

Для достижения результатов исследования применялись методы анализа научной литературы, статистической информации, обзоров ВЦИОМ, платформы интернет-рекрутинга hh.ru, методы графического представления информации, выявления динамики и трендов на рынке труда.

Основная часть

Перечень высокотехнологичных отраслей экономики закреплен в Прогнозе долгосрочного социально-эко-

номического развития Российской Федерации на период до 2030 года [5]:

- производство летательных агрегатов;
- производство фармацевтической продукции;
- производство офисного оборудования и вычислительной техники;
- производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи;
- производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и тестирования; оптических приборов, фото- и кинооборудования.

Рынок же труда для молодых специалистов по распределению вакансий (hh.ru) свидетельствует о значительной доли вакансий (31 % от общего числа вакансий) в области продаж, сервиса и розничной торговле, в то время как в области ИТ-технологий, медицины это — 3 %.

Вместе с тем, по оценкам РБК, тенденция нехватки кадров в организациях обрабатывающей отрасли сохранится и в последующие пять-семь лет. Особенно это затрагивает такие направления, как — информационные технологии, электроника, радиотехника и системы связи, техника и технологии наземного транспорта, спецтехнологии материалов, техника и технологии кораблестроения и водного транспорта, машиностроение, авиационная и ракетно-космическая медтехника [2]. Что, безусловно, ставит задачи решения проблемных вопросов привлечения молодых специалистов именно в эти отрасли. Опираясь на исследования ВЦИОМ [6], отметим основные тенденции молодежи при трудоустройстве:

- интересующую работу найти достаточно легко — ответ более 50 % респондентов;

Россия, 2024, Топ-15
% — доля от общего числа созданных вакансий

Рис. 2. Распределение вакансий для молодых специалистов [7]

- подработка во время учебы — 77 % старшекурсников совмещают учебу и работу;
- запрос на комфорт труда, а не тяжелую работу;
- 54 % считают наиболее приемлемым гибридный формат работы и только 16% предпочитают удаленный формат;
- Интерес к «серой» форме оплаты труда.
- Тенденции со стороны работодателей:
- Сглаживание противоречий между работодателем и образовательным учреждением;
- Участие в программах партнерства с образовательными учреждениями (целевые договора, практики, стажировки и т.д.), формирование коллаборации работодатель— вуз.

Министерством науки и высшего образования РФ, Министерством Просвещения РФ уделяется большое внимание вопросам раннего вхождения школьников и студентов вузов в профессию. Реализуются такие проекты как: Професионалитет, Билет в будущее, Стартап как диплом, технологическое предпринимательство, Передовые инженерные школы, поддерживается создание цифровых кафедр в высших учебных заведениях, студенческих научных лабораторий и т.п. (Табл. 1).

Это не полный перечень проектов и программ, реализующихся в школах, колледжах и вузах для ранней профориентации молодежи, их адаптации к предприятиям, к выбранной профессии, но это существующее и развивающееся взаимодействие, в котором все участники должны занимать активную и действенную позицию.

Кроме профессиональных навыков, которые ожидают работодатели от молодых специалистов, не менее

Таблица 1.
Обзор проектов и программ для школьников и студентов профориентационного характера

Проект/Программа	Министерство	Целевая группа
Федеральный проект «Билет в будущее»	Министерство Просвещения РФ	Школьники
Единая модель профориентационных практик ПРОФМИНИМУМ		
Профориентационный курс «Россия — мои горизонты»		
Нацпроект Професионалитет		Учащиеся колледжей
Передовые инженерные школы	Министерство науки и высшего образования РФ	Студенты вузов
Приоритет-2030		
Стартап как диплом		
Технологическое предпринимательство		

важными являются базовые — обучаемость, гибкость, коммуникативность, ответственность.

Молодежь сегодня стремится быть частью бренда организации, участвовать в общественно значимых проектах, видеть возможности своего профессионального и личностного развития. Важную роль в этом играют системы мотивации и вознаграждения, а также корпоративная культура.

При выборе методов разработки модели адаптации молодых специалистов при их привлечении

и интеграции в организацию, необходимо руководствоваться базовой моделью профориентации «школа-вуз-предприятие», где ведущая роль, на наш взгляд, принадлежит работодателю.

К факторам, влияющим на эффективность адаптации на предприятии, следует отнести:

Корпоративная культура — атмосфера взаимопомощи, открытость в принятии управленческих решений, прозрачность отчетности, этическое поведение руководства.

Сложность профессии — необходимость владения специализированными инструментами и технологиями, используемыми в конкретной организации.

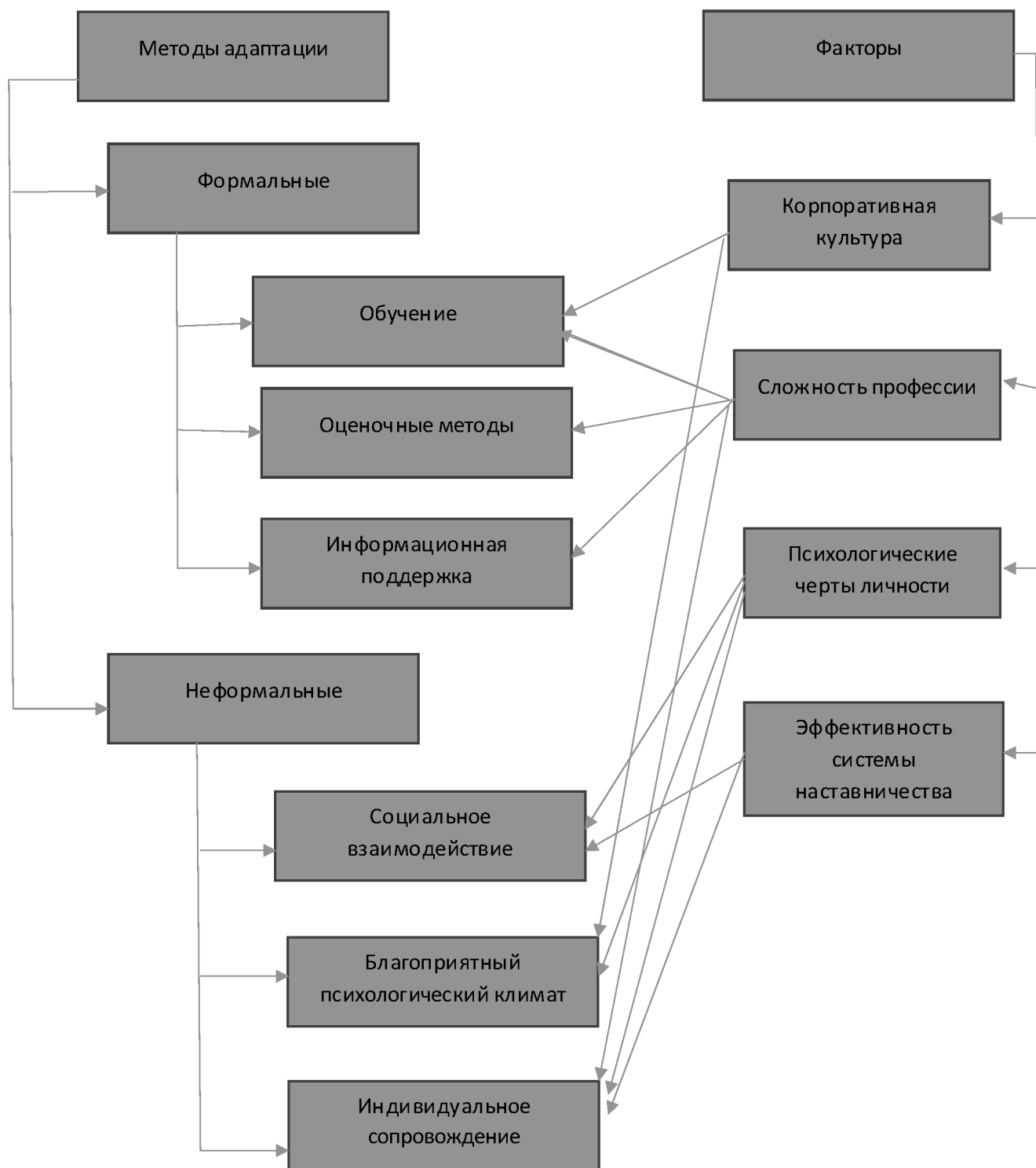

Рис. 3. Предлагаемая модель адаптации молодого специалиста

Психологические характеристики личности — мотивация, умение эффективно общаться и способность быстро усваивать новую информацию.

Эффективность системы наставничества — профессионализм и компетентность наставников, регулярность обратной связи и поддержки.

Модель адаптации молодых специалистов на предприятии представлена на рис. 3.

Учитывая ожидания молодых специалистов в психологическом комфорте на рабочем месте, стоит уделить особое внимание, именно, формированию эффективной системы наставничества. Формами такого наставничества могут быть:

- Индивидуальное наставничество, предполагающее личное общение между молодым специалистом и наставником;
- Групповое наставничество — организуется для небольшой группы молодых специалистов;
- Смешанное наставничество — объединяет элементы индивидуального и группового обучения, молодой специалист получает возможность персонального общения с наставником и одновременно учиться у своих коллег.

Предлагается следующий алгоритм внедрения системы наставничества в организации для молодых специалистов (Табл. 2).

Предлагаемые в рамках данной статьи критерии и задачи наставничества носят исследовательский характер, могут дорабатываться и дополняться, но, на наш взгляд, являются минимально необходимыми при внедрении данной системы адаптации молодого специалиста. Что касается материального стимулирования наставничества, необходимо, прежде всего, руководствоваться статьёй Трудового кодекса РФ, действующей с 1 марта 2025 года. Она регулирует работу наставников и их оплату [1]:

- Размер оплаты устанавливает работодатель (самостоятельно или ориентируясь на отраслевые соглашения в своей сфере);
- Форма и размер оплаты наставничества фиксируется в коллективном договоре, в соглашении или другом локальном акте;
- Работодатель указывает содержание требуемые итоги выполнения работы наставником.

Заключение

Адаптация молодых специалистов представляет собой комплексный процесс, эффективность которого за-

Таблица 2.

Алгоритм внедрения наставничества в организации

Этап	Критерии (задачи)
Формулировка цели наставничества	— ясность; — возможность оценки; — реализм достижения; — четкий срок выполнения
Разработка концепции наставничества	— встроить в процесс адаптации; — выбрать тип наставника; — определить роли и зоны ответственности
Разработка системы мотивации	— материальная — нематериальная
Выбор наставников	— опыт; — поддержка ценностей организации; — эмпатия
Обучение наставников	— тренинги, семинары, разработка учебных материалов
Оценка эффективности наставничества	— уровень текучести молодых специалистов; — срок адаптации; — продуктивность; — вовлеченность

висит от ряда взаимосвязанных факторов, которые необходимо учитывать работодателям при привлечении новых работников. Отмечено, что в процессе адаптации молодежи должны быть три активных участника: школа, вуз и предприятие. Сегодня достаточно реализуется профорientационных проектов в образовательной сфере, в рамках данной работы особое внимание уделено вопросам адаптации молодых специалистов на предприятии. В рассматриваемой модели адаптации предлагается использовать как формальные, так и неформальные методы адаптации, особое внимание следует уделить наставничеству как наиболее действенному инструменту данной модели.

В работе представлен алгоритм внедрения наставничества в организации, опираясь на разработку концепции наставничества с ясными и реальными целями, системой результативных оценок и действующей мотивацией и вознаграждением наставнику.

Адаптация молодых специалистов способствует повышению их производительности, снижению риска увольнения, а в конечном итоге приведет к повышению эффективности деятельности организации при решении задач обеспечения технологического суверенитета страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. От 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)—URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/bd6d94a038b1f4918343ec0c601a0c04a702ee28/: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный
2. Власти назвали отрасли, где упадет спрос на кадры к 2030 году URL:<https://www.rbc.ru/economics/10/10/2023/6523c4ee9a794707a1f0a07c?ysclid=mg0l9x3euf375446296>: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный
3. Инновационный потенциал высокотехнологичных отраслей—URL: <https://issek.hse.ru/news/885863948.html>: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный
4. На рынке труда России стало больше молодежи и меньше сотрудников старшего возраста — URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/04/02/25453268.shtml?ysclid=mg0jf2fg82609745512>: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года — URL: <http://government.ru/news/12582/>: (Дата обращения: 27.09.2025)— Текст : электронный
6. Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения — URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный
7. Рынок труда для молодых специалистов — URL: https://vnot2024.cznnew.ru/assets/files/2024-09-12/9/1_lavrenova.pdf: (Дата обращения :27.09.2025)— Текст : электронный

© Ляшенко Валерий Евгеньевич (vallys2012@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Медведева Надежда Васильевна

кандидат экономических наук, Северо-Западный
институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург
medvedeva-nv@ranepa.ru

ISSUES OF METHODOLOGY FOR OVERCOMING DISPARITIES IN SPATIAL DEVELOPMENT

N. Medvedeva

Summary. The article discusses the methodological aspects of overcoming the unevenness of spatial development in relation to changes in interregional disparities in socioeconomic development. The article reflects the prerequisites for the demand for methodological constructs of mechanisms for overcoming the unevenness of spatial development in the face of new challenges and opportunities. The article addresses the issue of multi-level decomposition of mechanisms for overcoming uneven spatial development. Attention is focused on involving space in achieving national and spatial development goals. The mechanisms for overcoming the unevenness of spatial development have been systematized, and the list is not exhaustive. The article raises the issue of distinguishing between the mechanisms for solving problems of overcoming uneven spatial development and the mechanisms for implementing them, and reflects the problem and necessity of designing the latter to ensure the effectiveness of overcoming uneven spatial development.

Keywords: spatial development, spatial development strategy, heterogeneity, unevenness of spatial development, mechanisms, and methodological constructs.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты преодоления неравномерности пространственного развития во взаимосвязи с изменением межрегиональных диспропорций социально-экономического развития. Отражены предпосылки востребованности методологических конструктов механизмов преодоления неравномерности пространственного развития в условиях новых вызовов и возможностей. Затронут вопрос многоуровневой декомпозиции механизмов преодоления неравномерности пространственного развития. Акцентируется внимание на вовлечение пространства в достижение национальных целей и целей пространственного развития. Систематизированы механизмы преодоления неравномерности пространственного развития, перечень которых не является исчерпывающим. Поднимается вопрос о разграничении механизмов решения проблем преодоления неравномерности пространственного развития и механизмов их реализации, отражена проблема и необходимость конструирования последних для обеспечения результативности преодоления неравномерности пространственного развития.

Ключевые слова: пространственное развитие, стратегия пространственного развития, неоднородность, неравномерность пространственного развития, механизмы, методологические конструкты.

Введение

Данность новой экономической реальности не предполагает ее изменения или устранения, но влечет необходимость адаптации систем и подходов к новым вызовам и ускоренную их трансформацию на основе новых возможностей.

Пространственное развитие как один из доминирующих факторов, влияющих на процессы адаптации и трансформации, способно обеспечить территориально-структурные сдвиги в социально-экономическом развитии территорий. Важнейшей оговоркой при этом выступает необходимость эффективного управления пространственным развитием с учетом подбора релевантных сложившимся условиям механизмов. Данная оговорка имеет значение в условиях усиления межрегиональных диспропорций социально-экономического развития и возможного усложнения адаптации механизмов к изменившимся условиям, утрате способности к воздействию через стандартизированные управлен-

ческие инструменты, что может привести к иному сценарию пространственного развития и недостижению намеченного.

Основываясь на разнообразии теорий пространственного развития, методология формирования стратегии пространственного развития зиждется на признании неоднородности экономического пространства и возможности его организации на основе неких центральных мест (сфер приложения), обладающих эффектами притяжения и синергии. Все большее значение в генерировании условий пространственного развития имеет проактивность в создании институциональных характеристик, обладающих потенциалом регулирующего воздействия на устойчивость и согласованность пространственного развития.

Важно учитывать отсутствие синонимичности между терминами «неоднородность» и «неравномерность». Первый — отражает объективное многообразие и масштабность территории, второй — преходящее, времен-

ное отклонение, поддающееся управлению и изменению через механизмы сглаживания межрегиональных диспропорций.

Концепт новой стратегии пространственного развития России на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года отражает научные воззрения на формирование сбалансированной системы пространственного развития с учетом новых вызовов и возможностей. Цель статьи заключается в исследовании вопросов методологии преодоления неравномерности пространственного развития как ключевой характеристики и проблемы формирования сбалансированного пространственного развития.

Результаты и обсуждение

Исследование пространственного развития как сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики позволяет оперировать смыслами «сбалансированное» или «несбалансированное/неравномерное» пространственное развитие. Обеспечение сбалансированного пространственного развития является основополагающей целью пространственного развития и непрерывным процессом, балансирующим между преодолением неравномерности и поддержанием устойчивого развития.

Неравномерность пространственного развития доминирует по сравнению с устойчивым и сбалансированным пространственным развитием. Подтверждением тому выступает множество причин как объективного характера, так и продуцируемых факторами социально-экономического развития.

В числе первых можно упомянуть географические корни дифференциации территорий и регионов, что может влечь концентрацию экономической активности и приток ресурсов на ограниченном числе территорий (полюсах роста), а также возникающими за этим процессы переселения. Число вторых во многом порождается институциональной средой регулирования и инфраструктурной основой.

Неравномерность пространственного развития является основной детерминантой поляризованного развития [4; 9; 13]. Пространственная поляризация как объективный феномен относится к самоорганизующимся явлениям, и смысловая интерпретация регулирования извне так или иначе сводится к ориентации на такую самоорганизацию. Самоорганизация пространственного развития заключается в тяготении экономических агентов к местам концентрации силы (ресурсам, рынкам и рыночным зонам, сети которых и образуют такие места и создают экономию от масштаба). Самоорганизуемое пространственное развитие находится под влиянием центробежных и центростремительных эффектов, уси-

ливающих пространственную концентрацию, что приводит к нарастанию неравномерности пространственного развития. По этой причине регулирование с помощью стратегии пространственного развития способно синхронизировать такие эффекты на основе выработки приоритетных направлений развития территорий и механизмов сглаживания социально-экономических диспропорций [10].

Собственно, невозможно воплотить теоретические конструкции пространственного развития (они требуют адаптации под множество условий) в стратегии пространственного развития, формируемой на определенный период времени. Скорее первые в силу своей научной доказанности выступают ориентиром для выбора и исследования механизмов стратегии пространственного развития.

Обзор новых и актуализированных механизмов преодоления неравномерности пространственного развития

Преодоление неравномерности пространственного развития основано на совокупности методологических конструктов стратегии пространственного развития, в число которых включены новые и актуализированные механизмы преодоления неравномерности пространственного развития.

Формирование методологических конструктов стратегии пространственного развития основано на поэтапном анализе тенденций и проблем пространственного развития, новых вызовов и возможностей, определении целей, принципов, приоритетов пространственного развития и подборе адекватных им направлений пространственного развития и соответствующих механизмов.

При этом термин «механизм» при всем разнообразии его трактовки, определяется как система действий, направленных на достижение определенного результата. Одним из свойств механизмов выступает их декомпозиция по различным параметрам, например по этапам, сценариям или иным структурным элементам общего процесса пространственного развития [5; 12].

Так к числу основных механизмов реализации пространственного развития относятся механизмы расселения и механизмы территориальной организации экономики. В ситуации неравномерности пространственного развития приоритизируются механизмы преодоления такой неравномерности. При этом степень влияния последних «неосновных» механизмов становится определяющей в силу принципа дифференцированного подхода к развитию территорий с высоким и относительно низким уровнями социально-экономического развития. Более того, фокусировка на сохранении неравномерно-

сти пространственного развития должна быть продумана на решение вопросов всей области экономического и демографического развития.

Таким образом, в основе конструирования механизмов расселения и механизмов территориальной организации экономики должен стоять вопрос о воздействии на формирование «сбалансированной системы» расселения и территориальной организации экономики [7; 14]. Известны «работающие» управленческие практики «умного регулирования» в области цифрового управления, высокотехнологичном секторе и других смежных сферах. В данном контексте речь идет о приемлемости кастомизации управленческих практик.

Механизмы преодоления неравномерности пространственного развития отражают всю совокупность направлений формирования сбалансированной системы пространственного развития. Таким образом, смысловое начало механизмов преодоления неравномерности пространственного развития заключается в направлениях развития пространственного развития, реализацию которых и призваны обеспечить соответствующие им механизмы.

Механизмы преодоления неравномерности пространственного развития не изложены прямо в стратегии пространственного развития, компоненты структуры каждого будут сконструированы на основе институциональных метрик и инструментария, «которые оказывают воздействие с различных сторон на пространственное развитие на всех уровнях» [6]. Важной оговоркой при этом выступает понимание — вариативность механизмов преодоления неравномерности пространственного развития шире следуемых из положений стратегии (доказавшие свою эффективность механизмы, применяемые в данной сфере или смежных областях, задействованы в пространственном развитии). Возникает целесообразность исследования механизмов преодоления неравномерности пространственного развития на основе их многоуровневой декомпозиции, например — механизмы, прямо закрепленные в стратегии; следуемые из положений стратегии (конструируемые для реализации первых); применяемые ранее (если они не противоречат первым); механизмы из других сфер, оказывающие влияние на пространственное развитие и др. Повышенная сложность структуры пространственного развития (элементной базы и связей) влечет многоуровневость декомпозиции механизмов преодоления неравномерности пространственного развития, которая имеет относительную условность и допущение, что отдельные механизмы могут относиться к разным уровням (различающихся по своим параметрам, но взаимовлияющих и дополняющих друг друга), при этом они будут осуществляться асинхронно (в пространственном, временном и др. аспектах).

Предваряет подход к систематизации механизмов преодоления неравномерности пространственного развития вовлечение пространства в достижение целей пространственного развития (что не исключает рассмотрения данного явления в качестве отдельного механизма верхнего уровня декомпозиции). Будучи известным феноменом, механизм максимального вовлечения пространства в достижение национальных целей развития в современной интерпретации занимает знаковое место в преодолении неравномерности пространственного развития. Собственно, пространственное развитие всегда направлено на его организацию, детерминация которого привела к реактуализации понимания пространства как ресурса, источники развития которого можно создавать, преобразовывать и эффективно использовать вне зависимости от фактора территориального расположения агентов взаимодействия [2; 3].

Пространственная связанность как универсальная характеристика организации пространства обеспечивается, среди прочего взаимодействием разных видов пространств и инфраструктурной составляющей. В расширительном аспекте взаимодействие разных видов пространств (экономического, социального, информационного, культурного и пр.) основано на использовании свойств связности, близости и общности элементов уровневой таксономии экономического пространства и необходимости их совпадения [1]. При этом устоявшийся акцент на транспортной связанности и прочих коммуникационных связях постепенно замещается сетизацией и развитием полифункциональных механизмов пространственных взаимодействий. Аналогичным образом расширяется содержательное наполнение *дополняющих феноменов связности* свойств близости и общности с обособлением категории технологической контактности. Синхронное использование в организации пространственного развития указанных свойств должно выступать детерминантой преодоления неравномерности пространственного развития.

Вовлечение пространства в повестку преодоления неравномерности пространственного развития затрагивает вопрос поляризации пространства, которое часто граничит со сжатием пространства. Стратегия пространственного развития закрепляет механизм развития опорных населенных пунктов, демонстрируя намерения перехода от полюсов роста к полюсам или пространствам интеграции. Предполагается снижение пространственной поляризации за счет системы опорных населенных пунктов, отличающихся широким охватом территории. Вместе с тем, данный подход не отрицает поляризацию, как таковую, реализуемый новый формат может дать эффект развития коммуникационного сжатия пространства (основанного на инфраструктурной связанности) и снизить его физическое сжатие.

Наряду с вышеуказанными, к механизмам (группам механизмов) преодоления неравномерности пространственного развития, объективированных стратегией пространственного развития, *относятся*: механизм приоритетного развития федеральных округов (происходит смещение акцента в свободное развитие); механизм развития геостратегических территорий с актуализацией их перечня; механизм приоритетного развития отдельных отраслей (реализуется направленность на диверсификацию экономики регионов); относимый к числу последних механизм цифровой трансформации, имеющий обеспечительный характер; выделяемый по аналогичному признаку механизм опережающего развития и максимальной загрузки объектов инфраструктуры и др.

Группу механизмов, оказывающих влияние на пространственное развитие, *составляют*: механизм государственной поддержки, стимулирования и субсидирования; механизм развития территорий опережающего развития и других экономических зон, в том числе применения преференциальных режимов; механизм формирования и поддержки институтов развития; механизм развития институционального кластерного пространства; механизм формирования универсальной модели межрегионального сотрудничества (в том числе поддержки развития ассоциаций экономического взаимодействия) и др.

Названные механизмы опосредуют систему расселения, в связи с чем выделяется обособленная группа механизмов, направленных на реализацию программ повышения качества жизни населения [8; 11].

Каждый из перечисленных механизмов (их перечень не является исчерпывающим) и система механизмов преодоления неравномерности пространственного развития наделены потенциалом создать синергетический эффект, позволяющий обеспечивать возможности экономического роста регионам с разным уровнем развития.

Заключение

В условиях новых вызовов и сохранивших актуальность проблем, пространственное развитие получило новый виток по формированию сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики. Одним из значимых направлений простран-

ственного развития для решения соответствующей ему проблемы выступает сокращение уровня межрегиональных диспропорций социально-экономического развития.

При всей имманентности неоднородности экономического пространства, непреложным фактором пространственного развития (определенный в качестве принципа пространственного развития) выступает «дифференцированный подход к развитию различных территорий и населенных пунктов, предусматривающий устранение ограничений для экономического роста территорий с относительно высоким уровнем социально-экономического развития и поддержку территорий с относительно низким уровнем социально-экономического развития».

Единых приемов преодоления неравномерности пространственного развития не существует, однако методологические конструкты базируются на совокупности механизмов преодоления такой неравномерности, отличающихся своим контентом под влиянием различных условий временных периодов.

Система механизмов преодоления неравномерности пространственного развития включает более широкий их перечень, нежели прямо определенный в стратегии пространственного развития. Стратегия пространственного развития закрепляет новые и актуализированные механизмы (базовые, отраслевые), что позволяет сделать вывод о возможности и необходимости использования механизмов смежных отраслей за счет своего влияния и усиления эффекта воздействия на преодоление неравномерности пространственного развития. Однако при всей очевидности намерений формирования механизмов преодоления неравномерности пространственного развития (механизмов решения проблем) остается вопрос их реализации и обеспечения результативности. Для решения данного вопроса необходима разработка механизмов и инструментария (проектов, планов, программ) реализации первых, при этом известные шаблоны применения механизмов могут оказаться неэффективными в условиях нового экономического пространства, что выступает заделом для дальнейшего развития знания по существу исследования по мере практического воплощения механизмов преодоления неравномерности пространственного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я.Ю. Сущностно-классификационные аспекты понятий связности, близости и общности элементов экономического пространства в контексте их взаимодействия и процессов сетизации региональной экономики // KANT. — 2022. — № 4 (45). — 9–14.
2. Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В. Пространственное развитие России в условиях внешних и внутренних вызовов // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 4 (199). — С. 82–93.
3. Гладкий Ю.Н. Роль пространства в трансформационной модели российской экономики // Региональные геосистемы. — 2024. — Т. 48. — № 2. — С. 271–288.

4. Гончарова, К.С., Шеломенцев, А.Г. Анализ категории пространства в экономических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2022. — № (5). С. 22–41.
5. Железняк В.Ю. Территориальная система: проблема декомпозиции в социально-экономических исследованиях // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15. — № 3. — С. 1046–1058.
6. Колесников В.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Солодовник Ю.А., Юшков М.А. Межрегиональное взаимодействие как фактор пространственного развития неурбанизированных территорий // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Том 14. — № 12. — С. 7313–7328.
7. Котейкина Т.В. Пространственное развитие современной России в условиях «новой реальности» // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 10. — С. 138–146.
8. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4 (205). — С. 36–45.
9. Медведева Н.В. Обновление контура пространственного развития: объектно-предметное содержание // Креативная экономика. — 2025. — Том 19. — № 4. — С. 867–884.
10. Плисецкий Е.Л. Структурные изменения в пространственном развитии России: новые реалии // Управленческие науки. — 2023. — Т. 13. — № 3. — С. 21–33.
11. Селезнев П.С., Пономарев Н.А., Зубец А.Н., Кузьмина Е.В. Качество жизни как индикатор реализации стратегии пространственного развития в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 12. — С. 82–89.
12. Сорокина О.В., Браткова В.В. Институциональные механизмы реализации кластерной политики // KANT. — 2024. — № 4 (53). — С. 141–146.
13. Суворова А. В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 629–642.
14. Тополева Т.Н. Генезис концептуальных подходов пространственной экономики: основополагающие теории, новые направления и перспективные исследования // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — 2022. — Т. 19. — № 4 (124). — С. 94–130.

© Медведева Надежда Васильевна (medvedeva-nv@ranepa.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC TRENDS ON THE DEVELOPMENT OF HOUSING CONSTRUCTION IN RUSSIA

**Yu. Panibratov
I. Petrov**

Summary. The development of housing construction is inextricably linked with the influence of demographic trends and indicators, including the size and age structure of the population, migration flows, and the transformation of household sizes. The article analyzes the main demographic trends in Russia and concludes that modern demographic dynamics in Russia is characterized by a decrease in the population, which creates significant risks of a long-term decline in housing demand, despite the activity in construction over the short-term forecasting period. Structural changes in the housing construction market are also observed, expressed in a decrease in the average size of housing, which is due to the economic situation in the country and a reduction in the size of households.

Keywords: housing construction, demography, population, household, migration.

Панибратов Юрий Павлович

д.э.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
panibratov@icloud.com

Петров Иван Сергеевич

д.э.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
petrovrf@mail.ru

Аннотация. Развитие жилищного строительства неразрывно связано с влиянием демографических трендов и показателей, среди которых численность и возрастная структура населения, миграционные потоки, трансформация размера домохозяйств. В рамках статьи проанализированы основные демографические тренды в России и сделаны выводы о том, что современная демографическая динамика в России характеризуется снижением численности населения, что формирует существенные риски долгосрочного снижения жилищного спроса, несмотря на активность в строительстве на краткосрочном периоде прогнозирования. Также наблюдаются структурные изменения на рынке жилищного строительства, выражающиеся в снижении средних размеров жилья, что обусловлено экономической ситуацией в стране и сокращением размера домохозяйств.

Ключевые слова: жилищное строительство, демография, численность населения, домохозяйство, миграция.

Совершенствование сферы жилищного строительства является одним из ключевых направлений развития национальной экономики, а также фактором увеличения комфортности среды жизнедеятельности населения России. В соответствии с действующим с 2025 г. национальным проектом «Инфраструктура для жизни» к 2030 г. запланировано улучшение качества среды жизни в опорных населенных пунктах на 30 %, обновление жилищного фонда не менее чем на 20 % по сравнению с показателем 2019 г., а также обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека [1]. Также на федеральном уровне утверждено, что к 2030 г. ежегодный объем жилищного строительства в России должен достичь 120 млн кв. метров в год, и ежегодно улучшать свои жилищные условия смогут не менее 5 млн семей [2].

Доступность жилья находится во взаимосвязи с демографической динамикой, включая такие процессы как изменение численности и возрастной структуры населения, миграционные потоки, трансформация размера домохозяйств. В научной литературе взаимозависимость между демографическими трендами и состоянием жи-

лищного фонда анализируется через призму корреляционного взаимодействия между ростом численности населения, увеличением спроса на жильё и развитием городской инфраструктуры [3]. Как отмечают Е.В. Кузьмина и А.А. Фурко [4], особую значимость имеют исследования, направленные на выявление взаимосвязей между жилищной потребностью и социально-демографическими характеристиками населения. Признается, что брачная структура населения играет значимую роль в формировании жилищного спроса [5]. Миграционные процессы также оказывают существенное влияние на спрос на рынке жилья [5]: так, студенческая и молодёжная миграция преимущественно ориентирована на крупные города, региональные столицы и научные центры (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск). Трудопособное население и семьи с детьми чаще перемещаются в регионы с развитой промышленностью и высоким уровнем доходов (Республика Башкортостан). В то же время пенсионеры демонстрируют тенденцию к переселению в регионы с благоприятными климатическими условиями и более доступной стоимостью жилья (Краснодарский край, Ростовская область).

Кроме того, теория эмерджентности, рассматривающая возникновение качественно новых свойств системы в результате взаимодействия ее элементов, находит продуктивное применение в анализе современных процессов жилищного строительства. В данном контексте эмерджентные свойства проявляются как непредсказуемый результат сложного взаимодействия экономических, социальных и технологических факторов, формирующих жилищную среду [6].

По мнению С.Г. Стерник, российскому жилищному строительству с позиции факторов рыночного развития присущи следующие особенности [7]:

1. Устойчивый долгосрочный спрос в связи с наличием потребности в жилье, что является драйвером развития рынка, сохраняя свою актуальность независимо от конъюнктурных колебаний.
2. Отставание объемов и качества предложения на рынке жилья от существующих потребностей населения, что проявляется как в количественных параметрах (дефицит доступных жилых помещений), так и в качественных характеристиках (несоответствие предлагаемого жилья современным стандартам комфортности).
3. Проблема экономической доступности жилья, так как сложившийся уровень цен на жилье существенно превышает платежеспособность значительной части населения. Данный разрыв создает существенные барьеры для удовлетворения жилищных потребностей даже при наличии спроса.

Развитие жилищного строительства напрямую связано с динамикой численности населения. По данным Росстата, на начало 2025 года в стране проживало 146 028 325 человек, снижение от уровня 2024 г. — на 0,08 % [8]. Современная демографическая ситуация в России характеризуется устойчивым превышением

естественной убыли населения над миграционным приростом: согласно базовому сценарию долгосрочного демографического прогноза Росстата, ожидается сокращение численности населения до 143,3 млн человек к 2030 г. и до 138,8 млн человек к 2045 г. [9].

Одновременно с изменением общей численности населения наблюдается значительная трансформация структуры домохозяйств. Данные Всероссийских переписей населения свидетельствуют о существенной диспропорции в динамике демографических и жилищных показателей: при росте общей численности населения всего на 1 % в период 2002–2021 годов, количество домохозяйств увеличилось на 24 % [10]. Основными факторами, обусловившими рост числа домохозяйств, являются расширение объемов жилищного фонда за счет активного строительства и процесс разделения семейных структур домохозяйств (сокращение среднего размера домохозяйств с начала 21 века составило с 2,7 до 2,2 человека), что привело к формированию устойчивой тенденции: при стагнирующей общей численности населения происходит интенсивное расселение жителей [10]. В 2024 г. российский рынок жилищного строительства практически сохранил уровень рекордных результатов 2023 г. Согласно статистическим данным, общий объем введенного в эксплуатацию жилья составил 107 млн кв. метров (рис. 1).

Рост благосостояния населения стимулирует и качественные изменения на рынке жилищного строительства, формируя устойчивый спрос на улучшение условий проживания, когда представители старшего поколения все чаще выбирают отдельное проживание от своих детей, а молодые люди после достижения совершеннолетия стремятся к покупке отдельного жилья. Таким образом, изменение структуры домохозяйств непосредственно отражается на характеристиках жи-

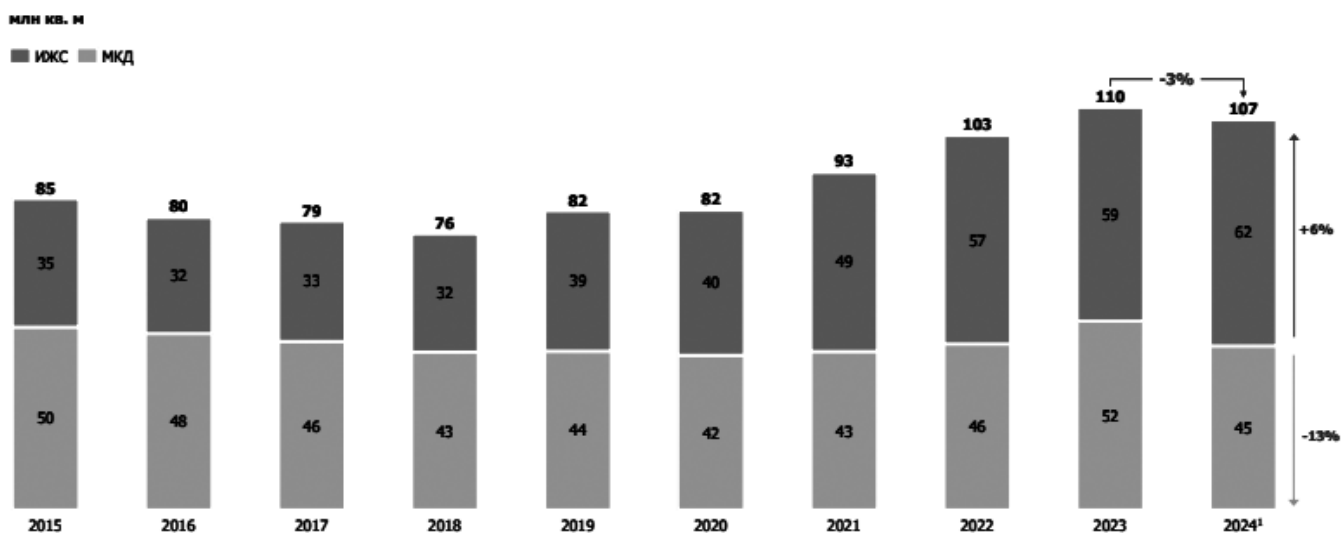

Рис. 1. Динамика объемов ввода нового жилья в России [11]

лищного фонда, и наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению средних площадей жилья: если ранее типичная квартира имела площадь 60–65 кв. метров, то в настоящее время данный показатель составляет 48 кв. метров [10]. Особенно заметен рост предложения компактных студий площадью 20–24 кв. метра, рассчитанных фактически на проживание одного человека.

При оценке перспектив развития жилищного строительства ключевое значение приобретает анализ возрастного разделения населения (рис. 2). Каждая возрастная группа демонстрирует специфические модели поведения, формируя сложную систему рыночного спроса. Наиболее молодую демографическую группу составляет население до 20 лет, преимущественно проживающее с родителями или находящиеся на этапе студенчества. Данный сегмент рассматривается как стратегический резерв будущего рыночного спроса, реализация которого произойдет через 5–10 лет. Основными участниками рынка первичного жилья выступают представители возрастной группы 20–35 лет. Для этой категории характерна высокая зависимость от внешних факторов — доступности ипотечного кредитования и материальной поддержки родителей. Их решения часто обусловлены необходимостью формирования самостоятельного бытового пространства.

Наиболее активными потребителями качественного жилья становятся граждане 35–49 лет. Многие из них завершили выплаты по первоначальной ипотеке и демонстрируют готовность к улучшению жилищных условий. Внутри данной группы выделяются различные подкатегории — полные семьи с детьми, неполные семьи и одинокие люди, каждая из которых предъявляет собственные требования к характеристикам жилья.

Особый интерес представляет возрастная группа 50–65 лет, потенциал которой остается недостаточно востребованным на массовом рынке жилья. Традиционные маркетинговые стратегии, ориентированные на более молодых покупателей, оказываются малоэффективными. Хотя многие представители данной группы сталкиваются с проблемой избыточной жилой площади после отъезда детей, механизмы оптимизации жилья для данной категории населения пока не получили широкого распространения. Завершающую возрастную группу составляют лица старше 65 лет, чье влияние на рынок нового жилищного строительства минимально. Однако их жилищный фонд постепенно переходит к наследникам, создавая вторичный рыночный потенциал.

Потребности в жилье на разных этапах жизненного цикла семьи отличны (табл. 1). В настоящее время застройщики активно используют стратегию массового предложения компактных жилых помещений, что обусловлено рядом экономических преимуществ. Во-первых, малогабаритные квартиры демонстрируют высокую ликвидность, обеспечивая стабильный спрос. Во-вторых, их строительство требует меньших затрат по сравнению с традиционными форматами жилья. Финансовая доступность таких объектов привлекает не только конечных потребителей, но и инвесторов, рассматривающих их как инструмент увеличения капитала с относительно низким порогом входа. Однако подобная практика имеет двойственные последствия: расширяет возможности приобретения жилья для различных социальных групп, одновременно создавая риски ухудшения качества жилищных условий населения [13].

Нельзя не отметить и влияние миграционных трендов на развитие жилищного строительства. Современ-

Рис. 2. Численность населения России по возрастным группам по данным переписи 2021 г. [12]

Таблица 1.
Потребность в жилье на разных этапах жизненного цикла семьи [14]

Жизненный цикл семьи	Характеристики жилья	Обоснование	Цена 1 кв. метра
Одиноко проживающий, молодая семья	Студия, однокомнатная квартира	Близость к транспортным развязкам, центрам развлечения	Высокая
Молодая семья с одним ребенком	Двухкомнатная квартира	Наличие социальной и транспортной инфраструктуры	Рыночная
Семья с несколькими детьми	Многокомнатная квартира	Удобный и безопасный район, закрытый двор, развитая инфраструктура, экология	Рыночная, ниже рыночной

ные исследования [15, 16] демонстрируют выраженную зависимость между стадиями жизненного цикла семьи и миграционными потоками внутри страны: наибольшая активность переезда в пригородные зоны наблюдается на этапе формирования семьи и рождения детей, что отражает изменение жилищных потребностей и ценностных ориентаций данной социальной группы. В городах с численностью 100–250 тыс. жителей отмечается устойчивый миграционный отток населения, сопровождающийся параллельным ростом ближних пригородных территорий. Крупные городские агломерации сохраняют положительную демографическую динамику, однако их рост приобретает экстенсивный характер [17]. Данный процесс обусловлен пространственным смещением активности участников строительной сферы и расширением зон расселения за административные границы мегаполисов в целях создания комфортной среды жизни. Кроме того, качество инфраструктурного обеспечения

выступает критически важным фактором, определяющим рыночную привлекательность нового жилищного строительства за счет обеспечения транспортной и социальной инфраструктурой, объектами торговли, а также создания рабочих мест в пригородах крупных агломераций [18].

Таким образом, современные демографические тренды оказывают существенное влияние на развитие жилищного строительства в России. Естественная убыль населения не компенсируется миграционным приростом, что ведет к постепенному уменьшению общего числа жителей и создает долгосрочные риски для устойчивого спроса на жилье, несмотря на текущую активность в строительной сфере. В краткосрочной перспективе строительная сфера сохраняет потенциал развития, несмотря на сокращение численности населения и уменьшение размера домохозяйств. Однако при достижении порогового значения в 1,8–2,0 человека на домохозяйство, что прогнозируется в среднесрочной перспективе [10], процесс дальнейшего расселения жителей существенно замедлится, что неизбежно приведет к снижению спроса на новое жилье и потребует переориентации жилищной политики на качественное обновление существующего жилого фонда и развитие вторичного рынка недвижимости. Также сложившаяся экономическая ситуация в России предопределяет устойчивую тенденцию к уменьшению средних размеров жилья. Внутренняя миграция в крупные города (Москва, Санкт-Петербург, региональные центры) поддерживает локальный спрос, тогда как депопуляция малых городов снижает инвестиционную привлекательность жилищного строительства в них. В целом, комплексное исследование демографических трендов и их влияния на развитие жилищного строительства представляет собой междисциплинарную проблему, имеющую важное значение для устойчивого развития территорий и формирования комфортной среды жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный проект «Инфраструктура для жизни». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/918/about/> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Федеральный проект «Жилье». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda/zhile/> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Mason A. Population and housing // Population Research and Policy Review, vol. 15, 1996, p. 419–435.
4. Кузьмина Е.В., Фирак А.А. Исследование влияния изменений в социально-демографической структуре общества на рынок недвижимости Российской Федерации // Финансы и бизнес. 2022. №3. С. 85–91.
5. Елисеева И.И., Боченина М.В. Спрос на рынке жилья и потребности россиян: эконометрический подход // Экономическое возрождение России. 2022. №4 (74). С. 41–56.
6. Аблязов Т.Х. Отраслевая адаптация теории эмерджентности // Бизнес и общество. 2024. № 4 (44).
7. Стерник С.Г. Улучшение жилищных условий населения: проблемы достижения национальной цели // Проблемы прогнозирования. 2019. №4 (175). С. 95–105.
8. Интерфакс. Численность населения России к началу 2025 года снизилась до 146,028 млн человек. 2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1005747> (дата обращения: 02.06.2025).
9. РБК. Росстат спрогнозировал начало роста рождаемости в 2028 году. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/10/2023/6532903a9a7947d2efaf4b74> (дата обращения: 05.06.2025).
10. РБК. Для кого строится так много новостроек, если население России сокращается. 2024. URL: <https://realty.rbc.ru/news/667280799a79476231932c2d> (дата обращения: 01.06.2025).

11. Аналитический центр ДОМ.РФ. Итоги 2024 года в жилищной сфере. 2025. URL: https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/DomRuComment_2025_01_24_672pk068e53oqwz6mf6ccp0m1ep4nd1.pdf (дата обращения: 10.05.2025).
12. Reburg. Заглянуть за горизонт демографические тренды для рынка жилья. 2022. URL: <https://dzen.ru/a/Y5GpMiGnUyy-sYEC?ysclid=mbhyfk5gcf213707853> (дата обращения: 10.05.2025).
13. Басова Е.А. Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Том 14. № 4. С. 113–130.
14. Минстрой России. Квартирография жилищного строительства. URL: clck.ru/34iUpB (дата обращения: 15.05.2025).
15. Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (1). С. 44–63.
16. Kooiman N. Residential Mobility of Couples around Family Formation in the Netherlands: Stated and Revealed Preferences // Population, Space and Place, vol. 26 (8), e2367, 2020.
17. Куричев Н.К., Куричева, Е.К. Региональная дифференциация активности покупателей на первичном рынке жилья московской агломерации // Региональные исследования. 2018. № 59 (1). С. 22–38.
18. Жигалова А.В., Аблязов Т.Х. Оценка конкурентной среды на рынке первичной недвижимости в стране // Экономика и право в России и мире: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 8–19.

© Панибратов Юрий Павлович (panibratov@icloud.com); Петров Иван Сергеевич (petrovrf@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕМУ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УСЛУГ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Патырыкин Кирилл Григорьевич

Дальневосточный Федеральный Университет
kirill@patyrykin.net

REVIEW OF RESEARCH ON THE EFFECTIVENESS AND QUALITY CONTROL OF EDUCATIONAL SERVICES PROVIDED BY VOLUNTARY ORGANISATIONS

K. Patyrykin

Summary. Volunteers' activity has undergone significant transformations over the past five years, driven by global crises and shifts in societal expectations.

This review synthesizes the existing academic discourse from 2019–2025 in overseas academic literature, focusing on the roles of volunteers, innovative metrics and methods for assessing volunteers' activity effectiveness, and evolving quality management strategies within volunteers involving organizations. Contemporary scholarly thought has moved beyond viewing volunteers exclusively as supplemental or free labor. To the contrary, the latest research defines them as strategic assets, whose effectiveness is contingent upon comprehensive managerial practices that emphasize the principles of value co-creation («participatory economics» or «parecom») and social impact measurement. The article analyzes these key themes, highlighting the tension between formalization and autonomy, and concludes by formulating implications for future research.

Keywords: management, volunteers, volunteer organisations, performance evaluation, quality assessment, principle of participation.

Аннотация. В настоящем обзоре проанализирован существующий академический дискурс периода 2019–2025 годов в зарубежной академической литературе, посвященный анализу роли волонтеров, новаторских метрик и методов оценки их эффективности, а также эволюционирующих стратегий управления качеством в организациях, привлекающих волонтеров. Ключевой тезис заключается в том, что современная научная мысль отошла от рассмотрения волонтеров исключительно как дополнительной или бесплатной рабочей силы. Вместо этого, новейшие исследования определяют их как стратегические активы, результативность которых обусловлена комплексными управленческими практиками, делающими акцент на принципах совместного создания ценности (принцип «соучастия») и измерении социального воздействия. В статье анализируются данные ключевые темы, освещающие диалектическое противоречие между формализацией и автономией, а в заключении формулируются выводы, имеющие значение для будущих исследований и практической деятельности.

Ключевые слова: менеджмент, волонтеры, волонтерские организации, оценка эффективности, оценка качества, принцип соучастия.

Введение

В настоящее время волонтеры являются неотъемлемой частью государственных, некоммерческих и гуманитарных систем, выполняя разнообразные и постоянно меняющиеся функции. Сфера их деятельности охватывает участие в управлении, привлечение средств, оказание непосредственной помощи населению и организацию низовой взаимопомощи. В последние годы также получили распространение новые формы удаленной работы волонтеров, включающие выполнение небольших заданий в цифровом формате, таких как совместный сбор данных, информационная поддержка в сети и дистанционное наставничество.

С началом пандемии COVID-19 в научной литературе заметно возрос интерес к трем взаимосвязанным направлениям исследований:

1. Первое направление посвящено анализу фактической деятельности добровольцев и трансформации их обязанностей в условиях глобальных потрясений. Особое внимание уделяется массовому переходу к дистанционным форматам работы и смешанным моделям участия [24].
2. Второе направление исследует результативность добровольческой деятельности. Оценка производится не только по материальным результатам для благополучателей и принимающих организаций, но и с точки зрения личностного роста, благополучия и гражданской активности самих волонтеров [13].
3. Третье направление концентрируется на вопросах качества, подотчетности и управления рисками в рамках волонтерских программ, которые становятся все более сложными и масштабными.

В этом контексте возникает необходимость найти баланс между формальными показателями эффективности и сохранением внутренней мотивации добровольцев, основанной на альтруизме и солидарности [20].

Таким образом, данный обзор обобщает научные публикации за период с 2020 по 2025 год, включая метаанализы, отраслевые стандарты и эмпирические исследования в таких областях, как здравоохранение, гуманитарное реагирование, защита окружающей среды и организация массовых мероприятий.

Определение понятия «волонтер» и его роль

Существуют различные подходы к определению понятия «волонтер». Программа добровольцев ООН (ДООН), следуя подходу Генеральной Ассамблеи, предлагает широкую трактовку этого термина, включая в него все виды формальной и неформальной взаимопомощи. Согласно их определению, добровольческая деятельность «осуществляется по свободному волеизъявлению, направлена на благо других и ее основной мотивацией не является финансовое вознаграждение» [24]. Такой подход призван носить всеобъемлющий характер, признавая те формы альтруистического поведения, которые свойственны, например, традиционным обществам. Однако именно эта широта охвата снижает аналитическую ценность определения, поскольку под него подпадает слишком широкий спектр действий — от помощи в организации Олимпийских игр до воспитания собственных детей.

В академических исследованиях, напротив, преобладают более узкие определения, которые формируют более четкую концепцию и обеспечивают содержательный анализ. В рамках этого подхода волонтеры рассматриваются как неотъемлемый элемент формальной экономики. Их деятельность является аналогом деятельности наемных работников, но с ключевыми отличиями: она не оплачивается и не регулируется трудовым договором (например, Güntert et al. [14] или Neely et al. [19]). Иными словами, быть волонтером — значит безвозмездно выполнять работу, которая в других условиях могла бы быть оплачиваемой.

При таком подходе роль волонтеров в мировой экономике оказывается чрезвычайно важной, хотя и не всегда оценивается по достоинству. Волонтеры представляют собой форму человеческого капитала, которая позволяет организациям сокращать бюджеты и снижать нагрузку на штатных сотрудников. Вклад добровольцев может быть весьма значительным: так, в 2020 году их вклад в экономику Великобритании составил 20 миллиардов фунтов стерлингов, что эквивалентно 1 % ВВП страны [18], а во многих странах ЕС этот

показатель превышает 2 % ВВП [11]. По словам же заместителя Министра экономического развития РФ Татьяны Илюшниковой, вклад волонтеров в ВВП России составляет 1,5 % [1], что свидетельствует о развитии волонтерского движения в соответствии с мировыми тенденциями с открытыми возможностями к дальнейшему росту.

Поскольку определение понятия «волонтер» различается в разных странах и организациях, оценить занятость волонтеров затруднительно. Тем не менее, по мировым оценкам, труд добровольцев эквивалентен труду 61 миллиона штатных работников, занятых полный рабочий день [13]. Данные о динамике волонтерского движения противоречивы. Например, Форнер, основываясь на данных ООН, утверждает, что более половины добровольцев прекратили свою деятельность в период с 2018 по 2021 год [13], хотя возможно предположить, что причина такой динамики — ограничения во время пандемии COVID-19.

Исследователи отмечают, что роли волонтеров могут быть весьма разнообразными и контрастными. Добровольческая деятельность может быть постоянной, подобно традиционной работе, или эпизодической. Работа может выполняться из дома или совмещаться с путешествиями в рамках так называемого «волонтерского туризма». Наконец, волонтер может работать очно (личное присутствие) или дистанционно (виртуально) [14].

Мотивация волонтеров

Процесс вовлечения в добровольческую деятельность можно разделить на три отдельных этапа, каждый из которых требует от волонтера постоянной мотивации: поиск возможностей для волонтерства, принятие решения предложить свои услуги и, наконец, продолжение работы в выбранной роли. Этот процесс кардинально отличается от трудоустройства наемных работников, у которых доминирует один главный мотив — финансовое вознаграждение, а увольнению препятствуют условия контракта и потеря дохода.

Волонтеры, в отличие от штатных сотрудников, сталкиваются с минимальными препятствиями при уходе. Им редко требуется отрабатывать определенный срок, они не теряют источник дохода и, как правило, могут легко найти альтернативные возможности для добровольчества [12]. Часто волонтеры даже не увольняются формально: если их что-то не устраивает, они просто начинают приходить реже и со временем прекращают участие. Это создает проблему для организаций, так как у них не остается четких данных, которые могли бы помочь в улучшении рабочих процессов [13].

Все это означает, что главной задачей для организаций, привлекающих волонтеров, является поддержание

их мотивации [7]. Недостаточная мотивация приводит к трудностям с набором новых добровольцев и низкому уровню их удержания. В свою очередь, это ведет к дополнительным затратам на постоянный поиск кадров, неэффективному расходованию ресурсов на обучение и потере ценного опыта. Именно поэтому значительная часть исследований в области волонтерства посвящена изучению разнообразных мотивов, которые побуждают людей к добровольческой деятельности.

Современные исследования мотивации волонтеров зачастую по-прежнему опираются на концепцию, разработанную Клэри и его коллегами в 1998 году [8]. Эта модель, известная как «Перечень функций волонтера» (Volunteer Functions Inventory, VFI), выделяет шесть основных категорий мотивов:

- ценностные (например, стремление выразить солидарность, помочь другим);
- познавательные (например, возможность получить новые знания);
- карьерные (например, налаживание контактов, улучшение резюме);
- социальные (например, дружба и одобрение со стороны окружающих);
- повышение самооценки (например, желание почувствовать себя нужным);
- защитные (например, возможность отвлечься от жизненных проблем).

Более поздние исследования дополнили этот список. Например, была выделена эмпирическая мотивация, связанная с получением уникального опыта, как в случае волонтерства на Олимпийских играх [14]. Кроме того, сильным мотивом для продолжения деятельности может стать отождествление себя с волонтерской ролью или с самой организацией [23].

Как отмечают Гюнтерт и его коллеги, существование множества мотивов означает, что для каждого отдельного волонтера могут быть важны лишь некоторые из них. Следовательно, чтобы избежать текучести кадров, организациям необходимо понимать и поддерживать индивидуальные мотивы каждого добровольца [14]. С другой стороны, анализ 61 опубликованного исследования показал, что на общем уровне ценностная функция оказывает гораздо более сильное влияние на мотивацию волонтеров по сравнению с другими факторами из перечня VFI [28].

Развивая процессную модель волонтерства, Нили указывает, что у одного и того же добровольца на разных этапах могут преобладать разные мотивы. Это касается начального интереса к волонтерству, непосредственного вовлечения в деятельность конкретной организации и поддержания усилий с течением времени [19]. Например, то, что начиналось как способ улучшить резюме, со

временем может превратиться в роль, которую человек считает центральной частью своей идентичности. Большое значение часто приобретают отношения с другими волонтерами и с теми, кому организация оказывает помощь.

В последнее время некоторые исследователи предлагают заменить или дополнить подход, основанный на анализе отдельных мотивов, целостным принципом «соучастия» [9, 12, 27]. Это понятие было заимствовано из исследований потребительского опыта в коммерческой сфере. В них соучастие определяется как «психологическое состояние, возникающее в результате интерактивного, совместного созидательного опыта взаимодействия клиента с центральным объектом (например, брендом)» [4, 12].

Арнон и его коллеги предлагают смежный термин — «вовлекающий потенциал» (engageability), который они используют для описания способности организации вовлечь конкретного волонтера. По их мнению, этот потенциал складывается из комбинации четырех факторов:

- идеологического совпадения (четко сформулированные ценности, соответствующие ценностям волонтера);
- профессиональной координации (эффективная организация работы, позволяющая добровольцам чувствовать свою ценность);
- материально-технического обеспечения;
- признания заслуг и инициатив по созданию сообщества.

Авторы утверждают, что фокус на «вовлекающем потенциале» выдвигает на первый план взаимный характер вовлеченности, которая зависит не только от волонтера, но и от самой организации [2].

Измерение эффективности

Точная оценка эффективности волонтеров всегда была серьезной задачей для организаций. В современном профессиональном дискурсе преобладает критическое отношение к традиционным простым показателям, таким как общее число волонтеров или количество отработанных ими часов в год. Эти количественные данные могут быть полезны для отчетности о масштабах деятельности, но они дают лишь поверхностное и зачастую искаженное представление о реальной эффективности. Как правило, их ценность пересматривается с учетом качественных аспектов участия волонтеров или их влияния на сообщество и организацию. Новые методики оценивают более широкий спектр результатов, включая развитие навыков, изменения в благополучии сообществ, прочность выстроенных социальных связей и долгосрочность инициатив, реализуемых волонтерами. Это позволяет получить более целостное представление о создаваемой ценности.

Польза для самих волонтеров

Наиболее полным представляется комплексный анализ 28 обзорных исследований, который выявляет устойчивую связь между волонтерской деятельностью и снижением смертности, улучшением функционального состояния, укреплением психического здоровья и расширением социальных связей. Авторы анализа отмечают, что качество первичных исследований и доказательная база причинно-следственных связей варьируются, а наибольшая польза наблюдается среди людей пожилого возраста. Современные данные подтверждают повышение удовлетворенности жизнью и самооценки у волонтеров, при этом подчеркивается необходимость улучшения методологии исследований в постковидный период [17].

Польза для благополучателей

В системах здравоохранения исследования показывают, что структурированные программы с участием волонтеров и общинных медицинских работников могут способствовать улучшению физического состояния и уменьшению чувства одиночества у пожилых людей. Наибольшая эффективность достигается, когда такие программы интегрированы в командную работу с четкими протоколами и контролем [26, 16]. Систематические обзоры программ по самостоятельному ведению хронических заболеваний подтверждают, что участие обученных лидеров волонтерских групп дает положительные, хотя и зависящие от контекста, результаты [5, 6].

Результаты для организации

Текущая кадровая ситуация является серьезной угрозой для эффективности программ. Анализ 2024 года, охвативший более 55,000 волонтеров, выявил различные факторы, влияющие на решение остаться или уйти. Ключевыми факторами удержания являются ясность роли, поддержка и ощущение значимости своей работы, в то время как уходу способствуют такие трудности, как нехватка времени. Это подчеркивает необходимость разработки адресных стратегий удержания, учитывающих разные мотивы [13]. Данные опросов связывают качество управления волонтерами с их удержанием и индексом потребительской лояльности (Net Promoter Score), то есть с вероятностью того, что они порекомендуют организацию другим [21]. Другие исследования подтверждают связь управленческих практик и соответствия личности волонтера его роли с воспринимаемой эффективностью [20] и освещают общие тенденции участия в волонтерской деятельности в последние годы [3].

Вклад на системном уровне

Руководства Программы добровольцев ООН (ДООН) подтверждают значительный социальный и экономиче-

ский вклад волонтерства. В них представлены методики для интеграции данных о добровольчестве в систему национальных счетов и отчетность по достижению целей в области устойчивого развития. Это имеет решающее значение для демонстрации ценности волонтерской деятельности перед донорами и государственными структурами [24].

Контроль качества

Исследования в этой области часто концентрируются на мотивации и личном опыте самих добровольцев, а не на подходе, ориентированном на организацию, в рамках которого анализируется вклад управленческих практик в общую эффективность [25]. Такой фокус сохраняется несмотря на давно существующие доказательства того, что именно неэффективное управление приводит к отсеву волонтеров. Например, Чо и его коллеги в своем недавнем обзоре ссылаются на исследование 2004 года, согласно которому 40 % добровольцев, прекративших свою деятельность, назвали «плохое управление» в качестве причины ухода. Они призывают уделять должное внимание вопросам управления, заимствуя подходы из теории менеджмента и организационной психологии, но при этом адаптируя их к особым условиям работы с добровольцами [7].

Хейгер и Ренфро анализируют современные исследования, используя классификацию процессов управления волонтерами, предложенную Эллисом и его коллегами: планирование, набор, ориентация и адаптация и признание заслуг [10]. Другие исследователи также утверждают, что управленческие процессы должны в большей степени, чем это происходит сейчас, ставить во главу угла как опыт волонтера, так и потребности самой организации, обозначив ценность обратной связи [22].

Планирование

На этапе планирования организация разрабатывает политики в отношении волонтеров и определяет способы снижения рисков. Эффективная организация вкладывает в этот процесс ресурсы таким образом, чтобы это было очевидно для потенциальных добровольцев. Недостаточная подготовка, как правило, воспринимается волонтерами как признак того, что их будущий опыт в организации будет негативным [15]. Важным фактором является оценка необходимого количества волонтеров для каждой задачи, поскольку исследования показывают, что добровольцы испытывают разочарование, если их потенциал используется не в полной мере, в то время как они пожертвовали своим ценным временем.

Набор персонала

Хейгер и Ренфро утверждают, что традиционно основной упор в наборе делался на собеседование и отбор

кандидатов, однако при этом упускалась из виду важная роль процесса найма в установлении эффективных взаимоотношений. Они объясняют, что собеседование должно подтвердить взаимное соответствие сторон, демонстрируя, что организация ценит уникальные навыки добровольца. В противном случае существует риск, что лучшие кандидаты откажутся от предложения, либо будет выбран человек, чьи мотивы не соответствуют задачам организации. Такое несоответствие, по их словам, неизбежно подорвет решение волонтера продолжать свою связь с организацией [15].

Знакомство и адаптация

После найма волонтеру необходимо освоиться в организации и в своей роли. Традиционный подход рассматривает этот этап как ориентацию: обучение добровольца процедурам организации, по сути — одностороннюю передачу информации. В отличие от этого, адаптация (onboarding) понимается не столько как инструктаж, сколько как совместный процесс, в ходе которого новичку помогают понять и проявить, как его уникальные навыки соотносятся с поставленными задачами [15].

Признание заслуг

Труд волонтеров не оплачивается, но может быть вознагражден другими способами — от устной благодарности до церемоний награждения и публикаций в прессе. Гюнтерт и его коллеги, анализируя литературу по этой теме, приходят к выводу, что данные о пользе признания неоднозначны. Для одних волонтеров благодарность служит мотивирующим фактором, в то время как другие могут воспринимать ее с неловкостью или даже негативно.

На основе опубликованных данных они связывают это различие со степенью внутренней мотивации добровольца и его отождествления с ролью и ценностями организации. Чем сильнее эта связь, тем вероятнее, что волонтер воспримет явное признание как намек на то, что работа ради достижения цели сама по себе недостаточная награда. Напротив, те, кто мотивирован в значительной степени личной выгодой (будь то улучшение благополучия или карьерный рост), как правило, гораздо спокойнее относятся к внешним вознаграждениям [14]. При этом признание со стороны внешних структур, например, из частного сектора, может усилить отождествление волонтера с организацией [14].

Обратная связь

Практика сбора обратной связи от волонтеров позволяет соединить подходы, сфокусированные на управлении, с исследованиями мотивации. Упомянутое выше исследование Принса и Пятак частично основывалось

на индексе потребительской лояльности (NPS). В рамках этого метода волонтеры спрашивают, с какой вероятностью они порекомендуют организацию другим. За основным вопросом следует открытый вопрос о том, что можно было бы улучшить. Представив примеры организаций (включая «Бойскаутов Америки»), где эта методика способствовала улучшению практик управления, авторы приходят к выводу о необходимости ее более широкого применения во всем некоммерческом секторе [22].

Таблица 1.
Авторская многомерная модель оценки эффективности добровольческой деятельности

Критерии оценки эффективности		
Домен	Ключевые индикаторы	Выгодоприобретатели
Стратегический	— Достижение программных результатов; — Улучшение благополучия бенефициаров; — Вклад в достижение целей организации.	Физические лица и организации, получатели услуг добровольцев.
Экономический	— Возвратность инвестиций (ROI); — Уровень затрат на деятельность волонтеров.	Спонсоры, Исполнительный комитет волонтерской организации.
Организационный	— Улучшение качества услуг; — Повышение устойчивости организации; — Усиление внешних связей; — Укрупнение социального капитала.	Волонтерские организации.
Эмпирический	— Удовлетворение получателей услуг; — Удовлетворение волонтеров; — Развитие собственных навыков; — Развитие чувства принадлежности; — Развитие чувства психологической безопасности.	Добровольцы, получатели услуг добровольцев.

Постановка задач для дальнейшего исследования

Академический дискурс последних пяти лет демонстрирует более сложное и зрелое понимание добровольчества. Волонтер, безвозмездно предлагающий свое время и таланты, больше не рассматривается как пассивный ресурс, которым нужно управлять, а скорее как равноправный участник создания ценности. Признается, что добровольцы также получают пользу от своего участия. В связи с этим оценка их деятельности больше не может основываться исключительно на показате-

лях «вложенных ресурсов» или «конечных продуктов». Эффективность волонтерства теперь понимается как многомерное понятие, связанное с влиянием на миссию организации, сообщество и внутренний потенциал. Благодаря этому, управление качеством в волонтерстве сместилось от административного процесса, основанного на процедурном контроле, к стратегической практике. Она направлена на формирование позитивных психологических контрактов с добровольцами, создание общей культурной базы и более эффективное использование технологий.

Исследования в области волонтерства должны развиваться как минимум в трех важных направлениях:

- Во-первых, необходимо изучить долгосрочные последствия смешанных и дистанционных (цифровых) форматов волонтерства для сплоченности коллектива и организационной идентичности.
- Во-вторых, несмотря на наличие концепций для измерения социального воздействия, до сих пор не решена задача создания простых в применении

и малозатратных инструментов оценки для малых и средних волонтерских организаций.

- Наконец, необходимы исследования размытых границ между штатными сотрудниками и волонтерами в некоторых сегментах некоммерческого сектора. С ростом понимания команд смешанного типа возникает вопрос, как управленческие практики могут на практическом уровне обеспечивать равенство в отношениях между оплачиваемыми и неоплачиваемыми участниками.

В заключение следует отметить, что в академической среде существует устойчивый консенсус: эффективность и качество услуг волонтеров (в том числе просветительских) напрямую зависят от качества и гуманности управления добровольцами. Будущее принадлежит тем организациям, которые будут относиться к волонтерам не как к помощникам, а как к равноправным партнерам в реализации своей миссии и выстраивать управление соответствующим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство экономического развития Российской Федерации. «Татьяна Илюшников: вклад сектора НКО и волонтерства в экономику страны составляет порядка 1,5 % ВВП.» Пресс-служба Минэкономразвития России, 25 06 2024, https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_vklad_sektora_nko_i_volonterstva_v_ekonomiku_strany_sostavlyayet_poryadka_15_vvp.html. Accessed 8 09 2025.
2. Arnon, Liora, et al. «Volunteer engageability: A conceptual framework.» *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 52, no. 3, 2023, pp. 512–534.
3. Benito-Ballesteros, Álvaro, et al. «Stay or Stray: A Comparative Analysis of Short-Term Volunteer Permanence in the Theory of Planned Behavior and the Three-Stage Model of Volunteers' Duration of Service.» *VOLUNTAS International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2025.
4. Brodie, Roderick J., et al. «Customer Engagement: Conceptual Domain, Fundamental Propositions, and Implications for Research.» *Journal of Service Research*, vol. 14, no. 3, 2011, pp. 252–271.
5. Chan, Kerwyn Jim, et al. «Effectiveness of health literacy interventions on the knowledge, skills, and attitudes in community health workers: a systematic review protocol.» *PubMed*, 2025. *PubMed*, <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40458000/>. Accessed 8 09 2025.
6. Cheng, Jasmine Yee Ru, et al. «Role and experiences of youth community health volunteers in a community health coaching programme for older adults in Singapore: a qualitative study.» *BMJ Public Health*, vol. 3, no. 2, 2025.
7. Cho, Heetae, et al. «The Effect of Volunteer Management on Intention to Continue Volunteering: A Mediating Role of Job Satisfaction of Volunteers.» *SAGE Open*, vol. 10, no. 2, 2020.
8. Clary, EG. «Understanding and assessing the motivations of volunteers: A functional approach.» *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no. 6, 1998, pp. 1516–1530.
9. Conduit, Jodie, et al. «Volunteer engagement: Conceptual extensions and value-in-context outcomes.» *Journal of Service Theory and Practice*, vol. 29, no. 4, 2019, pp. 462–487.
10. Ellis, Susan J., and Rob Jackson. «From the top down: The executive role in successful volunteer involvement.» Philadelphia, PA: Energize, 2010.
11. European Economic and Social Committee. «Celebrate and empower volunteering for a sustainable future.» European Economic and Social Committee, 2021, <https://www.eesc.europa.eu/en/news-media/news/celebrate-and-empower-volunteering-sustainable-future>. Accessed 8 09 2025.
12. Fernandes, Teresa, and Manuel Aires Matos de. «Towards a better understanding of volunteer engagement: self-determined motivations, self-expression needs and co-creation outcomes.» *Journal of Service Theory and Practice*, vol. 33, no. 7, 2023, pp. 1–27.
13. Forner, Vivien M. «Predictors of turnover amongst volunteers: A systematic review and meta-analysis.» *Journal of Organizational Behavior*, vol. 45, no. 3, 2024, pp. 434–458. WILEY Online library, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/job.2729>.
14. Güntert, Stefan T., et al. *Organizational, Motivational, and Cultural Contexts of Volunteering: The European View*. Springer International Publishing, 2022. Güntert et al, 2022 vols.
15. Hager, Mark A., and Kathy T. Renfro. «Volunteer management and the psychological contract.» *The Routledge Companion to Nonprofit Management*, 2020, pp. 278–290.
16. Hickey, Matthew D. «Community health worker–facilitated telehealth for moderate–severe hypertension care in Kenya and Uganda: A randomized controlled trial.» *PLOS Medicine*, 2025, <https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371%2Fjournal.pmed.1004632>. Accessed 8 09 2025.

17. McDermott, Jack, and Dominic O'Neill. «Volunteering and Mental Health.» 2023, https://volunteeringstrategy.org.au/wp-content/uploads/2023/07/VRP_Volunteering-and-Mental-Health.pdf. Accessed 8 09 2025.
18. The National Council for Voluntary Organizations. «UK Civil Society Almanac 2021 — Data, Trends, Insights.» 2021. Accessed 9 08 2025.
19. Neely, Andrea, et al. «A process model of volunteer motivation.» *Human Resource Management Review*, vol. 31, no. 3, 2021.
20. Nichol, Beth, et al. «Exploring the effects of volunteering on the social, mental, and physical health and well-being of volunteers: an umbrella review.» *Voluntas: international journal of voluntary and nonprofit organizations*, vol. 35, no. 1, 2024, pp. 97–128.
21. Piatak, Jaclyn S., and Joanne G. Carman. «Unpacking the Volunteer Experience: The Influence of Volunteer Management on Retention and Promotion of the Organization.» *Journal of Public and Nonprofit Affairs*, vol. 9, no. 2, 2023.
22. Prince, William, and Jaclyn Piatak. «By the volunteer, for the volunteer: Volunteer perspectives of management across levels of satisfaction.» *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 52, no. 2, 2023, pp. 398–421.
23. Thoits, Peggy A. «Motivations for Peer-Support Volunteering: Social Identities and Role-Identities as Sources of Motivation.» *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 50, no. 4, 2021, pp. 797–815.
24. United Nations Volunteers. «Measuring the Economic and Social Contributions of Volunteering: Guidance.» *Measuring Volunteering for the 2030 Agenda*, 2022, <https://knowledge.unv.org/system/files/2022-03/Measuring%20Volunteering%20for%20the%202030%20Agenda-21032022.pdf>. Accessed 8 09 2025.
25. van Overbeeke, Philine S. M., et al. «You Shall (Not) Pass: Strategies for Third-Party Gatekeepers to Enhance Volunteer Inclusion.» *Voluntas*, vol. 33, no. 1, 2022, pp. 33–45.
26. Yeung, Dannii Yuen-Lan. «The effects of volunteering on loneliness among lonely older adults: the HEAL-HOA dual randomised controlled trial.» *The Lancet Healthy Longevity*, vol. 6, no. 1, 2025.
27. Yoo, Seongjin, et al. «Exploring volunteer engagement in a mega sport events: The role of functional attitudes.» *European Sport Management Quarterly*, vol. 23, no. 5, 2023, pp. 1610–1629.
28. Zhou, Steven, and Kailee Kodama Muscente. «Meta-analysis of Volunteer Motives Using the Volunteer Functions Inventory to Predict Volunteer Satisfaction, Commitment, and Behavior.» *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 52, no. 4, 2023, pp. 891–915.

© Патырыкин Кирилл Григорьевич (kirill@patyrykin.net)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ КИНОПРОЕКТОВ

METHODOLOGY FOR FORMING THE COST PRICE OF DOMESTIC FILM PROJECTS

D. Pechenkin

Summary. Cinema is an integral part of every person's life, performing an important socio-economic function. Every year, domestic film companies produce about 200 films a year, earning a total of more than 30 billion rubles in revenue. Despite this, there is still no consensus on the most optimal method for forming the cost of a project, as a result of which the calculated profit of a single project may be erroneous. The article analyzes the most common methodologies for forming cost in domestic film production companies, on the basis of which the most optimal of them is identified.

Keywords: film industry, film project, cost price, project expenses, accounting, management accounting.

Печенкин Данил Вадимович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации», Москва
bestsincedayone@yandex.ru

Аннотация. Кинематограф является неотъемлемой частью жизни каждого человека, выполняя при этом важную социально-экономическую функцию. Ежегодно, отечественные кинокомпании производят около 200 кинокартин в год, извлекая при этом совокупно более 30 млрд рублей выручки. Несмотря на это, до сих пор применяются неэффективные для киноиндустрии методы формирования себестоимости проекта, в следствии чего рассчитанная прибыль отдельного проекта может быть ошибочной. В статье анализируются наиболее распространенные в кинопроизводственных компаниях методологии формирования себестоимости, на основе чего выделяется наиболее оптимальный из них.

Ключевые слова: киноиндустрия, кинопроект, себестоимость, расходы проекта, бухгалтерский учет, управленческий учет.

Расчёт себестоимости производимого продукта является ключевой составляющей любого бизнеса, так как именно на основе себестоимости продукта формируется размер необходимой выручки для извлечения прибыли. Киноиндустрия не является исключением, а методология формирования себестоимости кинопроектов остается тайной даже для многих сотрудников компании, производящих эту кинокартину.

Традиционно выделяется два расчёта себестоимости — полная и усеченная. Основным их отличием является включение в полную себестоимость продукта косвенных расходов организации, что позволяет более эффективно рассчитывать ключевые показатели эффективности проекта.

Процесс создания любой кинокартины начинается с составления исполнительным продюсером финансовой сметы, в которой отражаются исключительно прямые расходы на создание проекта. Большинство смет разделяется по этапам производства, которых выделяется 4. Этапы кинокартины, входящие в них расходы и традиционно выделяемые доли расходов на каждый этап указаны в таблице 1.

Некоторые кинокомпании также добавляют в финансовую смету расходы на маркетинг и дистрибуцию, которые заключаются в продвижении проекта на онлайн платформах, кинотеатрах и телевидении, однако в большинстве случаев данные расходы относятся к косвен-

Таблица 1.

Этапы создания кинокартины

Этап кинопроизводства	Расходы этапа	Лимит расходов этапа
Разработка проекта (девелопмент)	Создание сценария, создание концепт-арт, проведение кастинга на роли главных героев, определение общей концепции проекта продюсером, режиссером и постановщиком	5–10 %
Предпродакшн	Кастинг на роли второстепенных героев, поиск локаций, строительство декораций, подбор реквизита, поиск съемочной группы, покупка билетов, оформление виз и иных документов (для зарубежных съемок)	5–20 %
Съемочный период	Аренда оборудования, гонорары съемочной группы, актерского состава, прочего вспомогательного персонала, пиротехника, создание грима, оплата налогов и сборов	40–70 %
Постпродакшн	Монтаж, наложение графики, создание закадрового текста, приобретение прав на музыку и картины, создание спецэффектов и анимации	20–60 %

ным и не находят отражения в финансовой смете. В зависимости от бюджета проекта, расходы на маркетинг

и дистрибуцию составляют не более 20 % от бюджета. Благодаря финансовой смете, формируется плановая себестоимость проекта.

В бухгалтерском учете кинокомпаний все прямые расходы, указанные в производственной смете (за исключением строительства дорогостоящих декораций, которые используются на протяжении более 1 года и собственного съемочного оборудования), отражаются на счёте 20 «Основное производство», который в свою очередь подразделяется на номенклатурные группы, именуемые в зависимости от названия проекта.

Наиболее распространенным методом формирования себестоимости кинопроектов является метод директ-костинг, который фокусируется исключительно на переменных затратах, непосредственно связанных с производством проекта. Фактически, метод директ-костинга в кинопроизводстве включает все расходы соответствующей номенклатурной группы счёта 20, а также заработную плату сотрудников, непосредственно задействованных в создании проекта. Преимуществом данного метода является: простота расчета за счёт сокращения статей расходов; статьи расходов становятся более транспарентными, а итоги проекта, с точки зрения расчёта ключевых показателей эффективности, более контролируемы. Основным недостатком метода директ-костинга в кинопроизводстве является невключение в состав расходов основных средств, которые фактически могли быть задействованы на анализируемом проекте. К таким расходам относятся:

- Дорогостоящие декорации, со сроком полезного использования более 1 года отражаются на счёте 01 «Основные средства», а амортизация по ним на счёте 02 и применимы для проектов, состоящих из нескольких частей или сезонов. Фактически, такие декорации имеют непосредственное отношение к расходам проекта, однако в соответствии с методом директ-костинга не входят в себестоимость. В свою очередь, декорации, которые отражаются на счёте 20 в некоторых случаях реконструируются для другого проекта или реализуются внешним контрагентом, что снижает себестоимость проекта, однако в связи со сроками этих процедур, метод директ-костинга, в большинстве случаев не учитывает это;
- Некоторые более крупные кинокомпании имеют в собственности свое съемочное оборудование, которое отражается на счёте 01 «Основные средства», а их амортизация на счёте 02 и также, как и декорации не входят в себестоимость проекта по методу директ-костинга.

Таким образом, расчёт себестоимости методом директ-костинга является оптимальным для кинопроизводства, так как прост в расчётах, а почти все прямые

расходы создания кинопроекта являются переменными. Несмотря на это, при данном методе не учитываются статьи затрат, которые в некоторых кинокартинах составляют значительную долю бюджета проекта — декорации и собственное съемочное оборудование — что не позволяет корректно рассчитывать действительную себестоимость проекта.

Позаказный метод определения себестоимости также является распространенным методом учета затрат в кинопроизводстве, так как каждый кинопроект является уникальным и под каждый из них формируется отдельный бюджет. Данный метод учитывает фактическую себестоимость на основании всех произведенных затрат. До момента завершения проекта все затраты считаются незавершенным производством.

В данном методе учитываются все затраты, указанные в методе директ-костинга; амортизационные отчисления от декорации и собственного съемочного оборудования, непосредственно используемого в процессе создания кинокартины; косвенные затраты, в соответствии с установленным нормативным коэффициентом. При этом для определения нормативного коэффициента необходимо: спрогнозировать общий размер косвенных расходов за соответствующий период; определить базу распределения косвенных расходов, которой, в большинстве случаев является размер материальных расходов всех кинопроектов в анализируемом периоде; рассчитать коэффициент распределения косвенных затрат на проект по формуле 1.

$$K = \frac{\text{прогнозная величина косвенных расходов}}{\text{сумма прямых затрат на все кинопроекты}} \quad (1)$$

Где K — коэффициент распределения косвенных затрат

Таким образом, формула 1 показывает количество относимых косвенных расходов на единицу прямых затрат. Решение о выборе базы распределения закрепляется в учетной политике организации.

Однако сумма прямых расходов кинопроекта не всегда отображает фактический объем трудозатрат. В первую очередь это связано со значительным различием в ставках актёрского состава. Поэтому для более оптимального распределения косвенных затрат позаказным методом автором статьи предлагается использование в качестве базы распределения косвенных расходов количество закрывающих документов, относящихся к проекту и отображаемых на счёте 20. Данное предложение актуально для всей киноиндустрии в целом и для кинокомпаний, создающих как бюджетные, так и дорогостоящие проекты, в частности, так как именно количество закрывающих документов отражает фактические трудозатраты сотрудников бэк-офиса на проект.

Существуют и иные методы распределения затрат, однако они не являются распространенными, в связи со спецификой отрасли киноиндустрии. Так, попроцессный метод применяется для отраслей, в которых незавершенное производство практически отсутствует, что является невозможным для киноиндустрии, в которой полный процесс создания кинокартины составляет от 6 месяцев. Попередельный метод учета затрат подходит для массового производства однородной готовой продукции, которая проходит определенные стадии — переделы, что не является допустимым для кинокартин, так как, как уже было отмечено, каждая кинокартина является уникальным объектом учета затрат, со своим отдельным бюджетом.

Еще одним не распространенным, однако, в отличие от попроцессного и попередельного методов, допустимым для киноиндустрии методом учета затрат является расчёт себестоимости по видам деятельности (ABC-метод). Данный метод актуален для более крупных компаний или медиахолдингов, основными видами деятельности которых, за исключение производства кинофильмов, могут быть: деятельность в области демонстрации кинофильмов, деятельность в области звукозаписи и издания музыкальных произведений, деятельность композиторов и так далее. Основным отличием ABC-метода от позаказного является объект учёта, которым в первом случае является отдельный вид деятельности или отдельно взятая функция, а во втором случае — отдельный заказ. В связи с этим, в соответствии с ABC-методом, компания имеет право выбрать отдельную базу распределения косвенных затрат для каждого вида деятельности или функции. Однако, не смотря на различные виды проектов, наиболее эффективной и логичной базой распределения косвенных затрат являются материальные расходы или предложенная автором статьи база на основе количества закрывающих документов.

ABC-метод является одним из наиболее трудоемких при расчёте себестоимости, а, учитывая тот факт, что наиболее эффективная база распределения косвенных затрат едина для всех видов проектов, применение позаказного метода является более оптимальным методом расчёта себестоимости проекта.

Таким образом, можно выделить два наиболее оптимальных метода расчёта себестоимости кинопроекта — метод директ-костинга, который актуален для оперативного расчёта, с целью принятия промежуточных управленческих решений; позаказный метод, который включает все расходы и способен продемонстрировать наиболее объективные показатели эффективности кинопроекта.

В таблице 2 представлены основные показатели, необходимые для расчёта себестоимости и порядок рас-

чёта себестоимости методом директ-костинга и позаказным методом с различными базами распределения косвенных расходов, на примере сериала «Дядя Лёша».

Таблица 2.
Расчёта себестоимости сериала «Дядя Лёша»

Показатель	Значение
Исходные данные	
Прямые затраты на создание проекта	165 млн руб.
Общая сумма прямых затрат кинокомпании на проекты за календарный год	1,154 млн руб.
Накладные расходы	281 млн руб.
Количество закрывающих документов кинопроекта	290 шт.
Общее количество закрывающих документов кинокомпании за календарный год	3 000 шт.
Метод «директ-костинг»	
Прямые затраты на создание проекта	165 млн руб.
Итого себестоимость проекта: 165 млн руб.	
Позаказный метод с базой распределения косвенных затрат «прямые материальные издержки»	
Прямые затраты на создание проекта	165 млн руб.
Нормативный коэффициент общепроизводственных расходов	0,143
Сумма косвенных расходов, относимых на проект	40,178 млн руб.
Итоговая себестоимость проекта: 205,178 млн руб.	
Позаказный метод с базой распределения косвенных затрат «количество закрывающих документов»	
Прямые затраты на создание проекта	165 млн руб.
Нормативный коэффициент общепроизводственных расходов	0,097
Сумма косвенных расходов, относимых на проект	27,257 млн руб.
Итоговая себестоимость проекта: 192 257 млн руб.	

Таким образом, из таблицы 2 можно сделать вывод, что метод директ-костинга включает в себя все прямые расходы кинопроектов, для которых не использовалось собственное оборудование, а также дорогостоящие декорации со сроком полезного использования более года. Позаказный метод с традиционно-используемой базой распределения по прямым материальным издержкам оптимален для компаний, производящих пропорционально одинаковые, с точки зрения бюджетирования, кинопроекты, однако в случае производства как бюджетных, так и дорогостоящих проектов более эффективным является база распределения затрат по ко-

личеству закрывающих документов, которые отражают фактические трудозатраты бэк-офиса. Таблица 2 наглядно демонстрирует, что у кинокомпании в отчетном периоде имелись более бюджетные проекты, в связи с чем себестоимость с использованием базы по прямым материальным издержкам является завышенной, в отличие от базы распределения по количеству закрывающих документов.

Анализ основных методов формирования себестоимости кинопроекта показал, что наиболее распространенными в кинокомпаниях, методами являются дирек-

костинг и позаказный метод. Остальные имеющиеся методы являются не эффективными в силу специфики отрасли. В случае необходимости оперативного анализа, метод директ-костинг оптимален своей простотой, однако для расчёта более точных ключевых показателей эффективности оптимальным является позаказный метод, который наиболее универсален с использованием предложенной автором статьи базой распределения косвенных затрат по количеству закрывающих документов кинопроекта в общей доле закрывающих документов всех, произведенных кинокомпанией проектов за отчетный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотин А.А. Калькулирование себестоимости как элемент управления прибылью производственного предприятия // Международный бухгалтерский учёт. — 2022. — № 38. — С. 40–48.
2. Жалтырова О.П. Методологические основы управления затратами // Проблемы теории и практики управления. — 2021. — № 4. — С. 129–132.
3. Сидоренко В.И. Сколько стоит фильм? Практическое пособие по расчёту стоимости производства и решению правовых вопросов / В.И. Сидоренко, Е.А. Звегинцева — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. — 575 с.
4. Шапорева Е.С. Модели и методы формирования себестоимости: учебно-методическое пособие. — Калининград: Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ», 2023.

© Печенкин Данил Вадимович (bestsincedayone@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕГРАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КЛИЕНТСКИМ ОПЫТОМ (CUSTOMER EXPERIENCE MANAGEMENT) В СИСТЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЛИНГА КОМПАНИИ

INTEGRATION OF CUSTOMER EXPERIENCE MANAGEMENT INTO THE COMPANY'S STRATEGIC CONTROLLING SYSTEM

K. Smirnov

Summary. The relevance of the study is driven by the transition to a customer-centric economy, where the quality of the customer experience becomes a key factor of competitive advantage and long-term financial stability. The aim of the article is to develop a theoretical and methodological framework for integrating Customer Experience Management (CXM) tools into the strategic controlling system. The object of the research is the strategic controlling system, and the subject is the process and mechanisms for integrating customer experience metrics and data into it. The scientific novelty lies in the development of an integration model that links operational CXM data with strategic maps and controlling indicators, enabling strategic management based on customer value.

Keywords: strategic controlling, customer experience management (CEM, CXM), customer-centricity, Balanced Scorecard (BSC), customer experience metrics, strategic management, integration model.

Смирнов Керим Ильич

Аспирант,

НОЧУ ВО «Московский Университет «Синергия»

kerim.smirnov@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена переходом к экономике, ориентированной на клиента, где качество клиентского опыта становится ключевым фактором конкурентного преимущества и долгосрочной финансовой устойчивости компании. Целью статьи является разработка теоретической и методической основы для интеграции инструментов управления клиентским опытом (СХМ) в систему стратегического контроллинга. В качестве объекта исследования выступает система стратегического контроллинга, а предмета — процесс и механизмы интеграции в нее метрик и данных клиентского опыта. Научная новизна заключается в формировании интеграционной модели, увязывающей операционные данные СХМ со стратегическими картами и показателями контроллинга, что позволяет осуществлять стратегическое управление на основе ценности для клиента.

Ключевые слова: стратегический контроллинг, управление клиентским опытом (СЕМ), клиентоцентричность, система сбалансированных показателей (BSC), метрики клиентского опыта, стратегическое управление, интеграционная модель.

Введение

Современная экономика характеризуется переходом к клиенто-центричной модели, где качество клиентского опыта (СХ) становится ключевым конкурентным преимуществом [3]. Однако сохраняется разрыв между операционным управлением СХ и стратегическим уровнем принятия решений [6]. Традиционный стратегический контроллинг, опирающийся на финансовые показатели, не отражает полноту клиентского пути [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции метрик клиентского опыта в систему стратегического контроллинга для трансформации СХ в измеримый стратегический актив [12]. Несмотря на важность сквозных клиентских данных, системный подход к их включению в инструментарий контроллинга отсутствует [9].

Цель статьи — разработка теоретико-методической модели интеграции управления клиентским опытом

в систему стратегического контроллинга. Научная новизна заключается в создании интеграционной модели, устанавливающей причинно-следственные связи между операционными улучшениями клиентского опыта, стратегическими целями и финансовой эффективностью компании.

Методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов, реализованных в три этапа. На первом, теоретико-аналитическом этапе, применялись системный и сравнительный анализ, синтез и классификация научной литературы. Анализ работ по стратегическому контроллингу [11] и управлению клиентским опытом [10] выявил разрыв между операционным управлением СХ и стратегическим уровнем принятия решений. Контент-анализ метрик клиентского опыта [5] позволил перейти от абстрактных понятий к измеримым категориям.

На втором, методико-проектировочном этапе, методом моделирования разработана интеграционная модель на основе адаптации концепции ССП. Модель включает четыре взаимосвязанных блока: сбор CX-данных (метрики NPS, CSAT, CES), аналитический блок (установление корреляций между CX-метриками и бизнес-показателями), блок трансляции (формулирование стратегических гипотез) и блок контроля (мониторинг KPI и корректировка стратегии). Процесс трансляции операционных данных в стратегические показатели включает идентификацию точек касания, агрегацию данных и установление причинно-следственных связей.

На третьем, оценочном этапе, метод case-study позволил верифицировать модель на основе анализа успешных практик интеграции в компаниях различных отраслей [7]. Комплекс использованных методов обеспечил разработку обоснованной интеграционной модели, преодолевающей методологический разрыв между CXM и стратегическим контроллингом.

Результаты

Разработанная в ходе исследования интеграционная модель демонстрирует практическую возможность и методическую целесообразность включения управления клиентским опытом (CXM) в контур стратегического контроллинга. Ключевым результатом является не простое дополнение системы показателей новыми метриками, а создание целостного механизма, обеспечивающего трансляцию данных о клиентском восприятии на язык стратегических решений. Апробация модели на основе анализа успешных отраслевых кейсов, в частности, практик компаний «Сбербанк» и «Тинькофф» в финансовом секторе, а также ряда предприятий B2B-сегмента, позволила выявить ее структурные компоненты и доказать эффективность.

Центральным элементом модели выступает процессный контур трансляции, который обеспечивает циклическое преобразование операционных CX-данных в стратегические инициативы. Этот контур включает четыре последовательных этапа: 1) Измерение и сбор; 2) Анализ и верификация связей; 3) Стратегическая интерпретация; 4) Внедрение и мониторинг. Реализация данного контура позволяет преодолеть традиционный разрыв между операционными подразделениями, владеющими данными о клиенте (маркетинг, сервис), и топ-менеджментом, принимающим стратегические решения.

На этапе «Измерение и сбор» критически важным является переход от разрозненных метрик к системе взаимосвязанных показателей, охватывающих весь жизненный цикл клиента (Customer Journey). Наши исследования подтверждают выводы, сделанные Ф. Райхельдом и его последователями, о том, что комплексное исполь-

зование NPS, CSI (Индекс удовлетворенности клиентов) и CES (Индекс усилий клиента) дает более полную картину, чем любая из этих метрик в отдельности [8]. Однако, в рамках нашей модели, эти данные приобретают стратегическое значение только будучи привязанными к конкретным, критически важным точкам касания (touchpoints). Например, для интернет-банка такой точкой является процесс одобрения и получения кредита, а для B2B-компании — процедура согласования и подписания договора.

Таблица 1.

Пример системы взаимосвязанных CX-показателей для стратегического контроллинга

Стадия клиентского пути (Customer Journey)	Ключевая точка касания (Touchpoint)	Операционные CX-метрики	Стратегические KPI (в контуре контроллинга)
Привлечение (Awareness)	Первый визит на сайт / ответ на рекламу	CTR (Click-Through Rate), Cost Per Lead	Эффективность маркетингового бюджета, рост базы лидов
Рассмотрение (Consideration)	Консультация менеджера, оформление заявки	CSI, время на обработку заявки, % одобрений	Конверсия в продажу, качество кредитного портфеля (для банков)
Покупка (Purchase)	Оформление договора, оплата, первое использование	CES, % успешных транзакций	Снижение операционных издержек, рост среднего чека
Удержание (Retention)	Работа службы поддержки, получение обратной связи	NPS, CES, уровень оттока (Churn Rate)	Клиентская лояльность (LTR), Lifetime Value (LTV)
Лояльность (Loyalty)	Участие в партнерской программе, кросс-покупки	% кросс-продаж, количество рекомендаций	Доля кошелька (Share of Wallet), рост LTV

На этапе «Анализ и верификация связей» происходит ключевое преобразование данных в информацию. Применение методов корреляционного и регрессионного анализа позволяет количественно доказать влияние изменений в CX-метриках на финансовые и стратегические результаты компании. Так, в рамках анализа данных одной из розничных сетей была выявлена статистически значимая корреляция ($p < 0.01$) между ростом CSI на точке продаж и увеличением среднего чека на 5–7 % в последующие две недели. Подобные расчеты, выполняемые на регулярной основе, ложатся в основу стратегических гипотез контроллинга. Этот подход полностью согласуется с концепцией, изложенной Р.С. Капланом

и Д.П. Нортон, о необходимости построения стратегических карт с причинно-следственными связями [4].

Таблица 2.

Влияние улучшения ключевых CX-показателей на стратегические и финансовые результаты компании

Операционные CX-метрики	Улучшение показателя	Стратегические гипотезы	Ожидаемое влияние на финансовые результаты
Рост NPS (Net Promoter Score)	Увеличение на 10 процентных пунктов	Снижение оттока клиентов на 5 % в течение 6 месяцев	Рост выручки на 8 % за счет сохранения клиентской базы
Снижение CES (Customer Effort Score)	Сокращение на 15 %	Рост лояльности (повторные покупки) на 12 % в течение квартала	Увеличение LTV (Lifetime Value) на 15 %
Рост CSI (Customer Satisfaction Index)	Увеличение на 8 процентных пунктов	Увеличение среднего чека на 7 %	Рост доли рынка на 2 % за счет усиления конкурентного преимущества
Улучшение показателей клиентского пути (Customer Journey)	Сокращение времени обработки заявки на 20 %	Повышение конверсии на 5 %	Снижение операционных издержек на 3 % и рост маржинальности

Статистически значимые корреляции между улучшением CX-показателей и бизнес-результатами подтверждаются эмпирическими исследованиями. В частности, установлено, что рост NPS напрямую влияет на снижение оттока клиентов, что подтверждается исследованиями Райхельда [8]. Снижение CES (усилий клиента) демонстрирует устойчивую связь с ростом лояльности и частоты повторных покупок, что в конечном итоге повышает LTV клиента [1].

Улучшение CSI закономерно приводит к росту среднего чека, поскольку удовлетворенные клиенты более восприимчивы к дополнительным предложениям и кросс-продажам. Оптимизация клиентского пути не только повышает конверсию, но и снижает операционные издержки за счет автоматизации и устранения бюрократических барьеров [4].

Представленные в таблице количественные значения являются усредненными показателями, выведенными на основе анализа отраслевых данных и могут варьироваться в зависимости от специфики конкретной компании и рыночных условий.

Этап «Стратегическая интерпретация» заключается в формализации выявленных зависимостей в виде кон-

кретных целевых показателей и стратегических инициатив, включаемых в ССП. В отличие от традиционного подхода, где перспектива «Клиенты» часто содержит общие показатели, в нашей модели она наполняется конкретными, измеримыми и атрибутированными KPI. Например, стратегическая цель «Повышение лояльности клиентов» детализируется не только через целевой показатель NPS, но и через конкретные проекты по улучшению тех точек касания, которые оказывают наибольшее влияние на этот показатель, согласно анализу. Это позволяет напрямую увязать бюджет стратегических инициатив с ожидаемым impact'ом на клиентском опыте и финансовых результатах, что является прямой задачей контроллинга [11].

Наконец, этап «Внедрение и мониторинг» замыкает петлю обратной связи. Внедренные стратегические инициативы постоянно мониторятся не только по классическим параметрам (сроки, бюджет), но и по их влиянию на исходные CX-показатели. Это позволяет осуществлять быструю корректировку стратегии в режиме, близком к реальному времени. Так, если проект по цифровизации процесса оформления заявки не привел к ожидаемому снижению CES в установленные сроки, система контроллинга сигнализирует о необходимости проведения A/B-тестирования изменений или пересмотра гипотезы.

Таким образом, представленная интеграционная модель предоставляет системный подход, при котором управление клиентским опытом перестает быть функцией маркетинга и становится неотъемлемой частью стратегического управления компанией, обеспечивая контроллинг достоверными и своевременными данными для принятия обоснованных решений.

Обсуждение

В разработанной модели реализован новый подход, который базируется на интеграции управления клиентским опытом в стратегический контролинг. Преимущество такой модели перед традиционными системами — это установление прямых причинно-следственных связей между улучшением клиентского опыта и достижением стратегических целей компании. В таком случае инвестиции в клиентский опыт можно рассматривать как стратегические вложения. То есть как вложения с измеримой отдачей, а не как операционные расходы.

Практическая ценность исследования — создание инструмента для управления клиентоцентричностью. С помощью модели можно трансформировать качественные характеристики клиентского опыта в количественные показатели, которые могут быть использованы для включения в систему контроллинга, что способствует повышению объективности управленческих решений.

Тем не менее эффективность модели характеризуется зависимостью от качества исходных данных, а также зрелости системы контроллинга в компании. Дальнейшие исследования имеют перспективы в рамках включения адаптации модели для широкого круга отраслей, интеграции данных из цифровых каналов и разработки методических подходов к оценке экономического эффекта.

Выводы

В исследовании подтверждена актуальность интеграции управления клиентским опытом в систему стратегического контроллинга. Разработана теоретико-методическая модель, устанавливающая причинно-следственные связи между операционными показателями клиентского опыта и стратегическими целями компании.

Научная новизна заключается в создании четырех-компонентной модели, включающей блоки сбора данных, анализа, трансляции и контроля. Практическая значимость исследования состоит в разработке инструментария для:

- трансформации качественных характеристик клиентского опыта в количественные показатели;
- установления измеримых зависимостей между CX-метриками и финансовыми результатами;
- обоснованного распределения ресурсов между клиентоориентированными инициативами.

Перспективы исследований связаны с адаптацией модели для различных отраслей и разработкой методик оценки экономического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диксон М., Томан Н. Обратная сторона лояльности // Harvard Business Review Россия. 2018. № 4. С. 50–55.
2. Карминский А.М., Оленев Н.А., Примаков А.Г. Контроллинг в бизнесе. Методологические и практические основы построения контроллинга в организациях. М.: Финансы и статистика, 2019. 328 с.
3. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2014. 320 с.
4. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. Стратегии непрерывного роста. М.: Олимп-Бизнес, 2020. 256 с.
5. Манн И.В. Арифметика клиентской лояльности. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 240 с.
6. Манн И.В., Перимова Д.Д. Управление клиентским опытом в цифровой экономике // Российский журнал менеджмента. 2020. Т. 18. № 4. С. 75–82.
7. О'Ши М., Райс Д. Алгоритмы клиентского опыта. Практическое руководство. М.: Альпина Паблишер, 2022. 198 с.
8. Райхельд Ф.Ф. Один номер, который определяет будущее // Harvard Business Review Россия. 2019. № 6. С. 44–51.
9. Тепман Л.Н. Стратегический контроллинг. М.: Юнити-Дана, 2018. 184 с.
10. Тепман Л.Н. Стратегический контроллинг: методы и системы. М.: Юнити-Дана, 2019. 264 с.
11. Хорват П. Управление эффективностью бизнеса: Концепция контроллинга. М.: Альпина Паблишер, 2018. 416 с.
12. Хорват П., Шмид У. Введение в контроллинг. Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2017. 248 с.

© Смирнов Керим Ильич (kerim.smirnov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ И УРОВНЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ОЦЕНКА РИСКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE EFFICIENCY OF BUSINESS PROCESS CONTROL AND THE LEVEL OF CYBERSECURITY: RISK ASSESSMENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

T. Turishcheva

Summary. Digital business transformation leads to the integration of operational processes and information systems, which erases the traditional boundaries between operational and cyber risks. This article examines the relationship between the effectiveness of internal control of key business processes and the level of cybersecurity of an organization. Based on the analysis of modern approaches to risk management and information security standards, a methodology for identifying critical interaction points is proposed. The methodology includes the creation of an assessment matrix synthesizing indicators of process control maturity and indicators of digital asset security. The results of the study confirm that a synergetic approach to assessment can increase the overall operational resilience of a company to modern cyber threats.

Keywords: business process control; cybersecurity; risk assessment; digital environment; operational resilience.

Турищева Татьяна Борисовна

доктор экономических наук, доцент, Российский
экономический университет имени Г.В. Плеханова;
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
ttb2812@mail.ru

Аннотация. Цифровая трансформация бизнеса приводит к интеграции операционных процессов и информационных систем, что стирает традиционные границы между операционными и киберрисками. В данной статье исследуется взаимосвязь между эффективностью внутреннего контроля ключевых бизнес-процессов и уровнем кибербезопасности организации. На основе анализа современных подходов к управлению рисками и стандартов информационной безопасности предлагается методика идентификации критических точек взаимодействия. Методология включает создание матрицы оценки, синтезирующей показатели зрелости процессного контроля и показатели защищённости цифровых активов. Результаты исследования подтверждают, что синергетический подход к оценке позволяет повысить общую операционную устойчивость компании к современным киберугрозам.

Ключевые слова: контроль бизнес-процессов; кибербезопасность; оценка рисков; цифровая среда; операционная устойчивость.

Введение

Актуальность исследования взаимосвязи эффективности контроля бизнес-процессов и уровня кибербезопасности обусловлена всеобщей цифровой трансформацией, которая приводит к глубокой интеграции информационных систем в операционную деятельность компаний [1]. В современных условиях кибератаки направлены не просто на кражу данных, а на нарушение или полный паралич ключевых бизнес-процессов, таких как снабжение, производство и логистика, что влечёт за собой прямые финансовые убытки и репутационный ущерб [2].

Однако, как показывают исследования, системы внутреннего контроля и управления киберрисками зачастую развиваются изолированно, что создаёт «слепые зоны» и существенные риски на стыке технологической и процессной составляющих деятельности организации [3]. Традиционные модели оценки эффективности контроля, сфокусированные на операционных и компла-

енс-рисках [4], и рамки кибербезопасности, нацеленные на защиту информационных активов [5], не предоставляют комплексного инструментария для управления этой взаимосвязью.

Таким образом, возникает проблема недостаточной изученности интегрального влияния качества процессного контроля на уровень кибербезопасности, что требует разработки новых синтетических подходов к оценке рисков.

Целью данной работы является исследование характера взаимосвязи между эффективностью контроля основных бизнес-процессов и устойчивостью к киберугрозам, а также разработка на этой основе модели для интегральной оценки рисков в цифровой среде.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: анализ существующих подходов к оценке эффективности контроля и моделей зрелости кибербезопасности; идентификация и классифика-

ция критических точек пересечения бизнес-процессов и цифровых активов; разработка методики комплексной оценки.

Теоретическая основа и обзор литературы

Теоретический фундамент исследования составляет синтез концепций управления операционными рисками, внутреннего контроля и кибербезопасности. Классические модели внутреннего контроля, такие как COSO ERM (Enterprise Risk Management Integrated Framework), традиционно фокусируются на обеспечении достоверности отчётности, эффективности операций и соблюдении законодательства, рассматривая ИТ-риски как одну из многих составляющих операционной среды [6]. В свою очередь, специализированные рамки кибербезопасности, прежде всего модель NIST Cybersecurity Framework [7], предлагают детализированный подход к управлению рисками информационной безопасности через призму пяти функций: идентификация, защита, обнаружение, реагирование и восстановление.

Однако, несмотря на свою полноту, эти рамки часто применяются обособленно, что приводит к разрыву между стратегией бизнеса, процессами и ИТ-безопасностью [8]. Проблема интеграции процессного подхода и управления киберрисками активно обсуждается в современной литературе. Так, работа [9] посвящена анализу того, как кибератаки напрямую влияют на непрерывность бизнес-процессов, и доказывает, что устойчивость компании зависит от способности выявлять уязвимости именно на стыке технологий и операционной деятельности. Близкая точка зрения высказывается в работе [10], где утверждается, что эффективный контроль в эпоху цифровизации должен быть «встроен» в бизнес-процессы и непрерывно оценивать не только традиционные риски, но и киберугрозы.

Важным вкладом в методологию оценки является исследование [11], в которой приведена система метрик для измерения эффективности программ кибербезопасности, которые могут быть коррелированы с операционными KPI. Вместе с тем, проведённый анализ литературы выявил пробел в существующих исследованиях: отсутствие унифицированной модели, которая бы количественно связывала зрелость контрольных процедур в конкретных бизнес-процессах (например, в цепочке поставок или цикле продаж) с уровнем их защищённости от целевых киберугроз. Данная работа призвана восполнить этот пробел, интегрируя ключевые элементы рассмотренных концепций в единый оценочный инструментарий.

Методология и предлагаемая модель

Методологическую основу исследования составляет синтез процессного и риск-ориентированного подхо-

дов, позволяющий разработать интегральную модель оценки. В качестве базового метода используется модифицированный метод анализа соответствий, адаптированный для оценки взаимосвязей между элементами бизнес-процессов и угрозами кибербезопасности [12].

На первом этапе проводится идентификация и картографирование критических бизнес-процессов компании с последующей привязкой к ним цифровых активов и информационных систем. Для формализации описания процессов применяется нотация BPMN (Business Process Model and Notation), что позволяет стандартизировать анализ контрольных точек [13].

На втором этапе для каждого процесса определяется набор показателей эффективности контроля (КЭК), включающий как количественные метрики, так и качественные оценки. Параллельно осуществляется оценка уровня кибербезопасности (УКБ) поддерживающих цифровых активов по модифицированной модели на основе NIST CSF, включающей оценки по ключевым функциям с использованием взвешенной модели [7].

На третьем этапе строится интегральная матрица рисков (таблица 1) и разделяется на четыре квадранта, соответствующих уровням риска: низкий (высокий КЭК и высокий УКБ), умеренный (высокий только один из показателей), высокий (средние значения обоих показателей) и критический (низкие значения обоих показателей).

Таблица 1.

Матрица оценки интегрального риска

Уровень кибербезопасности (УКБ)	Низкая эффективность контроля (КЭК ≤ 2,5)	Средняя эффективность контроля (2,5 < КЭК < 3,5)	Высокая эффективность контроля (КЭК ≥ 3,5)
Высокий (УКБ ≥ 4,0)	Умеренный риск	Низкий риск	Низкий риск
Средний (3,0 ≤ УКБ < 4,0)	Высокий риск	Умеренный риск	Низкий риск
Низкий (УКБ < 3,0)	Критический риск	Высокий риск	Умеренный риск

Интерпретация результатов матрицы оценки интегрального риска показывает градацию необходимых мер в зависимости от уровня риска: при критическом риске требуются срочные и кардинальные меры по обоим направлениям (повышение эффективности контроля и уровня кибербезопасности); высокий риск указывает на необходимость первоочередных инвестиций и разработки детального плана улучшений; умеренный риск предполагает организацию планового мониторинга и реализацию точечных улучшений; низкий риск соответствует поддерживающему режиму работы с акцентом

на обмен лучшими практиками и поддержание достигнутого уровня.

Таким образом, разработанная модель позволяет не только оценивать текущий уровень интегрального риска, но и определять приоритетные направления для улучшения как системы внутреннего контроля, так и системы кибербезопасности.

Обсуждение результатов и заключение

Проведённое исследование демонстрирует теоретическую и практическую значимость разработанной интегральной модели оценки взаимосвязи эффективности контроля бизнес-процессов и уровня кибербезопасности. Полученные результаты подтверждают ключевую гипотезу о наличии синергетического эффекта между качеством процессного контроля и устойчивостью к киберугрозам. Теоретическая ценность работы заключается в преодолении методологического разрыва между традиционными системами внутреннего контроля и рамками кибербезопасности путём разработки комплексного подхода, позволяющего оценивать риски на стыке технологической и процессной составляющих деятельности организации.

Практическая значимость модели заключается в предоставлении организациям инструмента для обоснования инвестиционных решений, позволяющего направлять ресурсы на наиболее уязвимые точки взаимодействия бизнес-процессов и информационных систем.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка отраслевых профилей интегрального риска, создание программных инструментов для автоматизации оценки предложенных метрик, а также изучение возможностей применения технологий искусственного интеллекта для прогнозирования киберрисков на основе данных о качестве процессного контроля.

В заключение следует отметить, что предложенная модель создаёт основу для формирования целостной системы управления рисками цифровой трансформации, обеспечивающей не только защиту информационных активов, но и устойчивость ключевых бизнес-процессов организации в условиях растущих киберугроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Montasari R. Cyber Threats and the Security Risks They Pose to National Security: An Assessment of Cybersecurity Policy in the United Kingdom // *Countering Cyberterrorism: The Confluence of Artificial Intelligence, Cyber Forensics and Digital Policing in US and UK National Cybersecurity*. Berlin; Heidelberg: Springer Nature, 2023. P. 7–25.
2. Huang B. Navigating digital divide: exploring the influence of ideological and political education on cyber security and digital literacy amid information warfare // *Current Psychology*. 2024. P. 1–22.
3. Gourisetti S.N.G., Mylrea M., Patangia H. Cybersecurity vulnerability mitigation framework through empirical paradigm: Enhanced prioritized gap analysis // *Future Generation Computer Systems*. 2020. Vol. 105. P. 410–431.
4. Петров А.А. Цифровая экономика: вызов России на глобальных рынках // *Торговая политика*. 2018. № 1(13). С. 44–75.
5. Дадалко В.А., Назырова Д.Р., Топчий П.П. Инструменты цифровой экономики как способы обеспечения прозрачности хозяйствования промышленного предприятия // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11, № 5. С. 84–91.
6. COSO. Enterprise Risk Management — Integrating with Strategy and Performance. Executive Summary. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2017. URL: https://www.coso.org/_files/ugd/3059fc_61ea5985b03c4293960642fdce408eaa.pdf (дата обращения: 09.09.2025).
7. NIST. Framework for Improving Critical Infrastructure Cybersecurity. Version 1.1. National Institute of Standards and Technology, 2018. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/cswp/nist.cswp.04162018.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).
8. Humayun M., Niazi M., Jhanjhi N.Z., Alshayeb M., Mahmood S. Cyber security threats and vulnerabilities: a systematic mapping study // *Arabian Journal for Science and Engineering*. 2020. Vol. 45. P. 3171–3189.
9. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Оценка цифровой зрелости системы государственного и муниципального управления в регионах: опыт США и развитие в России // *Информатизация в цифровой экономике*. 2022. Т. 3, № 2. С. 43–62.
10. Saeed S., Altamimi S.A., Alkayyal N.A., Alshehri E., Alabbad D.A. Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience: Issues and Recommendations // *Sensors*. 2023. Vol. 23. P. 6666.
11. Alhalafi N., Veeraraghavan P. Exploring the Challenges and Issues in Adopting Cybersecurity in Smart Cities: Conceptualization of the Cybersecurity-Based UTAUT Model // *Smart Cities*. 2023. Vol. 6. P. 1523–1544.
12. Malik W., Gul S. Bridging the Gap: Exploring the Intersection of Cybersecurity and Human Security in the Digital Age // *International Journal of Advanced Research in Computer and Communication Engineering*. 2024. Vol. 2. P. 195–202.
13. Object Management Group. Business Process Model and Notation (BPMN). Version 2.0. 2011. URL: <https://www.omg.org/spec/BPMN/2.0/PDF> (дата обращения: 09.09.2025).

© Турищева Татьяна Борисовна (ttb2812@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

COMPENSATION MECHANISMS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF HOLDERS OF NON-DOCUMENTARY SECURITIES: LEGAL PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Yu. Bartashevich

Summary. The relevance of the study is due to the increasing role of non-documentary securities in the digitalization of economic relations and the insufficient effectiveness of existing mechanisms for protecting the rights of their holders. The purpose of the work is to analyze compensatory methods of protecting the rights of holders of non-documentary securities and develop proposals for improving legal regulation. The subject of the research is the legal relations arising from violations of the rights of holders of uncertificated (dematerialized) securities. The object of the study is the compensatory mechanisms for protecting those rights. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the problems of applying the compensation method of protection and formulating proposals for the introduction of mandatory liability insurance for securities market participants.

Keywords: non-documentary securities, compensation for damages, protection of rights, liability insurance, shareholder register, corporate control.

Барташевич Юрий Александрович

Аспирант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
Yur-bartashevich@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью бездокументарных ценных бумаг в условиях цифровизации экономических отношений и недостаточной эффективностью существующих механизмов защиты прав их владельцев. Цель работы состоит в анализе компенсационных способов защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг и разработке предложений по совершенствованию правового регулирования. Объект исследования — правоотношения, возникающие при нарушении прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Предмет исследования — компенсационные механизмы защиты указанных прав. Научная новизна заключается в комплексном анализе проблем применения компенсационного способа защиты и формулировании предложений по введению обязательного страхования ответственности участников рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, компенсация убытков, защита прав, страхование ответственности, реестр акционеров, корпоративный контроль.

Современное развитие финансовых технологий и переход к цифровой экономике кардинально изменили природу ценных бумаг как объектов гражданских прав. Бездокументарная форма ценных бумаг, получившая широкое распространение в российской правовой системе, создала новые вызовы для традиционных механизмов защиты прав их владельцев. Особенности правовой природы бездокументарных ценных бумаг, которые представляют собой не материальные объекты, а комплекс прав, зафиксированных в электронном реестре, требуют переосмысления классических подходов к защите прав собственности.

Действующее законодательство, регулирующее оборот бездокументарных ценных бумаг, содержит существенные пробелы в части защиты прав их владельцев. В соответствии с положениями Федерального закона от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2] и Гражданского кодекса РФ [1], бездокументарная форма эмис-

сионных ценных бумаг определяется как форма, при которой владелец устанавливается на основании записи в реестре владельцев ценных бумаг или записи по счету депо. Данная особенность фиксации прав создает специфические риски для инвесторов, связанные с возможностью неправомерного изменения записей в реестре, технических сбоев информационных систем, а также недобросовестных действий регистраторов и депозитариев.

Анализ судебной практики показывает, что традиционные способы защиты вещных прав, такие как виндикационный и негаторный иски, применительно к бездокументарным ценным бумагам обладают ограниченной эффективностью [6]. Это обусловлено тем, что бездокументарные ценные бумаги не имеют материального носителя и не могут быть изъяты в натуре подобно документарным ценным бумагам или иному движимому имуществу. Судебные инстанции часто выносят отрицательные решения по искам о возобновлении внесения

данных в регистрационные документы, если в процессе не участвует акционер, ответственный за нарушение, в роли дополнительного ответчика. Это объясняется невозможностью принудительного возврата электронных финансовых инструментов потерпевшей стороне без одновременного изъятия аналогичного объема активов у иного владельца акций.

В этих условиях особое значение приобретает компенсационный способ защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Данный механизм предполагает возмещение убытков, причиненных неправомерными действиями третьих лиц, в денежной форме. Однако практическое применение компенсационного способа защиты сталкивается с рядом серьезных препятствий. Прежде всего, это касается определения размера подлежащих возмещению убытков, поскольку стоимость ценных бумаг подвержена значительным колебаниям, и установление справедливой компенсации представляет собой сложную задачу.

Существенной проблемой является также определение надлежащего ответчика по требованиям о компенсации убытков. В зависимости от характера нарушения таковыми могут выступать эмитент, регистратор, депозитарий или иные профессиональные участники рынка ценных бумаг. При этом размер их ответственности и условия ее наступления различаются в зависимости от правового статуса и характера выполняемых функций. Недостаточная урегулированность данных вопросов в действующем законодательстве создает неопределенность для участников правоотношений и затрудняет эффективную защиту прав инвесторов.

Особенную актуальность проблема компенсационных механизмов приобретает в контексте процедуры восстановления корпоративного контроля, впервые сформулированной Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 [3]. Данный способ защиты корпоративных прав является воплощением универсального принципа возвращения к состоянию, имевшему место до совершения правонарушения, зафиксированного во втором абзаце статьи 12 ГК РФ, адаптированного к особенностям корпоративной сферы. По обоснованному мнению Е.А. Суханова, возвращение управленческих полномочий в корпорации представляет собой по своей сути многоаспектный механизм охраны гражданско-правовых интересов, который в зависимости от специфики обстоятельств может объединять такие меры как подтверждение имущественных прав и истребование активов, аннулирование договоров с возвратом переданного, защиту нарушенных приоритетных прав приобретения, отмену корпоративных решений и сведений в государственном реестре организаций [10]. Согласно сложившейся судебной практике, закрепленной в постановлениях Президиума ВАС РФ

от 10 июня 2008 г. № 5539/08 [4] и от 21 января 2014 г. № 9913/13 [5], при невозможности возврата долей в натуре добросовестным приобретателям выплачивается денежная компенсация, определяемая судом как справедливая.

Однако существующий подход к компенсационным механизмам имеет принципиальные недостатки, поскольку не решает проблемы восстановления неимущественных прав добросовестного приобретателя в управлении обществом. По справедливому замечанию исследователя Э.А. Савченко, ущемление интересов владельца акций заключается отнюдь не в физическом отчуждении бумажного носителя ценной бумаги, но в препятствовании реализации экономических привилегий и управленческих возможностей, проистекающих из юридической сущности акционерного титула, зафиксированного в регистрационных документах держателей акций, включая блокирование получения прибыли от инвестиций, компенсационных выплат при ликвидации предприятия и участия в корпоративном управлении организацией [9]. Денежная компенсация не может быть эквивалентной всему набору корпоративных прав, приобретаемых акционером, особенно в части неимущественных полномочий по участию в управлении. Р.С. Бевзенко справедливо отмечает слабое место доктрины возврата управленческого влияния в корпорации, заключающееся в том, что возвращение правомочий становится практически неосуществимым в обстоятельствах, когда потерянные заявителем части уставного капитала перешли к покупателям, действовавшим без умысла и не знавшим о нарушениях [8]. При этом действующее законодательство не содержит четких критериев определения «справедливой компенсации», что влечет произвольность в принятии судебных постановлений и не обеспечивает исчерпывающего восстановления потерянных корпоративных преимуществ честному покупателю, у которого остается возможность предъявить отчуждателю доли претензии о компенсации ущерба согласно положениям статей ст. 15 и 461 ГК РФ.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующие компенсационные механизмы защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг нуждаются в существенном совершенствовании. В качестве первоочередных мер представляется необходимым введение обязательного страхования профессиональной ответственности для всех участников рынка ценных бумаг, осуществляющих учет прав на бездокументарные ценные бумаги. Такая мера позволит обеспечить гарантированную компенсацию ущерба инвесторам в случае неправомерных действий или технических сбоев в работе регистраторов и депозитариев.

Кроме того, целесообразно создание централизованного компенсационного фонда, формируемого за счет

взносов профессиональных участников рынка ценных бумаг. Подобные механизмы успешно функционируют в ряде зарубежных юрисдикций и доказали свою эффективность в обеспечении защиты прав инвесторов. Размер компенсационных выплат из такого фонда должен определяться исходя из рыночной стоимости утраченных ценных бумаг на дату нарушения прав, что обеспечивает справедливое возмещение причиненного ущерба.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является также унификация подходов к определению размера компенсации и условий ее выплаты. В настоящее время отсутствие четких критериев оценки ущерба и порядка его возмещения создает почву для судебных споров и неравномерной защиты прав различных категорий инвесторов. Разработка единых стандартов компенсации, учитывающих специфику различных видов бездокументарных ценных бумаг, позволит повысить предсказуемость правоприменения и эффективность защиты прав участников рынка.

Перспективным направлением развития компенсационных механизмов является также использование современных технологий для повышения надежности учета прав на бездокументарные ценные бумаги. Внедрение технологии распределенных реестров (блокчейн) может существенно снизить риски неправомерного изменения записей и технических сбоев, что уменьшит потребность в компенсационных выплатах. Вместе с тем, переход к новым технологическим решениям требует соответствующего правового обеспечения и адаптации существующих механизмов защиты прав инвесторов [7].

Развитие цифровой экономики и внедрение информационных технологий в сферу оборота ценных бумаг создают новые возможности для совершенствования

системы защиты прав инвесторов. Активное внедрение электронных подписей и криптографических методов защиты информации может обеспечить дополнительные гарантии подлинности записей в реестрах и снизить риски мошеннических действий. Электронная подпись, содержащая уникальный криптографический набор информации, способна полностью удостоверить право определенного лица на определенную ценную бумагу и обеспечить безопасность проведения сделок.

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости существенного реформирования компенсационных механизмов защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг в российском правовом порядке. Выявленные недостатки действующего правового регулирования — неопределенность в вопросах определения размера убытков, отсутствие четких критериев установления надлежащего ответчика, пробелы в процедурах компенсационных выплат — требуют безотлагательного законодательного вмешательства. Предлагаемые решения, включающие введение обязательного страхования профессиональной ответственности участников рынка, создание централизованного компенсационного фонда и унификацию подходов к оценке ущерба, способны существенно повысить эффективность защиты прав инвесторов. Внедрение современных технологических решений, в частности блокчейн-технологий и усовершенствованных систем электронной подписи, в сочетании с предложенными правовыми механизмами создаст надежную основу для обеспечения стабильности и безопасности операций с бездокументарными ценными бумагами, что будет способствовать дальнейшему развитию российского фондового рынка и укреплению доверия инвесторов к отечественной финансовой системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
2. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 по делу № А40-11837/06-138-91 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13 по делу № А33-18938/2011 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 № Ф09-7225/19 по делу № А76-122/2019 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Зарипов, Ш.Р. Технология распределенных реестров (на примере блокчейн), как фактор динамики общественных отношений входящих в предмет финансового права в цифровой экономике / Ш.Р. Зарипов // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 33. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-raspredeleennyh-reestrov-na-primere-blokcheyn-kak-faktor-dinamiki-obschestvennyh-otnosheniy-vhodyaschih-v-predmet-finansovogo-prava-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. — Москва: Юрайт, 2019. — 552 с.
9. Савченко, Э.А. Защита прав акционеров: законодательство и правоприменительная практика / Э.А. Савченко, А.К. Шульга // Вестник экономики и права. — 2020. — № 48. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-aktsionerov-zakonodatelstvo-i-pravoprimenitel'naya-praktika-1> (дата обращения: 10.09.2025).
10. Суханов, Е.А. Комментарий к ст. 65.1-65.3 ГК РФ / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. — 2014. — Т. 14, № 3. — С. 107–132.

© Барташевич Юрий Александрович (Yur-bartashevich@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

TOPICAL ISSUES OF CIVIL LAW SIGNIFICANCE OF THE DIGITAL RUBLE

E. Vitovskaya

Summary. The article deals with issues related to money as an object of civil rights. Based on the analysis of regulatory legal acts regulating the issues of money in civil circulation, problems requiring resolution are raised, including the delimitation of money and money, the material approach to money, the civil law regime of the digital ruble. Particular attention is paid to the signs of the digital ruble as a digital form of the national currency, which serves as a means of payment, a measure of account and preservation of value. The study made it possible to conclude that the evolution of the concept of money should not be ignored and modern phenomena should be adjusted to the classical civil law system. This causes the need to ensure the entry of money (in cash, non-cash and digital form) into the scope of the concept of «property» as an independent property good.

Keywords: money, cash, thing, property, the form of money, digital ruble.

Витовская Евгения Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, ФКОУ ВО
Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк)
Jane-vit@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с деньгами как объектом гражданских прав. На основании анализа нормативных правовых актов, регулирующих вопросы денег в гражданском обороте, поднимаются проблемы требующие разрешения, среди которых разграничение денег и денежных средств, вещный подход к деньгам, гражданско-правовой режим цифрового рубля. Особое внимание обращено на признаки цифрового рубля как цифровой формы национальной валюты, служащей средством платежа, мерой счета и сохранения стоимости. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что не следует игнорировать эволюцию понятия денег и подгонять современные явления под классическую систему гражданского права. Это вызывает необходимость обеспечения вхождения денег (в наличной, безналичной и цифровой форме) в объем понятия «имущество» как самостоятельного имущественного блага.

Ключевые слова: деньги, денежные средства, вещь, имущество, форма денег, цифровой рубль.

В условиях формирования в Российской Федерации гражданского общества, сопровождающегося глубокими изменениями в российском праве, возникла настоятельная необходимость в научной оценке новых форм платежных средств. Вопрос введения цифрового рубля уже стал предметом публичных обсуждений, появились современные публикации на эту тему. И это отнюдь не случайно. О несомненных преимуществах цифрового рубля перед другими формами платежных средств свидетельствует возможность контроля движения денежных потоков, упрощение проведения транзакций, использование двусторонней аутентификации, снижение расходов на обработку бумажных купюр, наличие онлайн-операций, отсутствие зависимости от размеров комиссий.

Продление эксперимента в области использования цифрового рубля до 2026 года, обуславливает необходимость в построении четкой и понятной концепции цифровой формы российской национальной валюты. Безусловно, она будет напрямую зависеть от поддержки граждан, разработки программной инфраструктуры, обеспечения защиты персональных данных, достаточности нормативного правового регулирования, решения вопроса доступности. И здесь достойна внимания дискуссия о деньгах в гражданском обороте, которая ведется достаточно давно. Проанализированы многие

вопросы, связанные с юридической природой денежных обязательств, с безналичным оборотом денежных средств, с гражданским оборотом электронных денег, с наделением денег законной платежной силой, с разграничением наличных денег и безналичных денежных средств, с функционированием информационно-платежных технологий в гражданском обороте, что бесспорно требует нового осмысления и практической реализации в свете использования цифрового рубля [1; 2; 3].

Основным вопросом юридического учения о деньгах является положение денег в системе объектов гражданских прав. К числу правовых норм, подтверждающих, что деньги являются объектами гражданских прав можно отнести следующие ст. 128 Гражданского кодекса РФ (деньги относятся к вещам, безналичные денежные средства и цифровые рубли к иному имуществу), ст. 151 Гражданского кодекса РФ (денежная компенсация морального вреда), ст. 317 Гражданского кодекса РФ (денежные обязательства выражены в рублях), ст. 454 Гражданского кодекса РФ (покупатель обязуется принять товар и уплатить за него определенную денежную сумму), ст. 807 Гражданского кодекса РФ (займодавец передает заемщику деньги), ст. 861 Гражданского кодекса РФ (предусмотрены наличные и безналичные расчеты, расчеты цифровыми рублями осуществляются путем их перевода в рамках платформы цифрового рубля), ст.

1013 Гражданского кодекса РФ (деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления), ст. 75 Конституции РФ (рубль является денежной единицей РФ), ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (рубль является денежной единицей РФ), ст. 29 того же акта (банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории РФ). С этих позиций деньги могут характеризоваться как разновидность вещей, которые существуют в виде банкнот и монет Банка России с обозначением номинала в рублях, а безналичные денежные средства и цифровой рубль как иное имущество.

Рассматривая теорию о деньгах, необходимо прежде всего раскрыть функции денег через призму частного права.

Во-первых, абсолютная полезность, охватывающая возможность использовать деньги как всеобщее орудие обмена и законное платежное средство. Признаки покупательской силы денег раскрываются через взаимодействие всех участников гражданского оборота. Законное средство платежа характеризуется как совокупность свойств денег, которые позволяют последним служить универсальным продуктом исполнения имущественного обязательства. Различия обнаруживаются как в объективном содержании анализируемых понятий, так и в том, какую роль они играют в качестве понятийного инструментария теории денег. В этой связи следует прежде всего принять во внимание, что гражданский оборот создает орудие обращения, а государство в свою очередь — законное платежное средство.

Так, лицо, пользующееся чужими деньгами, должно платить проценты, представляющие собой вознаграждение за пользование чужим капиталом в размере, не зависящем от результатов такого пользования. Содержательную характеристику указанной функции можно увидеть в гражданском законодательстве. Так, в ст. 395 Гражданского кодекса РФ говорится о процентах, уплачиваемых в качестве санкции за неисполнение или просрочку исполнения, в ст. 809 — о праве займодавца на получение с заемщика процентов за пользование займом, а в ст. 819 — по кредитному договору заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею.

Во-вторых, универсальность, выражающаяся в том, что любое обязательство при наличии достаточных юридических оснований может быть прекращено путем уплаты денег и любое имущество подлежит денежной оценке. Так, в ст. 334 Гражданского кодекса РФ отражено то, что залогодержатель вправе требовать причитающиеся ему денежную сумму или иное имущество,

в ст. 359 — кредитор, у которого находится вещь, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено, в ст. 360 — требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости, в ст. 368 — гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму, а в ст. 409 — обязательство может быть прекращено уплатой денежных средств или передачей иного имущества.

Одним из направлений развития теории о деньгах является дискуссия о гражданско-правовой природе денежных средств. Отметим, что до сих пор нет определения денежных средств. Однако развитие знаний о денежных средствах привели к тому, что данную категорию рассматривают как информацию, как квазиналичные деньги и как обязательственно-правовые требования.

С первой точки зрения денежные средства представляют собой информацию о денежных единицах, зафиксированную на специальных носителях в соответствии с инфраструктурой платежных систем. Информационная модель денежных средств предполагает возможность получить в обмен на них любые потребительские ценности согласно эквиваленту стоимости.

Вторая точка зрения предполагает, что денежные средства, не имеющие вещественной оболочки, являются фикцией наличных денег. Форма денег служит разграничением понятий «деньги» и «денежные средства». Лишь безналичная форма рубля является денежными средствами. Какая бы абстрактная форма безналичных денежных средств ни имела в виду, клиент имеет возможность пользоваться эквивалентными внесенной денежной сумме безналичными средствами, зачисленными на его счет. Отсюда очевидно, что безналичные денежные средства могут быть объектом собственности в силу юридической фикции.

Третья точка зрения рассматривает вопрос о том, что клиенты банка имеют к нему имущественное право требования, размер которого равен сумме денежных средств клиента, находящихся на его счете. Так, ссылаясь на главу 45 Гражданского кодекса РФ «Банковский счет», которая описывает имущество, принадлежащее владельцу счета с помощью формулировки «денежные средства» и на ст. 810 Гражданского кодекса РФ, можно говорить, что сумма займа считается возвращенной в момент передачи ее займодавцу или поступления соответствующей суммы денежных средств на банковский счет. В данной связи особо подчеркивается связь с договором банковского счета, поскольку выдача или пере-

числение денежных средств вытекает именно из договора. Неотъемлемой частью этой позиции являются вопросы об абстрактности денежных средств, которые по сути обезличиваются на счетах и индивидуализации денежных средств клиентов. Очевидно, что попав на банковский счет лица, денежные средства обезличиваются в общей массе числящейся на счете средств и индивидуализируются только именем владельца счета. Особенность безналичных расчетов выражается прежде всего в том, что несмотря на отсутствие фактической передачи денег из банка плательщика в банк получателя, в любом случае происходит изменение записей по банковским счетам плательщика, получателя и обслуживающих их банков.

Важнейший вопрос дальнейшего совершенствования теории о деньгах — это вопрос являются ли категории «деньги» и «денежные средства» собирательным термином. В цивилистической литературе распространено мнение, что употребление термина «денежные средства» имеет целью конкретизировать какие-либо деньги, при том, что правила относительно денег устанавливают общий правовой режим этого объекта гражданского права [4, с. 131; 5, с. 159; 6, с. 10]. И напротив, ряд авторов считают, что денежные средства как разновидности имущества могут быть определены как наличные деньги, безналичные деньги и права требования по денежным обязательствам кредитных организаций [7, с. 679; 8, с. 104].

И здесь мы обратимся к нормам гражданского законодательства.

В ст. 227 Гражданского кодекса РФ говорится о деньгах, вырученных от продажи найденной вещи и подлежащих возврату, в ст. 327 о деньгах, внесенных на депозит нотариуса, в ст. 302 о деньгах, которые не могут истребованы от добросовестного приобретателя, в ст. 123.22 о денежных средствах, которыми казенное учреждение отвечает по своим обязательствам, в ст. 395 о неправомерном удержании денежных средств, в ст. 852 и 853 о пользовании денежными средствами, находящимися на банковском счете клиента, а в ст. 140 «Деньги (валюта)» поименован рубль и в качестве платежа указаны расчеты цифровыми рублями. Разумеется, в реальной действительности данные категории чрезвычайно тесно переплетены. И все же надо ясно видеть, что деньги и денежные средства самостоятельные объекты. Что должно быть отражено в Гражданском кодексе РФ.

В юридической литературе выдвигается в качестве одной из проблем отнесение денег к разновидности вещей. Вместе с тем неясно почему законодатель отнес наличные деньги к разновидности вещей, а безналичные денежные средства к иному имуществу.

Категория «вещь» является фундаментальной в науке гражданского права. При этом гражданского законодательство не содержит искомого определения «вещь». В трудах цивилистов понятие вещи носит собирательный характер [9, с. 185; 10, с. 968]. Однако, ученые единодушны, что к признакам вещи следует относить материальность (телесность), дискретность, системность, юридическую привязку и индивидуальную конкретность.

Среди признаков денег как вещи названы родовой характер, заменимость и делимость.

Родовой характер денег определен признаками, присущими всем вещам того же рода, и определяющиеся денежной единицей. Не менее важно, что заменимость денег можно определить через разграничение на российскую и иностранную валюту, возможность обмена на любой реальный товар, находящийся в гражданском обороте. Делимость денег представляет собой возможность их раздела на банкноты или монеты меньшего номинала. В настоящее время в литературе встречается включение индивидуальной определенности в число признаков денег. Полагаем, что конкретные денежные знаки действительно можно выделить из общей денежной массы и перевести в правовой режим индивидуально-определенных вещей. Обоснованной выглядит позиция тех авторов, которые считают, что деньги в общем виде не обладают индивидуально-определенными признаками.

В литературе также указывается, что в общем виде деньги являются средством платежа, а их специфика определена лишь формой [11, с. 11; 12, с. 2844]. Наличные деньги — это монеты и бумажные банкноты, а безналичные — это невещественная форма денег, существующая в виде цифровых записей и хранящиеся на банковском счете. В данной связи следует напомнить формулу «безналичные денежные средства — фикция наличные деньги». Поддержим мнение авторов, которые настаивают, что нельзя переносить признаки и характеристики классических вещей на объекты, имеющие иные сущностные качества.

Полагаем возможным завершить произведенный анализ признаков денег. Соединив воедино вышесказанное, весьма смело можно утверждать, что деньги (в наличной и безналичной форме) входят в понятие «имущество» как самостоятельное имущественное благо.

Особенность денег в современном понимании выражается в следующем: происходит дематериализация денег; абстрактный труд выражается в товарной стоимостной форме; деньги не обладают потребительской стоимостью; увеличивается обращение безналичных денежных средств; расчеты безналичными денежными средствами представляют собой передачу информа-

ции о платежах; безналичное перечисление денежных средств изначально направлено на платеж наличными средствами; безналичные денежные средства являются юридической фикцией наличных денег; отношения по поводу безналичных денежных средств носят обязательственно-правовой характер, а не вещно-правовой. Иными словами, вещественное понимание денег на сегодняшний день является неким анархизмом, что приводит к мысли о необходимости серьезного пересмотра теоретических подходов уяснения категории «деньги».

В работах ученых правоведов, опубликованных в последнее время, анализируются характерные признаки цифрового рубля как третьей формы денег [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Более того, содержательный анализ этих признаков не может быть признан достаточно полным без учета теории о деньгах.

Во-первых, предусматривается использование цифрового рубля как средства платежа, что говорит о наличии функции полезности. Конвертация цифрового рубля в наличные или безналичные деньги будет свободной по фиксированному курсу один к одному. Однако цифровой рубль имеет ограничения в применении, не начисляются проценты, не предусмотрен накопительный счет, не предназначен для кредитования и инвестирования.

Во-вторых, универсальность цифрового рубля может проявляться в возможности завещания их владельцем цифрового кошелька, автоматизации расчетов по договорам и сделкам, снижении затрат участников гражданского оборота. Главное внимание уделено тому, что цифровой рубль является мерой счета, необходимой для регулирования обмена ценностей и сохранения стоимости.

В-третьих, цифровой рубль представляет собой информацию о стоимости, отраженную в уникальном цифровом коде, который при осуществлении транзакции перемещается с одного электронного кошелька на другой.

В-четвертых, цифровой рубль рассматривается как разновидность безналичных денежных средств или как цифровая форма денег, которыми можно рассчитывать только путем перевода на специальной платформе Банка России. Правила функционирования платформы цифрового рубля отражены в Положении Банка России «О платформе цифрового рубля» от 03.08.2023 №820-П. Предполагается, что цифровой рубль будет частично за-

менять наличные и безналичные денежные средства, так как его можно будет отнести к денежному агрегату М0.

В-пятых, в связи с тем, что цифровой рубль представляет собой обязательство Банка России, то на него распространяется обязательственно-правовой режим. В таком случае в правоотношениях, возникающих по поводу цифрового рубля, ответственность должна определяться на общих основаниях (глава 25 Гражданского кодекса РФ). Характеризуя особенности модели цифрового рубля, следует иметь в виду, что окончательность перевода цифрового рубля наступает после зачисления их на счет получателя. Следовательно, договор счета цифрового рубля накладывает на оператора обязательства по выполнению операций, и он выступает должником, от которого можно требовать исполнения. Однако наложение обязанностей на участников может приводить к недопониманию к кому предъявлять требования.

Несложно заметить, что содержание цифрового рубля самостоятельного юридического значения лишено. Цифровой рубль сочетает в себе свойства наличных денег и безналичных денежных средств. Однако стремление рассматривать цифровой рубль через старые гражданско-правовые конструкции чрезмерно усложняет и отражает природу обсуждаемых отношений.

Но в каком бы значении не описывалось понятие цифрового рубля, оно всегда взаимосвязано с понятием денег. Наука гражданского права должна решить важную задачу по определению юридической природы цифрового рубля и его особенностей, поскольку отсутствие внятного понимания ключевых моментов, приведет к проблемам правоприменительной практики. В чем бы не усматривалось содержание цифрового рубля, очевидно, что законодатель верно отнес цифровой рубль к иному имуществу.

В заключении можно отметить, что недостаточность правовой регламентации многих вопросов, связанных с деньгами наряду со спецификой этого объекта гражданских прав, определяет перспективу новой концепции денег. В первую очередь видится в обеспечении вхождения денег (в наличной, безналичной и цифровой форме) в объем понятия «имущество» как самостоятельного имущественного блага. Цифровой рубль в перспективе должен стать таким же привычным объектом гражданского права, как деньги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закирова, Р.Р. Деньги как объекты гражданских прав // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. — 2014. — № 10. — С. 170–173.
2. Исмагилов, Р.Ф., Курзенин, Э.Б., Числов, А.И. Деньги как объект гражданских прав // Правовое поле современной экономики. — 2014. — № 10. — С. 86–89.
3. Ракина, Д.И. Деньги как объект гражданских правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 10-3(85). — С. 172–175.
4. Захаров, А.В. Цифровой рубль в системе объектов гражданского права // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 29. — С. 129–139.
5. Шумилова, В.В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21. — № 2. — С. 156–162.
6. Гарипов, Р.И., Максимова, Н.Н. Значение цифрового рубля для экономики страны // Управление в современных системах. — 2021. — № 4(32). — С. 3–15.
7. Городнова, Н.В. Цифровой рубль: анализ перспектив и последствий // Экономическая безопасность. — 2021. — Т. 4. — № 3. — С. 671–684.
8. Яковлев, А.И. Цифровой рубль: вопросы методологии // Теоретическая экономика. — 2022. — № 5(89). — С. 100–106.
9. Кусакин, А.А., Панов, И.Н. Понятие «вещь» в гражданском праве // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 20. — С. 179–190.
10. Гогуа, Д.В. Вещи как объекты гражданского права // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 48. — С. 963–968.
11. Городнова, Н.В., Руденко, К.С. Внедрение цифрового рубля в России: перспективы применения в электронной коммерции и борьбы с теневой экономикой // Теневая экономика. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 11–32.
12. Сергеев, В.М., Шадурская, М.М., Бойтуш, О.А. Цифровой рубль как средство противодействия теневой экономике в Российской Федерации // Креативная экономика. — 2021. — Т. 15. — № 7. — С. 2827–2846.
13. Мамышева, Е.А. Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать? // Московский экономический журнал. — 2022. — Т. 7. — № 9.
14. Костина, О.И., Кузина, Н.С., Давыдова, А.В. Цифровой рубль: новая эра денежных технологий // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 3-2. — С. 215–219.
15. Андрияшин, С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные Проблемы Экономики и Права. — 2021. — Т. 15. — № 1. — С. 54–76.
16. Трегуб, И.В., Аксенова, Е.О. Цифровой рубль: сущность и перспективы применения в России // Финансовые рынки и банки. — 2023. — № 11. — С. 131–140.
17. Кирюшина, И. Цифровой рубль как объект гражданских прав: понятие, правовая природа // Российско-азиатский правовой журнал. — 2024. — № 3. — С. 26–30.
18. Ермаков, А.В. Цифровой рубль: проблемы определения правового режима // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2024. — Т. 23. — № 1. — С. 99–104.
19. Баттахов, П.П., Овчинникова, Ю.С. Правовая природа цифрового рубля: теоретические и практические аспекты // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 9(225). — С. 86–90.
20. Дерюгина, Т.В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. — 2022. — № 1(37). — С. 8–11.

© Витовская Евгения Сергеевна (Jane-vit@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «АНАЛОГИЧНЫЕ СИТУАЦИИ» («АНАЛОГИЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА») В АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ДОГОВОРАХ ВЬЕТНАМА

Дао Ле Минь Чанг

Аспирант, Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
trangdaoleminh@gmail.com

DEFINITION OF «LIKE SITUATIONS» («LIKE CIRCUMSTANCES») IN ARBITRATION LEGAL CASES AND INTERNATIONAL INVESTMENT TREATIES OF VIETNAM

Dao Le Minh Trang

Summary. This study is devoted to the analysis of one of the key concepts in international investment law — the principle of non-discrimination in the form of national treatment and most favored nation treatment, which is provided to foreign investors in «like situations» («like circumstances»). The present study demonstrates that the criterion of «like circumstances» objectively narrows the material scope of application of national and most-favored-nation standards in international investment agreements. Based on a comprehensive analysis of arbitration practice, a system of multifactor criteria for determining «similarity» has been formulated, including comparability of comparators, competitive overlap, and legitimacy of the regulatory objective. It is established that this system of criteria limits the discretion of arbitration courts, purposefully increases the threshold of proof for the investor and increases the predictability of decisions for recipient states.

Keywords: foreign investment, free trade agreement, bilateral agreements on investment protection and promotion, like situations, like circumstances, most-favored-nation standard, national treatment.

До этого в большинстве Соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений (СПЗКВ) между Вьетнамом и европейскими странами не упоминался критерий об «аналогичных ситуациях» для проверки принципа национального режима, за исключением СПЗКВ между Словакией и Вьетнамом 2009 г.

Даже если фраза «аналогичные обстоятельства» явно не включена в положения о режиме наибольшего благоприятствования (РНБ)¹ или национальном режиме², трибуналы обычно интерпретируют, что такой компаратор является неотъемлемым или необходимым

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу одного из ключевых понятий в международном инвестиционном праве — принципа недискриминации в форме «национального режима» и «режима наиболее благоприятствуемой нации», который предоставляется иностранным инвесторам в «аналогичных ситуациях» («аналогичных обстоятельствах»).

Настоящее исследование демонстрирует, что критерий «аналогичных обстоятельств» (like circumstances) объективно сужает материальную сферу применения стандартов национального режима и режима наибольшего благоприятствования в международных инвестиционных соглашениях. На основе комплексного анализа арбитражной практики сформулирована система многофакторных критериев определения «аналогичности», включающая сравнимость компараторов, конкурентное перекрытие и легитимность регуляторной цели. Исследование также сосредоточено на анализе положений международных инвестиционных соглашений Вьетнама нового поколения, касающихся термина «аналогичные обстоятельства». Установлено, что данная система критериев ограничивает дискрецию арбитражных судов, целенаправленно повышает порог доказывания для инвестора и повышает предсказуемость решений для государств-реципиентов.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, соглашение о свободной торговле, двусторонние соглашения о поощрении и защите инвестиций, аналогичных ситуациях, аналогичных обстоятельства, режим наибольшего благоприятствования, национальный режим.

для заявлений о дискриминации. Однако в деле Alpha Projektholding против Украины — деле, в котором применимый СПЗКВ не включал пункт об «аналогичных обстоятельствах» — трибунал не вынес решения о том, должно ли это требование быть выполнено для предполагаемого нарушения национального режима³.

Новые международные инвестиционные соглашения (МИС) предусматривают более сложный подход к оценке дискриминации. Фактическое установление уровня национального режима для инвесторов осуществляется следующим путем: во-первых, арбитражный суд определяет, находятся ли иностранный и отечественный

¹ MNSS B.V. and Recupero Credito Acciaio N.V. v Montenegro, ICSID Case No. ARB(AF)/12/8, Award (4 May 2016). Para. 361-362.

² Total S.A. v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/04/01, Decision on Liability (27 December 2010). Para. 210.

³ August Reinisch and Christopher Schreuer, International Protection of Investments: The Substantive Standards. Cambridge University Press, 2020. P. 625-626.

инвесторы в сопоставимых условиях, «аналогичной ситуации» или «аналогичных обстоятельствах». Во-вторых, он должен определить, был ли режим, предоставленный иностранному инвестору, по меньшей мере таким же благоприятным, как режим, предоставленный отечественному инвестору. В-третьих, в случае менее благоприятного режима суд должен установить, была ли дифференциация оправдана. В тех случаях, когда указанные выше фразы не упоминаются, интерпретация может быть основана на сравнении с более широкой группой отечественных инвесторов. В тех же ситуациях, когда данные фразы упоминаются, сравнения будут проводиться с более узкой группой отечественных инвесторов. Таким образом, национальный режим будет привязан к аналогичной ситуации, которая устанавливает более высокий порог, т.е. будет труднее доказать нарушение национального режима в МИС фразой «аналогичные обстоятельства». Однако профессор М. Сорнараджа подверг критике это ограничение: «Крупная транснациональная корпорация как инвестор никогда не оказывается в «аналогичных обстоятельствах» из-за своего размера и вертикально интегрированной глобальной организации. Если это является основанием для дискриминации, то предоставление национального режима становится бессмысленным».

В торговом законодательстве ГАТТ (ВТО) уточняется, что дискриминация запрещена только между «аналогичными товарами». Проявляя осмотрительность, авторы некоторых недавних инвестиционных предложений созданных по образцу ГАТТ, начали прямо разяснять, что дискриминация запрещена только в том случае, если она имеет место между инвесторами или инвестициями в «аналогичной ситуации» или в «аналогичных обстоятельствах». В таких делах, как «Methanex Corporation v. the United State», «Cargill, Incorporated v. Mexico», «Merrill & Ring Forestry L.P. v. Canada», арбитражные трибуналы постановили, что «аналогичные ситуации» и «аналогичные продукты» являются двумя различными критериями. Общепринятое толкование формулировки «в аналогичной ситуации» или «в аналогичных обстоятельствах» в положении о национальном режиме в инвестиционных соглашениях отказывается от применения подхода, основанного на торговом праве, к изменяющимся условиям конкуренции и вместо этого отдает предпочтение тесту, который направлен на определение того, основана ли дискриминация на гражданстве или на каких-либо легитимных политических соображениях.

Инвесторы несут бремя доказывания и должны продемонстрировать, что их инвестиции действуют в «аналогичных обстоятельствах», что и инвестиции компаний, с которыми они себя сравнивают⁴. Хотя некоторые три-

буналы постановили, что установление разумного компаратора перекладывает бремя опровержения сходства на государство, это не уменьшает первоначального бремени, лежащего на инвесторе⁵. В комментариях составителей к толкованию термина «при аналогичных обстоятельствах» в соответствии со статьей 9.4 (Национальный режим) и статьей 9.5 (Режим наибольшего благоприятствования) Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве 2018 г. (ВПТПП) указано: истец несет бремя доказывания того, что ответчик не предоставил ему режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется в аналогичных обстоятельствах его собственным инвесторам и их инвестициям или инвесторам из третьих стран или их инвестициям⁶.

Ограничивает ли требование об «аналогичных обстоятельствах» в положениях о режиме наибольшего благоприятствования новых международных инвестиционных договоров рассмотрение трибуналами только de facto (а не de jure) дискриминации? Арбитражная практика показывает, что, за редкими исключениями⁷, большинство трибуналов допускают использование положений о РНБ для импорта благоприятных положений из МИС третьих стран, даже когда основной договор включает условие об «аналогичных обстоятельствах»⁸. Это говорит о том, что такие ограничивающие формулировки имеют ограниченный практический эффект. Хотя они могут быть актуальны при оценке режима наибольшего благоприятствования de facto (когда речь идет о фактических мерах правительства), эти условия не играют значимой роли, когда режим наибольшего благоприятствования используется для заимствования более выгодных процессуальных положений из других договоров.

Арбитражные трибуналы по-разному толкуют термин «аналогичные обстоятельства», что приводит к формированию фактически ориентированного и сильно зависящего от контекста определения. Данный термин может толковаться трибуналами как широко⁹, так и узко¹⁰.

⁵ Georg Gavrilovic and Gavrilovic d.o.o. v. Republic of Croatia, ICSID Case No. ARB/12/39. Award, 25 July 2018. Para.1193.

⁶ Drafters' Note on Interpretation of "In Like Circumstances" Under Article 9.4 (National Treatment and Article 9.5 (Most-Favoured-Nation Treatment) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/CPTPP/Interpretation-of-In-Like-Circumstances.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).

⁷ Muhammet Çap & Sehil İnşaat Endüstri ve Ticaret Ltd. Sti. v. Turkmenistan, ICSID Case No. ARB/12/6 Award (4 May 2021). Para. 778–788.

⁸ Bayindir İnşaat Turizm Ticaret Ve Sanayi A.Ş. v. Islamic Republic of Pakistan, ICSID Case No. ARB/03/29, Award (27 August 2009). Para. 150–159.

⁹ Methanex Corporation v. United States of America, UNCITRAL, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits (August 3, 2005).

¹⁰ Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada, UNCITRAL, Award on the Merits of Phase 2 (10 April 2001).

⁴ Rolute Forest Products Inc. v Government of Canada, PCA Case No. 2016-13. Final Award, 25 July 2022. Para.599.

Трибуналы используют различные критерии для определения подходящих компараторов. Некоторые ограничивают сравнения инвесторами в пределах одного и того же бизнеса или экономического сектора, оценивая «сходство» на основе таких факторов, как конкурентные отношения¹¹, взаимозаменяемость продуктов¹², конкретные юридические и фактические обстоятельства, влияющие на каждую инвестицию¹³, наряду с соображениями государственной политики¹⁴. Более широкие подходы сравнивают отношение к предположительно ущемленному инвестору с отношением ко всем местным производителям, независимо от сектора¹⁵.

В случаях, когда отсутствуют идентичные сопоставимые объекты, Суд полагает, что иностранные инвесторы могут сравниваться с менее схожими сопоставимыми объектами, если общие обстоятельства дела показывают, что они находятся в схожих обстоятельствах¹⁶.

Дело MNSS и RCA против Черногории основано на сравнении компаний, работающих в разных секторах, но разделяющих бремя экономического кризиса: они были крупнейшими работодателями в стране, и обе столкнулись с банкротством. Этот подход использовался для определения того, заслуживают ли компании, находящиеся в «аналогичных обстоятельствах», аналогичного правового регулирования¹⁷.

В некоторых случаях трибуналы отклоняли заявления о схожих обстоятельствах, например: инвесторы, хотя и были вовлечены в одни и те же судебные разбирательства, столкнулись с различными фактическими ситуациями¹⁸; инвесторы, несмотря на то, что работали в одной и той же отрасли и имели конкурирующие интересы, существенно различались по своей деятельности, масштабу или сфере деятельности¹⁹; инвесторы, хотя и работали в одном и том же секторе, осуществляли

инвестиции в рамках разных нормативно-правовых баз или типов инвестиций²⁰.

Дело Archer Daniels Midland Company и Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc. против Мексиканских Соединённых Штатов касалось введения Мексикой налога на напитки, в которых использовался кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы (HFCS) вместо тростникового сахара. Иностранные инвесторы, американские производители HFCS, утверждали, что Мексика нарушила Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), дискриминируя HFCS, продукт, конкурирующий с мексиканским тростниковым сахаром. Трибунал предположил, что налог был введен с целью защиты отечественной мексиканской сахарной промышленности от иностранных конкурентов, которые производят кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы²¹. Автор утверждает, что, независимо от того, являются ли продукты конкурентоспособными или нет, положения о защите инвесторов не следует толковать как необоснованно ограничивающие способность государства к самоуправлению. Осуществление прав в рамках СПЗКВ должно быть тщательно продумано, чтобы не нарушать автономию государства и не препятствовать достижению цели либерализации инвестиций. Кроме того, необходимо учитывать, существуют ли какие-либо политические цели или общественные интересы, оправдывающие применение различных режимов к отечественным и иностранным инвесторам²². Кроме того, с учетом нормативно-правового контекста штата, существенное значение имеет то, подлежат ли иностранные инвесторы тем же правовым и экологическим стандартам²³.

1. Например, в сноске 17 статьи 10.3 Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) 2020 г: «Для большей определенности вопрос о том, предоставляется ли обращение в аналогичных обстоятельствах в соответствии с настоящей статьей, зависит от совокупности обстоятельств, включая то, обусловлено ли соответствующее различие в обращении законными целями общественного

¹¹ Vento Motorcycles, Inc. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/17/3. Award, 6 July 2020. Para. 265.

¹² Cargill, Incorporated v. Republic of Poland, ICSID Case No. ARB(AF)/04/2. Final Award, 29 February 2008. Para.312,339.

¹³ Antonio del Valle Ruiz and others v. Kingdom of Spain, PCA Case No. 2019-17. Final Award, 13 March 2023. Para. 736.

¹⁴ United Parcel Service of America Inc. v. Government of Canada, ICSID Case No. UNCT/02/1. Separate Statement of Dean Ronald A. Cass (Award on the Merits), 24 May 2007. Para.9, 15.

¹⁵ Cargill, Incorporated v. Republic of Poland, ICSID Case No. ARB(AF)/04/2. Final Award, 29 February 2008. Para. 312.

¹⁶ Archer Daniels Midland Company and Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc. v. The United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/04/5. Award 21.11.2007. Para 202.

¹⁷ MNSS B.V. and Recuperio Credito Acciaio N.V. v. Montenegro, ICSID Case No. ARB(AF)/12/8. Award 4 May 2016. Para. 362.

¹⁸ Loewen Group, Inc. and Raymond L. Loewen v. United States of America, ICSID Case No. ARB(AF)/98/3. Award, 26 June 2003. Para.140

¹⁹ Cengiz İnşaat Sanayi ve Ticaret A.Ş. v. Libya, ICC Case No. 21537/ZF/AYZ. Award, 7 November 2018. Para.529–541.

²⁰ Vento Motorcycles, Inc. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/17/3. Award, 6 July 2020. Para.251, 252.

²¹ Archer Daniels Midland Company and Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc. v. The United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/04/5. Award 21 Nov 2007. Para 210.

²² S.D. Myers, Inc. v. Government of Canada, UNCITRAL. Partial Award 13 Nov 2000. Para. 248. (quoting OECD, National Treatment for Foreign Controlled Enterprises), “more general considerations, such as the policy objectives of Member countries could be taken into account to define the circumstances in which comparison between foreign—controlled and domestic enterprises is permissible inasmuch as those objectives are not contrary to the principle of national treatment”

²³ William Richard Clayton, Douglas Clayton, Daniel Clayton, and Bilcon of Delaware, Inc. v. Government of Canada, PCA Case No. 2009-04. Award on Jurisdiction and Liability 17 Mar 2015. Para. 721.

благосостояния»²⁴. Из пояснительных записок разработчиков, касающихся толкования фразы «при схожих обстоятельствах» в статьях 9.4 (Национальный режим) и 9.5 (Режим наибольшего благоприятствования) Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), следует, что при оценке схожих обстоятельств следует учитывать следующие факторы: было ли различное обращение правдоподобно связано с законной политической целью; не применялось ли оно дискриминационным образом или в качестве скрытого ограничения равных возможностей; имелась ли у него разумная связь с рациональной политикой правительства; и не было ли оно основано на гражданстве.

Вышеуказанное положение направлено на обеспечение того, чтобы в случаях, когда принимающие государства проводят различие между двумя иностранными инвесторами на основе законной цели общественного благосостояния, их инвестиции не рассматривались как находящиеся в аналогичных обстоятельствах, даже если они действуют в одном и том же секторе. Тем самым ограничивается расширительное толкование положения о режиме наибольшего благоприятствования. Хотя это предоставляет государству более широкие регуляторные полномочия, данная норма может усложнить роль трибуналов по разрешению споров между инвесторами и государствами (ISDS), поскольку широкая формулировка «законная цель общественного благосостояния» может быть неправильно использована принимающими государствами для сокрытия дискриминационных мер и уклонения от обязательств по режиму наибольшего благоприятствования.

2. В Соглашении о свободной торговле между АСЕАН и Индией 2014 года определение «**аналогичных обстоятельств**» дано еще более точно: «Определение того, находятся ли инвестиции или инвесторы в «**подобных обстоятельствах**», должно осуществляться на основе объективной оценки всех обстоятельств в каждом конкретном случае, включая, в частности: (a) сектор, в котором действует инвестор; (b) местонахождение инвестиций; (c) цель рассматриваемой меры; и (d) процесс регулирования, обычно применяемый в отношении рассматриваемой меры. Рассмотрение не должно ограничиваться или быть предвзятым по отношению к какому-либо фактору»²⁵.

²⁴ Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement signed 15/11/2020, footnote 17 of Article 10.3, footnote 19 of Article 10.4 ; Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership signed 08/03/2018, footnote 14 of Article 9.4.

²⁵ Agreement on Investment under the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of India signed 12/11/2014, Article 3 (4).

Это положение устанавливает ряд факторов, которые следует учитывать при определении того, находятся ли инвестиции в схожих обстоятельствах. Таким образом, если страна вводит регулятивную меру в отношении иностранных инвестиций из-за их неблагоприятного воздействия на окружающую среду и не распространяет ту же меру на другого иностранного инвестора в том же секторе, поскольку последний не оказывает такого же воздействия, это не приведет к нарушению **режима наибольшего благоприятствования (РНБ) или национального режима**. Это объясняется тем, что две инвестиции не находятся в одинаковых обстоятельствах. Такое положение дает принимающему государству более широкую свободу регулирования и призвано гарантировать, что арбитражные суды не будут толковать положения о **РНБ и национальном режиме** слишком широко.

Широкие факторы, такие как «(с) цель рассматриваемой меры», могут дать принимающим странам слишком много полномочий для внедрения распространенных правил, которые, как представляется, служат общественным интересам, но на самом деле могут дискриминировать иностранные инвестиции. Поскольку многие международные трибуналы уже учитывают политические причины при определении того, находятся ли инвестиции в «аналогичных обстоятельствах», подробное объяснение этого термина, например, содержащееся в Соглашении о свободной торговле между АСЕАН и Индией 2014 года, может быть излишним.

Если Вьетнам и Россия обеспокоены тем, что некоторые трибуналы могут не принять обоснования публичной политики для различного отношения к иностранным и внутренним инвестициям, им следует предусмотреть более конкретное определение «**аналогичных обстоятельств**». Хороший пример этого можно увидеть в соглашениях **ВРЭП и ВПТПП**. Хотя эти положения сформулированы в общем виде, они более точны, поскольку в них не перечислены многочисленные факторы, как в Соглашении о свободной торговле между АСЕАН и Индией 2014 года.

3. Поскольку ряд современных международных инвестиционных соглашений не содержит дефиниции термина «аналогичные обстоятельства»²⁶, ключевое значение приобретают методы его интерпретации. Толкование данной формулиров-

²⁶ Free Trade Agreement between the Government of the State of Israel and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam signed 25/07/2023, Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019, Agreement on Investment among the Governments of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China and the Member States of the Association of Southeast Asian Nations signed 12/11/2017

ки, как правило, осуществляется на основе следующих источников и принципов: 1) Правовые позиции арбитражных трибуналов. Толкование осуществляется арбитражными судами, учрежденными для разрешения конкретного спора, на основе анализа представленных сторонами правовых аргументов; 2) Цель и контекст договора. Учитываются объекты и цели международного договора, а также общий контекст его положений; 3) Международный обычай и судебная практика. Применяются соответствующие нормы международного обычного права, а также учитывается сложившаяся арбитражная практика по аналогичным спорам; 4) Последующая практика применения. Во внимание принимается последующая практика применения соглашения государствами-участниками, которая свидетельствует о согласованном понимании его положений; 5) Общие принципы международного права. Интерпретация осуществляется в соответствии с общими принципами международного права.

Заключение

Введение в практику критерия «аналогичных обстоятельств» (like circumstances) при предоставлении национального режима и режима наибольшего благоприятствования объективно ограничивает материальную сферу применения этих стандартов. Это нормативное уточнение сужает дискреционные полномочия арбитражных судов по оценке законности мер государства-получателя, целенаправленно повышая порог доказывания для инвестора, которому необходимо обосновать не только факт дискриминации, но и фактическую и юридическую сопоставимость обстоятельств. Утверждение данного подхода в качестве проекта стандарта свидетельствует о формировании стабильной договорной

На основе комплексного анализа арбитражной практики сформулирована система критериев определения

«аналогичных обстоятельств» (like circumstances) при предоставлении режима недискриминации (национального режима и РНБ) в международных инвестиционных соглашениях Вьетнама нового поколения. Установлено, что арбитражные трибуналы применяют многофакторный тест, включающий следующие взаимосвязанные элементы:

1. Степень сравнимости компараторов (национального инвестора или инвестора третьего государства). Критерий не требует идентичности, допуская сравнение с «менее похожим» компаратором при отсутствии тождественного, однако различия в фактических обстоятельствах, масштабе операций, сфере деятельности или правовом режиме инвестиций могут нивелировать схожесть.
2. Экономический сектор и конкурентное перекрытие. Сравнимость предположительно устанавливается в рамках одного экономического сектора, но может распространяться на разные сектора, если они подвержены идентичному регуляторному воздействию (например, в условиях экономического кризиса). Ключевым признаком выступает наличие фактической конкурентной связи.
3. Легитимность регуляторной цели. Различное обращение признается правомерным, если оно обосновано легитимной публичной целью (напр., защита окружающей среды, общественного порядка, здоровья населения) и не является произвольной или несоразмерной меры.
4. Правовой и экологический контекст. Различия в правовых обязательствах и экологических стандартах, применяемых к инвесторам, являются объективным основанием для дифференциации и не образуют дискриминации как таковой.
5. Данная система критериев объективизирует процесс толкования, ограничивая дискрецию арбитров и повышая предсказуемость арбитражных решений для государства-реципиента и инвесторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Agreement on Investment among the Governments of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China and the Member States of the Association of Southeast Asian Nations signed 12/11/2017.
2. Agreement on Investment under the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of India signed 12/11/2014.
3. Antonio del Valle Ruiz and others v. Kingdom of Spain, PCA Case No. 2019-17. Final Award, 13 March 2023.
4. Archer Daniels Midland Company and Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc. v. The United Mexican States, ICSID Case No. ARB (AF)/04/5. Award 21.11.2007.
5. August Reinisch and Christopher Schreuer, International Protection of Investments: The Substantive Standards. Cambridge University Press, 2020.
6. Bayindir İnşaat Turizm Ticaret Ve Sanayi A.S. v. Islamic Republic of Pakistan, ICSID Case No. ARB/03/29, Award (27 August 2009).
7. Cargill, Incorporated v. Republic of Poland, ICSID Case No. ARB(AF)/04/2. Final Award, 29 February 2008.
8. Cengiz İnşaat Sanayi ve Ticaret A.S v. Libya, ICC Case No. 21537/ZF/AYZ. Award, 7 November 2018.
9. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership signed 08/03/2018, footnote 14 of Article 9.4.
10. Drafters' Note on Interpretation of "In Like Circumstances" Under Article 9.4 (National Treatment and Article 9.5 (Most-Favoured-Nation Treatment)) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/CPTPP/Interpretation-of-In-Like-Circumstances.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).

11. Free Trade Agreement between the Government of the State of Israel and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam signed 25/07/2023.
12. Georg Gavrilovic and Gavrilovic d.o.o. v. Republic of Croatia, ICSID Case No. ARB/12/39. Award, 25 July 2018.
13. Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019.
14. Loewen Group, Inc. and Raymond L. Loewen v. United States of America, ICSID Case No. ARB(AF)/98/3. Award, 26 June 2003.
15. Methanex Corporation v United States of America, UNCITRAL, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits (August 3, 2005).
16. MNSS B.V. and Recupero Credito Acciaio N.V. v Montenegro, ICSID Case No. ARB(AF)/12/8, Award (4 May 2016).
17. Muhammet Çap & Sehill İnşaat Endüstri Ticaret Ltd. Sti. v Turkmenistan, ICSID Case No. ARB/12/6 Award (4 May 2021).
18. Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada, UNCITRAL, Award on the Merits of Phase 2 (10 April 2001).
19. Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement signed 15/11/2020
20. Resolute Forest Products Inc. v Government of Canada, PCA Case No. 2016-13. Final Award, 25 July 2022.
21. S.D. Myers, Inc. v. Government of Canada, UNCITRAL. Partial Award 13 Nov 2000.
22. Total S.A. v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/04/01, Decision on Liability (27 December 2010).
23. United Parcel Service of America Inc. v. Government of Canada, ICSID Case No. UNCT/02/1. Separate Statement of Dean Ronald A. Cass (Award on the Merits), 24 May 2007.
24. Vento Motorcycles, Inc. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/17/3. Award, 6 July 2020.
25. William Richard Clayton, Douglas Clayton, Daniel Clayton, and Bilcon of Delaware, Inc. v. Government of Canada, PCA Case No. 2009-04. Award on Jurisdiction and Liability 17 Mar 2015.

© Дао Ле Минь Чанг (trangdaoleminh@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯДРО ПРЕДМЕТА НАУКИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

THE CORE OF THE SUBJECT OF FINANCIAL LAW SCIENCE (THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH)

M. Kobzar-Frolova

Summary. The article analyzes the works of foreign and Russian scientists — philosophers, legal theorists, cameralists, economists, which allows us to trace the path of formation of the science of financial law. In the course of the study, it was established that financial law as a legal science received its outline and development only at the end of the 19th century. Before that, financial science developed as an economic discipline that emerged from cameralistics. An important conclusion is made that initially the subject of the science of financial law crystallized from the concept of an obligation that arose between the state and its subjects. The revolution, the political ideology that was widespread, somewhat distorted the essence and purpose of this science, in it the essential «core» — an obligation, around which the shell of institutions and categories of this very significant legal science should have grown, was «lost».

Keywords: cameralistics, economics, obligations, science of financial law, financial science, taxes, financial relations, budget.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна

доктор юридических наук, профессор, Главный научный
сотрудник сектора административного права
и административного процесса,
ФГБУН Институт государства и права РАН
MargoKFMN@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ трудов зарубежных и русских ученых философов, теоретиков права, камералистов, экономистов, который позволяет проследить путь становления науки финансового права. В процессе исследования установлено, что финансовое право как юридическая наука получила свое очертание и развитие лишь в конце XIX века. До этого финансовая наука развивалась как экономическая дисциплина, вышедшая из камералистики. Делается важный вывод о том, что изначально предмет науки финансового права выкристаллизовывался из понятия обязательство, которое возникало между государством и подданными. Свершение революции, та политическая идеология, которая была распространена, несколько искажили суть и предназначение данной науки, в ней «потерялось» сущностное «ядро» — обязательство, вокруг которого и должна была бы нарастать оболочка из институтов и категорий этой весьма значимой юридической науки.

Ключевые слова: камералистика, экономика, обязательства, наука финансового права, финансовая наука, налоги, финансовые отношения, бюджет.

В системе юридических наук — наука финансового права занимает особое место. Это объясняется, прежде всего, тем, что ее предмет тесным образом связан с финансовой деятельностью государства и органов публичной власти, с другой — ее предмет не отделен от понятия деньги и их обращение. К тому же деньги — универсальный финансовый актив, оказывающий мощное влияние на экономику страны. Это тот инструмент, который способствует сплетению финансовых и экономических отношений.

Есть мнение, что наука финансового права — одна из древнейших наук. Однако, исследование научной литературы, а также памятников античной культуры дает основание сказать, что это не совсем верно. Возникновение права связано с развитием цивилизаций (III тысячелетие до н.э.). Первые упоминания о законах находят при раскопках древнеегипетских памятников, в Месопотамии. В дошедших до настоящих времен письменных источниках античного права, — например, в Законах XII таблиц [1, С. 379–396] и Законах Хаммурапи, действительно, имеются отдельные упоминания, связанные с финансовой деятельностью государства и финансовыми отно-

шениями, но это скорее, источники гражданского права, поскольку они содержат правила, устанавливающие порядок расчетов между должниками и кредиторами, правила уплаты и взимания долгов, ростовщичество, отдельные положения о рисках в денежных отношениях [1, С. 379–381, 384–389; 2, С. 169–175]. В отдельных источниках встречается даже установленный порядок взимания повинностей и сборов, и их величина и проч. Однако, перечисленные виды отношений в своей основе имели договор, и только они имели юридическую силу. То есть они связаны с гражданскими обязательствами. На их основе возникали обязательства [3, С. 251; 4, С. 204–205]. Уместно напомнить, что в Древнем Риме всё право разделяли на публичное и частное (гражданское). Первое — защищало интересы государства, а право гражданское (для граждан) — складывалось относительно пользы граждан. Именно данные договорные обязательства опосредовали возникновение отношений мены, долговых и прочих обязательств [5, С. 262–272.]. Это обязательства по поводу денег, но возникающие на основе гражданско-правового договора, заключенного между гражданами.

Сборник правовых актов Киевской Руси — Русская правда, который, к слову сказать, датируется XI веком, включал не только правила денежных отношений договорного характера (о поклаже, простом займе, бескорыстной ссуде и проч.) но правила, устанавливающие порядок взимания податей и иных платежей, идущих в пользу государственной казны. При этом нужно заметить, что Русская правда, как, собственно, и античные источники содержали лишь отдельные элементы обязательственных финансовых отношений, основанных по большей части на гражданско-правовых сделках. Уместно отметить избирательность подхода к исполнению обязанностей по уплате податей, поскольку несли данную повинность лишь подданные. Государство на первых этапах своего существования и развития (повсеместно) не несло по отношению к гражданам никаких обязательств, соответственно последние закреплены в сводах законов не были. Таким образом, рассмотренные отношения можно отнести к видам повинностей, явившихся прообразом правоотношений [6, С. 4–13].

С развитием государственности и формированием либеральных взглядов на двусторонние обязательственные отношения, складывающиеся между гражданином и государством, пришло понимание того, что государство тоже должно предоставлять определенные блага по отношению к своим гражданам (строить дороги, мосты и переправы, возводить больницы, университеты, библиотеки и проч.) и иметь социальные обязательства, нести ответственность за жизнь, здоровье граждан, погребение и проч. На становление данных идей в XVII веке заметное влияние оказали германские, австрийские, французские экономисты и политологи. Появление технологий, механизмов, развитие образования способствовало тому, что именно в этих государствах изначально возникли и набрали силу либеральные концепции и воззрения о свободе, справедливости, солидарности, общественном договоре, достойном общественном бытии человека, праве на достойное обеспечение условий труда. Не малое значение имело объединение разрозненных германских княжеств в единый союз — Zollverein XVIII веке. Напомним, целью, которые ставили государства объединяясь в союз не только оборонительные, но и сохранение, преумножение и эффективное расходование доходов княжеств, не допуская неучтенных расходов. Здесь впервые встал вопрос о формировании денежных фондов и ведении учета расходов. Возникла необходимость получения знаний в области учета доходов и расходов Союза. Это, в частности, способствовало становлению и развитию науки камералистика (науки по управлению государственными финансами).

Для этих целей сначала в университетах Германии и Австрии в XVIII веке, затем и в России при университетах стали открываться специальные факультеты камералистики, на которых студентам преподавали собственно

камералистику, экономику, аудит, финансы, торговое и таможенное дело и проч. В это время выходят первые книги — лекции по вопросам управления государственным хозяйством. Но камералистика не давала юридических знаний и право на этих факультетах еще не читали.

По мнению профессора Е.Ю. Грачевой на становление науки финансового права наиболее значимое влияние оказали работы французских философов эпохи Просвещения — Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, а также представителей классической политической экономии — А. Смита и Д. Риккардо [7, С. 28–45].

Добавим, что существенный вклад в вопросы становления науки финансового права оказали прогрессивные европейские философы средних веков — англичанин Томас Гоббс (1588–1679), француз — Франсуа Мари Вольтер (1694–1778), Оноре Габриэль Мирабо (1749–1791) и другие. Они были сторонниками теории фискального договора, согласно которой каждый гражданин, уплачивая налог, может рассчитывать на некие гарантии от государства и охрану своей собственности. В этом проявляется обоюдная выгода возмездного обязательства, как со стороны государства, так и его подданных. Таким образом, сущность фиска определяется возвратностью благ и гарантий со стороны государства [6, С. 4–13].

Одной из первых работ в области финансов была книга «Немецкое княжеское государство» (1655 г.), подготовленная и выпущенная молодым германским историком, исследователем государственных финансов XVII века — Ф. Людвигом фон Секендорфом (Seckendorf) (1626–1692). Анализируя состояние государственных финансов Германских княжеств XVI–XVII вв, он выводит и обосновывает свои предложения о том, как нужно организовывать управление финансами отдельного княжества. Несомненной заслугой Ф. Секендорфа является то, что он впервые сформулировал тезис о зависимости финансовых поступлений в казну от состояния податной силы населения. Также он поставил вопрос о заботах государства о духовной и материальной жизни населения [8, С. 221–230]. То есть Ф. Секендорф наглядно показал действие теории об обязательствах в публичных отношениях, где сторонами являются государство и его подданные.

Вместе с тем, рост мануфактурного производства в наиболее развитых европейских странах в середине XVIII века (Франция, Германия) повлиял на дальнейший интерес к познанию экономических наук. В это время, Национальное собрание Франции в XVII в. официально вводит налоговую систему. Уплата налогов с дохода становится не только обязанностью и долгом каждого гражданина.

Теоретик политической экономики Франсуа Кенэ (1694–1774), основываясь на идеях Ф. Секендорфа вывел формулу, подтверждающую зависимость сокращения воспроизводства при повышении уровня взимания податей и налогов во Франции. Своей формулой он доказал, что несправедливо высокое налогообложение приводит не только к сокращению производства, но и снижает заинтересованность производителя в получении прибыли. В этой связи, он выдвинул предложение взимать налог не с валового мануфактурного дохода, а с чистого дохода.

Встретим не мало трудов исследователей-современников, где будет упомянут шотландский экономист Адам Смит (1723–1790) и его роль в развитии теории финансового права. Действительно в 1776 году А. Смитом была опубликована книга «Исследование о природе и причинах богатства народов». В ней он представил свои воззрения на экономику и политэкономические теории. Надо заметить, что ему удалась попытка разъяснить действие механизма свободного рынка в период средневековья, сформулировать феномен прибавочной стоимости и развить *экономическую* теорию природы налога. А. Смит утверждал, что финансовая наука — это составная часть политической экономии. Интересен его подход к развитию учения о налоге как двустороннего социального обязательства. Он пишет и обосновывает: за счет налогов государство покрывает расходы на оборону и содержание достоинства верховной власти. Государство в свою очередь направляет средства на социальные нужды. Реальным вкладом в налоговое право стала разработанная А. Смитом система принципов налогообложения, общая суть которых — соблюдение баланса частных и публичных интересов [9]. Эта часть сочинения А. Смита о налогах была наиболее востребованной в части познания основ финансового права учеными — русскими исследователями конца XIX — начала XX вв и современных учеными. Но надо заметить, что система принципов А. Смита также имеет тесную связь с политэкономическими учениями.

Практически столетие после издания работы Ф. Секендорфа, немецкий экономист и дипломированный камералист И.Г. фон Юсти (1720–1771), выпускает свое сочинение на тему «Система финансового хозяйства» [10]. В отличие от своих предшественников и современников, Юсти поставил вопрос о самостоятельности и назначении финансовой науки. Но рассматривает финансовую науку Юсти с не юридической позиции, а как экономическую науку. Несомненным достоинством данной книги является то, что она служит хорошим учебным пособием и содержит учение о доходах и расходах государства, а также теорию управления государственным хозяйством. Юсти также придерживался взглядов о том, что в основе финансовых отношений лежат обязательства. Он поддерживал идеи Ф. Секендорфа о том, что го-

сударство должно принимать на себя обязанности о заботе в социальной жизни граждан и выделять из казны финансовые средства на общественные блага.

В конце XVIII — начале XIX века все больший интерес проявляется к финансовой науке и познанию ее институтов. Профессор экономики и финансов Карл Теодор фон Эхеберг (Eheberg) (1855–1941), в книге «Курс финансовой науки» (1913) произвел систематизацию институтов финансовой науки, описал и дал характеристику многим терминам. Не только в Европе, но и в России были широко известны его труды о налогах, например, «Налоги на доходы, имущество и на переход имущества» (1923) [11; 12].

В нашем понимании наиболее полно и системно различные области и сферы финансовой науки были раскрыты и описаны итальянским ученым Ф. Нитти [13, С. 13], который рассуждая о пределах экономической (финансовой) деятельности государства, провел анализ причин роста общественных расходов, дал наиболее подробную и полную характеристику налогам и таможенным платежам и проч. [14, С. 33–36]¹ По мнению Ф. Нитти, назначение науки о финансах — в познании способов извлечения государством и местными учреждениями самоуправления необходимых для их деятельности материальных средств и как они их расходуют. Финансовая наука — дисциплина с весьма обширной сферой ведения. «В круг ее исследования входят все те отношения, которые возникают на почве добывания и употребления средств, собираемых с граждан» [14, С. 33–36]. Но, главное, что теория, разработанная Ф. Нитти также, как и у его предшественников *основана на взаимных обязательствах государства и граждан.*

Либеральные идеи Европейских стран пришли в просвещенные умы царской России значительно позже, лишь в начале XIX века. Именно к этому времени обострилась проблема управления государственными финансами. Отсутствие профессиональных кадров в области камералистики налогообложения во многом повлияли на все чаще появляющиеся прорехи в государственной казне, порой нечем было платить служащим. В этой связи императорским университетам страны было поручено открыть факультеты и отделения камералистики для целей «приготовления людей, способных к службе хозяйственной или административной» [15]. В Московском императорском университете такой факультет был создан 1835 году, а в Санкт-Петербургском несколько позже — в 1843 году. На факультетах камералистикой преподавали также: государственное право европейских держав, законы о благоустройстве и благочинии, политическую

¹ Примечание: в страницах книги имеются расхождения. Так начинается повествование со стр 33, но в книге пронумеровано — 1.

экономию, технологию, агрономию, статистику и проч. Годы позже камеральные отделения открывались в императорских университетах Казани, Харькова, а затем и в Томском [15].

В научной литературе и на дискуссионных площадках не раз высказывалось мнение о том, что первым русским ученым, изложившим свои представления о науке финансового права, был И. Посошков, в произведении «Книга о скудости и богатстве» [16]. (1724 г.). Внимательное прочтение данного произведения позволяет составить мнение, что книга написана в духе политэкономии и теории меркантилизма. И. Посошков рассуждает о духовности, правосудии, купечестве, государственном устройстве, просвещении, а также причинах, в силу которых приключается скудость или умножается богатство. Надо отметить, что его рассуждения пронизаны глубоким патриотизмом к родине и заботой о благополучии русского народа. Вместе с тем рассуждений и изложения воззрений о сути, цели, назначении, функциях науки финансового права узреть не удалось.

Нельзя сказать, что русские просвещенные умы не проявляли интерес к вопросам состояния казны, сбора налогов и трат на государственные и иные нужды. Так, русские государственные деятели Н.И. Тургенев, В.Н. Татищев [17], Н.С.Мордвинов в своих трудах подвергали анализу и проводили оценку взимаемых в России в XIX веке налогов и таможенных податей. К сожалению, русские ученые и исследователи не рассматривали вопросы налогообложения системно, не исследовали комплексно финансовую деятельность государства и местного самоуправления. Можно предположить, что это не давало им возможности получить целостный, всесторонний взгляд на всю сферу финансовых отношений. Указанные вопросы рассматривались ими с позиции экономики, камералистики, а не права. К тому же, точечный подход к исследованиям препятствовал развитию представлений о науке финансового права.

Академик М.В. Ломоносов (1711–1765 гг.) сделал своим долгом провести инвентаризацию природных, земельных, людских и иных ресурсов России. Экономическое благосостояние России Ломоносов усматривал не в преумножении доходов казны и не в деньгах вообще. Для него высшей ценностью было — всеобщее увеличение народонаселения, в образовании крестьянских детей и доступной медицины для всех, включая холопов.

Прошло несколько лет и императорские университеты России стали выпускать высококвалифицированных, подготовленных на европейском опыте специалистов, стремящихся развивать финансовую науку. Учение о финансах и финансовой деятельности в России стало набирать свою силу. Отдельно следует отметить такие фамилии выпускников, которые стали в последующем

сами известными и авторитетными в этой области профессорами — Е.Г. Осокина, Н.Я. Горлова, Э.Н. Берендтса, Ф.Б. Мильгаузена, В.А. Лебедева, Д.М. Львова, И.И. Янжула, И.Х. Озерова, С.И. Иловайского и других.

В известной степени прорывом в теории финансов и финансовой деятельности государства и местного самоуправления вполне можно назвать книгу профессора В.А. Лебедева — Финансовое право [18, С. 316]. Книга вышла в Петербурге в 1890 году. Ученый, основываясь на трудах А.Смита, вывел и описал такие понятия как «финансовое хозяйство», «финансовая власть», составил круг субъектов финансовых правоотношений и дал им характеристику, выделил задачи финансовой науки и проч. Настоящим прорывом в финансовой науке стало выведенное В.А. Лебедевым определение «финансовые отношения», которые ученый рассматривает через призму юридических, договорных отношений [18, С. 334]. Именно В.А. Лебедева впервые дал описание финансовым отношениям, как правоотношениям. Право ученый связывал с действием свобод. Суть и назначение «права» в трудах В.А. Лебедева, в т.ч. финансового права — это свобода отдавать распоряжения, устанавливать и взимать налоги и проч. То есть в современном понимании — это вопросы управления финансами. Его учение было подхвачено и развито его соотечественниками. Так, академик И.И. Янжул 1904 году представляет научному сообществу учебное пособие «Основные начала финансовой науки» [19]. Свое учение он начинает с того, что все юридические науки, которые изучаются на юридических факультетах университетов были разделены им на 2 большие группы. В первой группе были объединены науки государственного, гражданского и уголовного характера. Во второй группе оказались науки административные и хозяйственные, включая политическую экономию, статистику, науку о государственном хозяйстве, наука о финансах и финансовое право. Наука о финансах и финансовое право в понимании академика были тождественными и имели отношение к общей группе наук о государственном хозяйстве [19, С.3]. Такую систематизацию И. Янжул объяснил тем, что давно назрела необходимость создать особую отрасль государственного управления, которая основана на принципах, лежащих в основе правильного и целесообразного устроенного организма финансового хозяйства. Предметом исследования науки о финансах должны стать способы наилучшего удовлетворения материальных потребностей государства [19, С.10].

Академик И.И. Янжул воспитал целую плеяду учеников и единомышленников. Один из них — профессор И.Х. Озеров, который вполне удачно исследовал вопрос о значении налогов для нужд государства. Ученый пришел к выводу, что налоги нужны государству и государственным органам — «для выполнения лежащих на них задач ...». С другой стороны государства несут обяза-

тельства в связи с которыми, возникают траты из казны «...одним словом ведут свое хозяйство» [20].

Финансовую науку И.Х.Озеров относит к циклу экономических, служащих для интересов государства. Исследуя содержание, задачи, предмет, метод финансовой науки он отграничивает финансовую науку от наук частных. В своей книге И.Х. Озеров дает определение: «Финансовая наука изучает финансовое хозяйство, т.е. совокупность отношений, которые возникают, на почве добывания союзами публичного характера материальных средств: она изучает те способы, посредством которых эти союзы добывают себе нужные средства и как эти способы отражаются на других сторонах жизни» [20]. При этом, погружение в исследование И. Озерова о понятиях «финансовая наука» и «наука финансовое право» позволяет заключить, что данные понятия автором как бы «перемешиваются», зачастую одно понятие подменяется другим. Данный вывод можно подтвердить следующим: И. Озеров представил научному сообществу круг задач, которые должна изучать и решать *наука финансового права*. Задача первая — изучение хозяйства государства, общин, городов и проч., изучение причинной связи этого круга явлений с точки зрения их формального и материального развития. Вторая задача — изучение причин переложения налогового бремени, с плеч одних подданных на других. Это есть вопрос об общественных отношениях. Третья задача — аналитическая — исследовать влияние налогового бремени на экономическую жизнь [20]. То есть, для профессора И.Х. Озерова понятия финансовая наука (как экономическая наука) и наука финансовое право — были тождественны. В поставленных им задачах нет ни единой, которая хоть каким-либо образом была связана с изучением правовых норм, властной финансовой деятельностью органов публичной власти и прочими. Вместе с тем, несомненным достоинством данной работы И.Озерова является то, что вопросы *взаимного обязательства* государства и граждан, союзов и прочих в финансовых отношениях показаны недвусмысленно, они очевидны, хоть и не названы в работе напрямую.

Очевидно, твердо можно сказать, что русский профессор, теоретик права Г.Ф. Шершеневич заложил основу новому этапу эволюционирования представлений о науке финансового права. Получив достойное университетское образование, проанализировав труды своих учителей, профессоров И Озерова и Ф. Нитте он безусловно верно определил и сформулировал *суть финансового права как юридической дисциплины* — это «совокупность норм, определяющих способы приобретения и расходования государственных материальных средств, необходимых для осуществления им своих задач». «По существу, — пишет Г.Ф Шершеневич, — финансовое право — есть часть административного права», это область внутреннего управления, управления фи-

нансами государства, местного самоуправления, союзов и проч. [21, С. 550]. Таким образом, Г.Ф. Шершеневич создал твердую платформу для дальнейшего развития теории финансового права и познания его институтов.

Однако, известные политические события начала XX века, революции, разруха и прочие на долгие годы прервали развитие науки вообще и финансового права в частности. Для периода 1917–1930 года была характерна неочевидность роли финансового права в условиях развивающегося социализма, деньги и их накопление рассматривались как пережиток капитализма [22, С. 181–187]. Советское общество пропагандировалось как безналоговое общество (хотя налоги были). Это опосредовало закрытие в некоторых университетах кафедр финансового права. Изучение дисциплины прервалось. К тому же, многие ученые были вынуждены покинуть Россию [6, С. 4–13]. Нужно сказать, что потеря многих из них для российской науки была невосполнимой утратой. Так, профессор Э.Н. Берендтс (1870–1930 гг.), экономист, теоретик, философ, доктор финансового права, эмигрировал в Эстонию, где стал профессором на кафедре финансового права Тартуского университета. Э.Н. Берендтс читал вопросы организации управления финансами в университете и многие другие науки. За свою жизнь он издал несколько книг по финансовому праву и административному праву зарубежных стран [23; 24]. Труды Э.Н. Берендтса актуальны и имеют весомое значение для изучения финансового и административного права и в наши дни.

Таким образом, на долгие годы было предано забвению учение, которому посвятили свои жизни талантливые русские дореволюционные ученые-профессоры и академики. Лишь в середине 30-х годов, после принятия Конституции 1936 года, пришло понимание того, что вопросы управления государственным бюджетом необходимо ставить на научную основу. Однако, науку финансового права пришлось возрождать практически с нуля.

Несомненно, значительная роль в возрождении науки финансового права, в развитии управленческо-процедурных отношений, принадлежит советскому ученому, профессору Московского университета С.А. Котляревскому, который не смотря на разруху в стране, подготовил и выпустил ряд статей [25; 26; 27; 28]. В своих статьях он исследовал и сумел описать такие вопросы как управление бюджетным регулированием, дал понятие бюджетно-финансовым отношениям, внес весьма ценные предложения в развитие бюджетного законодательства СССР и союзных республик, проблемам местных бюджетов, сделал свои комментарии в отношении бюджетных прав субъектов и многое другое. С.А. Котляревский один из первых сформулировал понятие бюджета как основного финансового плана государства. Н.В. Кроткова, на-

пример, пишет: С.А. Котляревский более глубоко нежели дореволюционные исследователи погрузился в проблему бюджетных отношений [29, С. 184–198]. Без сомнения можно сказать, что с работ С.А. Котляревского началась новая эпоха в науке финансового права России. Его работы возродили интерес советских ученых к финансовому праву как юридической науке. Стали выходить учебники по советскому бюджетному праву и отдельные работы по налогам и расчетным отношениям. Особо следует отметить работы профессоров М.Д. Загряцкого [30], доктора права Э.Э. Понтовича [31], Е.А. Ровинского [32] и других.

В 30-е 40-е годы XX века стремления ученых были направлены на познание предмета и системы финансового права [33]. Данный вектор научных исследований был задан А.Я. Вышинским в его докладе [34, С. 1–34] посвященному формированию отраслевой модели советского права, определения границ юридических наук и их содержания [35, С. 145–159]. Свои усилия на развитие науки финансового права направили Е.А. Ровинский, М.А. Гурвич, А.О. Шварцман, М.Д. Загряцкий, М.Я. Залесский, Г.С. Гуревич, А.К. Райдер, К.К. Шмаков и другие. Научным сотрудникам Института государства и права было поручено разработать ключевой инструментарий науки финансового права. Ответом на данное поручение стали научные статьи и учебники. Например, в учебнике под редакцией профессора Марка Гурвича [33] рассматриваются такие финансово-правовые категории, как «финансовые обязательства», «банковская и кредитная система», «эмиссия», «эмиссионное право» и приводятся их дефиниции.

Изучая научное наследие специалистов в области финансового права довоенных лет, профессор К.С. Бельский [32, С.93–100] напишет: совместным результатом научного творческого мышления (А.Я. Вышинского, Е.А. Ровинского, М.А. Гурвича, М.Д. Загряцкого и других, стало формирование современных представлений о финансовых обязательствах. Но тут нужно заметить, что на развитие правовых наук существенное влияние оказывала действующая в стране идеология.

Первопроходцами в становлении теории советского финансового права в первые послевоенные годы вполне уместно признать ученых Института государства и права АН СССР [35, С. 145–159]. В период восстановления народного хозяйства оживилась дискуссия о праве, о его соотношении с государственной властью и финансовой деятельностью государства и местных советов [37]. Вместе с тем, ощущался не только серьезный дефицит ученых — специалистов в области финансового права, но и учебников, учебных пособий по финансовому праву. Нехватка научной литературы не способствовала проявлению должного интереса к науке финансового права. Тут нельзя не отметить, что отдельные ученые

(М.А. Гурвич [38], М.Л. Коган [39], М.И. Пискотин [40], Н.И. Химичева, С.Д. Цыпкин [41] и др.) интуитивно почувствовали, что именно за этой наукой — большое будущее. Они стали активными разработчиками учебников финансового права развитого социализма.

Наука финансового права рассматривалась как публично-правовая, имеющая своим предметом имущественные денежные отношения, возникающие по поводу формирования и использования денежных фондов, прежде всего средств бюджетной системы. Такой подход был опосредован тем, что частной собственности в СССР не было, государство определяло планы ведения народного (планового) хозяйства, с превалированием императивного подхода в финансовых отношениях. В этих условиях природа финансовых отношений как взаимное обязательство просто не попадала в фокус внимания ученых. Вопросы формирования государственных денежных фондов и их использование целиком и полностью соответствовали утвержденным на партийных съездах планам. С сожалением приходится констатировать, что такая важная составляющая, какой является взаимное обязательство государства и граждан, организаций — как базис финансово-правовых отношений, выпало и практически больше не встречалось в учебниках по финансовому праву.

После принятия ряда общегосударственных решений по развитию хозрасчета и стимулированию производства в 1965 году получили развитие такие институты как централизованные капиталовложения, кредит, прибыль, эмиссия, расчетные отношения, фонды экономического стимулирования и прочие, которые стали в дальнейшем институтами финансового права.

Сложный период наука финансового права, как, впрочем, и вся советская (российская) наука, прошла в период так называемой «перестройки», когда государство добровольно отказывалось от рычагов управления финансами, отдав вопросы управления так называемому свободному рынку. Однако, время показало, что без государственного вмешательства экономика не в состоянии оставаться на плаву. Финансовое право вновь стало играть решающую роль в урегулировании бюджетных, кредитных, налоговых и иных денежных отношений. После принятия Конституции 1993 года, государственная политика была переориентирована на социальную поддержку граждан и обеспечение общественных благ. Время само расставило все по своим местам. Вновь предмет финансового права стал иметь в своей основе двусторонние обязательственные начала. Но путь к пониманию данного аспекта оказался не столь скорым во времени.

В заключение хотелось бы отметить, что в современной России сложилось несколько школ (центров) финан-

сового права. В Москве — это школа под руководством профессора Е.Ю. Грачевой (Московская государственная юридическая академия (университет) им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), в Екатеринбурге лидером и основателем своего направления в науке финансового (налогового) права является профессор Д.В. Винницкий, в Воронеже — несомненно, флагманом финансово-правовой науки является профессор М.В. Карасева. Финансово-правовые исследования (преимущественно, в области денежных обязательств) проводят научные сотрудники Института государства и права РАН с его старейшим специалистом в данной области — профессором С.В. Запольским. Научные сотрудники Института являются основателями научных школ бюджетного права (М.И. Пискотин), банковского права (Г.А. Тосунян) и проч. Институт проводит широкие дискуссии по важнейшим проблемам финансового права.

Выводы

Подводя итог исследованию нужно сказать, что наука финансового права сложилась как юридическая наука лишь в конце XIX — начале XX века. Наука предназначалась для изучения общественных отношений по поводу поступлений в бюджет государства и его образований, а также отношений по поводу выполнения государством социальных функций. Правовая сущность и тех и других отношений — обязательство, вытекающее из общественного договора [22, С. 181–187].

Социальная ориентированность финансового права возникла под влиянием либеральных идей, зародившихся в ведущих странах Европы в средние века. Профессо-

ры германских, австрийских, французских, итальянских университетов впервые доказали, что обязательства имеются не только у подданных, но и у государства.

Учение о финансовом праве России складывалось под влиянием работ зарубежных профессоров. Финансовое право первоначально развивалось русскими учеными как экономическая дисциплина. Предпосылки для формирования системных представлений о финансовом праве в России сложились лишь к началу XX века. Решающая роль в этом принадлежит русским ученым И.Х. Озерову и Г.Ф. Шершеневичу, которые первыми очертили предмет науки финансового права, включающей круг имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на обязательствах по поводу формирования бюджета и исполнения государством своих социальных функций.

Свершение революции, та политическая идеология, которая была распространена в СССР, несколько исказили суть и предназначение данной науки, в ней «потерялось» сущностное «ядро» — обязательство, вокруг которого и должна была бы нарастать оболочка из институтов и категорий этой весьма значимой юридической науки.

Отсюда главный вывод: представляется, что ученым — нашим современникам, всерьез занимающимся вопросами теории финансового права, необходимо особое внимание обратить на тот аспект финансового права, который связан с обязательствами. Ведь финансовое право изначально разрабатывалось как право, основанное на обязательствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стейнберг, С. «Двенадцать таблиц и их происхождение: дебаты XVIII века». Журнал истории идей Том 43, № 3 (1982) С. 379–396 (пер. с англ.)
2. Томсинов В.А. Рецепция римского права в Западной Европе в средние века: постановка проблемы // М.: Древнее право. 1998. № 1(3). С. 169–175.
3. Мозолин В.П., Масляев А.И. Гражданское право. Часть первая: учебник. — М., Юрист, 2005. — С. 251.
4. Гай. Институции. Книги 2: Памятники римского права. — М.: Юрист, 1997. — С. 204–205.
5. Кобзарь-Фролова М.Н. Административный деликт: самозванец или сформировавшийся правовой феномен? / Омск, Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 2. С. 262–272.
6. Запольский С.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Академические рассуждения о теории финансов и юридических обязательствах // Правовая информатика, №1, 2025, С. 4–13.
7. Грачева Е.Ю. История финансового права // М. Вестник университета им. О.Е. Кутафина, №3, 2015, С. 28–45.
8. Райнерт Эрик С., «Краткое введение в изучение В.Л. фон Зеккендорфа (1626–1692)», Европейский журнал права и экономики, 2005, Т. 19, вып. 3, С. 221–230.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа, М. Эксмо, 2007, 443 с.
10. Юсти, Иоганн-Гейнрих-Готлоб. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов / соч. г. Юсти; с нем. на рос. яз. пер. Авраам Волков] — [М.]: При Имп. Моск. ун-те, 1770, 384 с.
11. Курс финансовой науки / Пер. с 12-го нем. изд. под ред., [с предисл.] и с доп. по рус. фин. Праву М.А. Курчинского, пр.-доц. С.-Петерб. ун-та. — Санкт-Петербург, 1913. — XII, 592 с.;
12. Современные налоги на Западе: Налоги на доходы, имущество и на переход имущества / Пер. с 19-го нем. изд. под ред. и с доп. по русскому податному законодательству проф. М.И. Боголепова. — Петроград: Наука и школа, 1923. 96 с.;
13. Нитти Ф. Основные начала финансовой науки, в русск. пер. И.Шрейдера, Изд. М.и С. Шабашниковых, 1904, С. 13 (Доступно для чтения на официальном сайте Минфина России) minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129007

14. Чупров А. Введение к книге Нитти Ф. Основные начала финансовой науки, в русс. пер. И.Шрейдера, Изд. М.и С. Шабашниковых, 1904, С. 1–2 (33–36).
15. Томсинов В.А. Университетская реформа 1863 года в России // Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года / Составитель и автор вступительных статей В.А. Томсинов. М.: «Зерцало», 2012. — С. LXVIII–CXVII. (Великие реформы). // Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/1959838-universitetskaya-reforma-1863-goda-v-rossii>
16. Посошков И. Книга о скудости и богатстве // М.: Изд-во РИПОЛ Классик, 2021, 324 с.
17. Татищев В.Н. Избранные труды / Василий Никитич Татищев; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский; Ин-т обществ. мысли. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 486.
18. Лебедев, В.А. (1833–1909). Финансовое право / [Соч.] В.А. Лебедева, проф. С.-Петерб. ун-та. Т. 1. Вып. 2 / 24. — Санкт-Петербург: типо-лит. А.М. Вольфа, 1890, 316–544 с.
19. Янжул, И.И. (1846–1914). Основные начала финансовой науки: Учение о гос. доходах / И.И. Янжул. — 4-е изд., изм. и доп. — Санкт-Петербург: тип. И. Стасюлевича, 1904. — IV, 500 с.
20. Озеров И.Х. <http://elibrary.ru/nodes/83119-ozarov-i-h-osnovy-finansovoy-nauki-vyp-1-uchenie-ob-obyknovennyh-dohodah-kurs-lektsiy-chitannyy-v-s-peterburgskom-i-moskovskom-universitetah-m-1911>
21. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права, Типогр. Башмаковых, 1910, С. 550.
22. Кобзарь-Фролова М.Н. Развитие представлений о финансах, науке финансового права и финансовой деятельности государства в России и за рубежом (теоретико-правовой и историографический очерк) // М.: Государство и право, № 4, С. 181–187.
23. Берендтс Э.Н. Финансовое право Великого Княжества Финляндского в XIX столетии. Исторический очерк / Э.Н. Берендтс. — СПб.: Гос. тип., 1900. — 321 с.
24. Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Т. I, вып. I. Ярославль, 1898.
25. Котляревский С.А. «Бюджетное право РСФСР и СССР», М. Труды института советского права, 1924, 163 с.
26. Котляревский С.А. «Бюджет СССР, как он составляется, утверждается и исполняется. Л., 1925, 72 с.
27. Котляревский С.А. Бюджет и местные финансы / Проф. С. Котляревский. — М.: Экономическая жизнь, 1926. — 146 с.; — (Юридическая библиотека хозяйственника/ Под ред. проф. В.Ю. Вольфа и И.Я. Цейликмана);
28. Котляревский С.А. Финансовое право СССР / Проф. А.С. Котляревский. — Л.: Гос. Изд-во, 1926. — 157 с.
29. Кроткова Н.В. Котляревский С.А. как представитель советской юридической науки // Финансовое право и управление, №3, 2014, С. 184–198.
30. Загряцков М.Д. «Бюджетные права местных Советов» М. Изд-во Гл. упр. Коммун. хоз-ва НКВД, 1924, 60 с.
31. Понтович Э.Э. Финансовый контроль, Л.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928, 107 с.
32. Ровинский, Ефим Абрамович. Основные вопросы теории советского финансового права. — М.: Госюриздат, 1960. — 193 с.
33. Финансовое право. Учебник / Сост.: Гурвич М.А., Залесский М.Я., Райдер А.К., Шварцман А.О., Шмаков К.К.; Общ. ред.: Гурвич М.А. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940.
34. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права (Сокращенная стенограмма доклада на 1-м совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.) // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 1–34.
35. Андрианова Н.Г., Васянина Е.Л., Кобзарь-Фролова М.Н. Эволюция теории финансового правоотношения: (историографические и догматические аспекты становления и развития) // М.: Государство и право, №1, 2025, С. 145–159.
36. Бельский К.С. Забытый «патриарх» советской науки финансового права (к 120-летию со дня рождения М.А. Гурвича) // Государство и право. 2017. № 9. С. 93–100.
37. Ровинский, Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. — М.: Госюриздат, 1960. — 193 с.
38. Гурвич М.А. Советское финансовое право.: [Учеб. пособие для юрид. высш. учеб. заведений] / Моск. юрид. ин-т. — Москва: Госюриздат, 1952. — 324 с.
39. Коган М.Л., Бесчеревных В.В., Куфакова Н.А. Советское финансовое право.: [Учебник для юрид. ин-тов и фак / Отв. ред. доценты В.В. Бесчеревных и С.Д. Цыпкин]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрид. лит., 1974. — 462 с.
40. Пискотин М.И., Химичева Н.И. Советское финансовое право.: [Учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Д.ю.н. Е.А. Ровинский, д.ю.н. М.И. Пискотин, к.ю.н. Н.И. Химичева и др.; Отв. ред. Е.А. Ровинский]. — 3-е изд. — Москва: Юрид. лит., 1978. — 343 с.
41. Ровинский Е.А., Цыпкин С.Д., Бесчеревных В.В., Барышев М.И. Советское финансовое право: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.]. — М.: Госюриздат, 1961. — 351 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 338 УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Наумов Вячеслав Викторович

к.ю.н., Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
crilaw@yandex.ru

CHARACTERISTICS OF THE SIGNS OF A QUALIFIED COMPOSITION OF A CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 338 OF THE CRIMINAL LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

V. Naumov

Summary. This article examines the qualifying features of a crime providing for criminal liability for illegal trafficking in pollutants, sources of infectious diseases, toxic and hazardous waste, united by the concept of particularly serious environmental pollution — an especially grave consequence of a crime. This article is a direct logical continuation of the study of the features of a crime provided for in Art. 338 of the Criminal Code of the PRC, taking into account Amendments No. 8 of February 25, 2011 and No. 11 of December 26, 2020 to the Criminal Code of the PRC; official explanations of the content and procedure for applying criminal law in the field of environmental protection in the PRC; published materials of Chinese judicial and investigative practice and monographic studies.

Keywords: Art. 338 of the Criminal Code of the PRC, hazardous substances and waste, especially grave consequences, exemption from punishment.

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассмотрены квалифицирующие признаки состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов, объединенные понятием особо серьезного загрязнения окружающей среды — особо тяжкого последствия преступления. Данная статья является непосредственным логическим продолжением исследования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР, с учетом Поправок № 8 от 25.02.2011 года и № 11 от 26.12.2020 года к УК КНР; официальных разъяснений содержания и порядка применения уголовно-правовых норм в области защиты окружающей среды в КНР; опубликованных материалов судебно-следственной практики Китая и монографических исследований.

Ключевые слова: ст. 338 УК КНР, опасные вещества и отходы, особо тяжкие последствия, освобождение от наказания.

Введение

К числу особенностей китайского уголовного законодательства относится интеграция факультативных признаков состава преступления (например, места или способа совершения преступления), предусмотренного ст. 338 УК КНР, не в конструкцию уголовно-правовой нормы, а в содержание разъяснений (толкований) уголовного закона соответствующими компетентными органами. Российский уголовный закон содержит факультативные признаки состава преступления, интегрированные непосредственно в конструкцию уголовно-правовой нормы. В связи с этим толкованию уголовного законодательства в Китае отведена особая определяющая роль. В частности, посредством разъяснений могут раскрываться обязательные признаки субъективной стороны состава преступления по ст. 338 УК КНР, например, умышленная форма вины. Разъяснения позволяют определить и место данного преступления в «лестнице

страт», поскольку китайскому уголовному законодательству присуща стратификация — «расслоение» преступлений посредством определения конкретных признаков, а не категоризации деяний [7, с. 327]. Указанное обстоятельство оказывает влияние и на назначение наказания лицам, совершившим экологические преступления в Китае. Так, уголовный закон КНР содержит виды и размеры санкций, а разъяснения учитываются при назначении наказания виновному лицу, совершившему конкретное преступление с учетом положений о стратификации общественно опасных деяний¹.

Основные результаты

Статья 338 УК КНР (квалифицированный состав преступления) предусматривает повышенную уголовную

¹ В китайской уголовно-правовой доктрине содержится множество различных точек зрения по вопросу стратификации: количество и содержание «страт» разнится от 10 до 14.

ответственность за противоправный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов при наступлении особо тяжкого загрязнения окружающей среды, которое наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет [5]. В качестве дополнительного наказания применяется штраф. Однако характеристик его размера (минимальной, предельной, фиксированной, кратной величины и т.п.) не определено ни в самой санкции рассматриваемой уголовно-правовой нормы, ни в статьях Общей части уголовного закона Китая. Безусловно, возложение на судебные органы права определения целесообразности не только назначения наказания в виде денежного штрафа, но и определение его размера сообразно обстоятельствам конкретного дела (некое «абсолютное» судебное усмотрение — *авт.*) — еще одна из отличительных особенностей уголовно-правовой системы «Поднебесной».

Напомним, объект преступления по ст. 338 уголовного закона КНР — национальная система защиты окружающей среды в части, регулирующей порядок оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов [8, с. 195]. Отметим, что определение объекта в уголовном праве Китая существенно отличается от его общепринятой отечественной характеристики (через совокупность общественных отношений).

Предмет преступления — отходы и опасные вещества (радиоактивные отходы; отходы, содержащие возбудителей (патогены) инфекционных заболеваний; токсичные (ядовитые) и иные опасные вещества); объективную сторону состава преступления составляет нарушение государственных правил — нормативных правовых актов, принятых Всекитайским собранием народных представителей и изданных Госсоветом КНР [6, с. 345]. Чтобы не повторяться, остановимся подробнее на исследовании непосредственно понятия и содержания особо тяжких последствий преступления — особо тяжкого загрязнения окружающей среды, предусмотренного ст. 338 УК Китая.

К особо тяжкому загрязнению окружающей среды следует относить такие последствия, которые отличаются повышенной общественной опасностью и масштабом негативного воздействия. Особо тяжкое загрязнение окружающей среды, как последствие преступного деяния по ст. 338 УК КНР, имеет место при наличии следующих обстоятельств.

При загрязнении водных ресурсов необходимо отметить такое особо тяжкое последствие, как прекращение возможности централизованного водоснабжения питьевой водой городских районов на уровне административного центра уезда или более крупной админи-

стративно-территориальной единицы на срок, превышающий 12 часов.

При загрязнении земельных ресурсов, особо тяжкими будут последствия, повлекшие существенное или необратимое нарушение полезных (потребительских) свойств следующих категорий земель:

- опорных сельскохозяйственных угодий (пахотных земель), лесных угодий защитного или специального назначения на площади, превышающей 15 ед. му;
- других сельскохозяйственных угодий на площади, превышающей 30 ед. му;
- прочих категорий земель на площади, превышающей 60 ед. му;

К рассматриваемым особо тяжким последствиям незаконного оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов следует относить уничтожение лесных и иных насаждений в объеме, превышающем 150 куб. м. (за исключением насаждений, представляющих особую историческую или культурную ценность), а равно уничтожение более 7,5 тысяч саженцев.

Отдельно отметим такое особо тяжкое последствие, как вызванная загрязнением окружающей среды необходимость организованного перемещения населения из зоны загрязнения, при которой общее количество эвакуируемых превышает 15 тысяч человек.

К числу особо тяжких последствий загрязнения окружающей среды также относится отравление (интоксикация), носящее массовый характер, когда пострадали более 100 человек.

Несмотря на тот факт, что квалифицированный состав преступления по ст. 338 УК Китая (в отличие от основного) прямо не содержит указание на такие дополнительные объекты, как жизнь, здоровье, государственная или частная собственность, в официальных толкованиях в качестве особо тяжких последствий посягательства указываются:

- причинение в результате загрязнения окружающей среды ущерба государственной или частной собственности на сумму, превышающую 1 млн юаней, или незаконное обогащение виновного в указанном размере;
- причинение в результате загрязнения окружающей среды легкого вреда здоровью десяти и более лицам;
- причинение в результате загрязнения окружающей среды тяжкого или средней тяжести вреда здоровью трем и более лицам;
- причинение в результате загрязнения окружающей среды тяжкого или средней тяжести вреда

здоровью одному потерпевшему одновременно с причинением легкого вреда здоровью (или более тяжкого) пяти и более лицам;

- смерть одного или более лиц, наступившая в результате загрязнения окружающей среды.

Понятие «телесного повреждения» (вреда здоровью — *авт.*) в китайском уголовном законодательстве раскрывается частично в статье 95 УК КНР, которая указывает, что нанесение увечья, лишение конечности, неизгладимое обезображивание лица, потеря зрения, слуха, полная утрата иных функций организма — это тяжкий вред здоровью потерпевшего. Иные последствия в виде легкого вреда или вреда здоровью средней тяжести непосредственно в китайском уголовном законе не отражены, они раскрываются посредством соответствующих толкований.

При решении вопроса о степени тяжести вреда здоровью судебно-следственными органами и экспертами Китая отмечается необходимость всестороннего изучения «...интенсивности нанесения ударов, локализации причиненных повреждений и последствий в виде конкретного вреда здоровью человека...», а также наличие в действиях умысла и его направленность [4, с. 412].

Так называемые «незначительные травмы», то есть последствия механического насильственного воздействия на тело потерпевшего с помощью мускульной силы, в частности, синяки, ссадины, царапины и т.п., не образуют состава преступления, предусмотренного статьей 234 УК КНР.

Следует отметить, что и иные случаи загрязнения окружающей среды, могут быть признаны судом особо тяжкими последствиями. В качестве таковых можно выделить нарушение национальных правил оборота опасных отходов — незаконный сброс, захоронение, утилизацию более 100 тонн таковых.

Отягчающими вину обстоятельствами при особо тяжком загрязнении окружающей среды, при которых виновный по ст. 338 УК КНР приговаривается к максимальному сроку лишения свободы (то есть к семи годам лишения свободы) и дополнительному наказанию в виде штрафа, следует считать:

- 1) совершение деяния в водоохраных зонах источников питьевой воды, основных природоохранных зонах, определенных природоохранным законодательством КНР;
- 2) совершение деяния в бассейнах «ключевых» рек и озер, которые формируют жизненно важные водные системы КНР (например, реки Янцзы, Хуанхэ, Сицзян, озеро Тайху и др., перечень которых определяется государством);
- 3) совершение деяния, повлекшего последствия в виде существенного или необратимого наруше-

ния полезных (потребительских) свойств земель различных категорий в размерах, существенно превышающих комментируемые выше (признак, безусловно, является оценочным и не имеет точно определенных критериев);

- 4) причинение вреда здоровью нескольким потерпевшим различной степени тяжести (не комментируемое ранее) в результате незаконного оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов.

В случае, когда действия виновного, указанные в предыдущих четырех абзацах, образуют состав иных преступлений, судебно-следственные органы привлекают виновного к уголовному наказанию в соответствии с положениями норм, содержащими более строгие санкции (вид и размер наказания). Если загрязнение окружающей среды сопровождается вмешательством виновного(ых) в процесс отбора проб — искажение (изменение, фальсификация) данных мониторинга; изменение параметров системы мониторинга или совершением иных действий, заключающихся в повреждении компьютерной информации и приводящих к ущербу системе мониторинга качества окружающей среды, действия виновного также могут подлежать квалификации по ст. 286 УК КНР и более строгому наказанию.

Таким образом, присущие российскому уголовному праву правила (например, приоритет специальной нормы уголовного закона перед общей или особенности квалификации при множественности преступлений) во все не являются характерными для уголовного права Китая в области противодействия экологическим деликтам.

В качестве отягчающих наказание обстоятельств следует выделить:

- 1) воспрепятствование экологическому надзору, проверке или расследованию чрезвычайных экологических ситуаций;
- 2) отказ от использования, демонтаж или модификация оборудования для предотвращения загрязнений окружающей среды на объектах мониторинга и(или) приведение оборудования в неисправное состояние (в негодность);
- 3) незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов, совершенный непосредственно на территории социально значимых объектов здравоохранения, учебных заведения и т.п. (и/или вблизи них), в местах массового скопления или проживания людей;
- 4) совершение вышеуказанных действий в течение восстановительного периода, например, периода реабилитации природных ресурсов и устранения последствий их истощения (в период исполнения

предписания государственного органа по устранению выявленных нарушений природоохранного законодательства).

Отметим такое отягчающее наказание обстоятельство по ст. 338 УК КНР, как «организованный характер преступления»² (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой). Например, когда виновный осознает, что у другого лица — соучастника(ов) преступления — отсутствует соответствующая лицензия на осуществление деятельности с отходами или опасными веществами (или превышены установленные в ней объемы), но передает ему (продолжает передавать) соответствующие вещества либо поручает осуществление таковой деятельности, приводящей к загрязнению окружающей среды КНР. Непосредственно в тексте нормы уголовного закона Китая — ст. 338 такой квалифицирующий признак состава преступления, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору отсутствует. Указанный признак, отягчающий наказание, содержится именно в разъяснениях УК «Поднебесной». Некая парадоксальность подобного положения дел обуславливается тем фактом, что в китайском уголовном праве соучастие в преступлении является самобытным институтом, нашедшим отражение в параграфе 3 в ст. 25–29 Общей части УК КНР, но не имеющим своего продолжения в закреплении в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР. Соответственно, совершение преступления по ст. 338 уголовного закона Китая следует рассматривать не в качестве квалифицирующего признака, а как обстоятельство, отягчающее наказание.

Следует отметить, что совершивший преступление, предусмотренное ст. 338 УК КНР, может быть освобожден от наказания при наличии следующих условий:

- принятие виновным своевременных и достаточных мер по предотвращению дальнейшего вреда окружающей среде;
- устранение последствий загрязнения окружающей среды;
- полное возмещение всех причиненных в результате загрязнения окружающей среды, убытков;
- активное способствование восстановлению окружающей среды,
- совершение преступления «впервые»;
- искреннее раскаяние виновного в содеянном.

Судебно-следственным органам рекомендуется в указанных случаях подробно исследовать целесообразность уголовного наказания виновного, а в случае отсутствия таковой, признать обстоятельства, содеянно-

го «незначительными» (в качестве некой параллели укажем на малозначительность в уголовном праве России). При нецелесообразности освобождения виновного от уголовного наказания следует рассматривать вышеуказанное поведение в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Заключение

Отличительная черта китайского уголовного права и правоприменительной практики в сфере противодействия экологической преступности — конститутивное значение разъяснительных актов, в частности, совместных толкований Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР. Именно уяснение их содержания определяет обоснованность и предиктивность квалификации по соответствующим уголовно-правовым нормам, поскольку именно в них, а не в нормах уголовного закона раскрываются факультативные (место или способ совершения преступления) и отдельные обязательные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК Китая. Подобным образом дело обстоит и с установлением возможности освобождения виновного от уголовного наказания по ст. 338 УК КНР, условия которого содержатся в вышеуказанных разъяснениях.

Исследуя уголовный закон и практику его применения в «Поднебесной», отметим ряд существующих концептуальных правовых различий от отечественного законодательства в сфере противодействия экологическим преступлениям. В частности, обязательный признак объекта преступления, предусмотренного ст. 338 уголовного закона КНР, не раскрывается через привычную в нашем понимании совокупность общественных отношений. Китайские криминалисты идентифицируют его как национальную систему защиты окружающей среды, определяющую некий порядок оборота соответствующих отходов и веществ. Интерес представляет и оценка совершения рассматриваемого преступного деяния в соучастии (например, в составе группы лиц по предварительному сговору). Так, в уголовном праве Китая соучастие в преступлении входит в состав института обстоятельств, отягчающих наказание, и не является квалифицирующим признаком состава преступления, как это принято в отечественной уголовно-правовой доктрине. При этом, чтобы правильно понимать, как квалифицируются экологические преступления в Китае, необходимо учитывать существующую в стране особую, специфическую систему толкований порядка применения соответствующих уголовно-правовых норм. Зачастую именно разъяснения компетентных государственных органов играют ключевую роль в формировании единообразной судебно-следственной практики, обеспечении точной квалификации посредством скрупулезного содержания признаков состава преступления.

² См., например, ст. 30, 31, 62 уголовного закона Китайской Народной Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толкование (разъяснения — авт.) Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды // «Фа»«Ши». № 29. 2016.
2. Протокол заседания (— авт.) Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции и Министерства экологии и окружающей среды по рассмотрению уголовных дел о загрязнении окружающей среды.
3. Совместное коммюнике (— авт.) Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности о дополнительных положениях о стандартах возбуждения и преследования уголовных дел, находящихся в ведении органов общественной безопасности от 27 апреля 2017 года.
4. Жалоба Дун Мучжэня. Дело Верховной народной прокуратуры КНР № 161. С. 412.
5. Наумов В.В., Щепотьев А.В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ // Вопросы российского и международного права. Том 15, № 2А, 2025. С. 592–602.
6. Наумов В.В. Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного с. 338 УК КНР) // Юридическая наука. № 6, 2025. С. 344–350
7. Робинсон П.Х., Даббер М.Д. Американский модельный уголовный кодекс: краткий обзор / Обзор новелл уголовного права. 2007. Том 10. № 3. С. 319–341.
8. Чжао Тяньхун. Преступления, связанные с воспрепятствованием правосудию и причинением ущерба окружающей среде / под ред. Национальной коллегии прокуроров КНР. Пекин: «China Legal Publishing House», 2022. 378 с.

© Наумов Вячеслав Викторович (crilaw@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ: ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

LEGAL ASPECTS OF REMOTE WORK REGULATION: GAPS AND CONTRADICTIONS

N. Orekhova

Summary. Remote employment of personnel is a popular form of labor organization in modern conditions. It requires certain conditions, which are associated with providing remote workplaces with the necessary information infrastructure, software, as well as equipment and opportunities for Internet communication. At the same time, many employees prefer to go to such employment, which contributes to the flexible organization of their work. Remote employment reached its peak in 2020, when more than 80 % of the workforce had to switch to this format due to the pandemic. However, it required the development of a new legal framework that takes into account the specific features and challenges of remote employment.

The article examines the gaps and contradictions in these issues, as they remain unresolved to this day, leading to legal disputes and the need for a new legal framework.

Keywords: remote employment, types, regulation, regulations, judicial practice, gaps, and contradictions.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. Удалённая занятость персонала является востребованной формой организации труда в современных условиях. Она требует соблюдения определённых требований, которые связаны с обеспечением удалённых рабочих мест необходимой информационной инфраструктурой, программным обеспечением, а также техникой и возможностями интернет-общения. При этом, в настоящее время многие сотрудники предпочитают такую форму занятости, что способствует гибкой организации их труда. Максимальное развитие удалённая занятость получила в 2020-м году, когда в результате пандемии covid-19 пришлось переводить на такой формат работы более 80 % персонала. Однако она потребовала разработки новой правовой базы, которая учитывает особенности и специфику трудовых отношений в дистанционном формате между работодателем и работником. В статье рассмотрены пробелы и противоречия в правовом регулировании этих отношений, поскольку до сих пор некоторые вопросы остаются до конца не решёнными, что становится предметом судебных разбирательств и требует проработки новой законодательной базы.

Ключевые слова: удаленная занятость, типы, регулирование, регламенты, судебная практика, пробелы, противоречия.

В настоящее время многие сотрудники работают в условиях удалённой занятости. Такой формат работы предполагает под собой отсутствие человека на стационарном рабочем месте и организации его занятости либо дома, либо в других условиях, где имеются возможности и условия для выполнения всего спектра функционала, возложенного работодателем на сотрудника [1].

Люди уезжают в другие города, страны, откуда организуют свою трудовую деятельность. Особенно такая деятельность свойственна работникам сферы информационных технологий, программирования, ведения социальных сетей, и многих других должностей [2].

При этом к сотрудникам предъявляются определённые требования, состав которых приведен на рисунке 1.

Как правило, организация дистанционного труда также сопровождается набором регламентов, состав которых приведен в таблице 1 [3].

Таким образом несмотря на то, что сотрудник фактически не посещает стационарное рабочее место, к нему

предъявляются те же требования, возлагаются функции, и он должен выполнять их согласно своей должностной инструкции. В этой системе также имеет место адаптация и качественная организация рабочего места [4].

Некоторые работодатели принимают участие в организации дистанционных рабочих мест, оснащая их необходимыми информационными системами, программным оборудованием, компьютерной техникой и офисной мебелью [5].

При этом сотрудники должны предоставлять отчётность по выполнению собственных трудовых обязанностей, а также принимать участие в программах обучения, предлагаемых организациями.

Кроме того, важным требованием дистанционной организации труда является выполнение поставленных задач в установленные сроки. Для этого сотрудники должны уметь планировать свое время и расставлять приоритеты, чтобы успевать выполнять задачи в срок.

Удаленная деятельность должна сопровождаться и развитием собственных навыков самоорганизации

- Установление четких часов работы, чтобы сотрудники знали, когда они должны быть доступны для общения и выполнения задач.

- Возможность гибкого графика, если это соответствует потребностям бизнеса и сотрудников.

- Регламентация форматов отчетности и частоты предоставления отчетов о выполненной работе.

- Использование инструментов для отслеживания задач и проектов (например, Trello, Asana, Jira).

Рис. 1. Требования, предъявляемые к сотрудникам, работающим в дистанционной форме
Источник: составлено автором

Таблица 1.
Регламенты по организации дистанционного труда сотрудников

Регламент	Содержание	Цели
1	2	3
Правила рабочего времени	Установление четких часов работы, гибкий график, правила о перерывах.	Обеспечение доступности сотрудников и управления рабочим временем.
Отчетность и мониторинг	Форматы и частота отчетов, использование инструментов для отслеживания задач.	Повышение прозрачности работы и ответственности сотрудников.
Коммуникационные каналы	Определение платформ для общения (Slack, Яндекс Телемост и др.), правила их использования.	Упрощение взаимодействия и уменьшение недопонимания.
Организация рабочего пространства	Рекомендации по организации рабочего места, требования к технике и интернету.	Обеспечение комфортных условий для работы.
Онбординг новых сотрудников	Программы адаптации, обучение и наставничество.	Помощь новым сотрудникам в интеграции в команду.
Психологическая поддержка	Доступ к ресурсам по управлению стрессом и поддержке психоэмоционального состояния.	Снижение уровня стресса и предотвращение выгорания.

Регламент	Содержание	Цели
1	2	3
Политики безопасности	Правила по защите конфиденциальной информации	Обеспечение безопасности данных и предотвращение утечек информации.
Управление доступом	Определение прав доступа к системам и ресурсам в зависимости от роли сотрудника.	Защита информации и контроль за доступом к ресурсам.
Оценка производительности	Критерии оценки эффективности работы, регулярная обратная связь.	Повышение мотивации и улучшение качества работы.

Источник: составлено автором по [3]

труда, что позволит эффективно управлять рабочим временем и избегать его потерь [6].

Исходя из сказанного, особенность дистанционной организации труда заключается именно в успешном распределении временных приоритетов, качественном выполнении поставленных задач, а также формировании четкой системы коммуникации, самоорганизации, гибкости и ориентированности на результат. Кроме того, дистанционный формат труда регулируется на законодательном уровне.

Начиная с 2021 года вступили в силу изменения трудового законодательства в части совершенствования правового регулирования дистанционной работы — Федеральный закон от 08.12.2020 №407-ФЗ «О внесении

изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы» (далее — Закон об удаленной работе) [7].

В настоящее время эти вопросы регулирует статья 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации. Данная норма определяет права и обязанности работников, которые трудятся в удалённом формате, виды такой занятости, а также особенности оформления трудовых отношений.

Согласно этому документу, работодатель не может в одностороннем порядке отменить удалённый формат трудовой деятельности, а договорённость о дистанционном характере работы может быть устной. Кроме того, работодатели могут определить в трудовом договоре условия местонахождения сотрудника, согласно которых, например, человек не может выезжать за границу или на дальние расстояния от нахождения офиса работодателя.

Также необходимо согласовывать изменение места трудовой деятельности, поскольку проживающие в районах Крайнего севера получают более высокие доплаты к основному окладу.

Трудовым договором регулируются расходы, которые несёт сотрудник при организации собственного рабочего места, а также ответственность за нарушение конфиденциальности его трудовой деятельности и разглашение информации и персональных данных.

Трудовым законодательством урегулированы и другие вопросы, связанные с дистанционным трудом, описание которых приведено в таблице 2.

Таблица 2.
Основные вопросы регулирования удалённой занятости ТК РФ

Положение	Описание	Статья ТК РФ
Синонимы «дистанционная работа» и «удаленная работа»	Понятия «дистанционная работа» и «удаленная работа» признаны синонимами, что устраняет путаницу в документообороте и разъяснениях.	312.1
Определение «дистанционный работник»	Дистанционный работник — это лицо, выполняющее работу и взаимодействующее с работодателем не только через интернет, но и с помощью телефонных звонков, мессенджеров, SMS и т.п.	312.1
Порядок заключения договоров	Установлен порядок заключения трудовых договоров и допсоглашений без личного присутствия работника, с использованием квалифицированной электронной подписи.	312.3

Положение	Описание	Статья ТК РФ
Регулирование режима работы и отдыха	Работодатель устанавливает режим труда и отдыха дистанционных работников в локальных нормативных актах, что немного ужесточает условия по сравнению с прежними нормами.	312.4
Оплата рабочего времени на переписку	Время взаимодействия дистанционного работника с работодателем (совещания, передачи поручений) включается в рабочее время и подлежит оплате.	312.4
Зарплата не снижается	Выполнение трудовой функции дистанционно не является основанием для снижения заработной платы работника.	312.6
Перевод на удаленную работу по распоряжению губернаторов	Перевод работников на удаленную работу в условиях пандемии не требует их согласия и внесения изменений в трудовые договоры.	312.9
Обеспечение оборудованием	Работодатель обязан обеспечить работника необходимым оборудованием для удаленной работы и обучить его. При отсутствии оборудования работник направляется в простой с оплатой 2/3 оклада.	312.9
Компенсация за использование собственного оборудования	Вопрос о компенсации за использование работником собственного оборудования и программных средств не четко регламентирован. Работодатель выплачивает компенсацию только с согласия работника.	312.6
Максимально допустимый срок временной удаленной работы	Обсуждается вопрос о шестимесячном сроке временной удаленной работы, установленном по соглашению сторон. Неясно, что происходит после истечения этого срока, если работник продолжает трудиться удаленно.	312.1

В целом, большинство вопросов в отношении дистанционной занятости оптимально урегулированы законодателем, но при этом ряд из них остаются не до конца проработанными, о чем свидетельствует обширная судебная практика.

Разногласия наблюдаются в вопросах увольнения сотрудников, занятых дистанционно. Также до конца нерешенными остаются вопросы, связанные с обязанностью компенсации работы сотрудникам, работающим

в удаленном формате, за выходные дни. Не проработан и порядок отмены «удаленки» в одностороннем порядке и увольнения за утрату взаимодействия с работодателем.

Рассмотрим более подробно.

Так, в одном из судебных решений, сотрудник, более трёх лет выполнял свои обязанности в удалённом формате. При этом, соглашение о переводе на дистанционный труд не было подписано работодателем. Происходил обмен электронными документами и велась рабочая переписка. В результате сотрудник был уволен за прогул за неявку в офис в течении одного дня. Судебная коллегия по гражданским делам приняла решение в пользу сотрудника, пояснив, что переход на «удалёнку» состоялся при взаимном согласии между сотрудником и работодателем в устном формате, в результате чего отсутствие человека в офисе прогулом считать нельзя. Согласно закону, сотрудник может быть уволен работодателем, если он в течение двух рабочих дней не ответит на его сообщения [8]. Если компания уведомит сотрудника об увольнении посредством электронного распоряжения, она должна предоставить и бумажную копию этого документа в течение трёх рабочих дней. Поэтому в настоящее время уволить сотрудника по причине прогула его основной деятельности достаточно проблематично.

Следующая группа споров связана с вопросами компенсаций работы за выходные.

Так, в одном из судебных решений сотрудник отмечал, что ему предоставлялись устно и письменно срочные поручения в выходные дни и праздники, однако работа за них не была компенсирована в повышенном размере [9].

Суд не признал, что работник был привлечен к труду в выходные дни, а работодатель предоставлял задачи для выполнения в выходные праздничные дни. Также в трудовом договоре не были установлены обязанности выполнять данные поручения незамедлительно, а значит понуждения делать их в выходной день не было.

В трудовом договоре с сотрудниками, которые работают в выходной или праздничный день на удалённом режиме, должны быть указаны конкретные размеры оплаты за это время, либо предоставление ему другого дня. Также при привлечении сотрудника к работе в праздничные и выходные дни работодатель обязан издавать соответствующее распоряжение, даже если сотрудник работает в дистанционном формате. Если сотрудник не дает согласие на выполнение такой работы, либо в договоре не приведены условия о незамедлительном выполнении всех распоряжений руководителя, выполненная работа по срочному поручению работодателя компенсации не подлежит.

Следующая группа судебных споров, возникающих в процессе организации удалённого труда связана с отменой этого формата трудовой деятельности. В одностороннем порядке отмена «удаленки» работодателем происходить не может [10]. В то же время если работодатель доказывает организационные и технологические изменения, которые требуют присутствия сотрудника на стационарном рабочем месте, то возврат на этот режим может быть исполнен.

Так, согласно ст.74 Трудового кодекса данные изменения могут производиться по инициативе работодателя. Однако следует приводить причины, которые доказывают потребность организации в стационарном присутствии сотрудника.

В одном из судебных дел работодатель для оптимизации рабочего процесса внёс коррективы в трудовой договор, исключая возможность сотрудника работать в дистанционном формате. При этом он был уведомлен о данных изменениях. В частности, ему было письменно сообщено, что через два месяца условия возможности дистанционного характера работы будут исключены [11]. Сотрудника это не устроило, он не перешёл на стационарный формат трудовой деятельности и был уволен по статье 77-й Трудового кодекса РФ. Однако, судом действия работодателя были признаны незаконными. Осуществляемая сотрудником трудовая функция в офисе не требовала его личного присутствия, а оснований для изменения условий трудового договора не возникало.

При этом не всегда принимаются подобные решения. Так Кемеровский областной суд признал незаконными действия работодателя, который решил определить место работы дистанционного сотрудника по месту нахождения организации [12]. Работодатель доказал это потребностью в оптимизации нагрузки на подразделения и должностных лиц, в связи с чем были перераспределены обязанности между структурными подразделениями в целях ускорения оперативного взаимодействия. Поэтому следует отметить противоречие некоторых аспектов судебной практики, а также отсутствие единого мнения судей по данному вопросу.

Представленные примеры доказывают, что в настоящее время вопросы дистанционной занятости в правовом аспекте остаются не до конца проработанными. Отсутствует единство в судебной практике, имеют место некоторые коллизионные моменты, а также появляются новые вопросы, требующие дополнительного рассмотрения и регулирования на законодательном уровне.

В частности, следует выделить следующие наиболее значимые проблемы в рассматриваемой сфере:

1. Несогласованность и разнообразие принимаемых решений судами в отношении увольнения дистанционных работников.

2. Отсутствие норм, определяющих ответственность дистанционных работников за невыполнение собственных трудовых обязанностей в результате технических неполадок, других причин, независящих от них, что приводит к невозможности выполнения трудовых функций в определенное время.
3. Невозможность установления режима рабочего времени дистанционным работникам по собственному усмотрению, в связи с чем они злоупотребляют и уклоняются от добросовестного выполнения трудовых функций.
4. Недостаточная формулировка в Трудовом кодексе РФ оснований увольнения дистанционных работников, что существенно осложняет процедуру увольнения недобросовестных сотрудников

и оставляет возможности злоупотребления данным правом.

5. Отсутствие специальных норм о возможности контроля работодателя за трудовой деятельностью по дисциплине труда.

Указанные проблемы необходимо решать путём внесения соответствующих изменений и разъяснений в Трудовой кодекс РФ, а также качественной проработки трудовых договоров, заключаемых между работником и работодателем. Всё это будет содействовать качественной организации труда сотрудников, работающих в дистанционном формате, высокой производительности их трудовой деятельности и взаимной удовлетворённости результатами труда работодателей и самих работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янков К.В. ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ И ПРОГНОЗИРОВАНИЮ УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ // Проблемы прогнозирования. 2021. №4 (187). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izmereniyu-i-prognozirovaniyu-udalennoy-zanyatosti> (дата обращения: 16.07.2025).
2. Закиров И.В. Дифференциация регионов России по численности аспирантов (2005–2021 гг.) / И. В. Закиров, С. Ю. Орехов // Московский экономический журнал. — 2023. — Т. 8, № 2. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50357144> (Дата обращения: 03.07.2025г.)
3. Приказ Роструда от 11.11.2022 N 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440271/a085d4b2ce8cc5b1214984cfe305c1291f5013ec/ (Дата обращения: 03.07.2025г.)
4. Залогина, В.А. Удаленная занятость / В.А. Залогина // Региональное развитие: экономика и социум. Взгляд молодых исследователей: Материалы симпозиума в рамках XVII (XLIX) Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Образование, наука, инновации — вклад молодых исследователей», Кемерово, 19–30 апреля 2022 года. Том Выпуск 23. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. — С. 293–296.
5. Рачкевич, В.А. Теоретические аспекты изучения удаленной занятости / В.А. Рачкевич // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 09–10 ноября 2023 года. — Гомель: Редакция газеты «Гомельская пражда», 2023. — С. 40–42.
6. Минаков А.В. Актуальные аспекты оценки эффективности управления государственным внешним долгом Российской Федерации как важного условия обеспечения экономической безопасности / А.В. Минаков // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 9-2(62). — С. 66–68.
7. Закон РФ №407-ФЗ от 08.12.2020 г. О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временно-го перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях// <https://sharan.bashkortostan.ru/documents/active/331573/> (Дата обращения: 03.07.2025 г.)
8. Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2024 г. по делу N 8Г-21860/2024[88-27727/2024]// <https://base.garant.ru/341858935/> (Дата обращения: 03.07.2025 г.)
9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 23 марта 2020 г. по делу N 33-749/2020// <https://www.garant.ru/article/1795216/> (Дата обращения: 03.07.2025 г.)
10. Прохорова, М.П. Изменение требований к профессиональным качествам работников в условиях удаленной занятости / М.П. Прохорова, А.А. Шкунова, Д.В. Седых // Наука Красноярья. — 2021. — Т. 10, № 2-3. — С. 124–129.
11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Мурманского областного суда от 23 мая 2019 г. по делу N 33-1584/2019// <https://base.garant.ru/308484444/> (Дата обращения: 03.07.2025 г.)
12. Апелляционное определение СК по гражданским делам Кемеровского областного суда от 18 мая 2017 г. по делу N 33-4529/2017// <https://sudact.ru/regular/doc/GM623z0DzgdQ/> (Дата обращения: 03.07.2025 г.)

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУДОВЫЕ ПРАВА ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: РЕАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА

LABOR RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES: IMPLEMENTATION AND PROTECTION

N. Orekhova

Summary. The International Convention on the Rights of Persons with Disabilities has been ratified in the Russian Federation since 2012. Among the main provisions of this document were the issues of their education, work and socialization in society, largely determined by the structure of defects, the possibilities of damaged and preserved body functions. In recent years, understanding the problems of organizing the work of people with disabilities has received particularly high attention not only from the Government of the Russian Federation, but also from the public. This has determined the need to reform and create an effective legal framework governing the labor rights of persons with disabilities. The purpose of the article is to analyze the processes of realization and protection of labor rights of persons with disabilities, as well as their employment.

Keywords: labor rights, people with disabilities, legal regulation, opportunities, protection.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В Российской Федерации, начиная с 2012 года была ратифицирована Международная конвенция о правах лиц с ограниченными возможностями здоровья. Среди основных положений данного документа находились вопросы их образования, труда и социализации в обществе, во многом определяемые особенностями здоровья, возможностей поврежденных и сохранных функций организма. В последние годы пониманию проблем организации труда людей с инвалидностью уделено особенно высокое внимание не только со стороны Правительства Российской Федерации, но и общественности. Это определило потребность в реформировании и создании эффективной правовой базы, регулирующей трудовые права лиц с ограниченными возможностями.

Цель статьи заключается в анализе процессов реализации и защиты трудовых прав лиц с ограниченными возможностями, а также их трудоустройства.

Ключевые слова: трудовые права, люди с ограниченными возможностями здоровья, правовое регулирование, возможности, защита.

Пониманию проблем в реализации трудовых прав людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) уделяют внимание правительства многих развитых стран, опираясь на международную правовую базу. На уровне ООН урегулированы вопросы, связанные с соблюдением прав людей с ОВЗ в Конвенции, принятой в 2006 году. Данный документ определяет критерии отнесения людей к этой категории, определяя их как лиц, не обладающих способностью самостоятельно обеспечивать (полностью или частично) потребности нормальной личной и (или) социальной жизни в силу наличия определённого недостатка в организме, который является врождённым либо приобретённым, а также ограничения физических или умственных возможностей [1].

Согласно Конвенции, граждане с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в Российской Федерации включены в отдельную категорию социальной защиты, учитывая их потребности в трудоустройстве. В свою очередь, Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2], к таким лицам относит граждан, которые имеют серьёзные нарушения здоровья, проявляющиеся в стойких расстройствах конкретных функций организма. Такие нарушения являют-

ся либо врожденными, либо следствием заболеваний, травм или дефектов, приводящих к ограничениям функций жизнедеятельности людей, что и определяет потребность в обеспечении им дополнительных гарантий в сфере социальной защиты.

Люди с ОВЗ обладают правами, обеспечивающими их жизнедеятельность. Одним из таких прав является возможность трудоустройства и ведения трудовой деятельности.

Управление трудовой занятостью людей с инвалидностью включено в общую систему управления трудовыми отношениями, нацеленную не только на урегулирование отношений между работодателем и работником, но и формирование слаженной системы трудоустройства граждан этой категории [3].

Трудоустройство лиц с ОВЗ в Российской Федерации осуществляется Федеральной службой по труду и занятости населения. Основным документом, в соответствии с которым выстраивается работа региональных центров занятости является Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023

№ 565-ФЗ (последняя редакция), который определяет такие элементы рынка труда, как, занятость граждан, занятые граждане, порядок и условия признания граждан безработными, подходящая и неподходящая работа и ряд других критериев, связанных с трудоустройством людей с ОВЗ [4]. Данным законом установлено, что служба занятости нацелена на регламентирование системы мер по обслуживанию лиц, получивших статус безработных.

Особое внимание центры занятости уделяют лицам с ограниченными возможностями. С этой целью они содействуют трудоустройству граждан этой категории и контролируют соблюдение прав людей с ОВЗ при организации трудового процесса, недопущения дискриминации и нарушения законных права на ведение трудовой деятельности [5]. В Российской Федерации разработан институт квотирования, согласно которого каждый работодатель, среднесписочная численность работников которого составляет не более 35 человек, должен организовать установленное законом количество рабочих мест для людей с ограничениями по здоровью [6].

Регулирование порядка расчёта квоты для приема на работу инвалидов осуществляется в соответствии с требованиями Закона «О занятости населения» [6], а не Закона «О социальной защите инвалидов» [4], как это было ранее. Данный порядок определили Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Статья 13.2 «Установление квоты для приема на работу инвалидов» Закона № 219-ФЗ, раскрывает наиболее значимые вопросы в сфере содействия государственных органов власти и коммерческого сектора страны занятости инвалидов [7].

Закон устанавливает численность работников, которая принимается для целей расчета квоты в процессе трудоустройства инвалидов. Она рассчитывается исходя из среднесписочной численности работников. При этом в расчет не включаются сотрудники филиалов и представительств работодателя, которые расположены в разных субъектах РФ. В свою очередь, работодатели рассчитывают квоту для трудоустройства инвалидов в филиалах и представительствах согласно законодательству субъектов Российской Федерации, на территории которых они ведут производственно-коммерческую деятельность. В целом, квота рассчитывается исходя из средней численности сотрудников филиалов и представительств организации.

Законодательство в области соблюдения трудовых прав граждан с ограничениями по здоровью регулярно

обновляется. Так, в 2023 году Минтрудом РФ был разработан порядок организации трудовой деятельности для граждан с инвалидностью, учитывающий необходимость сопровождения таких кадров [8].

Новый механизм дает возможность людям с ограниченными возможностями здоровья на профессиональную реализацию, успешную социализацию и получение дополнительного заработка, что существенно повышает качество их жизнедеятельности. Установленные правила нацелены на тех, кто имеет желание трудиться, но не обладает возможностями справиться с этой задачей самостоятельно из-за особенностей здоровья. Каждому такому работнику назначается персональный наставник, который оказывает поддержку, как в освоении трудовых навыков, так и в реализации профессиональных задач. В каждом субъекте РФ есть органы исполнительной власти, которые контролируют выполнение данной программы. Они проводят проверки, учитываются ли индивидуальные особенности здоровья работников, используются ли рекомендации реабилитационных программ [9].

Для работников с тяжелой формой инвалидности на предприятиях должны быть адаптированы рабочие места с учетом потребностей, связанных с нарушениями здоровья граждан. Такого работника должен сопровождать наставник, имеющий опыт и учитывающий особенности здоровья человека. Он может быть, как сотрудником с того же предприятия, где работает человек в ОВЗ, так и представителем другой организации. Например, специалист из некоммерческой организации, ориентированной на социальную помощь, работающей в области комплексной реабилитации и абилитации людей с инвалидностью.

В целом стоит отметить значимость государственного регулирования сферы занятости людей с ОВЗ в Российской Федерации, поскольку оно позволяет грамотно распределить трудовые потоки и не допустить массовой безработицы в том или ином регионе. В тоже время, данная политика позволяет более быстро найти работу выпускникам учебных заведений, людям с инвалидностью и другим уязвимым группам, которые испытывают сложности в трудоустройстве. В тоже время, в процессе выполнения трудовых функций лица с ОВЗ нуждаются в определенных условиях и не допущении фактов

В зависимости от степени утраты трудоспособности работникам с ОВЗ установлены конкретные льготы, которые установлены приказом Минтруда № 585 [10].

Особенности заключения трудового договора определены в ст. 59 Трудового кодекса РФ [11]. Так, граждане, которые имеют ограничения по здоровью должны предоставить соответствующее медицинское заключение,

которое доказывает, что человек может выполнять трудовые функции в рамках свободной вакансии.

Также должна быть предоставлена индивидуальная программа реабилитации и абилитации, которая позволит определить условия труда, способствующие эффективной организации трудовой деятельности инвалида. В данной программе содержатся мероприятия по социальной профессиональной адаптации, согласно которой работодатель принимает решение о рабочем месте, на котором будет трудиться человек с ограничением по здоровью. Если индивидуальная программа не предоставляется, то человек может быть принят на работу без гарантии для этой группы лиц.

Кроме того, сотрудникам с ОВЗ предоставляется ряд гарантий, описание которых приведено в таблице 1.

Таблица 1.

Льготы, предоставляемые работодателями лицам с ОВЗ

Права и льготы	Ссылка на законодательство
Специальное рабочее место в соответствии с ИПРА	Ст. 39 Закона № 565-ФЗ
Стандартный налоговый вычет:	
— 3000 руб.	(пп. 1 п. 1 ст. 218 НК РФ)
— 500 руб.	(пп. 2 п. 1 ст. 218 НК РФ)
Условия труда в соответствии с ИПРА	Ст. 216.1 ТК РФ, ст. 40 Закона № 565-ФЗ
Сокращенная продолжительность рабочего дня или смены	Ст. 94 ТК РФ
Сокращенная продолжительность рабочей недели	Ст. 92 ТК РФ
Ежегодный оплачиваемый отпуск в размере 30 дней	Ст. 115 ТК РФ
Отпуск без содержания до 60 дней в году	Ст. 128 ТК РФ
Привлечение к командировкам, сверхурочным работам, работе в выходные дни и ночное время только с письменного согласия и при условии, что такие работы не запрещены инвалиду по состоянию здоровья	Ст. 96 ТК РФ, ст. 99 ТК РФ, ст. 113 ТК РФ, ст. 167 ТК РФ
Сохранение заработка при переводе на нижеоплачиваемую работу	Ст. 182 ТК РФ

Каждое условие закрепляется в трудовом договоре с сотрудником, также с ним заключается дополнительное соглашение к трудовому договору, в котором согласовываются условия, связанные с особенностями здоровья работника.

Человеку с ОВЗ создается специальное рабочее место (СРМ), которое должно быть оборудовано под его индивидуальные потребности и соответствует требованиям таких мест, установленным Приказом Минтруда № 685 [12]. Так, если сотрудник передвигается в коляске, то ему необходимо обеспечение пространства для разворотов этой коляски и её перемещения.

В то же время, слабовидящий сотрудник должен иметь возможность работы со специальными программами и клавиатурой Брайля. При этом все специальные рабочие места организуются за счёт средств работодателя.

Отдельным вопросом в организации труда лиц с ОВЗ является сокращенное рабочее время, которое положено определённым категориям таких граждан. Так инвалиды 1 и 2 групп могут работать не более 35 часов в неделю, эта норма закреплена в ст. 92 Трудового кодекса Российской Федерации, либо им должна быть компенсирована переработка при работе в формате 40-часовой рабочей недели [11].

Сокращенная продолжительность рабочей недели устанавливается для людей с третьей группой инвалидности, только если это установлено ИПР. Инвалидам предоставляется дополнительный отпуск, который составляет 30 дней либо отпуск без сохранения заработной платы до 60 дней в году. Эти гарантии независимо от группы инвалидности должны предоставляться автоматически даже если это не указано в индивидуальной программе реабилитации.

Стоит подчеркнуть, что отдельная категория людей с ограниченными возможностями здоровья имеет право на дополнительные отпуска. К примеру лица, принимавшие участие в ликвидации чернобыльской аварии и радиации на реке Теча имеют право ещё на 14 оплачиваемых дней за счёт социального Фонда России [10].

Отдельный вопрос регулирует работу инвалидов в выходные и праздничные дни. В этом случае они должны быть письменно уведомлены о праве на отказ, а если сотрудник согласился, то данный факт должен быть задокументирован в соответствующем акте.

Кроме того, подобная работа не должна быть противопоказана инвалиду, что указано в заключении о состоянии его здоровья.

Определённые гарантии предоставляются инвалиду и при переводе на другую работу. Для этого необходимо письменно согласие сотрудника, о чем говорит ст. 73 Трудового кодекса РФ [11]. Если сотрудник отказывается от другой должности, а вакансии, соответствующей его трудоспособности нет, он может быть временно отстранен от работы.

Уволен работник с ОВЗ может быть только по статье 77 Трудового кодекса Российской Федерации при отсутствии подобной вакансии в течение четырёх месяцев. Также, при переходе на низко оплачиваемую работу инвалидам гарантируется выплата последнего заработка по прежней должности в течение первого месяца. Но если человек не может трудиться в связи с потерей полной трудоспособности, то с ним может быть прекращен трудовой договор согласно ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации [11].

Нарушение прав инвалидов в области организации трудовой деятельности является административным правонарушением и влечёт наказание для работодателей, согласно ст. 5.42 Кодекса Российской Федерации [13].

Несмотря на слаженную нормативную правовую базу, регламентирующую трудовые права людей с ОВЗ, в настоящее время имеют место случаи нарушения этих прав, о чем свидетельствует обширная судебная практика.

Работники с ОВЗ сталкиваются с ситуациями, когда им не доплачивают за переработку, превышающую 30 часов в неделю, что нарушает установленные нормы [14].

Увольнение лиц с ОВЗ без соответствующей компенсации также является распространенной ситуацией. Работодатели нередко игнорируют необходимость предоставления компенсаций, что приводит к судебным разбирательствам [15].

Отказ в приеме на работу по квоте инвалида — одна из наиболее частых причин судебных разбирательств. При этом зачастую суды встают на сторону работодателя, поскольку трудоустройство не носит дискриминационного характера, а связано с качествами соискателя [16]. Однако, в этой ситуации причина отказа должна чётко быть прописана в направлении от центра занятости, а сотрудник, который проводил собеседование с соискателем с ОВЗ, должен быть уполномочен на данное решение. Также необходимо фиксировать все документы, которые представил соискатель, в этой связи работодатель может ссылаться, например, на недоста-

точность стажа, несоответствие профессии заявленной вакансии.

Множество работодателей сталкиваются с проблемами в организации рабочих мест для инвалидов. Не каждая организация может позволить себе создать специальное рабочее место, что формирует определённый дисбаланс между потребностями инвалидов и возможностями работодателей. Поэтому разработанная система квотирования не всегда учитывает реальную ситуацию на рынке труда. Ряд организаций имеют более высокий потенциал для трудоустройства людей с ОВЗ, в то время как другие, не могут обеспечить рабочие места для этой категории граждан в связи финансовым положением или с тяжелыми условиями трудовой деятельности.

Поэтому требуется разработка более эффективного механизма распределения квот, который будет учитывать потребности инвалидов и возможности работодателей.

Для улучшения ситуации с трудоустройством людей с ОВЗ необходимо реализовать следующие направления:

- разработать более гибкие нормы, учитывающие реальные условия труда и возможности работодателей.
- принять на законодательном уровне дополнительные налоговые льготы или субсидии для организаций, создающие рабочие места для инвалидов.
- разработать эффективный и сбалансированный механизм распределения квот на трудоустройство инвалидов, учитывая специфику каждой организации.

Таким образом, в настоящее время трудовые права людей с ограниченными возможностями здоровья в РФ защищены на законодательном уровне, однако имеется и множество препятствий, которые не позволяют эффективно их реализовать. Для достижения качественных изменений необходим комплексный подход законодателя к созданию эффективных механизмов квотирования. Только так возможно обеспечить достойные условия труда и для людей с ОВЗ, ускорить их социальную интеграцию и улучшение качества жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция ООН о правах инвалидов. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года № 61/106. Ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 февраля 2013 г., № 6, ст. 468.
2. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (Дата обращения: 05.07.2025)
3. Орехов С.Ю. Некоторые вопросы совершенствования городского пассажирского транспорта Калининграда / С.Ю. Орехов // Молодой ученый. — 2022. — № 50(445). — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50017380> (дата обращения: 17.07.2025).
4. Федеральный закон от 12.12.2023 N 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) О занятости населения в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-12122023-n-565-fz-o/> (дата обращения: 05.07.2025)
5. Минаков А.В. Актуальные аспекты оценки эффективности управления государственным внешним долгом Российской Федерации как важного условия обеспечения экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 9-2(62). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=umkxmh&ysclid=md7ct1dggl183513826> (дата обращения: 17.07.2025).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 2401-р Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409520665/> (дата обращения: 05.07.2025)
7. Федеральный закон от 28.06.2021 г. № 219-ФЗ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388474/ (Дата обращения: 05.07.2025)
8. Приказ Минтруда России от 09.08.2023 N 652н «Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.10.2023 N 75721) // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=458444/> (Дата обращения: 05.07.2025)
9. Козаченко О.В. Трудоустройство инвалидов как одна из социальных проблем // Вестник магистратуры. 2021. №6-3 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudoustroystvo-invalidov-kak-odna-iz-sotsialnyh-problem> (дата обращения: 17.07.2025).
10. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 17.07.2025).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 17.07.2025).
12. Приказ Минтруда России от 18.04.2017 N 365н (ред. от 17.12.2019) Об утверждении Порядка обмена информацией между территориальными органами Пенсионного фонда Российской Федерации и уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в целях установления социальных доплат к пенсии (Зарегистрировано в Минюсте России 11.05.2017 N 46670) // <https://sudact.ru/law/prikaz-mintruda-rossii-ot-18042017-n-365n/> (дата обращения: 17.07.2025).
13. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) // <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 17.07.2025).
14. Письмо № 14-2/ООГ-3899 от 30.05.2019 Об установлении работнику — инвалиду (I или II группы) ненормированного рабочего дня // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72196642/> (дата обращения: 17.07.2025).
15. Решение № 2-410/2020 2-410/2020~М-188/2020 М-188/2020 от 18 мая 2020 г. по делу № 2-410/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/6PDMxtRmqFHI/> (дата обращения: 17.07.2025).
16. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 по делу N 88-19424/2024 (УИД 50RS0042-01-2022-009074-52 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=176864#mQ6WCrUmUeLVibZE2> (дата обращения: 17.07.2025).

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РИСКОВ НИОКР ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ БУРЕНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И НАКЛОННО-НАПРАВЛЕННЫХ СКВАЖИН

DEVELOPMENT OF A MODEL FOR R&D RISK ASSESSMENT OF HIGH-TECH EQUIPMENT FOR DRILLING HORIZONTAL AND DIRECTIONAL WELLS

A. Pechenkin

Summary. The article defines four groups of basic requirements. Presented by ten stages of R&D implementation. A risk assessment model is proposed. Linguistic variables and weighting coefficients are defined.

Keywords: R&D, risk, additive-multiplicative, linguistic, method.

Печенкин Алексей Владимирович

Аспирант, Самарский государственный
экономический университет
pechenkin.aleksey@yandex.ru

Аннотация. В статье определены четыре группы основных требований. Выделено десять этапов реализации НИОКР. Предложена модель оценки рисков. Определены лингвистические переменные и весовые коэффициенты.

Ключевые слова: НИОКР, риск, аддитивно-мультипликативная, лингвистическая, метод.

Исучая существующие этапы и результаты разработок телеметрического оборудования компаниями малого и среднего бизнеса для проводки наклонных и горизонтальных скважин, были определены следующие недостатки:

1. Отсутствие управления требованиями и четкого процесса их формирования;
2. Неоднократные доработки оборудования по итогам натурных испытаний или полная смена концепции разработки;
3. Отсутствие единого стандарта отрасли и как следствие ограниченный функционал новых разработок при использовании полного комплекса высокотехнологичного оборудования;
4. Низкая надежность оборудования и как следствие высокая стоимость нормо-часа и низкая рентабельность;
5. Отсутствие или низкий уровень разработки научно-методического аппарата проводимых разработок;
6. Ограниченное использование цифрового моделирования и испытания оборудования;
7. Отсутствие взаимодействия с научными институтами при наличии кадрового (научного) и технологического дефицита в компаниях.

Выявлены недостатки говорят о низком уровне долгосрочного планирования и низкой оценки рисков на каждом этапе НИОКР. Одной из проблем в оценке рисков является рассмотрение НИОКР по «Приложение А (справочное). Типовые этапы выполнения прикладных научно-исследовательских работ». [1]

Принимая во внимание международный опыт по реализации сложных технических проектов, было предложено использование метода «Разработки основных требований» при формировании стадий проекта.

Данная методика призвана оптимизировать процессы по следующим направлениям:

- формирование и корректировка требований на каждом этапе в рамках долгосрочного планирования (совместная работа с будущими разработками);
- организация процесса выпуска технической документации;
- моделирование, оценка и анализ принятых требований с оценкой рисков и экономических затрат включая затраты на все виды испытаний;
- поиск компромиссных требований из множеств сформированных требований по ключевым показателям (срок, стоимость, надежность).

Изучив особенности оборудования и ведения работ в сервисных компаниях нефтегазовой отрасли, предлагаем опередить четыре группы требований:

1. **Первая группа — технические требования, предъявляемые к электронным компонентам, программному обеспечению и корпусным элементам.** К ней относятся технические требования позволяющие обеспечить необходимые условия эксплуатации и замер и передачу данных, с заданной погрешностью и скоростью.
2. **Вторая группа — требования по наработке на отказ.** К ним относятся требования по обеспе-

чению минимального временного интервала непрерывного выполнения работ для достижения экономического эффекта от его использования

3. **Третья группа — требования по эксплуатации и сервисному обслуживанию.** К данной группе относятся требования по подготовительным работам, уровням технического обслуживания, а также требования к стоимости сервисного обслуживания.
4. **Четвертая группа — аварийные условия эксплуатации.** К данной группе относятся требования к эксплуатации оборудования в аварийных ситуациях. А также требования к извлечению оборудования из скважины, как для предотвращения экологических последствий (извлечение радиоактивного источника), так и для снижения экономических затрат при строительстве скважины.

С учетом вышеизложенных предложений и методики, предлагаем сформировать десять этапов реализации НИОКР при разработке телеметрического оборудования для нефтесервисных компаний.

1. **Первый этап — Формирование концепция будущего НИОКР.** К нему углубленный анализа и детального изложения идеи проекта с учетом долгосрочного планирования на 10 лет.
2. **Второй этап — разработка технического задания проекта.** На данной стадии происходит формирования технических, технологических, геометрических характеристик с учетом требований динамики развития отрасли разрабатываемого оборудования включая эксплуатационные требования и требуемые экономические показатели.
3. **Третий этап — декомпозиция.** Включает разбиение сложного технического устройства на отдельные блоки с формированием отдельных технических задания для каждого блока.
4. **Четвертый этап — разработка методик.** Данный этапа предусматривает разработку методик, необходимых для достижения необходимых результатов проекта.
5. **Пятый этап — разработка конструкторской документации.** Данная стадия включает разработку всей документации согласно ЕСКД, а также компьютерное моделирование и программную проверку всех узлов разрабатываемого оборудования, включая компьютерное моделирование.
6. **Шестой этап — изготовление опытного образца.** Данный этап включает разработку технологических карт по изготовлению проекта. Также разрабатываются заказ-наряды на изготовления деталей у подрядных организаций в случае отсутствия технической возможности и закупка материалов.
7. **Седьмой этап — проведение комплекса испытаний.** Этап проведения всех необходимых

испытаний (лабораторные, стендовые, цеховые, с использованием специальных прочностных компьютерных программ).

8. **Восьмой этап — натурные испытания.** Этап проведения натурных испытаний в рабочих условиях с максимальной регистрацией всех параметров эксплуатации.
9. **Девятый этап — корректировка документации и доработка опытного образца.** Включает в себя углубленный анализ полученных результатов испытаний с внесением изменений в чертежи, используемые материалы, электронные компоненты, с последующей доработкой опытного образца.
10. **Девятый этап — Серийное производство.** Этап подготовки запуска производства и получения всей необходимой документации (сертификаты, разрешения, паспорта, регистрация ТУ и т.д.) для использования продукции в нефтегазовой отрасли.

Предложенные этапы позволяют более детально контролировать процесс реализации НИОКР, но необходимо качественно оценивать риски на каждом этапе.

Основной метод оценки рисков, который применяется при разработке высокотехнологичного оборудования на данном этапе развития технической отрасли являются; статистический метод; метод аналогий; метод экспертных оценок и комбинированный метод.

Изучая взаимосвязь объемов в инвестиционные разработки полученной прибыли среди крупных нефтяных компаний, а также среди компаний малого и среднего бизнеса, выявлено отсутствие взаимосвязи. Это говорит о низком качестве проводимых НИОКР и отсутствии стратегии развития отрасли. [7]

Предлагаю использовать аддитивно-мультипликативную модель оценки рисков, где каждый этап будет приравнен к группе рисков и вероятность между группами риска будет рассчитываться по мультипликативному сценарию. Частные риски, которые возникают на каждом предложенном этапе, могут быть детализированы до отдельных единичных событий при выявлении высокого уровня риска. Частные риски будем рассчитывать по аддитивному сценарию.

В данном случае рассмотрим применение двухуровневой модели рисков. Финансовые потери будем анализировать с точки зрения вероятности возникновения риска, а финансовый ущерб при этом определяется как произведение значения вероятности возникновения риска на математическое ожидание финансовых потерь. Декомпозицию показателей рисков будем использовать для оценки единичных процессов для принятия управленческих решений и контроллинга.

Теорема мультипликативной вероятности или статико-мультипликативная теорема теории вероятности для независимых событий выглядит следующим образом:

$$P(A \text{ и } B) = P(A) \times P(B)$$

$$P(AB) = P(A) \times P(B)$$

Данная теорема утверждает, что вероятность наступления двух независимых событий равно произведению их индивидуальных вероятностей.

При этом для зависимых событий применяется теорема условной вероятности и выглядит она следующим образом:

$$P\left(\frac{A}{B}\right) = \frac{P(AB)}{P(B)}$$

При этом считается $P\left(\frac{A}{B}\right)$, как вероятность наступления события А, в случае наступления события В. [2]

На стадии оценки времени жизни проекта НИОКР, было выявлено десять независимых стадий. Для возможности применения первого вида теоремы для независимых событий. Вероятность завершения проекта в целом будет равно произведению вероятностей завершения каждого этапа по статико-мультипликативной теореме для независимых моделей.

При этом очень важным допущением, которое мы используем, является то, что неудачный этап будет повторен с положительным исходом.

При этом для декомпозиции рисков будем использовать аддитивную модель. Сформированные группы рисков в зависимости от уровней декомпозиции будут оцениваться через вероятность наступления события.

$$P = 1 - A_{1j} \times X_{1j} - \dots - A_{ij} \times X_{ij},$$

где P — это вероятность наступления группового риска, сведенного в отдельный независимый этап выполнения работ;

A_{ij} — весовой коэффициент факторного анализа;

X_{ij} — показатель выраженности (укрупненные вариации событий риска);

При использовании данной модели необходимо внести ряд допущений и ограничений:

1. Предельным значением вероятностного события является 1, как стопроцентный случай положительного исхода, тогда

$$R = 1 - P_i,$$

R — величина возникновения риска расценивается как разница единицы и вероятности наступления событий в рассматриваемой группе;

2. Частные факторы X_{ij} — формируются по медиане экспертных оценок для каждого частного риска реализации проекта.
3. Вес критерия A_{ij} устанавливается для каждого фактора риска по экспертно-критериальной оценке. Если все оценки факторов риска (частных рисков) принимают свои максимальные значения, то и риск R_i должен принять свое максимальное значение, равное 1. Следовательно, коэффициенты весомости (важности) должны удовлетворять условию A_{ij}

$$\max X_{i1} + A_{i2} \max X_{i2} + \dots + A_{ij} \max X_{ij} = 1$$

Применение агрегированной оценки рисков дает возможность оценить суммарную вероятность выполнения проекта, с учетом того, что каждый этап будет выполнен.

Для создания модели рисков необходимо ввести и применить систему экспертных оценок риска для уровня аддитивной модели или нижнего уровня рисков.

Преимуществами метода экспертных оценок являются:

- широкая распространенность в практике промышленного бизнеса;
- простота и быстрота в вычислениях;
- применимость в условиях отсутствия возможности расчета количественных показателей;
- учет как качественных, так и количественных характеристик исследуемого объекта;
- учет неопределенности НИОКР, которая является следствием уникальности каждого отдельного проекта НИОКР;
- применимость в условиях отсутствия большого числа регулярных статистических наблюдений и др. [3,4]

Список для оценки вероятности риска, который может применять комиссия представим в таблице 1.

Данная таблица позволяет оперативно оценить вероятность наступления события на нижнем уровне рисков предлагаемой иерархической модели.

Приведем пример разбития первого этапа на базовые риски для формирования матрицы рисков при разработке телеметрического оборудования. Преимущества данной модели заключается в ранжировании рисков проекта НИОКР и возможность их глубокой дета-

лизации, что позволяет провести расширенный анализ и ввести мероприятия по контроллингу, корректировки или изменению подхода к реализации как определенно-го этапа, так и всего проекта в целом.

Таблица 1.

Лингвистические переменные

Лингвисти-ческие пере-менные	Описание	Вероятность
0	Невозможное событие	$P \leq 0,01$
1	Незначительное событие	$0,01 \leq P \leq 0,05$
2	Крайне малая вероятность	$0,05 \leq P \leq 0,10$
3	Малая вероятность	$0,10 \leq P \leq 0,15$
4	Вероятность, требующая введения контроля	$0,15 \leq P \leq 0,20$
5	Вероятность которой нельзя пренебречь	$0,20 \leq P \leq 0,25$
6	Вероятность требующая управленческо-го контроля	$0,25 \leq P \leq 0,30$
7	Вероятность требующая альтернатив-ных решения	$0,30 \leq P \leq 0,35$
8	Вероятность требующая принятия комплексных решений	$0,35 \leq P \leq 0,40$
9	Высокая вероятность	$0,40 \leq P \leq 0,50$
10	Вероятное событие	$P \geq 0,50$

Таблица 2.

Пример базовых рисков и их весовых коэффициентов на первом этапе НИОКР

Обозна-чение	Риски	Медиана оценки рисков	Меры контроллинга
Первый этап — формирование концепции будущего НИОКР			
R_{11}	Выбор кардиналь-но-неправильного технического решения	RW_{11}	Анализ аналогий, при отсутствии аналогов, рекомендуется принять несколько концепций для упрощенного просчета на конструкторском этапе с расчетом экономической эффективности.

Обозна-чение	Риски	Медиана оценки рисков	Меры контроллинга
R_{12}	Организационный риск (недостаточ-ная организация внутри компании, срыв сроков)	RW_{12}	Применение agile метода руководства проектом по сбору предложений поэтапном контролем вы-полнения
R_{13}	Внешние риски (не зависят от действий компании)	RW_{13}	Вести контроль изменений по контрольным точкам. внести предложения по сокращению времени на других этапах проекта

RW — или риск-вес определяется как медиана экспертных оценок в рамках одного этапа. Для перевода RW в A_{ij} необходимо сделать перерасчет веса согласно градации по лингвистическим переменным. Согласно допущению, коэффициенты весомости (важности) должны удовлетворять условию A_{ij}

$$\max X_{i1} + A_{i2} \max X_{i2} + \dots + A_{ij} \max X_{ij} = 1$$

В нашем случае максимальные значение $X_{ij} = 10$, следовательно, сумма A_{ij} должна равняться 0,1.

Данная модель позволяет оценивать финансовые потери, которые предлагается учитывать в таблице для каждого события риска. Позволяет оперативно оценивать, возможные финансовые затраты, которыми можно распоряжаться в рамках корректирующих мероприятий.

Аддитивно-мультипликативная модель, может решать несколько задач, что на стадии разработки проекта, что на стадии его реализации. Возникновения критических рисков, благодаря данной модели может быть подвержено декомпозиции с принятием управленческих решений.

Выявление рисков с большими финансовыми потерями позволяет внести дополнительную проработку данного риска и рассчитать необходимые дополнительные затраты для гарантированного выполнения проекта.

Данная модель позволяет осуществлять контроль критериев в течение всего цикла выполнения проекта и при наличии зависимости о временного фактора вносить корректировки в процесс выполнения проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р 15.101-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Система разработки и постановки продукции на производство. Порядок выполнения научно-исследовательских работ» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 24.08.2021 N 784-ст)
2. Вероятностно-статистические методы принятия решений: Теория, примеры, задачи: учебное пособие / А.П. Науменко, И.С. Кудрявцева, А.И. Одинец, Минобрнауки России, ОмГТУ. — Омск: Издательство ОмГТУ, 2018, ISBN 978-5
3. Ваганова А.С. Научно-методические аспекты риск-контроллинга на промышленных предприятиях: дис. канд. экон. наук. 08.00.05 — Н. Новгород — 2010. — 246 с.
4. Кудряшова О.В. Развитие системы управления рисками НИОКР промышленного предприятия. Монография / К.В. Ковырзина, О.В. Кудряшова, И.Б. Гусева; Нижегород. гос. техн. ун-т. — Н. Новгород, 2014. — 143 с.
5. Методические материалы Минэкономразвития по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий, утверждены распоряжением Министерства экономического развития российской Федерации от 21.12.2020 №23-Д01.
6. Ковырзина К.В. Использование инструментов BSC и KPI при формировании пакета рисков НИОКР промышленного предприятия [Текст] / К.В. Ковырзина, И.Б. Гусева // V Международный конгресс по контроллингу «Современное предприятие и будущее России»: сборник научных трудов Международного форума, посвященного 85-летию кафедры «Экономика и организация производства» МГТУ имени Н.Э. Баумана. — Москва, 2014. — С.62–67
7. Печенкин А.В., Наумова О.А. Анализ расходов на научные исследования в нефтяных компаниях / А.В. Печенкин. — Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство — №4 (153) 2023. — С. 1412–1417. ISSN 1999-2300

© Печенкин Алексей Владимирович (pechenkin.aleksey@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКТРИНЫ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ

EMPIRICAL CHARACTERISTICS OF THE SOVIET CONTROL DOCTRINE

**E. Shabalina
A. Anokhin**

Summary. The article examines the empirical characteristics of the Soviet control doctrine from the perspective of the empirical method of legal science. Empiricism as a method of scientific knowledge is based on creative scientific research and the formulation of hypotheses. The authors consistently define the structure of the empirical characteristics of the Soviet control doctrine. It includes sources of law, acts of legal interpretation, law enforcement acts, written documents (which arise in the process of control legal relations), scientific publications, reporting forms, and documents reflecting the legal policy of the state.

Keywords: control, doctrine, empirical method, public administration, law.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Анохин Алексей Вячеславович

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
anokhinalex777888@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эмпирическая характеристика доктрины советского контроля с позиции эмпирического метода правовой науки. Эмпирика как способ научного познания основывается на творческом научном поиске и выдвижении гипотез. Авторами последовательно определяется структура эмпирической характеристики доктрины советского контроля. Она включает в себя источники права, акты толкования права, правоприменительные акты, письменные документы (возникают в процессе контрольных правоотношений), научные публикации, формы отчетности, документы, отражающие правовую политику государства.

Ключевые слова: контроль, доктрина, эмпирический метод, государственное управление, право.

Эмпирика как способ научного познания основывается на творческом научном поиске и выдвижении гипотез. Соответственно контроль, имеющий практическое воплощение в конкретной доктрине, понимается как реально сущее и непосредственное бытие государственно-правового явления, существующее в конкретно-исторических условиях как политико-правовая и предметно-практическая деятельность индивида и социальной общности.

Эмпирическая характеристика доктрины советского контроля предполагает учет следующих важных для научного исследования обстоятельств:

1. Эмпирика представляет собой материализованное, отражение практической деятельности.
2. Эмпирика не отрицает возможности изучения объекта научного исследования, т.е. контроля в его «чистом» виде, непосредственном бытии права и его различных проявлениях.
3. Эмпирическое основание научного познания является результатом удовлетворения потребностей членов социума [1, С. 295–296].

Методологически эмпирическая характеристика доктрины советского контроля основывается на том,

что контроль как исходное начало научного познания является объективной реальностью, выраженной во внешнем мире, поскольку «мышление никогда не может черпать из самого себя, а только из внешнего мира» [2, С. 34]. Контроль как исследуемое явление изучается не в форме объекта, а как человеческая деятельности, как практика [3, С. 31]. Процесс познания контроля как явления объективной реальности начинается с конкретно-чувственного восприятия и представления [4, С. 37], т.е. «нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии — к общему» [5, С. 187].

Переводя изложенное в практическую плоскость, обнаруживаем, что в советском государстве контроль — это один из элементов в государственном управлении. Участие трудящихся в управлении государством является базовым принципом построения социалистического государства, с новым типом демократии — демократией трудящихся [6, С. 11], и реализации государственной политики.

Организационные формы участия советской общественности в управлении государством коррелировались с функциями государства, построенного по феде-

ративному принципу, а социалистическая демократия не только провозглашала права народа, но гарантировала их реальное осуществление [6, С. 16]. Участие общественности в управлении государством осуществлялось с использованием средств взаимного контроля над продуктивностью труда в рамках народного контроля над государственным аппаратом и результатами труда.

К. Маркс исследовал социальную природу контроля как функции, непосредственно связанной с обобществленным производством [7, С. 9]. В «Капитале» следующим образом объясняется появление функции контроля на производстве: «Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяется умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности» [8, С. 516].

Исходя из марксистско-ленинских доктринальных установок система советского управления представляет собой сочетание двух параллельно развивающихся управленческих систем: государственной и общественной. Отсюда и контроль — государственный или общественный (народный).

В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» указывается, что основными направлениями научно-исследовательской деятельности в теории управления являются разработка методологии научного предвидения развития социальных процессов, разработка методов научного управления социальными процессами (бережливость, рациональное использование и контроль за сохранением и использованием национальных богатств [6, С. 90]), подготовка научно обоснованных рекомендаций по проблемам экономического и государственно-правового строительства и др. [9] на основе объективных и субъективных тенденций в интересах эффективного функционирования и развития общественной системы [10, С. 238].

Представляющим для нас научный интерес является разновидность научного прогнозирования — нормотворческая деятельность в социалистическом обществе о контроле над продуктивностью труда в рамках народного контроля над государственным аппаратом и результатами труда, т.к. при разработке любой соци-

альной нормы учитываются последствия, возникающие в результате ее действия. Существуют два вида норм: поддерживающиеся в прогностической информации и создаваемые самими органами на основе данной информации [11, С. 45–46]. Здесь право предстает как специфическое явление общественной жизни в общих закономерностях возникновения, развития назначения и функционирования, взятые в их связи с основными положениями государственно-политического и правового сознания и общими требованиями правовых отношений и других правовых связей субъектов общественной жизни [12, С. 32]. И право, и государство в указанном аспекте носят вторичный, производный от общества характер. Социализм как общественная система развивался на основе централизованного планового руководства с использованием демократических основ управления, привлечения к управлению широких масс трудящихся, совершенствованию системы учета и контроля [13, С. 30]. Именно в результате деятельности всех этих субъектов создаются конкретные механизмы контроля над теми или иными процессами, протекающими в советском обществе. Таким образом контроль как разновидность управления представляет собой научно и нормативно обоснованное воздействие субъекта на объект управления в контексте координирования его эволюционирования. При этом партия, государство и общественные организации являются элементами политической организации социалистического общества, соответственно следуя законам формальной логики: функционирование политической организации социализма, в сущности, есть функционирование системы управления социалистическим обществом [14, С. 30].

Контроль как элемент социального управления и нормативного регулирования связан с властеотношениями. Так, по мнению И.М. Степанова, власть, будучи неотъемлемым свойством человеческого сообщества, представляется в виде совершенно естественного и объективно необходимого регулятора общественных отношений. Будучи порождена ими, власть в свою очередь выступает в роли инструмента организации общества, утверждения дисциплины и самодисциплины в нем [15, С. 8].

Учитывая изложенное, полагаем, структура контроля как правовой формы деятельности и как элемента социального управления включает в себя: субъект воздействия на общественные отношения; объект воздействия, т.е. сами общественные отношения; способы и средства воздействия.

В коммунистической доктрине существенным является приоритет общественных отношений над правоотношениями в контексте идеи уничтожения права и государства, замены их коммунистической общиной, где регулятором является само общество [16, С. 253].

С точки зрения государственной идеологии исследуемого периода, цель контроля как формы деятельности в контексте социального регулирования общественных отношений заключается в обеспечении такого направления, развития и функционирования, которое соответствовало бы интересам господствующего класса или всего народа посредством обеспечения согласованных действий, которые вытекают из потребностей саморазвития многоединичного коллектива (предприятия, колхоза, отрасли хозяйства, общества как системы) [17, С. 6–7]. Вместе с тем, в государственно-правовой науке последовательно обосновывается мысль о том, что контроль есть проявление власти [18, 19] на основе делегирования властных полномочий.

Контроль как форма государственной и общественной деятельности отражает экономические условия жизни общества, при правовом регулировании, в рамках социального управления, допускает возможность поиска лучшего варианта должного и возможного поведения субъектов правоотношений (и общественных отношений в целом) в соответствии с достигнутым уровнем общественного развития.

Примечательно, то, что в качестве регулятора контроля во всех проявлениях, к традиционным в теории государства и права регуляторам — нормам права и корпоративным нормам подключается еще один вид социального регулятора, полностью вписывающийся в коммунистическую доктрину в качестве самостоятельного вида норм — нормы партийной жизни. Нормы партийной жизни, по нашему мнению, являются корпоративными нормами, что полностью соответствует традиционному пониманию социальных регуляторов в современной теории права.

В контексте общепринятых идеологических позиций исследуемого периода концептуально эмпирические

характеристики доктрины советского контроля отражают тезис о том, что социалистическое государство как основное орудие правового регулирования создает нормы права, являющиеся государственной волей, введенной в закон [20, С. 340]. Из указанного следует, что:

- во-первых, контроль имеет классовую сущность, является частью надстройки над экономическим строем общества, порождается интересами господствующего класса, соответствует основным функциям государства, определяющим характер организации и деятельности государственного механизма и содержание действующего права [21, С. 37].
- во-вторых, контроль сопровождается волевыми актами волевых отношений, обусловленных тем, что государство и право связаны с функцией властвования [22, С. 83], т.е. способностью проводить в жизнь определенную волю, реально регулиующую поведение, поступки, волевые действия [23, С. 42].
- в-третьих, контроль носит двусторонний характер, имманентно присущ государству и социалистическому обществу, при этом главенствующая роль принадлежит государству, которое определяет содержание, направленность, действительность, реальность или фиктивность правовых установлений, регламентирующих социальное управление обществом [24, С. 3].

С учетом изложенного, эмпирическая характеристика доктрины советского контроля включает в себя: источники права, акты толкования права, правоприменительные акты, письменные документы (возникают в процессе контрольных правоотношений), научные публикации, формы отчетности, документы, отражающие правовую политику государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. — 2-е изд., стер. — Москва: ЗАО Юстицинформ, 2004. — 528 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. — 2-е изд. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 858 с.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. — 2-е изд. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 650 с.
4. Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). — Москва: Юрид. лит., 1980. — 176 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. — 5 издание. — Москва: изд-во Политической литературы, 1969. — 817 с.
6. Программа Коммунистической партии Советского союза. Принята XXII съездом КПСС. — Москва: Политиздат, 1976. — 144 с.
7. Контроль как правовая форма деятельности / Горшенев В.М., Шахов И.Б. — Москва: Юрид. лит., 1987. — 176 с.
8. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва: Госполитиздат, 1954-. — 907 с.
9. Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // Советская педагогика. — 1968. — № 1.
10. В.И. Ленин и проблемы научного коммунизма. — Москва: Политиздат, 1969. — 493 с.
11. Управление, социология, право / Отв. ред. д-р юрид. наук И.В. Павлов и канд. юрид. наук В.П. Казимирчук. — Москва: Юридическая литература, 1971. — 271 с.
12. Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. — Киев: издательство «Вища школа», 1971. — 160 с.
13. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. — Москва: Политиздат, 1967. — 278 с.

14. Ленинизм и проблемы государственного управления. — Ленинград: Лениздат, 1969. — 278 с.
15. Степанов И.М. Советская государственная власть. — Москва: Наука, 1970. — 148 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.1 / Ин-т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва: Госполитиздат, 1958. — 662 с.
17. О научных основах управления социалистическим обществом / Под ред. И.Л. Маринко — Москва: изд-во МГУ, 1969. — 175 с.
18. Фарбер Е.И., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. — Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967. — 319 с.
19. Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. — 1969. — № 3. — С. 83–92.
20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.32 / Ин-т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва: Госполитиздат, 1962. — 605 с.
21. Теория государства и права: Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве / Под ред. чл.-кор. АН СССР П. С. Ромашкина. — Москва: изд-во АН СССР, 1962. — 534 с.
22. Булццкий Ф.М. Ленин, государство, политика. — Москва: Наука, 1970. — 522 с.
23. Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. — Москва: изд-во АН СССР, 1960. — 287 с.
24. Гулиев В.Е. Соотношение государства и права // Советская юстиция. — 1967. — № 24. — С. 3–5.

© Шабалина Евгения Ивановна (evish13@yandex.ru); Анохин Алексей Вячеславович (anokhinalex777888@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ НАСЛЕДНИКА И ОТКАЗОПОЛУЧАТЕЛЯ КАК ВАЖНЫЙ ПРИНЦИП ИСПОЛНЕНИЯ ЛЕГАТА

BALANCING THE INTERESTS OF THE HEIR AND THE REJECTION RECIPIENT AS AN IMPORTANT PRINCIPLE OF LEGACY EXECUTION

S. Yavorsky

Summary. Based on an analysis of contemporary judicial practice and doctrinal provisions, the article identifies key legal conflicts arising in the execution of testamentary dispositions. It establishes that the protection of the rights of legatees by means of contract law alone is insufficiently effective. It identifies gaps in the procedural mechanisms of evidence and a lack of uniformity in notarial practice. The conclusion is made that specific legal instruments need to be developed for law enforcement agencies. Practical mechanisms for implementation are proposed: a clear algorithm of actions for legatees to formalise their rights, a detailed methodology for assessing the proportionality of the burden on the estate, and a simplified procedure for applying to a notary for execution. It is recommended that standardised forms of documents confirming the rights of the legatee be enshrined in law in order to minimise litigation.

Keywords: bequest, legatee, legatee, beneficiary, execution of bequest, balance of interests.

Яворский Сергей Анатольевич
юрист, ООО «ИТ АЛЬЯНС», Москва
491899@mail.ru

Аннотация. На основе анализа современной судебной практики и доктринальных положений в статье выявлены ключевые правовые коллизии, возникающие при исполнении завещательных отказов. Установлена недостаточная эффективность защиты прав отказополучателей средствами исключительно обязательственного права. Обнаружены пробелы в процессуальных механизмах доказывания и отсутствие единообразия в нотариальной практике. Сделан вывод о необходимости разработки конкретных правовых инструментов для правоприменителя. Предложены практические механизмы внедрения: четкий алгоритм действий легатария по оформлению прав, детализированная методика оценки соразмерности обременения наследственной массе и упрощенная процедура обращения к нотариусу за исполнением. Рекомендовано законодательное закрепление стандартизированных форм документов, подтверждающих права легатария, для минимизации судебных споров.

Ключевые слова: завещательный отказ, легат, легатарий, отказополучатель, исполнение отказа, баланс интересов.

Введение

Практика применения завещательных отказов часто приводит к спорам из-за неопределенности пределов исполнения по ст. 1138 ГК РФ, что нарушает баланс интересов, особенно в семейных отношениях. Анализ судебных дел выявляет необходимость реформ для защиты наследников от чрезмерных обременений и минимизации конфликтов. Настоящее исследование, опираясь на анализ практики, предлагает прикладные меры: стандартизацию нотариальных протоколов и досудебные механизмы урегулирования для повышения эффективности правоприменения.

Теоретические и стоимостные границы возложения

Кандидат наук Е.А. Низамова справедливо отмечает, что действующее законодательство не позволяет «достичь баланса интересов наследника и отказополучателя при исполнении завещательного отказа» [1, с. 29]. Предложения о закреплении исключительно обязательственной модели легата созвучны тезису кандидата наук

В.Г. Нестолыя о том, что «отказополучатель выступает в качестве кредитора наследника» [2]. Пусть этот подход верен в рамках классической доктрины, тем не менее он не отражает современной практики возникновения вещных прав у легатариев и требует пересмотра. Указанная конструкция также не в полной мере учитывает защитные механизмы, установленные законодателем.

Положения ст. 1138 ГК РФ защищают наследника от обязательств, превышающих стоимость наследственной массы, предотвращая споры. Завещательный отказ представляется гармоничным способом защиты наследодателем интересов близких, особенно в формате безвозмездного пользования жилым помещением. Исключение составляет лишь диспозитивная обязанность по внесению коммунальных платежей по ст. 678 ГК РФ.

Исследование кандидата наук Ю.В. Чесноковой и М.С. Никитина содержит вывод, что завещательное возложение исполняется до момента, «пока сумма, потраченная на его исполнение, не превысит стоимость наследства» [3].

Предложения о введении искусственных ограничений созвучны критикуемой доктором наук А.В. Бегичевым позиции о том, что «наследование возможно в форме сингулярного правопреемства» [4]. Данный подход противоречит действующей законодательной модели и предполагает неоправданный системный пересмотр наследственного права.

Позицию, основанную на п. 1 ст. 1175 ГК РФ, следует усилить ссылкой на ст. 416 ГК РФ, предусматривающую прекращение обязательств ввиду невозможности исполнения. Верно и то, что возложение может ограничить права наследника, минимизируя выгоду от наследства. Однако такое ограничение оправдано как выражение воли завещателя и соответствует принципу свободы завещания по ст. 1119 ГК РФ.

Логическим следствием принятия наследства является обязанность исполнить и связанные с ним обременения.

Приняв наследство, наследник не вправе от него отказаться (ст. 1157 ГК РФ) и обязан исполнить возложение в пределах стоимости наследственной массы. Для устранения коллизий необходимо законодательно детализировать механизм прекращения обязательств при недостаточности наследства и разработать способы защиты наследников от чрезмерных обременений.

Временные параметры легата

Также Ю.В. Чеснокова предлагает «установить конкретный срок для исполнения возложения неимущественного характера, который бы составлял три года» [3] для предотвращения уклонения наследника от исполнения легата. Данное предложение, по аналогии с завещательным отказом (ч. 3 ст. 1138 ГК РФ), содержит категориальную ошибку. Завещательное возложение отличается от отказа целями и структурой: оно служит общепользу цели, а не частному интересу, поэтому к нему не применяется срок давности, предназначенный для защиты имущественных требований.

Критикуя ригидные временные рамки, следует апеллировать к тезису И.П. Политовой о том, что «право пользования имуществом, полученным по завещательному отказу, сохраняет свою силу и в случае смены собственника этого имущества» [5]. Это положение подчеркивает вещно-правовой характер обременения и его долговременную природу, несовместимую с искусственными сроками.

Введение универсального срока для неимущественных поручений (уход за могилой, содержание животных) может нивелировать волю завещателя до административной формы, нарушая принцип свободы завещания по ст. 1119 ГК РФ. Кроме того, подобные возложения ча-

сто не обременительны и не требуют значительных затрат, что делает их временное ограничение юридически неоправданным.

В противовес унификации, более адаптивной представляется модель, учитывающая индивидуальные условия исполнения, например, предоставление наследодателю права установить срок исполнения в завещании. В случае спора обременительность исполнения может быть оценена судом по аналогии с нормами о невозможности исполнения ст. 416–417 ГК РФ, что согласуется с индивидуальной природой завещания.

Таким образом, предложение Ю.В. Чесноковой представляет формально-унифицированный подход, который игнорирует специфику института, его социальное назначение и несводимость к обязательственным моделям. Критикуемый подход игнорирует комплексный характер проблемы, поскольку, как верно отмечено, «отсутствие единообразия в правоприменении доказывает необходимость законодательных изменений» [6, с. 8], а не введения шаблона. Требуется разработка гибкой модели, учитывающей волю наследодателя, характер возложения и судебный контроль при конфликте интересов.

Процессуальные пробелы реализации легата

Кандидат наук К.В. Трифонова и М.С. Поляков полагают, что легатарий вправе «защищать свои права с помощью обязательственных исков» [7, с. 1315] на основании ст. 1137 и 393–398 ГК РФ. Данная позиция представляется ограниченной и вызывает теоретические и практические сомнения.

Легат является результатом односторонней воли наследодателя, а не договорного соглашения. Поэтому обязательно-правовые механизмы, включая взыскание убытков, не полностью соответствуют его природе, особенно при неимущественных действиях.

На практике нормы ст. 393–398 ГК РФ применимы лишь при чётко определённом и исполнимом содержании легата. Однако завещательные отказы часто формулируются абстрактно или касаются непередаваемых объектов, что затрудняет защиту в обязательном формате. Принцип эффективной судебной защиты (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) обеспечивает не только доступ к правосудию, но и реальное восстановление права адекватными средствами. Его соблюдение исключается при ограничении инструментария легатария обязательно-правовыми конструкциями, не соответствующими природе спорного правоотношения. Ограничение защиты обязательственными исками может лишать легатария эффективных средств защиты, таких как понуждение к исполнению или признание права. Для комплекс-

ной защиты необходим более широкий арсенал средств, включая механизмы ст. 12 ГК РФ.

Действительно, в правоприменении отсутствует исчерпывающий перечень действий легатария и унифицированный порядок выдачи нотариусами подтверждающих документов. Статья 1137 ГК РФ лишь возлагает обязанность на наследника, но не разъясняет процедуру обоснования прав легатарием в суде. Несмотря на законодательное закрепление демнационной модели легата, на практике регулярно возникают споры о его исполнении.

Схожую позицию занимает доктор наук Ю.Ф. Беспалов, указывающий, что «существо поведения в смысле ст. 1117 ГК РФ означает совершение умышленных противоправных действий» [8]. Однако это не исключает необходимости выхода за рамки обязательственных конструкций.

К.В. Трифонова и Ю.В. Чеснокова в своих выводах упускают, что защита может обеспечиваться не только обязательственными исками. Легатарий вправе обратиться с иском о признании добросовестным владельцем по ст. 302 ГК РФ или обжаловать действия нотариуса.

Таким образом, требуется законодательное закрепление чёткого алгоритма действий легатария, детализированной методики оценки наследства и стандартизированных документов для подтверждения его прав. Целесообразно внедрить упрощённую процедуру обращения к нотариусу за исполнением обязательств для минимизации сложностей при реализации прав.

Конфликт правовых традиций

Кандидат наук В.В. Моданов предлагает вернуться к римской модели ограничения завещательного отказа, дополнив ст. 1137 ГК РФ положением: «урезать право завещательного отказа в свою пользу, чтобы в итоге у него оставалось не менее одной четвертой части того, что он унаследовал» [9, с. 73]. Критикуя ориентацию на римские конструкции, отметим, что Ю.Ф. Беспалов верно указывает: «отстранение от наследования есть лишение права на наследство» [8]. Однако это не оправдывает механический перенос исторических моделей, игнорирующий принцип свободы завещания.

Римское право (*lex Falcidia*, I в. до н.э.) гарантировало наследнику не менее $\frac{1}{4}$ имущества вопреки завещательным распоряжениям. Российский порядок, в отличие от этого, не предусматривает «гарантированной» доли для наследника, не являющегося обязательным по ст. 1149 ГК РФ. Отечественный законодатель исходит из приоритета воли наследодателя (ст. 1119 ГК РФ), что особенно проявляется в регулировании завещательных отказов по ст. 1137–1139 ГК РФ.

Тем не менее сравнительно-правовой анализ показывает фундаментальные различия в правовых системах. Следовательно, предложение В.В. Моданова о прямом заимствовании римского института без системной адаптации неприемлемо, поскольку автор основывался на иных категориях субъектов, гарантиях и правовой философии.

Таким образом, заимствование римской нормы о «четверти» может нарушить баланс между свободой завещания и защитой прав обязательных наследников, подменяя одну доктрину другой без необходимой правовой адаптации.

Баланс интересов в правоприменении

При рассмотрении наследственного спора № 88-19236/2024¹ Восьмой кассационный суд анализировал отказ наследника Л.О.Ю. исполнять обязательство по ежемесячной материальной помощи Иоанно-Кронштадтскому монастырю по завещанию. Центральный районный суд г. Барнаула удовлетворил иск частично, истолковав завещание как предусматривающее финансирование только после завершения строительства новых объектов, опираясь при этом на лингвистическую экспертизу для уточнения воли наследодателя, выраженной в терминах «строящихся» и «указанных». Апелляционный суд изменил решение, но кассация отменила апелляционное определение, восстановив решение первой инстанции, указав на неправильное толкование условий завещания апелляцией, игнорирование специфики общепользовных возложений и доказательств невозможности исполнения в отношении существующего монастыря. Данное судебное решение представляет значительный интерес для обсуждаемой проблематики баланса интересов.

В контексте темы статьи решение кассации вызывает критические замечания относительно его соответствия ст. 1132, 1137, 1138 ГК РФ и доктринальным подходам. Толкование завещания на основе лингвистической экспертизы носит формальный характер и не в полной мере учитывает принцип свободы завещания, что потенциально ведет к чрезмерному обременению наследника обязательствами, превышающими стоимость наследства, без анализа невозможности исполнения по ст. 416 ГК РФ.

Логика суда противоречит доктрине о необходимости гибких сроков исполнения, предложенной Ю.В. Чесноковой, игнорируя при этом возможность прекращения обязательств при изменении обстоятельств. Решение

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2024 N 88-19236/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.09.2025).

недостаточно обосновывает баланс интересов, о чем пишет Е.А. Низамова, приоритизируя волю наследодателя без механизмов контроля добросовестности исполнения, что увеличивает риск коллизий и подтверждает необходимость стандартизации и реформ. Фрагментарное применение норм о невозможности исполнения делает решение уязвимым для критики в части полноты исследования и соблюдения принципа пропорциональности обременений, требующего, по В.В. Моданову, адаптации, а не прямого копирования исторических моделей.

Концептуальные выводы исследования

Исследование выявило противоречия между буквальным толкованием норм о завещательных отказах и фактическими обстоятельствами, при этом судебная практика не всегда следует принципам соразмерности обременений. Новизна работы заключается в синтезе доктринальных подходов: критике сингулярного правопреемства и анализе судебных прецедентов для разработки единой методики оценки невозможности исполнения. Для устранения выявленных пробелов требуются

специализированные рекомендации судам по применению лингвистических экспертиз в спорах о завещательных возложениях и интеграция доктринальных позиций в судебные стандарты для обеспечения единообразия оценки добросовестности сторон.

Проблема баланса интересов при исполнении легата соприкасается с реализацией права пережившего супруга на обязательную долю. В обоих случаях сталкиваются частный интерес и пределы наследственных прав, определяемые стоимостью наследства. Неопределенность в выделе супружеской доли создает риски необоснованного обременения наследников либо нарушения прав супруга. Таким образом, совершенствование исполнения легата и защита обязательной доли супруга являются взаимосвязанными направлениями реформы, нацеленными на имплементацию принципов справедливости и правовой определенности. Перспективы исследований заключаются в сравнительном анализе практики различных юрисдикций для выработки универсальных критериев оценки сложных наследственных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Низамова Е.А. Гарантии прав наследника при исполнении завещательного отказа // Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III гражданского кодекса Российской Федерации): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 29–35. EDN ORINJP.
2. Нестолий В.Г. Вещный легат на недвижимость // Нотариус. 2020. № 6. С. 33–37. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-6-33-37. EDN OBSRL.
3. Никитин М.С. Сущность завещательного возложения как особого завещательного распоряжения // Научная статья года 2024: сборник статей XII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 февраля 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 54–56. EDN EHETTO.
4. Бегичев А.В., Слуту П.Д. К вопросу о критике сингулярного правопреемства в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2021. № 2. С. 7–11. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-7-11. EDN CIJWZ.
5. Политова И.П. Отражение принципа свободы завещания в нормах о наследовании России и Германии: завещательный отказ // Наследственное право. 2024. № 3. С. 8–10. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-8-10. EDN KNEDCM.
6. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смещение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9. EDN TSUPHK.
7. Поляков М.С. Институт завещательного отказа // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Симферополь: Типография «Ариал», 2023. С. 1312–1316. EDN UHHSXI.
8. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2. С. 46–48. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-46-48. EDN OUPRHN.
9. Моданов В.В. Некоторые особенности правового регулирования института завещательных распоряжений в гражданском праве Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 5. С. 71–74. EDN TUDXIB.

© Яворский Сергей Анатольевич (491899@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Ананичева Софья Робертовна

кан. соц. наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет
sofyakhv@yandex.ru

STRATEGIES FOR SOLVING RUSSIA'S DEMOGRAPHIC PROBLEM

S. Ananicheva

Summary. The relevance of this topic is determined by the regular deterioration of demographic data indicators in the territory of the Russian Federation. The constant decline in indicators contributes to the deterioration of the situation in all spheres of society. This article is devoted to the characterization of one of the urgent problems of our time, the demographic problem. This article analyzes the causes of the demographic crisis, as well as focuses on the important role played by maternity capital in solving this problem. The scientific work examines the risks of demographic development in the country, the relationship between demographic and socio-economic spheres and the impact of demographic processes on the economic growth of the country. The paper offers ideas and strategies that can help strengthen the demographic situation in Russia and ensure a sustainable future for the country. The definition of the concept of «large family» is given. The work is based on an analysis of the instruments of additional state support for large families in Russia, taking into account the social and demographic situation. In the course of the work, it was concluded that existing measures should be finalized and new tools should be developed to help large families to even out the demographic situation in the country.

Keywords: demography, demographic problem, additional support measures, benefits, causes of the demographic crisis, ways to solve the demographic crisis, maternity capital, large family, population, birth rate reduction.

Аннотация. Актуальность данной темы определяет регулярное ухудшение показателей демографических данных на территории Российской Федерации. Постоянное снижение показателей способствуют ухудшению ситуации во всех сферах жизни общества. Данная статья посвящена характеристике одной из актуальных проблем современности демографической проблеме. В данной статье осуществлен анализ причин, вызывающих демографический кризис, а также сфокусировано внимание на важной роли, которую играет материнский капитал в решении данной проблемы. В научной работе рассматриваются риски демографического развития в стране, взаимосвязь демографической и социально-экономической сфер и влияние демографических процессов на экономический рост страны. В работе предложены идеи и стратегии, которые могут помочь укрепить демографическую ситуацию в России и обеспечить устойчивое будущее страны. Дано определение понятия «многодетная семья». Работа строится на анализе инструментов дополнительной государственной поддержки многодетных семей в России с учётом социальной и демографической ситуации. В ходе работы был сделан вывод о доработке уже существующих мер и разработке новых инструментов помощи многодетным семьям, которые помогут выровнять демографическую ситуацию в стране.

Ключевые слова: демография, демографическая проблема, дополнительные меры поддержки, льготы, причины демографического кризиса, пути решения демографического кризиса, материнский капитал, многодетная семья, население, сокращение рождаемости.

Развитие любого государства невозможно представить без его населения, которое играет ключевую роль в формировании и поддержании экономической стабильности и роста. Демографическая ситуация в стране является одним из основных факторов, влияющих на экономическое развитие, поскольку именно население обеспечивает трудовые ресурсы, необходимые для функционирования и прогресса экономики. В последние десятилетия многие европейские страны, включая постсоветскую Россию, столкнулись с демографическим кризисом, который стал одной из самых сложных и актуальных проблем современности. Этот кризис в первую очередь проявляется в падении рождаемости, которая опустилась ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Такая тенденция, к сожалению, неизбежно ведет к естественному сокращению численности населения, а также к неблагопри-

ятным изменениям в его половозрастной структуре. В результате этих демографических трансформаций возникают серьезные социально-экономические и политические последствия, которые препятствуют стабильному развитию общества и государства. Например, в России демографический кризис проявляется не только в снижении рождаемости, но и в увеличении заболеваемости и смертности, что в свою очередь приводит к снижению средней продолжительности жизни. Эти факторы, как известно, оказывают негативное влияние на физическое и психическое здоровье населения, а также на уровень его нравственного и интеллектуального развития. Такое положение дел ведет к ослаблению стратегического потенциала государства, что затрудняет его возможности по обеспечению всестороннего развития и безопасности страны. В долгосрочной исторической перспективе это может угрожать самой сохранности российской госу-

дарственности. Кризисные демографические процессы в России требуют от государственных органов адекватной и своевременной реакции. Однако, к сожалению, политика, проводимая в области демографического развития, сталкивается с рядом серьезных проблем и вызовов.

Одной из основных причин, способствующих демографическому кризису, является экономическая нестабильность. В условиях кризиса многие семьи откладывают решение о рождении детей, опасаясь за свое финансовое благополучие. Кроме того, высокие цены на жилье и другие жизненные условия также играют свою роль. Молодые люди, стремясь к лучшему качеству жизни, зачастую предпочитают сосредоточиться на карьере и самореализации, что также сказывается на рождаемости. Необходимо отметить и социальные факторы, которые влияют на демографическую ситуацию. Уровень образования, доступность медицинских услуг, а также изменения в традиционных семейных ценностях — все это в значительной степени определяет, сколько детей готовы заводить современные семьи. Важно также учитывать, что многие молодые люди отказываются от традиционных моделей семьи, предпочитая жить в гражданском браке или вовсе избегая создания семьи. В ответ на демографические вызовы государство должно разработать и внедрить комплексные меры, направленные на стимулирование рождаемости и поддержку семей. Это может включать в себя как финансовую помощь, так и программы по улучшению условий жизни, доступности жилья, а также развитие инфраструктуры для семей с детьми. Необходимо также создать условия для совмещения работы и семьи, что позволит молодым родителям не отказываться от карьеры ради воспитания детей. Кроме того, важным аспектом является работа с молодежью и формирование у нее положительного отношения к семье и деторождению. Это может быть достигнуто через образовательные программы, которые подчеркивают важность семьи и материнства, а также через поддержку инициатив, направленных на улучшение качества жизни молодежи.

Демографическая ситуация — это фундаментальный фактор, определяющий экономический рост. Население — это не просто цифра в статистическом отчете, а живой ресурс, источник трудового потенциала, от количества и качества которого напрямую зависит экономическое благополучие страны. Россия, занимающая огромную территорию, является ярким примером того, как сложные демографические процессы могут оказывать определяющее влияние на все сферы жизни общества. Несмотря на свои масштабы, Россия сегодня сталкивается с серьезными вызовами в демографической и социально-экономической областях. Наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности населения. Пик численности населения был зафиксирован в 2018 году — около 146,9 миллионов человек.

Однако уже за период с 2018 по 2022 годы произошло сокращение населения почти на 1 %. Это тревожный сигнал, указывающий на необходимость принятия незамедлительных мер. Демографическая ситуация в современной России представляет собой сложнейший вызов, требующий незамедлительных и комплексных решений [7]. Низкая рождаемость, высокий уровень смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, и стремительное старение населения — вот три кита, на которых зиждется этот кризис, угрожающий фундаментальным основам российского общества и государства. Проблема не является спонтанной; она является результатом длительного и многофакторного процесса, корни которого уходят вглубь истории. Экономическая нестабильность, переживаемая Россией на протяжении последних десятилетий, сыграла здесь далеко не последнюю роль. Неуверенность в завтрашнем дне, низкие заработные платы, особенно в регионах, высокая стоимость жизни, недоступность качественного жилья — всё это существенно ограничивает возможность и желание молодых семей планировать рождение детей. Необходимо учитывать и влияние глубоких социокультурных изменений. Изменение традиционных ценностей, рост числа женщин, делающих карьеру в ущерб материнству, повышение уровня образования и, как следствие, отсрочка деторождения — всё это факторы, которые необходимо учитывать при разработке эффективных демографических программ.

Политическая ситуация также не остается в стороне. Снижение естественного прироста населения подрывает авторитет власти и эффективность государственных институтов. Высокая смертность и уменьшение плотности населения могут привести к ослаблению позиций страны на международной арене. В условиях, когда другие государства могут начать проявлять интерес к территориям Российской Федерации, важно понимать, что демографическая стабильность является одним из ключевых факторов национальной безопасности. К сожалению, политика, направленная на улучшение демографических показателей, не дает ожидаемых результатов. Принятые меры по поддержке семей и стимулированию рождаемости не обеспечивают устойчивой положительной динамики. Проблема заключается в том, что многие инициативы оказываются недостаточно эффективными или не охватывают все аспекты, влияющие на демографическую ситуацию.

Устранение существующих демографических проблем является критически важным для обеспечения стабильного и устойчивого экономического развития России. Без решения этих проблем страна рискует оказаться в зависимости от внешних факторов, потерять конкурентоспособность на мировой арене и столкнуться с серьезными трудностями в обеспечении своих социальных обязательств. Человеческий капитал — это клю-

чевой фактор экономического роста, определяющий структуру экономики, ее эффективность и темпы развития. Любые изменения в демографической ситуации немедленно отражаются на экономике, приводя к изменениям в рынке труда, инвестиционной привлекательности и общем уровне благосостояния граждан.

К сожалению, нынешняя демографическая ситуация в России далека от идеала. Отрицательная динамика проявляется в значительном превышении уровня смертности над уровнем рождаемости. Это глубокая и многогранная проблема, имеющая сложные причины. Данные Росстата шокируют: в 2021 году число умерших в 1,5–2 раза превышало число родившихся. Коэффициент рождаемости за последние пять лет снизился примерно на два пункта, достигнув уровня, сравнимого с показателями 2002 года — периода глубокого экономического кризиса. Эта ситуация требует тщательного анализа и разработки эффективных мер [4].

Причины низкой рождаемости и высокой смертности многообразны и взаимосвязаны. Среди них можно выделить негативное воздействие экономических кризисов, снижение уровня жизни значительной части населения, недоступность качественного медицинского обслуживания, неблагоприятная экологическая обстановка в отдельных регионах, рост числа социальных болезней, таких как алкоголизм и наркомания. Значительную роль сыграла и пандемия коронавирусной инфекции, которая унесла множество жизней и усугубила уже существовавшие проблемы. Кроме того, следует учесть психологический фактор: многие граждане испытывают страх перед будущим, неуверенность в своих силах обеспечить себе и своим детям достойную жизнь [5].

Современная Россия, как страна, стремящаяся занять достойное место среди мировых держав, должна обратить внимание на демографические показатели. В частности, необходимо увеличить уровень рождаемости и снизить смертность, чтобы обеспечить устойчивое развитие экономики и социальную стабильность. Для решения данной проблемы необходимо комплексное и системное подход к демографической политике. Это включает в себя не только поддержку семей с детьми, но и создание условий для улучшения качества жизни населения, доступности здравоохранения, образования и социальной защиты. Важно также учитывать факторы, влияющие на решение о рождении детей, такие как экономическая стабильность, жилье, работа и социальные гарантии.

Необходимо также проводить активную информационную кампанию, направленную на изменение общественного мнения о семье и деторождении. Важно создать положительный имидж семейных ценностей, показать, что рождение и воспитание детей — это

не только ответственность, но и счастье, которое приносит радость и удовлетворение. Кроме того, следует активно работать над улучшением условий жизни для пожилых людей, чтобы снизить уровень смертности среди этой группы населения. Это может включать в себя развитие системы здравоохранения, создание комфортной городской среды и доступных социальных услуг.

Таким образом, демографические показатели являются важным индикатором состояния общества и его благосостояния. В условиях современного мира, когда многие страны сталкиваются с аналогичными проблемами, Россия должна разработать и реализовать эффективную стратегию, направленную на улучшение демографической ситуации, что позволит не только укрепить экономику, но и повысить уровень жизни граждан. Безусловно, решение демографической проблемы требует времени и усилий, но именно от этого зависит будущее страны и ее способность сохранять свою независимость и целостность.

Проблема демографического спада — многолетняя головная боль для государств по всему миру, включая Россию. На протяжении столетия предпринимались различные попытки повлиять на ситуацию, однако большинство из них оказались неэффективными, встретили сопротивление населения или же были реализованы ненадлежащим образом, оставив после себя лишь кратковременный, незначительный результат. Анализ государственных программ, направленных на улучшение демографических показателей, как в России, так и за рубежом, позволяет выявить ряд наиболее распространенных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, а также неоднозначное восприятие обществом. Среди этих мер можно выделить, например, полный или частичный запрет абортов. Исторический опыт показывает, что подобные меры, хотя и могут привести к кратковременному росту рождаемости, часто сопровождаются теневой практикой абортов, увеличением количества нежелательных беременностей и, как следствие, ростом числа детей, воспитывающихся в неблагоприятных условиях. Кроме того, запреты такого рода вызывают серьезные этические дискуссии и противоречат принципам свободы выбора, что приводит к негативной реакции значительной части общества.

Другой распространенный подход — введение федеральных целевых программ, таких как «Планирование семьи». Однако эффективность таких программ напрямую зависит от их комплексного характера и адекватного финансирования. Ограниченные бюджеты и недостаток внимания к социальным аспектам вопроса могут свести на нет все усилия. Необходимо учитывать, что пропаганда планирования семьи должна быть основана на научном подходе и нести в себе не только информацию о контрацепции, но и о социальной поддержке се-

мей с детьми, о возможности планирования рождения ребенка с учетом материального и психологического благополучия родителей.

Зарубежный опыт также демонстрирует широкий спектр мер. Материнский социальный пакет, включающий в себя различные виды пособий и льгот, является, пожалуй, наиболее популярным и, как правило, наиболее эффективным инструментом стимулирования рождаемости. Однако размер и состав пакета должны быть адекватны уровню жизни в стране и учитывать индивидуальные потребности семей. Другим подходом является введение налогов на холостых, одиноких и бездетных граждан — мера, вызывающая большое количество споров и практически не имеющая широкого распространения из-за этических и социальных проблем, которые она порождает. Напротив, пропаганда семейных ценностей и наказания за оскорбления материнства — это скорее меры по изменению общественного мнения и формированию положительного отношения к семье и детям. Снижение пенсионного возраста для матерей, как еще один зарубежный пример, также неоднозначно оценивается: с одной стороны, это поддержка многодетных матерей, с другой — это потенциальная дополнительная нагрузка на пенсионную систему. Результаты социологических опросов в России и зарубежных странах показывают, что наиболее востребованными мерами являются материнский капитал (социальный пакет), снижение пенсионного возраста для матерей и программы планирования семьи. Это подтверждает необходимость комплексного подхода, сочетающего финансовую поддержку семей с пропагандой здорового образа жизни и поддержкой семейных ценностей.

В попытке смягчить последствия демографического кризиса, государство предприняло ряд мер. Одной из наиболее заметных и широко обсуждаемых является программа материнского капитала, заложенная в Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Введенная в 2007 году, эта программа предоставляет семьям значительную финансовую помощь при рождении второго и последующих детей [8]. Однако, насколько эффективен материнский капитал?

Мнения на этот счет разделяются. Сторонники программы указывают на её позитивное влияние на рождаемость, особенно в регионах с низким уровнем жизни. Материнский капитал позволяет семьям решить жилищный вопрос, оплатить образование детей или улучшить условия жизни. Противники же обращают внимание на то, что масштабы влияния материнского капитала на общую демографическую ситуацию относительно скромны. Средства, предоставляемые в рамках программы, часто оказываются недостаточными для решения всех проблем, связанных с воспитанием детей, а неко-

торые семьи используют их не по назначению. Более того, программа не решает проблем, лежащих в основе низкой рождаемости, таких как отсутствие доступного и качественного дошкольного образования, нехватка мест в детских садах, высокая стоимость услуг по уходу за детьми, а также отсутствие гибких схем работы, позволяющих женщинам совмещать материнство и карьеру.

Для того, чтобы действительно изменить демографическую ситуацию, необходим комплексный подход, включающий в себя не только финансовые стимулы, но и решение социальных и экономических проблем. Это предполагает значительные инвестиции в здравоохранение, особенно женское и детское, развитие инфраструктуры для детей (детские сады, школы, спортивные площадки), создание доступного и качественного жилья, разработку гибких схем работы для родителей, и, что крайне важно, повышение уровня жизни населения и создание благоприятных условий для планирования семьи и воспитания детей.

Необходимо активное стимулирование рождаемости в сельской местности, где ситуация наиболее критическая. Это может включать в себя предоставление льгот на покупку земли и строительство домов, создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и решение проблем с доступом к качественным медицинским услугам.

Помимо материнского капитала, требуется разработка и реализация других эффективных мер государственной поддержки семей. Это может включать в себя повышение пособий по уходу за ребенком, расширение сети государственных детских садов, введение налоговых льгот для семей с детьми, программы поддержки молодых специалистов в сельской местности. В конечном итоге, решение демографической проблемы требует долгосрочной и системной работы, которая должна учитывать все аспекты жизни россиян и направлена на создание благоприятных условий для процветания семей и роста населения. Без этого Россия рискует столкнуться с катастрофическими последствиями в будущем, включая экономический спад, уменьшение численности рабочей силы и усиление социальных проблем, что может поставить под угрозу национальную безопасность и стабильность страны. Демографическая ситуация в России представляет собой серьезнейшую проблему, требующую неотложных и масштабных решений, выходящих далеко за рамки краткосрочных мер. Укрепление демографического потенциала — это фундаментальный вопрос, напрямую связанный с устойчивым экономическим ростом и социальным благополучием страны на десятилетия вперед. Без решения демографического кризиса Россия рискует столкнуться с глубоким экономическим спадом, нехваткой рабочей силы, старением населения и, как следствие, снижением уровня жизни будущих поколений. Поэтому разработка и реализация

эффективной демографической политики — это не просто задача, а стратегический императив национальной безопасности.

Материнский капитал, безусловно, играет важную роль в стимулировании рождаемости, однако он является лишь одной из составляющих комплексного подхода. Для достижения ощутимых результатов необходимо создание целостной системы мер, направленных на поддержку семей с детьми на всех этапах их жизни. Ключевым аспектом является создание благоприятной среды для рождения и воспитания детей. Это включает в себя не только финансовую поддержку, но и улучшение качества жизни в целом. Необходимо кардинальное повышение уровня медицинского обслуживания, предоставление качественного образования, доступного и привлекательного для всех слоев населения, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями. Особое внимание следует уделить доступности качественного здравоохранения для беременных женщин и новорожденных, своевременной диагностике и лечению заболеваний, профилактике детских болезней [6].

Важнейшим элементом демографической политики является поддержка многодетных семей, которые являются основой будущего страны. Однако, нечеткое законодательное определение «многодетной семьи» создает путаницу и препятствует эффективной реализации мер поддержки. Отсутствие единых критериев на федеральном уровне приводит к тому, что в разных регионах России статус многодетной семьи определяется по-разному, что создает неравенство и недопонимание со стороны семей. В некоторых регионах этот статус присваивается семьям с тремя детьми, в других — с четырьмя и более, при этом учитываются различные возрастные ограничения. Часто в качестве критерия выступает непрерывное совместное проживание детей с родителями, что может стать проблемой для семей с детьми от разных браков, где дети проживают раздельно. Необходимость уточнения возрастных ограничений также очевидна. До какого возраста дети должны считаться несовершеннолетними для присвоения статуса многодетной семьи? Это важный момент, требующий однозначной правовой регламентации.

Более того, необходимо рассмотреть и другие факторы, влияющие на рождаемость. Стимулирование женского участия на рынке труда с одновременным обеспечением доступа к качественным услугам по уходу за детьми (ясли, детские сады, доступные няни) является неотъемлемой частью комплексной демографической политики. Ведь женщины, имеющие возможность сочетать работу и воспитание детей, более склонны к рождению большего количества детей. Однако это требует значительных инвестиций в создание соответствующей

инфраструктуры и разработку гибких форм трудоустройства.

Для решения демографической проблемы необходимо перейти от разовых мер к долгосрочной стратегии, ориентированной на повышение уровня жизни населения в целом. Создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей — это ключевой фактор. Предложение о строительстве социального жилья для беременных женщин, молодых семей и отцов-одиночек, находящихся в трудной жизненной ситуации, заслуживает внимания. Однако эффективность этой меры будет зависеть от масштабов строительства, качества жилья и доступности его для нуждающихся. Аналогично, предложение о гарантированном трудоустройстве на три года с возможностью продления — это важная мера поддержки молодых семей, но его реализация требует разработки механизмов контроля и предотвращения злоупотреблений. Создание сети социального жилья по всей России — задача масштабная, требующая значительных финансовых вложений и тщательного планирования. Успех зависит не только от количества построенного жилья, но и от его расположения, качества и доступности сопутствующей инфраструктуры (детские сады, школы, медицинские учреждения). В комплексе все эти меры должны создать благоприятные условия для роста рождаемости и улучшения демографической ситуации в стране. Однако важно понимать, что решение этой сложной проблемы требует не только финансовых вложений, но и изменения общественного мнения и повышения социальной ответственности.

Постоянный мониторинг и анализ демографической ситуации, с использованием современных методов статистического анализа и прогнозирования, является необходимым условием для эффективной реализации демографической политики. Только на основе достоверных данных можно разрабатывать целевые программы, адекватно реагировать на изменения и корректировать принятые решения. Только комплексный, долгосрочный и продуманный подход, опирающийся на точную статистику и глубокий анализ ситуации, позволит достичь положительных результатов в решении острой демографической проблемы России и обеспечить благополучное будущее страны. Решение демографической проблемы требует комплексного подхода и затрагивает практически все сферы жизни общества. Необходимы эффективны меры по стимулированию рождаемости, улучшению качества медицинского обслуживания, развитию инфраструктуры для молодых семей, созданию новых рабочих мест, повышению уровня жизни, борьбе с социальными болезнями и снижению уровня бедности. Особое внимание следует уделить пропаганде здорового образа жизни и семейных ценностей. Без всестороннего анализа причин демографического кризиса и разработки долгосрочной стратегии его преодоления Россия рискует по-

терять свой демографический потенциал и лишиться возможности обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие в будущем. Поэтому необходимо не только проводить краткосрочные меры, но и созда-

вать систему долгосрочных программ, направленных на радикальное изменение демографической ситуации в стране. Только такой подход может гарантировать успех и обеспечить процветание России в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бантикова О.И. Региональные демографические процессы: состояние и перспективы / О.И. Бантикова, Л.М. Туктамышева // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2021. — Т. 10, № 1(34). — С. 66–71.
2. Белова Л.А. Угрозы демографической безопасности России и направления их нейтрализации / Л.А. Белова, К.Н. Растегаев // Естественно-гуманитарные исследования. — 2022. — № 42(4). — С. 45–52.
3. Ботова А.В. Демографический кризис в современной России и пути его преодоления / А.В. Ботова, А.М. Иванова // Юный ученый. 2023. №1 (64). С. 12–16.
4. Корчагина Т.А. Современное состояние демографической безопасности в России / Т.А. Корчагина // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5, № 1. С. 106–115.
5. Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И.А. Кулькова // Human Progress. 2020. Т. 6, № 1. С. 5.
6. Родина Т.Ю., Забугина А.А., Усяков Р.А. Демографическая проблема в России и пути ее решения, дополнительные меры поддержки многодетных семей // Экономика. Социология. Право. 2024. № 1(33). С. 94–99.
7. Шепелев М.И., Панькина Н.С. Демографические процессы как фактор влияния на экономический рост в России // Вопросы отраслевой экономики. Елец, Выпуск №4, 2023. С.74–86
8. Федеральный закон Российской Федерации «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — N 1. — ст. 19 (Часть I).

© Ананичева Софья Робертовна (sofyakhv@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПЛАНЫ МОЛОДЕЖИ¹

REPRODUCTIVE SETTINGS AND REPRODUCTIVE PLANS FOR YOUTH²

Zh. Blagorozheva

Summary. The article discusses the reproductive attitudes and reproductive plans of modern urban youth. The main part of the work is devoted to describing the results of an empirical study conducted using a mass survey method. The main focus of the study is on identifying the factors that influence the decision to have children, determining the desired number of children among young people, the ideal age for having the first child, and the interval between having multiple children.

Keywords: reproductive attitudes, reproductive plans, fertility, factors of reproductive choice, family, and youth.

Благорожева Жанна Олеговна

Кандидат социологических наук,
старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Белгородский
Государственный Национальный
Исследовательский Университет»
blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются репродуктивные установки и репродуктивные планы современной городской молодежи. Основная часть работы посвящена описанию результатов эмпирического исследования, проведенного методом массового опроса. Основной акцент исследования базируется на выявлении факторов принятия решения о рождении детей, на определении желаемого количества детей среди молодежи, идеального возраста для рождения первого ребенка, интервала между рождениями нескольких детей.

Ключевые слова: репродуктивные установки, репродуктивные планы, рождаемость, факторы репродуктивного выбора, семья, молодежь.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации остро стоит вопрос, связанный с уровнем рождаемости населения. Анализ репродуктивных установок и планов молодежи позволяет определить факторы принятия решений о деторождении, количестве детей, их воспитании. Важным аспектом является, то, что молодое поколение демонстрирует высокую «осознанность» в вопросе рождаемости. При этом, как сейчас принято говорить «осознанность» в данном вопросе характеризуется скорее неэффективной реализацией репродуктивных стратегий молодежи. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на 1000 женщин в трудоспособном возрасте в среднем приходится 1325 детей, при этом больше всего среднее число детей на 1000 женщин приходится на возраст 30–34 лет — 1371 ребенок. Также чаще всего первого ребенка женщины рожают в возрасте 20–24 лет [7].

Согласно А.И. Антонову и В.М. Медкову репродуктивная установка — это психический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей [13].

Репродуктивные установки имеют сложную многоуровневую структуру, в которой можно выделить следующие уровни.

- ценностно-диспозиционный уровень, предполагающий определенную направленность ценностных ориентаций на рождение детей, либо, напротив, на нежелание их иметь;
- мотивационный уровень, для которого характерно наличие конкретных мотивов к рождению и воспитанию детей;
- интерактивный уровень, связанный с взаимодействием супругов или партнеров в отношении рождения и воспитания детей;
- нормативный уровень, включающий групповые и личностные нормы, выступающие регуляторами репродуктивного поведения;
- деятельностно-поведенческий уровень, предполагающий поведенческую активность, направленную на продолжение рода, рождение и воспитание детей [4].

Репродуктивные планы являются не менее важным объектом научных исследований. Репродуктивные планы представляют собой систему психологического состояния человека, его конкретных действий и межличностных взаимодействий, направленных на фор-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания FZWG-2023–0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства», 2023–2025.

² The study was carried out as part of the state assignment FZWG-2023–0016, topic «Life Strategies of Young People in the Context of the Geopolitical Transformation of the Russian Space», 2023–2025.

мирование осознанного выбора касательно рождения либо отказа от рождения ребенка, как в браке, так и вне брака. Репродуктивные планы состоят из решений о количестве будущих детей, времени их появления, готовности к родительству. Изучения и анализ репродуктивных планов важно для понимания процессов, влияющих на рождаемость, и разработки мер государственной демографической политики.

Материалы и методы

Изучению репродуктивных установок и репродуктивных планов молодежи посвящен значительный пласт научных работ. Вопросы мотивации рождения детей раскрываются в работах Гареевой И.А., Устиновой О.В. [6,14]. Особый интерес представляет исследование коллектива авторов Архангельского В.Н., Васильевой Е.Н., Васильевой А.Е. [2], которое посвящено репродуктивным установкам и репродуктивному поведению молодежи и подробно раскрывает факторы, препятствующие росту рождаемости в российских регионах. Взаимосвязь и корреляция параметров брачного и репродуктивного поведения молодежи представлена в исследовании Абдульязнова А.Р., Рустамовой Г.М. [1]. Анализ репродуктивных установок и планов отдельных категорий населения посвящены множество работ. Так, например широко изучаются репродуктивные планы студенческой молодежи (Бессчетнова О.В., Марар О.И., Коваль Л.В. [3,10]), молодых семей (Короленко А.В., Калачикова О.Н. [9]), жителей конкретных регионов (Копейкина М.А., Нухаева Б.Б., Меньшикова В.В., Зыкова Н.С. [8,11,12]).

Основная часть статьи посвящена описанию результатов авторского социологического исследования. Цель исследования — социологический анализ репродуктивных установок и репродуктивных планов молодежи приграничного региона. Объектом исследования являются молодежь г. Белгорода (N=500). Для проведения исследования была выбрана квотная выборка, выборочная совокупность была распределена по социально-демографическим признакам относительно генеральной совокупности (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Распределение респондентов по квотам

№	Возраст	Пол		
		Общее количество	Мужчины	Женщины
1	18–20	56	28	28
2	21–23	56	28	28
3	24–26	76	36	40
4	27–29	88	42	46
5	30–32	106	50	56
6	33–35	118	57	61
Итого		500	241	259

Научные результаты и дискуссия

Исследовательская концепция основывалась на подходе разделения репродуктивных установок на установки детности и установки на использование контрацепции и прерывание беременности [5].

Первый блок инструментария был направлен на выявление отношения к рождаемости, желаемого числа детей, а также наличие детей у респондентов. Важным показателем является то, что у 47,3 % представителей молодежи уже имеют хотя бы одного ребёнка, тогда как 52,7 % пока остаются бездетными.

Для респондентов уже имеющих детей характерна модель малодетности. Так среди респондентов, имеющих детей (47,3 %), 63,9 % имеют одного ребенка, 29,6 % — двоих, оставшиеся 6,5 % — трое и более. Респондентам, не имеющим детей, был задан вопрос о желаемом количестве детей. Результаты распределились следующим образом: один ребёнок — 47,9 %, двое — 46,1 %, трое и более — 6 %.

Одной из ключевых задач является выявить факторы принятия и отказа рождения детей. В группу факторов принятия решения входят финансовая стабильность, состояние здоровья, желание продлить род, желание супруга. Среди респондентов были обозначены следующие факторы, которые формируют установки на отказ от рождения детей или откладывание рождения детей. Молодые люди чаще всего выбирали варианты, связанные с финансовой нестабильностью, плохие жилищные условия или отсутствию жилья, страх ответственности, недостаточный уровень государственной поддержки, альтернативные матримониальные стратегии (чайлд-фри, безбрачие).

Как можно заметить, значительный акцент молодежь делает на финансовую стабильность и финансовое обеспечение (данный фактор отражен как в принятии решения, так и в отказе). В связи с этим, мы решили оценить «идеальный» доход для рождения ребенка. Исследование показало, что для комфортного воспитания ребенка большинство респондентов (68,1 %) нуждаются в доходе от 100 тысяч рублей в месяц. Однако треть опрошенных (31,9 %) считают достаточным доход в 50–100 тысяч рублей для рождения детей. В обоих случаях основным источником финансирования детей выступает совместный заработок партнеров.

Актуальным в демографическом поле также является показатель возраста рождения первого ребенка. Исследование показало, что для большинства молодых людей идеальным возрастом для рождения первого ребенка является период с 26 до 30 лет (38,3 %). Значительная часть опрошенных (35,4 %) также считает приемлемым

возраст после 30 лет. На этом фоне доля тех, кто считает подходящим возраст до 20 лет (3,8 %) или с 21 до 25 лет (22,5 %), выглядит невысокой.

С предыдущим показателем коррелируется и оценка промежутка рождения детей. Большинство опрошенных (58 %) полагают, что оптимальный интервал между рождением детей составляет 3–5 лет. Каждый третий респондент (30,5 %) отдает предпочтение промежутку в 1–2 года, а 11,5 % молодых людей считают подходящим интервал в 4 года и более.

Второй блок инструментария был направлен на выявление отношения молодежи к искусственному прерыванию беременности. Первый вопрос данного блока показывает, что практически все респонденты информированы об искусственном прерывании беременности (96 %). С целью оценки отношения молодежи к искусственному прерыванию беременности был молодым людям задан вопрос «Как Вы относитесь к процедуре искусственного прерывания беременности?». Мнение разделилось следующим образом: большая часть респондентов (38,1 %) выбрала вариант ответа — скорее положительно, чем отрицательно, следующим по популярности распределения голосов был ответ — нейтрально (25,6 %), скорее отрицательно, чем положительно — 20,1 %, положительно — 7 %, полностью отрицательно — 2,2 %.

Важным аспектом в изучении отношения молодежи к искусственному прерыванию беременности является случаи допустимости проведения данной процедуры. Большинство респондентов считают искусственное прерывание беременности приемлемым в большинстве случаев. Так, 57,3 % опрошенных полагают, что женщина имеет полное право на прерывание беременности по своему усмотрению. Также значительная часть участников опроса (53,1 %) допускает данную процедуру, если беременность или роды представляют угрозу для здоровья матери и/или ребенка. Кроме того, 52,8 % опрошенных считают прерывание беременности допустимым в случае изнасилования. Меньшее число респондентов (11,2 %) видят основание для аборта в неготовности к материнству/отцовству, 10,6 % — в раннем возрасте беременности, и лишь 5,1 % считают трудное финансовое положение достаточной причиной для прерывания беременности. Данный вопрос показывает интересную картину: хотя немалая доля респондентов допускает возможность аборта при определенных условиях (например, по медицинским или социальным показаниям), подавляющее большинство опрошенных склоняется к полной поддержке этой процедуры, независимо от обстоятельств.

Мнение об опасности и безопасности данной процедуры. Каждая третья респондентов (считает, что искусственное прерывание беременности скорее опасная (31,4 %) и скорее безопасная (29,9 %) процедура. 10,1 % придерживаются, что искусственное прерывание беременности очень опасная процедура, а 8,9 % — полностью безопасная. Оставшиеся 19,7 затрудняются ответить. Анализ ответов респондентов выявил две основные группы мнений относительно безопасности аборта. Первая группа, оценивающая процедуру как безопасную или скорее безопасную, аргументирует свою позицию применением современного медицинского оборудования и медикаментов, а также меньшей физиологической нагрузкой по сравнению с беременностью и родами. Вторая группа, напротив, считает аборт опасной или скорее опасной процедурой, указывая на следующие факторы риска: потенциальные нарушения здоровья женщины (включая гормональные дисфункции), риск развития бесплодия, осложнения при последующих беременностях и возможную некомпетентность медицинских специалистов.

Выводы

Таким образом, после анализа результатов количественного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Репродуктивные установки молодежи г. Белгорода характеризуются ориентацией на малодетность. Об этом свидетельствует как и количество детей у респондентов уже имеющих детей, так и желаемое количество детей у пока что бездетных респондентов. И те и те ориентированы на 1–2 детей.
2. Ключевым факторами принятия решений выступают финансовая и жилищная стабильность. Респонденты связывают готовность к рождению детей с уровнем дохода и наличием жилья, отсутствие данных факторов являются основными барьерами для реализации репродуктивных планов.
3. «Идеальный возраст» для рождения детей плавно сдвигается к 26–30 годам, что формирует тенденцию поздней рождаемости среди молодежи.
4. Не смотря на то что подавляющая часть молодежи достаточно положительно относится к процедуре искусственного прерывания беременности и допускает ее проведение во многих случаях (даже не уважительных), все же молодые люди осознают последствия и риски данного выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульязнов А.Р., Рустамова Г.М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. 2024. №51. С. 94–106.
2. Архангельский В.Н, Васильева Е.Н., Васильева А.Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // Logos et Praxis. 2021. №3. С. 93–111.
3. Бессчетнова О.В. Семейные ценности и репродуктивные установки студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. №2 (93). С. 17–31.
4. Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи: дис. на соиск. ученой степени к.с.н.. Екатеринбург, 2025.
5. Бушкова-Шиклина Э.В., Корелина С.К. Репродуктивные установки детности и контроля рождаемости у молодёжи. URL: <https://deminform.ru/analytics/reproduktivnye-ustanovki-detnosti-i-kontrolya-rozhdayemosti-u-molodyozhi> (дата обращения: 01.08.2025)
6. Гареева И.А. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения // Власть и управление на Востоке России. 2023. №1 (102). С. 101–110.
7. Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 01.08.2025)
8. Копейкина М.А. Экономико-математическое моделирование репродуктивного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2006. №1. С.55–63.
9. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. №2. С.172–189.
10. Марар О.И., Коваль Л.В. Репродуктивные установки учащейся молодежи (на примере Воронежского региона) // РСЭУ. 2022. №4 (59). С. 81–89.
11. Меньшикова В.В., Зыкова Н.В. Совершенствование механизмов регулирования репродуктивного поведения населения Архангельской области // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. №4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1179/30/lang,ru/> (дата обращения: 01.08.2025)
12. Нусхаева Б.Б. Рождаемость и репродуктивные установки сельского населения Республики Калмыкия // Вестник КИГИ РАН. 2018. №1 (35). С.142–148.
13. Социология семьи: учебное пособие / под ред. А.И. Антонова, В.М. Медкова, М., 2010.
14. Устинова О.В. Репродуктивные установки в современном российском обществе // Социология. 2022. №5. С.72–79.

© Благорожева Жанна Олеговна (blagorozheva@bsuedu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ БИЗНЕС-ПЕРЕГОВОРАХ

A STUDY OF CULTURAL DIFFERENCES IN RUSSIAN-CHINESE BUSINESS NEGOTIATIONS

**Wang Qing
Niu Yixuan**

Summary. Against the backdrop of steadily strengthening China-Russia relations and deepening economic interaction, bilateral trade volumes and business activity demonstrate sustained growth. However, in this process, cultural differences exert a substantial, and at times decisive, influence on the effectiveness of intercultural communication and the efficiency of the negotiation process. This article provides a detailed analysis of specific manifestations of cultural differences in Chinese-Russian business negotiations, examined through the lens of the following aspects: psychological dissonance, differences in mindset and value orientations, as well as differences in business etiquette. The key thesis of the study posits that negotiation participants must critically develop adaptability to Chinese-Russian cultural differences, demonstrating openness of thought and tolerance to achieve a profound understanding and respect for the partner's culture, guided by the principle of «seeking common ground while preserving differences.»

Keywords: cultural differences, business negotiations, psychological dissonance, mindset, value orientations, business etiquette.

Ван Цин

Доцент, Ляонинский педагогический университет
895915223@qq.com

Ню Исюань

Аспирант, Ляонинский педагогический университет
1150577099@qq.com

Аннотация. На фоне последовательного укрепления китайско-российских отношений и углубления экономического взаимодействия объёмы двусторонней торговли и деловая активность демонстрируют устойчивый рост. Однако в этом процессе культурные различия оказывают существенное, а подчас и решающее, влияние на результативность межкультурной коммуникации и эффективность переговорного процесса. В настоящей статье детально анализируются конкретные проявления культурных различий в китайско-российских деловых переговорах, рассматриваемые через призму следующих аспектов: психологических диссонансов, различий в менталитете и ценностных ориентациях, а также различий в деловом этикете. Ключевой тезис исследования заключается в том, что участникам переговоров крайне необходимо развивать адаптивность к китайско-российским культурным различиям, проявляя открытость мышления и толерантность для глубокого понимания и уважения культуры партнера, руководствуясь принципом «искать общее при сохранении различий».

Ключевые слова: культурные различия, деловые переговоры, психологический диссонанс, менталитет, ценностные ориентации, деловой этикет.

Введение

Цель исследования: Цель данной исследования — выявить особенности культурных различий в деловых переговорах между Китаем и Россией, а также предложить стратегии эффективного межкультурного взаимодействия в переговорном процессе.

Задачи исследования: изучить влияние психологических культурных различий между Китаем и Россией на эффективность деловых переговоров.

Гипотеза исследования: выявить и классифицировать ключевые различия в психологии, мышлении, системе ценностей и нормах этикета, а также проанализировать их проявление в конкретных ситуациях деловых переговоров.

Методология исследования: Метод изучения литературы, метод обобщения опыта

Результаты исследования: При равенстве профессиональной компетентности и экономических выгод,

исход российско-китайских переговоров решающим образом зависит от межкультурной адаптивности участников и их умения стратегически адаптировать коммуникативный стиль. Данные способности являются ключом к надежности и качеству партнёрства. Таким образом, углубленное изучение культурных различий между Россией и Китаем представляется необходимым условием для успешного развития двустороннего сотрудничества.

Теоретические основы: Настоящее исследование в основном основывается на научных трудах китайских и российских учёных, посвящённых анализу культурных различий в деловых переговорах и их влияния на возникновение психологического диссонанса. В качестве теоретической основы использованы сравнительные исследования менталитета, ценностных ориентаций и норм делового этикета участников переговорного процесса.

Практическое значение: в системном выявлении глубинных культурных различий и их потенциальных по-

следствий в российско-китайских деловых переговорах, что создает для участников переговорного процесса ключевую основу для предварительной оценки рисков. Результаты работы позволяют переговорщикам заранее осознавать и понимать существенные различия сторон в менталитете, ценностных ориентациях и деловой этике непосредственно в ходе коммуникации. Это дает возможность заблаговременно избегать психологического диссонанса и коммуникативных сбоев, вызванных культурным недопониманием. В конечном итоге, такое заблаговременное понимание эффективно предотвращает создание барьеров для делового взаимодействия между Россией и Китаем, обусловленных культурными различиями. Такое понимание способствует повышению эффективности переговоров и успешности сотрудничества.

Научная новизна: В данной статье не только проанализированы культурные различия между Китаем и Россией на переговорах, но и впервые проведено детальное сравнение стилей ведения переговоров по четырём аспектам: психологическая реакция, модель мышления, ценностные ориентиры и социальный этикет. Это позволило построить относительно целостную сравнительную систему культурных особенностей китайско-российских переговоров, преодолев ограничения предыдущих исследований, которые чрезмерно акцентировали поверхностное речевое поведение и пренебрегали глубинными культурно-психологическими механизмами.

Основные результаты

1. Психологические различия в деловых переговорах

У подавляющего большинства людей естественным образом присутствует чувство национальной гордости и уверенность в превосходстве собственной культуры. При взаимодействии с иностранными партнёрами это неизбежно приводит к подсознательному неприятию и сопротивлению чужой культуре. Китайская и российская культуры не являются исключением. Эти психологические различия проявляются с самого начала сотрудничества и сопровождают весь процесс переговоров. Например, при обсуждении цен, логистики, страхования, качества товаров или претензий стороны зачастую руководствуются принципом приоритета собственной национальной культуры, рассматривая проблемы исключительно через призму своих культурных установок. Это приводит к игнорированию культурных особенностей партнёра. В результате позиции сторон не могут полностью совпасть, возникают разногласия, а обострение противоречий может стать причиной срыва переговоров из-за культурного недопонимания [2, с. 74].

2. Мыслительные различия в деловых переговорах

Стили мышления, модели мышления и привычки мышления формируются под влиянием длительного

культурного наследия, философских идей и традиционных жизненных устоев конкретного региона или нации. Они создают особую модель познания окружающей действительности. Стили мышления, развивающиеся в различных социальных и культурных контекстах, неизменно отражают особенности соответствующих культур [3, с. 90]. Действительно, между различными народами наблюдаются существенные различия в способах мышления. Из-за влияния естественных географических условий, этнических характеристик, религиозных воззрений и иных факторов Китай и Россия развили отличительные друг от друга стили мышления, обладающие ярко выраженными национально-культурными чертами.

Китайцы обычно наблюдают явления обобщённо: сначала рассматривают объект в целом, дают обобщённую оценку, и лишь затем приступают к детальному комплексному исследованию. А россияне склонны анализировать явления через призму аналитического мышления. Россияне фокусируются на детальном разборе объекта, уделяя внимание конкретным аспектам. Иными словами, россияне предпочитают двигаться от малого к большому, от частного к общему: сначала проводят тщательное исследование деталей, а затем формулируют обобщённые выводы.

Эти различия в стиле мышления в деловых переговорах проявляются следующим образом: китайские переговорщики всегда ставят общие принципы и руководящие идеи на первое место, обычно начинают обсуждение с принципов, которые обе стороны должны соблюдать, и общих интересов, полагая, что только после успешного согласования общих принципов можно легко решить конкретные вопросы и детали. Когда китайская сторона берёт на себя ведущую роль в переговорах, она обычно не приступает к обсуждению конкретных коммерческих вопросов на начальном этапе, а откладывает их до тех пор, пока не будут достигнуты принципиальные соглашения. Такой подход к ведению переговоров, когда сначала рассматриваются общие вопросы, а затем частные, является типичным для китайского стиля. Российские переговорщики придерживаются противоположной тактики: фокусируются на предметных деталях, сознательно минимизируя концептуальные дискуссии. Проявляя прагматичную прямоту, они практикуют жёсткий стиль коммуникации — позиция по всем пунктам озвучивается сразу, особенно в ценообразовании и технических спецификациях, где недопустима двусмысленность.

Различия в ментальных моделях китайцев и россиян фундаментально проявляются в трактовке дилеммы «прибыль vs нравственный долг». Китайская ценностная система утверждает примат этических норм над коммерческой выгодой — успех переговоров китайские специалисты считают ключом к успеху в выстраивании

доверительных связей, где глубинные личные отношения превалируют над сделкой. Даже при провале переговоров сохраняется капитал взаимоуважения. Фокус китайской стороны — на перспективах стратегического альянса, где стабильность отношений ценится выше сиюминутной прибыли.

Китайская сторона всегда стремится обсуждать и решать вопросы в конструктивной рабочей атмосфере, последовательно реализуя принцип стратегического мышления во время переговоров. Хотя русский народ, как и китайский, отличается бытовым гостеприимством, но действует принцип «Кесарю — кесарево»: бизнес существует по законам прибыли, а человеческие отношения — по нормам морали. Смешивать эти сферы недопустимо.

3. Ценностные различия в деловых переговорах

Ценностные ориентации — это ключевые убеждения, на основании которых человек оценивает своё существование, собственное поведение и результаты своей деятельности либо деятельности организации. Ценности формируются не в единичных ситуациях, а накапливаются в течение длительной социальной практики, становясь сердцевинной национальной культуры. Каждая страна обладает уникальной системой ценностей, определяющей её культурные особенности [4, стр. 90].

В традиционной системе ценностей китайцев коллективизм всегда занимал центральное место. Традиционные китайские ценности утверждают, что коллектив первичен, а индивид вторичен: личность является частью коллектива, делается акцент на взаимозависимости и взаимопомощи между людьми, важности командной работы и духа коллектива. Члены команды должны быть готовы жертвовать личными потребностями и интересами ради общих целей и выгод группы. В то же время в российской традиционной культуре ядро ценностей составляет индивидуализм. Русская культура подчеркивает ценность отдельной личности. Россияне делают акцент на самостоятельности, считая, что существование индивида — предпосылка существования группы: без личности не может сформироваться коллектив. Поэтому всё общество основано на принципах гуманизма, утверждающего ценность индивидуальности, личных способностей и прав человека. Россияне придают большое значение реализации собственной ценности, измеряя жизненный успех через личные достижения.

Именно из-за различий в ценностях между китайским и российским народами в деловых переговорах китайцы подчеркивают, что личные интересы должны быть подчинены коллективным интересам. Только при развитии всего коллектива личность может получить максимальную выгоду. На переговорах китайские участники

обычно внимательно выслушивают мнения всех сторон. Более того, выражая свою позицию в ходе деловых переговоров, китайцы, как правило, избегают прямых формулировок вроде «я считаю», чтобы не акцентировать личную точку зрения. В то же время россияне в процессе переговоров предпочитают делать акцент на позицию «я», стремясь убедить оппонента и уделяя первостепенное внимание выражению личных требований [5, с. 80].

4. Социально-этикетные различия в деловых переговорах

Китай и Россия имеют богатейшую историю цивилизаций и известны своим богатым наследием этикета. Традиции этикета в обеих странах занимают важное место в национальной культуре и оказывают существенное влияние на социальное и историческое развитие. Эта культура охватывает широкий спектр правил и ритуалов, регулирующих общественные взаимодействия.

Китайско-российские деловые переговоры служат примером тесного взаимодействия двух культур. Чтобы обеспечить эффективность коммуникации и предотвратить возможные конфликты, необходимо хорошо понимать различия в правилах этикета обеих сторон. Глубокое знание культурных особенностей поможет наладить эффективную и комфортную обстановку для успешных переговоров.

1. Различия в формах обращения. Любые деловые переговоры начинаются с правильного обращения к собеседнику. Грамотное использование форм обращения и вежливых приветствий закладывает основу для эффективного общения. Традиционный китайский этикет основан на конфуцианских нормах, согласно которым почтение старших и доброжелательность являются важнейшими добродетелями. В повседневной жизни китайцы стремятся поддерживать теплые эмоциональные связи и строить гармоничные отношения. Это отражается в обращении младших к старшим людям, которые не являются родственниками, такими как «дедушка», «бабушка», «дядя», «тётя». Такие обращения содержат значительный эмоциональный подтекст. В российской культуре особое внимание уделяется соблюдению границ личного пространства и конфиденциальности. Обращения, подразумевающие родственную связь или возраст собеседника, используются редко. Более распространёнными формами являются нейтральные и официальные выражения, такие как «молодой человек», «девушка», «господин», «госпожа».

Значительные различия в форме обращения характерны и для деловых переговоров между представите-

лями России и Китая. В китайской практике широко применяется структура «фамилия+должность», например, «менеджер Ван», «председатель Лю». Использование такой конструкции демонстрирует уважение к должностному положению партнера и подчеркивает официальный тон беседы. В России принят иной подход: в официальной среде принято обращаться по формуле «господин/госпожа + фамилия» или «имя-отчество». Особенностью является то, что звание или должность не включаются в официальное обращение вне зависимости от статуса собеседника.

2. Различия в практике дарения подарков. Китай и Россия знамениты развитыми традициями этикета, где дарение подарков играет значительную роль в социальном взаимодействии. Обмен подарками в деловых переговорах символизирует взаимное уважение и способствует укреплению отношений. В Китае подарки олицетворяют знаки внимания и уважения. Широко практикуется вручение денежных даров (так называемых красных конвертов) наряду с памятными сувенирами. Значительное внимание уделяется символике презента, в частности числовой символике: цифры 6, 8 и 9 ассоциируются с удачей, богатством и долголетием соответственно. В России подарок воспринимается прежде всего как проявление заботы и почтительности. Его цена не столь существенна, важнее оригинальность и глубокий смысл. Популярны небольшие сувениры, представляющие культуру и традиции вашей страны. Следует помнить, что четное количество подарков традиционно связывают с трагическими событиями, поэтому лучше выбрать нечетное число, в частности цифру 7.
3. Различия в проявлении скромности. Скромность играет большую роль в китайской культуре. В общении китайцы зачастую занижают свои успехи и восхваляют достижения другого человека. Получив комплимент, китаец часто реагирует

словами вроде: «Нет, это совсем не так хорошо», «Мне ещё многое предстоит научиться», «До вашего уровня мне далеко». Подобные реакции свидетельствуют о высоком значении скромности в китайской традиции. В русской культуре большее внимание уделяется самооценке и гордости за профессиональные достижения. Русские ценят независимость и признание индивидуального вклада, открыто заявляя о своих успехах и результатах труда. Принцип объективности и уверенности в себе преобладает в поведении. На деловых встречах китайские партнеры склонны проявлять умеренность и смирение. Однако такое поведение иногда воспринимается россиянами как неуверенность или недостаток инициативы, что может привести к затруднениям в переговорах. Поэтому важно найти баланс между традиционной скромностью и уверенностью в себе, чтобы не допустить негативных последствий.

Заключение

Международные деловые переговоры между Китаем и Россией отличаются от внутренних деловых переговоров. Участникам переговоров необходимо тщательно подготовиться. Во время переговоров следует открыто признавать культурные различия между сторонами, учиться адаптироваться к этим китайско-российским культурным различиям, с широким кругозором и терпимым отношением понимать и уважать культуру другой стороны, искать общее при сохранении различий. Участникам переговоров необходимо развивать осознанность в вопросах межкультурных переговоров, уметь ставить себя на место партнера, уважать его образ мышления и способ принятия решений, гармонизировать собственный стиль ведения переговоров с культурой собеседника. Только так можно способствовать взаимопониманию сторон, совместными усилиями создавать гармоничную атмосферу переговоров, чтобы переговоры увенчались успехом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сун, Куй. Влияние вступления России в ВТО на торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией / Куй С. // Вестник партшколы Харбина. — 2012. — № 3. — С. 15–20.
2. Г,Цзе. Сравнение китайской и российской деловой культуры / Цзе Г. // Science Time. — 2021. — № 2 (86). — С. 6–9.
3. Сун, Мэйлань. Анализ конфликтов и недопонимания в межкультурном общении культур сильного и слабого контекста / Мэйлань, С. // Экономика и культура приграничья. — 2008. — № 4. — С. 74–75.
4. Сун, Хунжуй. Влияние различий китайского и английского типов мышления на перевод / Хунжуй, С. // Вестник Хэнаньского индустриального университета. Социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 89–92.
5. Сун, Лижун. Преподавание русского языка в условиях культурных различий между Китаем и Россией: межкультурная коммуникация и подготовка кадров / Лижун, С. // Вестник Хэйхэского института. — 2011. — № 4. — С. 80–84.

© Ван Цин (895915223@qq.com); Ню Исюань (1150577099@qq.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПОНЕНТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: ГРАЖДАНСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

COMPONENTS OF IDENTITY OF RESIDENTS OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION: CIVIC BELONGING, REGIONAL SPECIFICITY AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

V. Kashtanyuk
A. Sheludko

Summary. The article explores the peculiarities of identity formation among the inhabitants of the Jewish autonomous region (EAR), identifying key factors influencing their self-identification within both the nationwide and regional contexts. Based on sociological survey data, the authors highlight three primary elements defining the identity of area residents: civic affiliation, regional specificity, and historical awareness. All three components interact continuously, enriching each other and creating a balanced mechanism for shaping identity. This model is useful for understanding similar processes in other multiethnic regions of Russia. The research findings can be applied to developing educational programs, formulating regional policies, and improving administrative approaches aimed at enhancing civic and regional identity.

Keywords: regional identity, Jewish autonomous region, multiethnic region, historical and cultural heritage, territorial affiliation, Jewish ethnocultural component.

Каштанюк Валерия Александровна

к.и.н., ФГБОУ ВО Приамурский государственный
университет имени Шолом — Алейхема, г. Биробиджан
Valeriya-77@mail.ru

Шелудько Александр Сергеевич

ФГБОУ ВО Приамурский государственный университет
имени Шолом — Алейхема, г. Биробиджан
alexandersheludko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности формирования идентичности жителей Еврейской автономной области (ЕАО), выявляются ключевые компоненты, оказывающие влияние на их самоидентификацию в общероссийском и региональном контексте. Основываясь на результатах социологического опроса, авторы выделяют три основных элемента, определяющих идентичность жителей области: гражданскую принадлежность, региональную специфику и историческое сознание. Все три компонента действуют в постоянном взаимодействии, обогащая друг друга и создавая сбалансированный механизм формирования идентичности. Эта модель полезна для понимания аналогичных процессов в других полиэтничных регионах России. Результаты исследования полезны для разработки образовательных программ, формирования региональной политики и улучшения управленческих подходов, направленных на укрепление гражданской и региональной идентичности.

Ключевые слова: региональная идентичность, Еврейская автономная область, полиэтничный регион, историко-культурное наследие, территориальная принадлежность, еврейский этнокультурный компонент.

Формирование идентичности как неотъемлемой части массового сознания, объединяющей жителей целой страны, города или населенного пункта, требует наличия определенных оснований, выражающихся в конкретных компонентах. В случае идентичностей такими компонентами выступают значимые события, деятельность человека или социальной группы, чьи действия оказывают влияние на самосознание других людей и их принятие той или иной принадлежности (к стране, городу, району, культуре, религии и т.д.).

Проведение исследований в полиэтничных регионах России показывает, как гражданская, территориальная и этническая идентичности влияют на жителей региона и посредством каких компонентов это происходит. В нашем исследовании в качестве объекта изучения мы рассматриваем уникальный полиэтничный регион России — Еврейскую автономную область. Это единственный этнокультурный субъект Российской Федера-

ции, имеющий отношение к еврейскому этносу с точки зрения исторической и культурной составляющей.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью глубокого научного осмысления сложной структуры идентичности жителей уникального региона в контексте общероссийских задач по укреплению гражданского единства и сохранению культурного разнообразия, а также практической востребованностью его результатов для социально-политического управления и развития Еврейской автономной области.

В современных исследованиях идентичность концептуализируется как ключевой инструмент социального взаимодействия и фактор общественного развития. Работы И.С. Семененко и И.В. Мирошниченко [8, 4] подчеркивают ее роль в достижении баланса и интеграции разнородных социальных общностей (религиозных, этнических, профессиональных), способствующей формированию единого смыслового и эмоционального поля.

Этот процесс, по мнению авторов, лежит в основе консолидации общероссийской гражданской идентичности.

Проблематика формирования гражданской идентичности в образовательном контексте раскрывается в исследовании С.И. Попова и Е.Е. Соловьевой [7]. Авторы обосновывают необходимость гармоничного сочетания общенационального и регионального компонентов в образовании для формирования у школьников целостного мировосприятия и устойчивой гражданской идентичности.

Взаимосвязь и взаимовлияние различных уровней идентичности (гражданской, этнической, региональной) в поликультурных регионах России (Татарстан, Башкортостан, Якутия) являются предметом анализа Е.Г. Гешевой [1]. Автор исследует их роль в личностной идентификации и интеграции в сообщество.

И.С. Огоновская [5] рассматривает региональную, национальную и гражданскую идентичности как взаимодействующие конструкты, формируемые в образовательных учреждениях через изучение локальной истории. Особый акцент делается на базисной роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей в становлении гражданской идентичности и на специфических компонентах региональной идентичности.

А.Ю. Полунов [6] фокусируется на региональных аспектах формирования общероссийской гражданской идентичности на примере Северного Кавказа, выделяя препятствия (сложная историческая динамика, этнополитические противоречия) для укрепления общегражданского самосознания в данном регионе.

Эмпирическое исследование Е.А. Когай и В.А. Дзюба [3], проведенное в Курской области, выявило значимость концепта «малой Родины» как ключевого фактора региональной и персональной идентификации, способствующего проявлению гражданской идентичности.

Факторный анализ формирования региональной идентичности в условиях Еврейской автономной области представлен в работе В.А. Каштанюк [2].

Цель исследования — рассмотреть, с помощью каких компонентов формируется у жителей Еврейской автономной области гражданская и территориальная (в данном случае — региональная) идентичность.

В основу настоящего исследования легли результаты социологического опроса, проведенного на территории Еврейской автономной области. Объем выборки составил 322 респондента, что обеспечивает определённую статистическую надежность для анализа ключевых демографических и социальных параметров. Первичные

данные охватывают широкий спектр характеристик: половозрастную структуру, уровень образования, социально-профессиональное положение, а также данные о происхождении (коренные жители/приезжие) и текущем месте проживания в разрезе районов области.

Представленные данные позволяют детально охарактеризовать выборку. В ней наблюдается значительное преобладание женского населения (76,4 %) над мужским (23,6 %). Возрастная структура демонстрирует наибольшую представленность группы 41–60 лет (31,7 %), а также значительную долю молодежи 17–22 лет (22,4 %) и лиц в возрасте 28–40 лет (20,2 %). Образовательный профиль выборки характеризуется высоким удельным весом лиц со средним (40,7 %) и высшим (34,5 %) образованием. Социально-профессиональный состав отличается заметной долей студентов колледжей (25,8 %), служащих (17,1 %), представителей интеллигенции, не занятой на производстве (20,2 %), и руководителей (9,9 %). Географически большая часть респондентов проживает в Биробиджане (40,7 %), Облученском (26,4 %) и Октябрьском (24,2 %) районах. Подавляющее большинство опрошенных являются коренными жителями области (76,4 %).

Согласно результатам (рис. 1), большинство ответов у респондентов связано с такими вариантами, как «любовь к своей стране» (74,5 %), «гордость за Россию» (64,5 %), «приверженность русским традициям и обычаям» (50,6 %) и «ответственность за происходящее в стране» (40,1 %). На основании представленных результатов, мы делаем вывод, что существует взаимосвязь между любовью к своей стране, гордостью и чувством ответственности, что показывает наличие у респондентов чувства сопричастности и сопереживания именно к стране, желания быть её частью. Следовательно, это свидетельствует о наличии у них самоидентификации с остальной частью страны.

Гражданская идентичность, то есть принадлежность к гражданам страны, самоидентификация себя с остальной частью населения, демонстрирует нам, что у жителей Еврейской автономной области этот фактор присутствует.

Формирование гражданской идентичности происходит под влиянием различных ресурсов, одним из этих ресурсов, на наш взгляд являются средства массовой информации. В связи с этим мы спросили у респондентов, какие средства массовой информации они используют (рис. 2). Результаты демонстрируют нам, что большинство респондентов используют социальные сети (72,4 %) как источник получения информации, что говорит о высокой мобильности жителей в данном сегменте медиаресурсов. На наш взгляд влияние социальных сетей, да и в целом, источников информации (ТВ, электронные из-

11. Сколько пунктов из перечисленных отражает ваше отношение к России

322 ответа

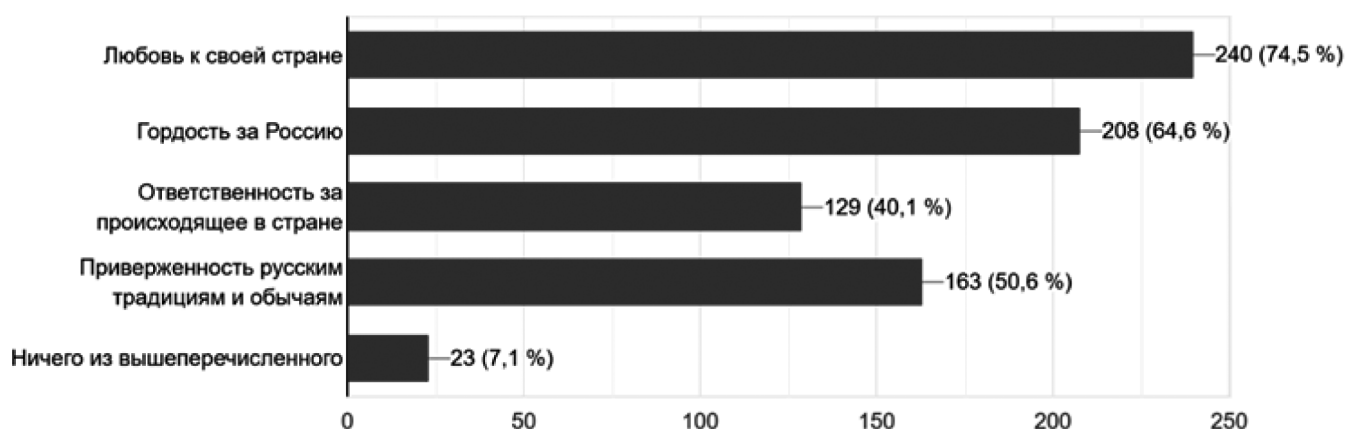

Рис. 1. Сколько пунктов из перечисленных отражает ваше отношение к России

13. Какие средства массовой информации Вы используете?

322 ответа

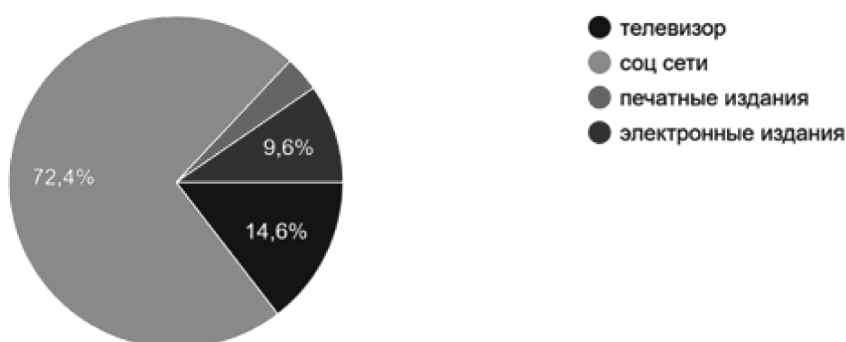

Рис. 2. Какие средства массовой информации Вы используете?

дания, печатные издания и т.д.) способны формировать у жителей восприятие страны, региона, политических процессов, что сказывается на формировании гражданской и региональной идентичностей.

Проявление гражданской идентичности у жителей Еврейской автономной области можно проследить и путем их участия в политической жизни страны (рис. 3). Согласно результатам, большинство респондентов принимают участие в политических процессах, происходящих в России, что подтверждает их чувство солидарности и сопричастности к судьбе страны и её развитию.

Вопрос о том, как жители Еврейской автономной области относятся к общероссийским ценностям, заключался в выявлении значения общенациональных традиций и их влияния на жителей ЕАО. Результаты исследования показали следующее (рис. 4).

Согласно данным, значительная часть респондентов (57,1 %) считают, что общенациональные ценности име-

ют важное значение и влияние на всех россиян. Таким образом, можно сделать вывод, что жители ЕАО идентифицируют себя с остальным населением страны, признавая значимость национальных традиций.

Помимо гражданской идентичности, важно определить у жителей их принадлежность к месту проживания — ассоциируют ли они себя с территорией своего региона, города, района или населённого пункта. Территориальная идентичность играет важную роль в формировании самоидентификации человека с местным сообществом.

В рамках нашего исследования мы задали респондентам вопрос о том, насколько они ощущают свою связь с регионом, чтобы выяснить степень выраженности региональной идентичности среди местного сообщества (рис. 5). Вопрос звучал следующим образом: «Нужно ли сохранить в нашем регионе национальную идентичность (сохраняя культуру и историю ЕАО)».

16. Являетесь ли активным участником политических процессов в России?

322 ответа

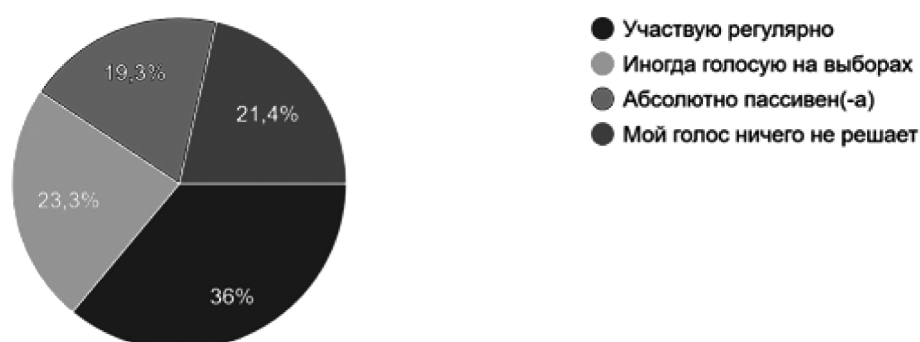

Рис. 3. Являетесь ли активным участником политических процессов в России?

17. Верите ли вы в важность изучения общих для всех россиян символов, традиций и достижений?

322 ответа

Рис. 4. Верите ли вы в важность изучения общих для всех россиян символов, традиций и достижений?

14. Нужно ли сохранить в нашем регионе национальную идентичность (сохраняя культуру и историю ЕАО)

322 ответа

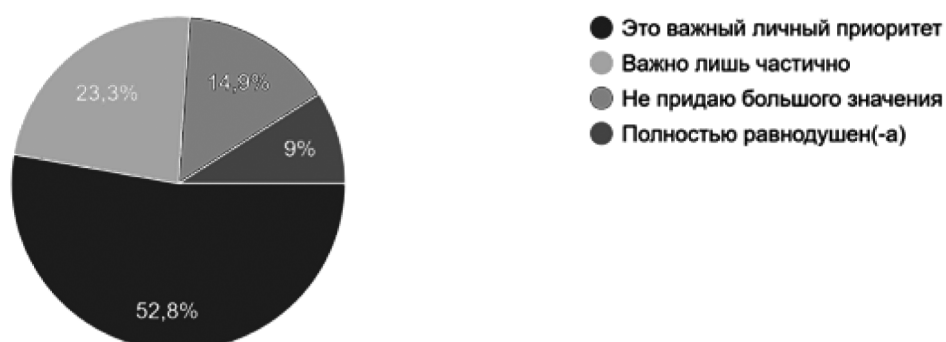

Рис. 5. Нужно ли сохранить в нашем регионе национальную идентичность (сохраняя культуру и историю ЕАО)

Полученные результаты оказались следующими: 52,8 % респондентов указали, что сохранение национальной идентичности является для них важным личным приоритетом; 23,3 % опрошенных отметили, что эта задача важна лишь частично; наименьшее количество участников выбрали нейтральную позицию.

Ещё один фактор, который на наш взгляд требует внимания, для выявления взаимосвязи гражданской идентичности с региональной, это отношение жителей региона к другим субъектам Российской Федерации. Данный фактор показывает, есть ли у жителей, потребность изучения или проявлении интереса к другим реги-

18. Ваше отношение к другим регионам России

322 ответа

Рис. 6. Ваше отношение к другим регионам России

онам страны. Результаты респондентов демонстрируют активный интерес ко многим регионам страны, что может быть основанием для констатации факта у них интереса к другим регионам (рис. 6).

Наличие гражданской принадлежности, то есть отождествление себя к сообществу граждан страны, является неотъемлемым фактором поддержания общественного сознания, межличностных связей и сплочённости социальных групп. Самоидентификация как гражданин проявляется у жителей различных регионов неодинаково, особенно в многонациональных субъектах федерации. Что касается Еврейской автономной области, то главным компонентом формирования идентичности местных жителей выступает именно гражданская принадлежность, выраженная в положительном отношении к стране, проявляющемся через такие факторы, как любовь, гордость и ответственность за будущее Родины (рис. 1). Участие жителей в политической жизни государства посредством реализации избирательных прав наглядно демонстрирует, что судьба страны небезразлична населению, поскольку участие в выборах, согласно опросу, занимает значительное место в жизни большинства респондентов (рис. 3). Кроме того, стремление изучать традиционные российские ценности представляется неотъемлемой частью процесса идентификации себя как гражданина, а значит, способствует формированию гражданской принадлежности (рис. 4).

Поскольку Еврейская автономная область представляет собой этнокультурный регион, наличие региональной специфики здесь играет немаловажную роль как компонента формирования идентичности, в данном случае региональной. Сохранение национальной идентичности, как элемент территориальной идентичности, по результатам опроса рассматривается жителями ЕАО как важный личный приоритет. Это говорит о том, что население идентифицирует себя с местом своего проживания, что свидетельствует о наличии территориальной идентичности (рис. 5).

Изучение о других субъектах страны, проявление интереса к ним, а также осознание важности сохранения собственной истории региона формируют такое понятие, как историческое сознание, которое является неотъемлемой частью формирования как территориальной, так и гражданской идентичности в целом. По результатам, данный компонент присутствует у жителей региона, что подтверждает их связь как с местом собственного проживания (в данном случае — регионом), так и с формированием общей связи с жителями всей страны (рис. 5, рис. 6).

Гражданская принадлежность характеризуется осознанием жителями региона своего места в общности с остальными гражданами страны. Формирование такого осознания может происходить посредством воспитания и образования, выступая одновременно индикатором выявления человеком своего отношения к стране, заботы о её будущем, интереса к традициям, достижениям и ценностям русского народа и знакомства с особенностями других субъектов Российской Федерации (рис. 1, рис. 3, рис. 4, рис. 6).

Региональная специфика выступает идентификатором для человека, определяющим его место проживания в конкретном регионе, выделяя таким образом территорию из числа других субъектов. Индикаторами могут выступать национальная идентичность, характерная для этнокультурных регионов, изучение истории и культуры одного или нескольких этнических групп, проживающих в регионе одновременно (рис. 5).

В нашем случае Еврейская автономная область характеризуется национальной идентичностью в рамках изучения истории освоения региона и развития культурного наследия еврейского этноса, хотя он и не является единственным народом, проживающим на территории области.

Историческое сознание в нашем понимании в рамках данного исследования выступает своеобразным

«мостом», связывающим региональную идентичность и общероссийскую гражданскую. Изучение истории и культуры региона и страны, общих традиций для всех россиян, их сохранение и передача составляют неотъемлемую часть формирования исторической памяти, что, в свою очередь, становится важнейшим фактором становления общероссийской гражданской и региональной идентичности.

Общероссийская гражданская идентичность, которая в данном случае выступает как гражданская принадлежность, и региональная идентичность, представляющая собой региональную специфику, являются основными компонентами, определяющими идентификацию человека обществом относительно его места в социальном пространстве как в масштабах всей страны, так и отдельного региона.

Они взаимодополняют друг друга, однако региональная специфика обладает своими уникальными чертами в историческом, культурном, экономическом, политическом и национальном аспектах, что отличает её от общего пространства (общероссийской гражданской идентичности). Тем самым создаются предпосылки для формирования и развития региональной идентичности, то есть самоидентификации личности и общества с конкретным регионом, обладающим особыми характеристиками, отличающими его от других регионов страны.

Проведенное исследование компонентов идентичности жителей Еврейской автономной области (ЕАО) позволило выявить ключевые факторы, формирующие их самоидентификацию в общероссийском и региональном контексте. Основные выводы работы сводятся к следующему:

Доминирование гражданской идентичности: Исследование подтвердило сильную выраженность общероссийской гражданской принадлежности у жителей ЕАО. Это проявляется в:

Глубоких патриотических чувствах («любовь к своей стране» — 74.5 %, «гордость за Россию» — 64.5 %).

1. Чувстве ответственности за судьбу страны (40.1 %).
2. Активном участии в политической жизни (реализация избирательных прав).
3. Признании важности общероссийских символов, традиций и достижений (57.1 % видят их значительное влияние).
4. Позитивном интересе к другим регионам России. Гражданская идентичность выступает фундаментальным компонентом, интегрирующим жителей области в общенациональное сообщество.

Значимость региональной специфики: ЕАО, как уникальный этнокультурный регион России с особым статусом, демонстрирует важность региональной идентичности. Ее ключевым индикатором является:

Высокая значимость для жителей (52.8 % как важный личный приоритет) сохранения национальной (еврейской) идентичности региона, его культуры и истории. Это свидетельствует о сильной территориальной самоидентификации жителей с ЕАО, ее уникальным наследием, отличающим ее от других субъектов РФ.

Роль исторического сознания как связующего звена: Исследование выявило историческое сознание в качестве критически важного, интегрирующего компонента:

Оно проявляется в интересе к истории и культуре как своего региона (подтверждая региональную идентичность), так и страны в целом (укрепляя гражданскую идентичность).

Осознание важности сохранения региональной истории и культуры, а также изучение общенациональных традиций формируют общую историческую память.

Историческое сознание выступает «мостом», обеспечивающим гармоничное взаимодействие и взаимодополнение региональной специфики и общероссийской гражданской идентичности.

Взаимодополняемость компонентов и формирование баланса: Три ключевых компонента — гражданская принадлежность (общероссийская идентичность), региональная специфика (региональная идентичность) и историческое сознание — не существуют изолированно. Они находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии:

1. Гражданская идентичность создает основу для развития региональной, интегрируя ее в общенациональный контекст.
2. Региональная идентичность, основанная на уникальной специфике ЕАО, обогащает и конкретизирует общероссийскую принадлежность.
3. Историческое сознание обеспечивает преемственность и смысловую связь между региональным и общенациональным уровнями, формируя целостную картину.

Этот динамичный баланс позволяет жителям ЕАО успешно идентифицировать себя одновременно и с Россией в целом, и со своим уникальным регионом, способствуя внутренней социальной сплоченности и позитивному взаимодействию как внутри области, так и с сообществами других субъектов Федерации.

Идентичность жителей Еврейской автономной области формируется под влиянием сложного взаимо-

действия трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов: общероссийской гражданской принадлежности, уникальной региональной специфики (прежде всего, связанной с сохранением еврейского культурно-исторического наследия) и исторического сознания, связывающего локальную историю с общенациональной. Выявленная модель подчеркивает успешность интеграции специфического этнокультурного региона в общегражданское пространство России при сохранении его уникальных черт, что имеет значение для понимания механизмов формирования идентичности в других полиэтнических регионах страны.

Эти три компонента тесно взаимодействуют друг с другом, способствуя самоидентификации жителей ре-

гиона одновременно как к стране, так и к месту своего проживания. Территориальная идентичность, представленная в данном случае как региональная, в постоянном взаимодействии формирует общероссийскую гражданскую идентичность. Общероссийская гражданская идентичность, в свою очередь, является основой формирования региональной идентичности, дополняя друг друга, данные идентичности образуют баланс, позволяющий жителям региона взаимодействовать как сообществами других субъектов федерации, так и внутри своего региона, сотрудничая с местными сообществами и способствуя созданию положительной динамики общественного развития в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гешева Е.Г. Гражданская, этническая и региональная идентичность // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 4. — С. 362–368. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23943317> (дата обращения: 24.07.2025)
2. Каштанюк В.А. Факторы, определяющие региональную идентичность в Еврейской автономной области // Межэтнические и межкультурные коммуникации в XX — начале XXI вв.: регионализм в условиях глобализации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией: П.В. Примак. 2014. С. 65–72.
3. Когай Е.А., Дзюба В.А. Гражданская идентичность: региональное измерение // Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного комплексного мероприятия, Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2025. — С. 248–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80876234> (дата обращения: 24.07.2025)
4. Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов. — Москва: Вест Мир, 2023. — С. 57–67.
5. Огоновская И.С. История родного края как инструмент формирования региональной, национальной и гражданской идентичности детей и молодежи // Актуальные вопросы изучения истории родного края: проблемы и перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Екатеринбург: Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования», 2024. — С. 102–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=73403484> (дата обращения: 24.07.2025)
6. Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 96. — С. 124–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50443357> (дата обращения: 24.07.2025)
7. Попова С.И., Соловьева Е.Е. Возможности формирования гражданской идентичности учащихся в условиях реализации регионального компонента // Взаимодействие науки и образования в академическом пространстве. — Череповец: Череповецкий государственный университет, 2019. — С. 178–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39267410> (дата обращения: 24.07.2025)
8. Семенов И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов. — Москва: Вест Мир, 2023. — С. 18–27.

© Каштанюк Валерия Александровна (Valeriya-77@mail.ru); Шелудько Александр Сергеевич (alexandersheludko@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ В СТРАНАХ ЕАЭС: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENHANCING THE MANAGERIAL COMPETENCE OF INTERNATIONAL PROJECT LEADERS IN THE EAEU COUNTRIES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

**N. Myslivets
G. Balasanyan
S. Tsvetov
V. Petrov**

Summary. The article presents a sociological analysis of the role of artificial intelligence (AI) technologies in enhancing the managerial competence of international project leaders in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The relevance of the study is determined by the rapid penetration of AI technologies into managerial practice and the necessity to adapt leaders' competencies to new integration conditions. The scientific problem lies in identifying the socio-cultural, organizational, and cognitive changes caused by the use of AI technologies in international projects within the EAEU. The aim of the work is to determine how AI technologies influence managerial thinking, intercultural interaction strategies, and organizational practices. The empirical basis consists of interviews with experts from Armenia, Belarus, and Russia, analyzed using thematic coding. The results show that the use of AI technologies expands analytical capabilities, improves forecasting, and strengthens communications, but requires critical interpretation and a high level of digital literacy. Conclusion: AI technologies act not only as a technological but also as a socio-cultural resource of integration, shaping new standards of managerial competence for international project leaders in the EAEU space.

Keywords: artificial intelligence, managerial competence, international projects, EAEU, socio-cultural integration, digital transformation, intercultural interaction.

Мысливец Николай Леонтьевич

кандидат социологических наук,
директор Института социологии,
«Национальная академия наук Беларуси», Минск
prettor@mail.ru

Баласанян Григор Александрович

кандидат исторических наук,
Ереванский государственный университет,
grigorbalasanyan@mail.ru

Цветов Сергей Викторович

кандидат социологических наук, старший
преподаватель, ФГКОУ ВО «Белгородский юридический
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина»
tsvetov_86@mail.ru

Петров Владимир Владимирович

управляющий по экспорту в странах СНГ,
АО «ДКС», Москва

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу роли технологий искусственного интеллекта в повышении управленческой компетентности руководителей международных проектов в странах Евразийского экономического союза. Актуальность исследования обусловлена быстрым проникновением технологий искусственного интеллекта в управленческую практику и необходимостью адаптации компетенций лидеров к новым интеграционным условиям. Научная проблема заключается в выявлении социокультурных, организационных и когнитивных изменений, вызываемых применением технологий искусственного интеллекта в международных проектах ЕАЭС. Цель работы: определить, каким образом технологии искусственного интеллекта влияют на управленческое мышление, стратегии межкультурного взаимодействия и организационные практики. Эмпирическую основу составили интервью с экспертами Армении, Беларуси и России, анализ проведён с использованием тематического кодирования. Результаты показали, что использование технологий искусственного интеллекта расширяет аналитические возможности, совершенствует прогнозирование, укрепляет коммуникации, но требует критической интерпретации и высокой цифровой грамотности. Вывод: технологии искусственного интеллекта выступают не только технологическим, но и социокультурным ресурсом интеграции, формируя новые стандарты управленческой компетентности руководителей международных проектов в пространстве ЕАЭС.

Ключевые слова: искусственный интеллект, управленческая компетентность, международные проекты, ЕАЭС, социокультурная интеграция, цифровая трансформация, межкультурное взаимодействие.

Введение

Актуальность заявленной темы определяется стремительным проникновением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в управленческую практику, что в условиях углубляющейся интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) формирует новые требования к компетенциям руководителей международных проектов [1]. На фоне цифровой трансформации, сопровождающейся усложнением организационных структур и ростом международного взаимодействия [2], в том числе общественного [3], именно управленческая компетентность становится ключевым фактором устойчивости и эффективности совместных инициатив [4]. При этом ИИ всё чаще рассматривается не только как инструмент автоматизации, но и как стратегический ресурс [5], способный трансформировать подходы к принятию решений, распределению ресурсов и построению коммуникаций в интернациональной среде [6] на основе взаимного уважения к разнообразию культур [7].

В научной литературе уже накоплен определённый массив исследований, касающихся некоторых аспектов внедрения ИИ в управленческие процессы, оценки его экономического эффекта и влияния на производительность труда [8]. Отдельное внимание уделяется вопросам цифровой грамотности управленцев [9], готовности организаций к технологическим изменениям [10], а также этическим и правовым аспектам использования ИИ, формированию профессиональной культуры [11]. Однако в социологической перспективе проблема влияния ИИ на развитие управленческой компетентности именно руководителей международных проектов в пространстве ЕАЭС до сих пор остаётся фрагментарно изученной. Недостаточно прояснены механизмы, через которые ИИ воздействует на управленческое мышление, стратегии взаимодействия с многонациональными командами и способность адаптировать организационные практики к условиям интеграционной среды.

Научная проблема данного исследования заключается в необходимости выявления и анализа тех социокультурных, организационных и когнитивных изменений, которые вносят технологии ИИ в компетентностный профиль руководителей международных проектов в странах ЕАЭС. Сложность этой задачи обусловлена тем, что цифровые инструменты функционируют не изолированно, а в тесной взаимосвязи с институциональными условиями, культурными кодами и нормами делового взаимодействия, характерными для каждого из государств союза.

Цель исследования: провести социологический анализ роли технологий ИИ в повышении управленческой компетентности руководителей международных про-

ектов в странах ЕАЭС, выявив особенности влияния технологий ИИ на формирование управленческих навыков, стратегических подходов и культурно-коммуникационных практик в условиях межгосударственного сотрудничества.

Научная новизна работы состоит в том, что технологии ИИ рассматриваются не как нейтральная цифровая среда, а как социально опосредованный фактор, изменяющий способы организации и координации совместной деятельности, распределение ответственности и систему оценки эффективности управленческих решений. Данное исследование позволит дополнить существующие концепции управления в интеграционном пространстве ЕАЭС эмпирически обоснованным представлением о том, как технологии ИИ формируют новые стандарты профессиональной компетентности и влияют на качество межгосударственного взаимодействия.

Методы

Методологической основой исследования послужила концепция социального капитала, изложенная в работах П. Бурдьё [12] и Р. Патнэма [13], данная концепция позволила рассматривать владение руководителями проектов различными технологиями ИИ как способ повышения собственной управленческой компетентности. Кроме того, методологической базой стал интеграционный подход [14], позволивший представить повышение компетенции руководителей в области использования технологий ИИ как фактор интеграции населения регионов ЕАЭС и развития международных проектов.

Эмпирическую основу проведённого исследования составили результаты 17 глубинных интервью, реализованных в течение 2025 г. с привлечением экспертов, профессиональная деятельность которых охватывает широкий спектр отраслей: от крупных научных, образовательных, культурных и сервисных организаций до предприятий промышленного и сельскохозяйственного профиля. Такой подход позволил выстроить многоуровневую картину восприятия и внедрения технологий ИИ в управленческую практику международных проектов, выявляя как универсальные, так и специфические для определённых сфер закономерности. Отбор респондентов осуществлялся с учётом их опыта руководства транснациональными инициативами, в том числе в рамках интеграционных процессов на территории ЕАЭС, что обеспечивало содержательную насыщенность и аналитическую ценность собранного материала.

Географическая структура выборки включала представителей трёх государств: Российской Федерации (7 экспертов), Республики Армения (5 экспертов) и Республики Беларусь (5 экспертов). Данное распределение не только отражало пропорциональность охвата ключе-

вых участников ЕАЭС, но и позволяло проследить влияние территориальных, социокультурных и институциональных контекстов на формирование управленческих компетенций. При сравнении материалов интервью, полученных в различных национальных юрисдикциях, обнаруживались как сходства в стратегических подходах к использованию ИИ, так и различия, связанные с локальными особенностями регулирования, уровня цифровой инфраструктуры и готовности кадрового потенциала к адаптации новых инструментов.

Метод глубинного интервью был выбран в силу его способности раскрывать индивидуальные интерпретации, субъективные оценки и скрытые мотивационные механизмы, которые зачастую остаются вне поля зрения количественных методов. Каждая беседа строилась по заранее определённому сценарию, что позволяло, с одной стороны, сохранять фокус на исследовательских вопросах, а с другой — гибко реагировать на уникальные идеи экспертов. Вопросы касались не только текущих практик применения ИИ, но и перспектив его интеграции в процессы стратегического планирования, распределения ресурсов, оценки эффективности и формирования команд в международных проектах.

Аналитическая обработка собранных данных проводилась с использованием тематического кодирования, что давало возможность выявить повторяющиеся смысловые блоки, фиксировать устойчивые ассоциации и устанавливать связи между концептами, сформулированными участниками исследования. При этом особое внимание уделялось выявлению тех высказываний, где ИИ рассматривался не как технический инструмент, а как фактор трансформации управленческого мышления и стратегической культуры руководителей. Такой подход позволял интерпретировать материал в более широком социологическом контексте, связывая индивидуальные нарративы с макросоциальными процессами цифровизации и интеграции в пространстве ЕАЭС.

В результате комплексного применения данных процедур методологическая конструкция исследования обеспечила высокий уровень достоверности выводов, опираясь на глубокое погружение в субъективный опыт экспертов и системное сопоставление их позиций в межстрановом разрезе. Это, в свою очередь, создало основу для выработки концептуальных обобщений, отражающих стратегическую роль искусственного интеллекта в повышении управленческой компетентности руководителей международных проектов в странах ЕАЭС.

Результаты и обсуждение

Проведённые глубинные интервью позволили реконструировать многоаспектное восприятие технологий искусственного интеллекта руководителями между-

народных проектов в странах ЕАЭС, выявив как общие тренды, так и национально-специфические особенности их интеграции в управленческую практику. Практически все респонденты отметили, что за последние годы технологии ИИ перестали восприниматься исключительно как вспомогательный инструмент для автоматизации рутинных операций. Он всё чаще рассматривается как ключевой элемент стратегического управления, способный усиливать аналитический потенциал, ускорять принятие решений и формировать новые стандарты межгосударственного взаимодействия.

В интервью экспертов неоднократно звучала мысль, что использование технологий ИИ позволяет расширять горизонты управленческой компетентности, интегрируя в процесс принятия решений массивы данных, которые ранее оставались неструктурированными и трудно сопоставимыми. Руководители отмечали, что благодаря алгоритмам прогнозирования и интеллектуального анализа возрастает способность предвидеть возможные риски, выстраивать более точные сценарии развития проекта и адаптировать стратегию к быстро меняющимся внешним условиям. При этом подчёркивалось, что такие преимущества проявляются лишь при условии осознанного и критического подхода к результатам работы алгоритмов, когда управленец способен интерпретировать и корректировать машинные выводы в соответствии с контекстом конкретного международного проекта.

Одним из центральных наблюдений стала различная степень институционализации применения технологий ИИ в трёх странах выборки. Российские эксперты чаще описывали использование технологий ИИ в рамках официально закреплённых корпоративных и государственных программ цифровизации, интегрированных в систему проектного управления. В Армении, по словам респондентов, технологии ИИ применяются более точно и в значительной мере опираются на инициативу конкретных руководителей, готовых экспериментировать с новыми инструментами, даже при ограниченных ресурсах. Белорусские эксперты отмечали, что внедрение технологий ИИ идёт преимущественно через отраслевые программы модернизации и технологического переоснащения, где особое внимание уделяется обучению персонала и формированию внутренней культуры работы с цифровыми системами.

Важный пласт экспертных интервью был связан с вопросом о том, как технологии ИИ влияют на межкультурное взаимодействие в международных проектах. Респонденты подчеркивали, что инструменты автоматического перевода, анализа тональности сообщений и адаптации контента под культурные особенности партнёров позволяют снижать барьеры в коммуникации и ускорять процесс согласования решений. Вместе с тем, часть экспертов указывала на риск чрезмерной зависи-

мости от таких технологий, когда утрачивается чувствительность к этическим и межличностным нюансам живого общения и контекстуальным значениям. Это приводит к тому, что компетентность руководителя начинает измеряться не только техническим умением применять технологии ИИ, но и способностью критически осмысливать полученные материалы и выводы в межкультурном пространстве.

Отдельного внимания заслуживает мотивационный аспект. Интервью показали, что руководители видят в освоении технологий ИИ не только способ оптимизации своей работы, но и элемент карьерного и институционального капитала. Владение современными цифровыми инструментами повышает их статус в глазах коллег и партнёров, укрепляет позиции в переговорах и открывает доступ к более масштабным проектам. При этом в аргументации респондентов прослеживалось пересечение прагматических и ценностных мотивов: от желания повысить эффективность и конкурентоспособность своих организаций до стремления соответствовать глобальным стандартам и формировать образ технологически зрелого лидера.

В ряде интервью звучала критика, связанная с недостатком системной подготовки управленцев к применению технологий ИИ. Эксперты отмечали, что во многих случаях обучение носит фрагментарный характер, не охватывая комплексно все этапы внедрения технологии — от постановки задачи и выбора алгоритма до интерпретации результатов и оценки рисков. Отсутствие таких компетенций приводит к тому, что технологии ИИ используются ограниченно и преимущественно в операционных, а не стратегических целях. Эта проблема особенно заметна в тех организациях, где нет устойчивой связи между цифровыми инициативами и долгосрочной управленческой стратегией.

Важно, что значительная часть респондентов связывала успешность внедрения ИИ с умением руководителя формировать международные команды, готовые к работе в условиях высокой технологической изменчивости. В этом контексте технологии ИИ воспринимались как фактор, стимулирующий обновление управленческих практик, развитие горизонтальных связей внутри организации и укрепление профессиональных сообществ, выходящих за рамки национальных границ.

Содержательные ответы экспертов также выявили различия в оценке рисков, связанных с использованием технологий ИИ. Российские и белорусские респонденты чаще упоминали вопросы информационной безопасности, защиты данных и соблюдения правовых норм, тогда как армянские эксперты акцентировали внимание на экономических рисках, связанных с зависимостью от зарубежных поставщиков технологий. В обоих

случаях подчёркивалась необходимость разработки общих стандартов ЕАЭС, которые учитывали бы как технологические, так и социально-культурные аспекты использования технологий ИИ. Эксперты высказали предложения, которые могут быть внедрены в современную практику (табл. 1).

Таблица 1.

Рекомендации по использованию технологий ИИ для повышения управленческой компетентности руководителей международных проектов в странах ЕАЭС

Категория	Рекомендации
Развитие цифровой грамотности	Внедрение программ обучения, охватывающих не только базовые навыки работы с ИИ, но и критическую интерпретацию результатов, оценку рисков и этические аспекты
Стратегическое применение технологий ИИ	Использование ИИ для анализа больших данных, прогнозирования рисков и оптимизации стратегических решений, а не только для автоматизации рутинных задач
Межкультурное взаимодействие	Применение инструментов ИИ (например, автоматического перевода, анализа тональности) для улучшения коммуникации в многонациональных командах, но с сохранением чувствительности к культурным нюансам
Институциональная поддержка	Разработка единых стандартов ЕАЭС по использованию ИИ, включая вопросы информационной безопасности, защиты данных и правового регулирования
Создание профессиональных сетей	Формирование международных сообществ для обмена лучшими практиками, проведения совместных образовательных программ и укрепления горизонтальных связей между руководителями
Адаптация к локальным условиям	Учет национальных особенностей (например, уровня цифровой инфраструктуры, культурных норм) при внедрении ИИ-решений в управленческую практику.
Мотивация и карьерный рост	Поощрение руководителей, активно использующих технологии ИИ, через систему карьерного роста и признания их вклада в цифровую трансформацию организаций.
Критическое осмысление технологий ИИ	Развитие навыков критической оценки результатов ИИ, чтобы избежать чрезмерной зависимости от алгоритмов и сохранить человеко-ориентированный подход в управлении.

Источник: составлено авторами по результатам проведенных экспертных интервью

Результаты анализа экспертных нарративов интервью показывают, что технологии ИИ в восприятии

руководителей международных проектов выступают не только средством оптимизации процессов, но и мощным катализатором трансформации управленческой компетентности. Их интеграция в деятельность руководителя меняет саму природу управленческих решений, повышает роль аналитических навыков, стратегического прогнозирования и межкультурной чувствительности. Вместе с тем, эффективность этого процесса во многом определяется институциональными условиями, наличием обученных кадров и готовностью лидеров адаптировать свои подходы к новым технологическим реалиям.

Выводы

Проведённое исследование показало, что технологии ИИ становятся значимым фактором трансформации управленческой компетентности руководителей международных проектов в странах ЕАЭС, оказывая влияние не только на операционные, но и на стратегические уровни управления. Их внедрение сопровождается расширением аналитических возможностей, повышением точности прогнозирования, совершенствованием механизмов координации и углублением межкультурного

взаимодействия. Вместе с тем, потенциал технологий ИИ раскрывается в полной мере лишь при условии развитой цифровой грамотности управленцев, критической интерпретации результатов алгоритмов и способности адаптировать технологические решения к специфике интеграционного контекста.

Полученные результаты свидетельствуют, что в разных странах ЕАЭС институциональные и культурные условия применения технологий ИИ имеют собственную специфику, влияющую на темпы и формы его интеграции в управленческую практику. Это требует согласованных действий, направленных на формирование единых стандартов, развитие совместных образовательных программ и укрепление профессиональных сетей, способных транслировать лучшие практики работы с технологиями ИИ. Таким образом, искусственный интеллект в современном евразийском пространстве выступает не только как технологическое нововведение, но и как социокультурный ресурс, формирующий новую управленческую реальность и задающий ориентиры для дальнейшего развития интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баласанян Г.А. В преддверии 10-летия подписания «большого договора» о создании ЕАЭС: новые вызовы и новые возможности // *YSU Journal of International Affairs*. 2023. № 2. С. 16–23
2. Изотов В.С., Баласанян Г.А. Факторы политического риска в процессе евразийской интеграции (на примере Республики Армения) // *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*. 2017. № 5. С. 7–18.
3. Волкова О.А. Некоммерческие организации Тувы как субъекты реализации демографической политики // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 2. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.7>.
4. Gospodarik C.G. Belarus in the EAEU: problems and perspectives of economic growth / C.G. Gospodarik, M.M. Kovalev // *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2020. № 1. С. 86–95. EDN ZYCBLM.
5. Храмова Ф.И. Развитие системы поддержки молодежных инициатив в Республике Беларусь в контексте интеграционных процессов СНГ, ЕАЭС / Ф.И. Храмова, А.В. Гулякевич // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 6-3(81). С. 17–22. DOI 10.24412/2500-1000-2023-6-3-17-22.
6. Бабосов Е.М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // *Экономика. Социология. Право*. 2023. № 1(29). С. 35–39. EDN: ZIOEJY
7. Бабосов Е.М. Культурный код нации — кристаллизация и обогащение опыта прошлого // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023. № 2. С. 9–13. EDN: BPLGNF
8. Баласанян Г.А. Проблемы евразийской интеграции в парламентской дипломатии Армении // *YSU Journal of International Affairs*. 2021. № 2. С. 36–41.
9. Каменева Т.Н., Шевырев В.А., Шихгафизов П.Ш. Метакомпетенции как ключевой фактор индивидуальной и командной эффективности. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024. № 14(2). С. 212–223.
10. Proshin S.A. State and prospects of foreign economic activity of the Republic of Belarus within the EAEU / S. A. Proshin, O. V. Shvayakova // *Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoi*, 2024. P. 275–279. EDN QYRWZE.
11. Волкова О.А. Проблемы трансформации профессиональной культуры в монографии Л.Н. Максимовой // *Труд и социальные отношения*. 2013. № 24(12). С. 138–142. EDN RUEONL.
12. Bourdieu P. The forms of capital. In J. Richardson (Ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (New York, Greenwood), 1986. P. 241–258.
13. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. In: Crothers, L., Lockhart, C. (eds) *Culture and Politics*. Palgrave Macmillan, New York, 2000 248 p.
14. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / Г.И. Осадчая, М.Л. Вартанова, О.А. Волкова [и др.]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024.

© Мысливец Николай Леонтьевич (prettor@mail.ru); Баласанян Григор Александрович (grigorbalasanyan@mail.ru); Цветов Сергей Викторович (tsvetov_86@mail.ru); Петров Владимир Владимирович
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ ВНИМАНИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

FEATURES OF THE ATTENTION ECONOMY IN THE DIGITAL SPACE

**N. Pisarevskaya
I. Tolmacheva**

Summary. The article discusses the effect of «the economy of the general» — a concept according to which attention becomes the main resource and its development in the digital space. An analysis is conducted aimed at attracting attention and disseminating information through social networks, generally broadcast content on the structures of the world of a modern person, as well as the impact of influence on the audience in the conditions of spatial spaces. The results of the survey «Features of the economy of the economy» are presented.

Keywords: attention economy, digitalization, engagement, social networks, audience, content.

Писаревская Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук,
АНОВО «Московский международный университет»
n-pisarevsk@mail.ru

Толмачева Ирина Вильевна

кандидат экономических наук,
АНОВО «Московский международный университет»
i.tolmacheva@mtmu.ru

Аннотация. В статье рассматривается «экономика влияния» — концепция, в соответствии с которой внимание становится основным ресурсом и ее развитие в цифровом пространстве. Проводится анализ механизмов привлечения внимания и распространения информации посредством социальных сетей, влияния транслируемого контента на формирование картины мира современного человека, а также стратегий воздействия на аудиторию в условиях цифрового пространства. Приводятся результаты опроса «Особенности экономики влияния».

Ключевые слова: экономика внимания, цифровизация, вовлеченность, социальные сети, аудитория, контент.

Значимость привлечения и удержания внимания аудитории для достижения различных целей люди осознавали с давних времен. Основы использования различных методов воздействия закладывались уже в проторекламных сообщениях, например, уже в античности появляются глашатаи, выкрикивающие объявления и усиливающие для повышения эффективности озвучиваемого текста его суггестивно-экспрессивную составляющую. С течением времени и с развитием научно-технического прогресса оптимизируются, как способы взаимодействия с аудиторией, так и обретения ее внимания. Сегодня осуществление воздействия на аудиторию реализуется во многом посредством использования цифровых технологий, позволяющих динамично предоставлять большие объемы информации неограниченному кругу лиц. В результате в перенасыщенной информационной среде именно внимание потребителей становится одним из важнейших экономических ресурсов.

Исследованию феномена внимания посвящено большое количество трудов многих отечественных и зарубежных авторов, таких как Л.С. Выготский, У. Джемс, Т. Рибо, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, и т.д. В рамках психологической науки под вниманием понимается «процесс и состояние настройки субъекта на восприятие приоритетной информации и выполнение поставленных задач» [1, с. 67]. Именно за счет привлечения и получения внимания людей реализуется множество различных задач, в том числе и экономических.

В конце 1960-х годов Г. Саймоном было введено понятие «экономика внимания». Он подчеркивал: «То, что потребляет информация довольно очевидно: она потребляет внимание своих получателей. Следовательно, обилие информации создает дефицит внимания и необходимость эффективно распределять это внимание среди избыточного изобилия источников информации, которые могут его потреблять» [2]. В 2001 году Дэвенпорт и Бек определяют «экономику внимания» как подход к управлению информацией, в рамках которого рассматривается человеческое внимание как дефицитный товар и применяется экономическая теория для решения различных проблем управления информацией. Они отмечают, что «понимание и управление вниманием теперь является самым важным фактором успеха в бизнесе» [3, с. 3]. В Большой российской энциклопедии предлагается следующая дефиниция понятия «экономика внимания»: «политэкономическая концепция, согласно которой в условиях информационного изобилия сетевого общества человеческое внимание становится новым редким ресурсом, который включён в капиталистические отношения эксплуатации труда и производства стоимости» [4].

Современная экономика внимания представляет собой сложную систему, объединяющую традиционные рыночные механизмы, психологические особенности восприятия информации и технологические возможности цифровых ресурсов. С внедрением цифровых

технологий и возрастанием количества потребляемой информации внимание аудитории становится одним из факторов достижения успеха, как личностного, так и организационного и основным ресурсом конкурентной борьбы современных компаний.

Для привлечения внимания целевой аудитории в цифровом пространстве задействуются различные методы, такие как использование привлекательного визуального и аудиовизуального контента, включение манипулятивных технологий и нейромаркетинга, направленных на склонение потребителя к осуществлению необходимых действий. Для повышения вовлеченности потребителей используются такие способы, как предоставление интерактивного контента, интеграция иммерсивных технологий, использование ИИ и нейросетей при взаимодействии с аудиторией и т.д.

Благодаря таргетингу и гиперперсонализированному контенту бренды получают инструменты, для отстройки и получения преимущества в конкурентном пространстве и наиболее выигрышного представления своего товара. Одним из способов эффективного распространения информации является ее размещение в социальных сетях, использующих персональные данные для предоставления аудитории увлекательного, индивидуального контента, призванного удерживать пользователей и создавать условия для их возвращения к контенту. На ресурсе Hootsuite — платформе управления социальными сетями, размещен материал, в котором рассматриваются основные тенденции социальных сетей 2025 г., к которым относятся эксперименты с контентом и расширение творческих границ, стратегии прослушивания социальных сетей и совершенствование трендджекинга, использование ИИ для разработки и генерации контента. Указывается, что для достижения поставленных целей бренды будут стремиться к менее масштабной, ориентированной на аудиторию вирусности [5]. Также динамика экономики внимания побуждает компании к интеграции маркетинга влияния в общую коммуникационную политику и привлечению пользователей к увеличению времени, проводимого в приложениях и на сайтах.

Специфика экономики влияния ярко проявляется в популярности отечественных социальных сетей, таких как ВКонтакте и Telegram, посредством которых пользователям предоставляется персонализированный вовлекающий контент. По данным исследовательской компании Mediascope [6] на апрель 2025 г. самая популярная социальная сеть — ВКонтакте с месячным охватом 93 816.5 тыс. чел., предлагающая вовлекающий контент с использованием визуальных и интерактивных элементов, проведения live-трансляций и т.д. По рейтингу групп ВКонтакте по вовлеченности в мае 2025 г., представленному Brandanalytics [7] на первом месте на-

ходится группа «Рифмы и Панчи» [8], содержащая развлекательный контент, с аудиторией 5 497 213 тыс. чел. Следует отметить, что в первой пятёрке самых рейтинговых групп ВКонтакте находятся развлекательные сообщества. При этом в Telegram с охватом 90525.6 тыс. чел. пользователей на первом месте рейтинга авторов находится «РИА Новости» [9] с аудиторией 3 364 552 тыс. чел., публикующий новостной контент. Так, экономика влияния в российском сегменте интернета строится преимущественно на двух основных моделях: развлекательной, к которой относятся юмор, мемы, лайфстайл, бьюти, игровые, развлекательные стримы и информационной (новостные публикации, образовательный контент, материалы блогеров). При этом она также включает коммерческие, нишевые и идеологические направления.

В социальных сетях для наибольшего вовлечения пользователей алгоритмами формируются персонализированные разделы, например, раздел «Для Вас» в ВКонтакте, формирующийся в соответствии с уже просмотренными пользователем материалами, например, ленты — в зависимости от посещенных пользователем ранее страниц, видео предлагается по просмотренному контенту, а группы — по интересам пользователя. С развитием нейросетей происходит оптимизация процессов представления персонализированной информации в социальных сетях, и трансформируются традиционные маркетинговые технологии, а также осуществление взаимодействия с аудиторией. В результате у пользователя формируется «информационный пузырь» с односторонним близким и понятным ему рассмотрением действительности, что позволяет захватывать его внимание как необходимым информационным контентом, так и рекламными материалами, органично включающимися в его картину мира.

Специалист по контент-маркетингу Филип Адамс выделяет 10 стратегий процветания в экономике внимания, к которым относятся: использование маркетинга влияния, заключающегося в привлечении инфлюенсеров для повышения узнаваемости бренда и стимулирования конверсий; применение подхода, ориентированного на демонстрацию контента посредством мобильных устройств; использование персонализации на основе данных, вызывающей глубокий отклик, например, персонализированных электронных писем, индивидуальных рекомендаций по продуктам, контенту и т.д.; создание интересного и общедоступного контента с визуально привлекательным дизайном; измерение успеха по четко определенным KPI; поддержание постоянного присутствия; открытость в отношении ценностей и миссии бренда, уникального торгового предложения; персонализация и адаптивность представления контента; использование эмоционально резонансного контента; включение пользовательского контента (UGC), как заслуживающего доверия аудитории [10]. Таким образом,

экономика внимания требует комплексного подхода к привлечению и удержанию аудитории, включающего маркетинг влияния, персонализацию, эмоциональное вовлечение и UGC, а ключевыми факторами успеха являются адаптивность контента, четкие KPI (ключевые показатели эффективности) и открытость бренда, повышающие вовлеченность и конверсии. Для оценки результативности использования указанных стратегий применяется система ключевых показателей, включающая прямые и косвенные метрики. К прямым метрикам относятся CR (Conversion Rate), CAC (Customer Acquisition Cost), LTV (Lifetime Value) и ROI (Return on Investment), позволяющие точно оценить эффективность маркетинговых кампаний посредством измерения конверсии, затрат на привлечение клиентов и их долгосрочную ценность. Косвенные показатели, такие как рост органического трафика, коэффициент удержания клиентов (Retention Rate) и коэффициент оттока (Churn Rate) помогают анализировать устойчивость бизнеса и лояльность аудитории, дополняя данные, полученные посредством использования прямых метрик. Так, в современном цифровом пространстве экономика внимания — это не только механизм осуществления воздействия на аудиторию, но и система маркетинга, посредством которой осуществляется монетизация взаимодействия с аудиторией за счет персонализации контента и повышения его ценности для потребителей.

Для подтверждения актуальности исследования мы провели опрос, в котором приняли участие 40 студентов, обучающихся на направлении подготовки «Реклама и связи с общественностью» (17 юношей, 23 девушки), раскрывающий их понимание особенностей экономики влияния и перспектив ее развития.

На вопрос об уровне знакомства с понятием «экономика влияния» большинство (40 %) ответили, что они слышали о таком понятии, но не исследовали данный вопрос, 35 % ответили, что им оно хорошо знакомо, 15 % указали, что отлично разбираются в теме, а 10 % не знают, что это такое. Так, большинство респондентов имеют представление об экономике влияния, однако глубокого понимания данного вопроса у них нет. При этом респонденты выделяют наиболее эффективные каналы продвижения в экономике влияния, такие как социальные сети (45 %), YouTube Shorts (30 %), блоги в Telegram и Дзен (10 %), подкасты и аудиоконтент (15 %), что указывает на стремление к трансляции и получению информации в основном посредством ее представления в развлекательном контенте. При этом современных потребителей в большей степени привлекает органический контент.

При ответе на вопрос о роли пользовательского контента в развитии экономики влияния респонденты указали, что он дополняет профессиональные источники влияния (40 %), формирует базовые механизмы эко-

номики влияния (30 %), оказывает ограниченное воздействие (20 %), ни на что не влияет (10 %). Наиболее перспективными форматами сотрудничества брендов и инфлюенсеров большинство респондентов (35 %) считают нативную рекламу в постах, пользовательский контент (UGC) (30 %), партнёрские программы (20 %), вирусные челленджи и флешмобы (15 %). Так, современные потребители лучше воспринимают рекламные материалы, органично включающиеся в контент, транслируемый пользователями, что свидетельствует об их наибольшей эффективности при осуществлении воздействия на аудиторию. При этом значимые приобретения по рекомендациям инфлюенсеров большинство респондентов (35 %) совершают редко, 25 % иногда, а 25 % выбрали вариант ответа «никогда» и только 15 % часто руководствуются рекомендациями лидеров мнений. Так, 75 % опрошенных воспринимает рекомендательный контент, что указывает на значимость воздействия транслируемой лидерами мнений информации на потребительское поведение и, как следствие на их определяющую роль в системе экономике влияния.

На вопрос о значимости персонализации рекламного контента 32 % респондентов указали, что они часто учитывают рекомендации, полученные от цифровых ресурсов, при выборе товаров и услуг, 23 % указали, что подобные рекламные материалы иногда могут повлиять на их решение о приобретении. На 18 % опрошенных такой контент редко оказывает влияние, для 12 % оно совершенно не важен, а у 5 % подобный контент вызывает дискомфорт вследствие использования алгоритмами их персональных данных. При этом для 15 % персонализированные рекомендательные материалы являются ключевым фактором, определяющим их выбор. Так, большинство респондентов в разной степени учитывают персональные рекомендации при принятии решений о приобретении.

Говоря об отношении к использованию нейросетей и искусственного интеллекта в рамках экономики влияния большинство опрошенных (45 %) отметили позитивную сторону интеграции технологий в создание контента и указали, что они автоматизируют работу и помогают создавать качественные материалы. 20 % нейтрально относятся к использованию алгоритмов и технологий при взаимодействии с потребителями, а 5 % затруднились ответить. В то же время 30 % выявили свое отрицательное отношение вследствие снижения уникальности контента, увеличения количества фейков и спама, а также нарушения конфиденциальности данных.

При осмыслении эффективности экономики влияния в современном мире следует также учитывать риски и вызовы данной сферы, к которым респонденты относят скрытую рекламу и отсутствие ее маркировки (37 %), манипуляцию мнением аудитории (30 %), низкое

качество продвигаемых продуктов (25 %), зависимость инфлюенсеров от алгоритмов социальных сетей (15 %). Так, несмотря на позитивное воздействие использования цифровых технологии в рамках экономики влияния, следует учитывать и возникающие сложности, связанные с конфиденциальностью данных, трансляцией фейков, спама и т.д.

Таким образом, в условиях цифровых трансформаций экономика внимания обретает новые векторы

развития, такие как усиление персонализации транслируемого контента, внедрение нейросетей в создание и распространение материалов, использование пользовательского контента для формирования доверия к брендам и повышения их прибыльности за счет оптимизации способов привлечения и удержания внимания аудитории цифрового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь [Текст]: словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — 4-е изд., расш. — Москва: АСТ: АСТ Москва; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.
2. Varian, Hal R. The Information Economy. How much will two bits be worth in the digital marketplace? // Scientific American, September, 1995, pages 200–201. URL: <https://people.ischool.berkeley.edu/~hal/pages/sciam.html> (Дата обращения: 16.07.2025)
3. Davenport, T.H., Beck, J.C. The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Harvard Business Press, 2001. — 272 P. P.3
4. Декалов, В.В. Экономика внимания // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ekonomika-vnimaniia-a32f5f> (Дата обращения: 16.07.2025)
5. Hootsuite. Social Media Trends 2025. URL: https://www.hootsuite.com/research/social-trends?srsId=AfmBOoPpdAy3v3T23EI-pherRRvvl3ISmoahlc_Y7QWv2AZ6QXsztf
6. Mediascope. <https://mediascope.net/> (Дата обращения: 16.06.2025)
7. Brandanalytics. Рейтинги авторов и групп. URL: <https://brandanalytics.ru/mediatrends/authors/vk/202505/ER/public> (Дата обращения: 16.07.2025)
8. Рифмы и Панчи. URL: <https://vk.com/club28905875> (Дата обращения: 18.07.2025)
9. РИА Новости. URL: https://telegram.me/rian_ru (Дата обращения: 18.07.2025)
10. Adams, Ph. The Attention Economy and Social Media: A Marketers' Guide With 10 Strategies // Viral Nation. URL: <https://www.viralnation.com/resources/blog/attention-economy> (Дата обращения: 18.07.2025)

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru); Толмачева Ирина Вильевна (i.tolmacheva@mmu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОЛОДЕЖНЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ: ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

YOUTH SUBCULTURAL MOVEMENTS: A MIRROR OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

V. Skopa

Summary. The article examines the role and significance of youth subcultures in the context of the transitional period of Russian society. At this time, both old and new value orientations naturally coexist, which often conflict with each other. This state of affairs leads to the fact that young people, being the most vulnerable social group in this period of society's development, form various subcultural formations, thereby becoming a catalyst for socio-cultural changes in society. In the modern world, subcultures act as a kind of indicator of social transformations, demonstrating alternative models of perception of reality. They not only exist in parallel with the main society, but also influence the cultural landscape, provoking a rethinking of established norms and stereotypes.

Keywords: youth subcultures, social transformation, social structure, society, man.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и значимость молодежных субкультур в контексте переходного периода российского общества. В это время естественным образом сосуществуют как старые, так и новые ценностные ориентиры, которые часто конфликтуют друг с другом. Такое положение дел приводит к тому, что молодежь, будучи самой уязвимой социальной группой в данном периоде развития общества, формирует различные субкультурные образования, становясь тем самым катализатором социокультурных перемен в социуме. В современном мире субкультуры выступают своеобразным индикатором социальных трансформаций, демонстрируя альтернативные модели восприятия реальности. Они не просто существуют параллельно основному социуму, но и влияют на культурный ландшафт, провоцируя переосмысление устоявшихся норм и стереотипов.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, социальная трансформация, социальная структура, общество, человек.

Российская социальная реальность сегодня напоминает быстро меняющееся пространство, в котором традиционные институты и новые общественные формации вступают в перманентный диалог, порождающий напряжение и внутренние конфликты. Системные изменения затрагивают буквально все уровни общественного устройства — от экономических отношений до культурных кодов и повседневных практик [3]. Происходящие сдвиги носят не эволюционный, а революционный характер, создавая множественные точки социального напряжения. Трансформационные процессы обнажают латентные противоречия, которые десятилетиями накапливались в социальной структуре. Кризисные явления становятся не столько деструктивным, сколько диагностическим инструментом, высвечивающим болевые точки общественного организма. Сложность происходящих изменений требует принципиально нового социологического инструментария для их адекватного понимания и интерпретации [7].

В современном общественном сознании переходный, транзитивный или кризисный период в развитии социальной системы находится в центре внимания исследователей. Переходные периоды порождают уникальное аксиологическое поле, где сосуществуют разнонаправленные ценностные матрицы. Это создает перманентное напряжение в когнитивном пространстве социальных ак-

торов, вынужденных постоянно маневрировать между контрастными смысловыми парадигмами [8]. Состояние социальной неопределенности трансформирует поведенческие стратегии индивидов, актуализируя адаптационные механизмы и пластичность индивидуального и коллективного сознания. Субъекты исторического процесса оказываются перед экзистенциальным выбором, который становится не только индивидуальной, но и системной характеристикой эпохи. Аксиологический плюрализм порождает сложные когнитивные и поведенческие сценарии, где традиционные и возникающие ценностные конструкты вступают в перманентный диалог, создавая динамичную и противоречивую социальную реальность. Такая архитектура переходных состояний требует нового методологического инструментария для адекватной интерпретации социальных трансформаций [1].

В современном динамично развивающемся мире молодежные субкультуры выступают своеобразным индикатором общественных трансформаций. Они не просто отражают настроения и ценности молодого поколения, но и становятся активными агентами социальных изменений. Каждая субкультурная группа — это уникальный социальный организм со своими внутренними нормами, эстетикой и философией. От панк-движения до хип-хоп культуры, от геймеров до экоактивистов — молодежные

сообщества создают альтернативные модели мировосприятия [2]. Если раньше субкультуры формировались преимущественно в оппозиции к господствующей культуре, то сегодня они становятся более интегрированными и многослойными. Панки, хиппи, рокеры — некогда маргинальные группы постепенно трансформируются, теряя былую радикальность и приобретая черты мейнстрима.

Трансформирующееся общество порождает новые формы самоидентификации. Молодежь через субкультурные практики конструирует собственную идентичность, бросая вызов традиционным социальным институтам и стереотипам. Ключевая особенность современных субкультур — их высокая мобильность и способность быстро адаптироваться к меняющимся социальным контекстам [5]. Цифровые технологии и глобальные коммуникации размывают географические и культурные границы, создавая принципиально новые платформы для молодежной самоорганизации.

Исследовательский дискурс Е.В. Куракиной и В.Б. Агранович раскрывает глубинную онтологию транзитивного социума через призму перманентного аксиологического конфликта [1, 3]. Социальная реальность подобного типа представляет собой сложно структурированное пространство, где архаичные и возникающие модели взаимодействия вступают в перманентную коммуникацию. Во многом эти процессы носят необратимый, но вариативный характер, создавая уникальную матрицу социальной реконфигурации. Внутренние антинормы субъекта переходного периода порождают глубокие надломы в общественной структуре, провоцируя масштабные системные сбои в технологических и производственных процессах, которые могут приводить к неожиданным и разрушительным последствиям [4, 9]. Такая амбивалентность мышления и поведения становится характерным симптомом транзитивной реальности, где традиционные логические конструкции неоднократно терпят крах, уступая место хаотичным и деструктивным трансформациям общественного уклада.

В современной социальной реальности наблюдается глубинная трансформация идентификационных матриц, когда устоявшиеся социальные конструкты и нормативные рамки стремительно размываются. Индивид оказывается в экзистенциальном вакууме, где привычные ориентиры самоопределения утрачивают свою легитимность и смысловую определенность. Этот процесс деконструкции социальных категорий порождает тотальную неуверенность субъекта, который более не может однозначно артикулировать собственную позицию в усложняющейся общественной системе [6]. Традиционные маркеры принадлежности — профессиональные, статусные, культурные становятся все более условными, провоцируя перманентное состояние экзистенциаль-

ной растерянности и потери самоидентификационных оснований.

В эпоху радикальных социальных сдвигов молодежь выступает как наиболее чувствительный и динамичный социальный индикатор общественных изменений. Являясь своеобразным резонансным пространством культурных преобразований, молодежные сообщества генерируют принципиально новые аксиологические конструкты и поведенческие стратегии [6, 10]. Молодежные субкультуры трансформируются в лаборатории социальных экспериментов, где апробируются альтернативные модели мировосприятия и коммуникативных практик. Через многообразие субкультурных форм происходит перманентное перераспределение нормативных границ и культурных кодов, что позволяет молодежи не только адаптироваться к быстро меняющейся реальности, но и активно продуцировать инновационные социокультурные шаблоны [7]. Такие субкультурные образования становятся мощным механизмом трансляции и имплементации новых ценностных матриц, постепенно видоизменяя магистральные социальные траектории развития общества.

Субкультурная динамика молодежи выступает не только индивидуальной стратегией адаптации, но и сложным социальным механизмом коллективного реагирования на динамичные изменения современной реальности. Через призму молодежных субкультурных практик общество осуществляет своеобразное зондирование социальных трансформаций, апробируя альтернативные модели взаимодействия и мировосприятия [2]. Молодежные субкультурные сообщества становятся своеобразными социальными лабораториями, где происходит экспериментальное моделирование новых поведенческих стратегий и ценностных конфигураций. Общество через эти субкультурные дефиниции прощупывает границы возможных изменений, тестирует устойчивость социальных институтов. Таким образом, субкультурные практики молодежи превращаются в интерактивный диалог между индивидуальной креативностью и коллективной необходимостью адаптации, где каждый участник одновременно является и исследователем, и объектом исследования сложных социокультурных изменений.

Молодежные субкультуры выступают живым, пульсирующим организмом социальной эволюции, где каждая новая форма — это нечто иное как своеобразный генетический эксперимент общества по преодолению системного кризиса. Они представляют собой не просто альтернативные культурные практики, но и динамические векторы социальной трансформации, способы переформатирования застывших социальных конструкций [6].

Каждое субкультурное изменение — это попытка социального организма (общества) нащупать новые точки роста, апробировать нестандартные механизмы адаптации и выживания в реальности. Это своеобразное коллективное бессознательное, генерирующее альтернативные сценарии развития через творческую энергию молодежи [5]. Субкультурная множественность становится стратегией иммунитета социальной системы, механизмом её самодиагностики и самотрансформации перед лицом непрерывных вызовов и деструктивных тенденций современного мира.

Современные молодежные объединения, создавая собственные микромиры и неформальные сообщества, фактически восполняют дефицит смыслов в социальном пространстве, переживающем глубокую ценностную трансформацию. Формируя уникальные культурные коды и альтернативные системы координат, молодые люди не просто адаптируются к изменчивой реальности, но и генерируют потенциальные векторы развития будущей общественной парадигмы [2]. Этот спонтанный процесс самоорганизации можно рассматривать как креативный ответ поколения на институциональные вызовы и культурные разломы эпохи транзитивности.

Многогранность субкультурного ландшафта выступает не просто симптомом социальной динамики, но и служит как индикатор адаптивного потенциала общественной системы. Плюралистичность культурных форм трансформируется в механизм гибкого реагирования на внутренние и внешние трансформации, где каждая субкультурная группа становится своеобразным резонансным контуром, улавливающим и транслирующим социальные изменения [1, 7]. Подобная диверсификация культурных практик позволяет социуму демонстрировать беспрецедентный уровень устойчивости, превращая потенциальные риски и флуктуации в источники развития и обновления.

В эпоху транзитивности социальная динамика приобретает характер острого аксиологического лабиринта, где индивид балансирует между полярными ценностными системами. Этот экзистенциальный диссонанс становится благодатной почвой для деструктивных субкультурных форм, которые предлагают радикальные модели идентичности [3, 5]. Контркультура в данном контексте выступает не просто альтернативой, а травматическим протестом против доминирующих культурных матриц. Она функционирует как перформативный акт тотального отрицания, демонтирующий сложившиеся социальные конструкты через последовательную стратегию демонстративной маргинализации и символического бунта [2]. Подобная культурная оппозиционность трансформирует внутренний конфликт личности в масштабный механизм социальной деконструкции.

Молодежные контркультурные сообщества сегодня выступают как динамичные социальные лаборатории нонконформизма, где конструируются альтернативные модели мировосприятия. Через перформативные практики протеста, художественные эксперименты молодые акторы деконструируют традиционные институциональные матрицы. Их стратегия — не просто критика, а радикальное переосмысление существующих социальных норм через демонстративное отторжение существующих дискурсов. Каждый акт сопротивления становится символическим жестом делегитимации застывших социальных конструкций, способом артикуляции латентного протестного потенциала поколения. Контркультурные объединения трансформируются в пространства горизонтальной солидарности, где индивидуальное недовольство системой кристаллизуется в коллективную энергию социальной трансформации [9, 10].

В современном социальном ландшафте возникают деструктивные виртуальные сообщества, которые представляют собой изоцированный механизм психологической манипуляции уязвимой подростковой аудитории. Эти онлайн-группы используют сложные технологии эмоционального программирования, последовательно формируя у несовершеннолетних состояние экзистенциального отчаяния и суицидальной предрасположенности. Феномен подобных сообществ коренится в глубинных психосоциальных разломах современной реальности: дефиците подлинной коммуникации, эмоциональной изоляции молодежи и кризисе традиционных институтов социализации [1]. Виртуальное пространство трансформируется в зону повышенного психологического риска, где деструктивные нарративы обретают гипнотическую силу воздействия на несформировавшееся сознание. Географический масштаб распространения такого явления — практически вся территория российского социума, что указывает на системность проблемы и необходимость комплексных превентивных стратегий.

Можно отметить еще одну чрезвычайно важную особенность современных субкультурных образований. Так, ни одно из них больше не является единственной альтернативой генеральной, основной культуре. Каждый молодой человек может выбирать и выбирает несколько подходящих ему объединений, иногда абсолютно разных и даже противоположных друг другу. Он больше не ограничивается какой-либо одной субкультурой, одним «жизненным стилем». Молодежь определяет цель не в поиске собственной идентичности, а в адаптивности, стремлении найти универсальные жизненные ориентиры, которые могут быть даже противоречивыми, позволяют быть успешным в любых условиях и работают при любой системе ценностей [6]. Такой подход отражает прагматичный взгляд на личностное развитие — не привязываться к одной жесткой модели, а уметь гибко маневрировать и адаптироваться. Моло-

дой человек стремится не столько к самоидентификации, сколько к стратегической универсальности и социальной мобильности. Это можно интерпретировать как своеобразный социальный механизм выживания и успеха в быстро меняющемся мире.

В современном мире молодежные субкультуры стали более дисперсными, текучими и менее идеологически монолитными по сравнению с субкультурами прошлых десятилетий. Сегодняшние молодежные сообщества можно охарактеризовать высокой мобильностью и быстрой сменой трендов; влиянием интернет-пространства; эклектичностью и заимствованием элементов из разных культурных потоков; меньшей привязанностью к жестким идеологическим установкам; более индивидуализированным подходом к самоидентификации. Молодые люди теперь легко переключаются между различными субкультурными средами, экспериментируют с образами и не стремятся к абсолютной принадлежности к какому-то одному направлению. Это отражает общую тенденцию к плюрализму и размыванию четких социальных границ.

Сегодня молодежь легко меняют свои социальные роли и субкультурные идентичности (хипстер, геймер), постоянно экспериментируя с самопрезентацией. Главная мотивация этих трансформаций — получение восхищения и позитивного отражения от окружающих. Ключевая идея заключается в том, что самооценка молодого человека все больше зависит от внешней реакции, от того, как его воспринимают другие. Человек как бы смотрит на себя глазами окружающих, стремясь увидеть

«себя в лучшем виде». Это свидетельствует о формировании нарциссической культуры, где самоидентификация происходит через механизм внешнего одобрения и признания. Однако не все молодые люди имеют возможность легко менять свои социальные роли из-за бедности, социального неравенства и ограниченного доступа к ресурсам. Однако принципиально важно другое: даже в таких жестких условиях молодежь проявляет адаптивность и находчивость. Она не опускает руки, а изобретает способы выживания и самореализации в сложившихся обстоятельствах.

Таким образом, в периоды социальных кризисов молодежь является наиболее уязвимой группой. Причины этой уязвимости кроются в неспособности найти свое место в существующей социальной структуре и высокой чувствительности к социальным изменениям. Основная стратегия адаптации молодежи — объединение в субкультуры. Именно субкультуры позволяют создать альтернативную социальную реальность, где каждая субкультура имеет собственные отличительные характеристики и противопоставляет себя традиционным социальным нормам. Механизм формирования субкультур — это ничто иное как реакция на социальную нестабильность, кризис существующих социальных институтов и невозможность самореализации в традиционных общественных структурах. Субкультурное многообразие указывает не только на существующий кризис, но также и на способность выбирать и формировать разнообразные пути эволюции социальной системы и методы адаптации к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович В.Б. Инновации в образовании в транзитивный период развития общества // Известия ТПУ. 2005. № 6. — С. 211–214.
2. Кудряшов М.А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. — С. 23–32.
3. Куракина Е.В. Прогностическая функция концепции переходного периода в философии и науке // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4 (208). — С. 85–89.
4. Лапшин В.В. Тедди-бои // Электронная энциклопедия: Социология молодежи. М., 2015. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/subcultures/371-teddi-boi.html> (дата обращения: 02.07.2025).
5. Орлова Н.А. Молодежные субкультуры: пособие для студентов. Томск: ТУСУР, 2007. — 150 с.
6. Петрова Ю.А. Репрезентация ценностей молодежной субкультуры в ценностно-смысловом пространстве языка: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2012. — 189 с.
7. Скопа В.А. Становление и развитие молодежи как социальных субъектов и потенциала общества: социально-философский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 6. — С. 94–98.
8. Тойнби А.Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; под ред. В. И. Уколовой и Д. Э. Харитоновича. Москва: Айрис Пресс, 2002. — 640 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2017. — 320 с.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ

CURRENT TRENDS IN ASSESSING REGIONAL SOCIAL SECURITY

**E. Titorenko
O. Tihonova
A. Sashko
I. Bersenev
V. Vershinin**

Summary. The article examined various approaches to assessing the social security of the region. The main indicators found in most methods have been identified, namely: poverty level; fertility and mortality rates; life expectancy; average salary in the region compared with the national indicator; unemployment rate. According to these indicators, an assessment of the state of economic security of the Kemerovo region—Kuzbass in the field of the social aspect was carried out. The main threats to the social security of the region are identified by comparing the actual indicators that give the social characteristics of the region with the threshold values. A scale for assessing the social security of the region has been developed, aimed at establishing its level. According to this scale, it was revealed that the Kemerovo region—Kuzbass has an unacceptably low level of social security. In conclusion, measures are proposed to improve social security in the Kemerovo region.

Keywords: social security, economic security, Kemerovo region, Kuzbass, indicators, poverty rate, natural growth, mortality, life expectancy, average wage, unemployment.

Титоренко Елена Юрьевна

кандидат технических наук, старший преподаватель,
Кемеровский государственный
медицинский университет Минздрава России
lok-13@mail.ru

Тихонова Ольга Юрьевна

кандидат технических наук
Кемеровский государственный
медицинский университет Минздрава России
olga_tikhonova_76@mail.ru

Сашко Александр Алексеевич

кандидат медицинских наук
доцент, Кемеровский государственный
медицинский университет Минздрава России
sashko.aa@kemsma.ru

Берснев Игорь Инарьевич

кандидат технических наук,
Кемеровский государственный
медицинский университет Минздрава России
inar123@yandex.ru

Вершинин Вячеслав Геннадьевич

Ассистент, Кемеровский государственный
медицинский университет Минздрава России
vershina-69@mail.ru

Аннотация. В статье были рассмотрены различные подходы к оценке социальной безопасности региона. Выявлены основные индикаторы, встречающиеся в большинстве методик, а именно: уровень бедности; коэффициенты рождаемости и смертности; продолжительность жизни; средняя заработная плата в регионе в сравнении с показателем по стране; уровень безработицы. По данным индикаторам проведена оценка состояния экономической безопасности Кемеровской области — Кузбасса с точки зрения социального аспекта. Определены основные угрозы социальной безопасности региона путем сравнения фактических показателей, дающих социальную характеристику региона, с пороговыми значениями. Разработана шкала оценки социальной безопасности региона, направленная на установление ее уровня. В соответствии с данной шкалой выявлено, что Кемеровская область — Кузбасс обладает недопустимо низким уровнем социальной безопасности. В заключении предложены меры по повышению социальной безопасности в Кемеровской области.

Ключевые слова: социальная безопасность, экономическая безопасность, Кемеровская область, Кузбасс, индикаторы, уровень бедности, естественный прирост, смертность, продолжительность жизни, средняя заработная плата, безработица.

Введение

Социальная безопасность в категории экономической безопасности играет большую роль, поскольку она непосредственно сопряжена с человеческими ресурсами и обеспечивает защиту интересов граждан страны. В рамках региона социальная безопасность еще более важна, поскольку многие ее проблемы решаются именно локально, на региональном уровне. Только при обеспечении необходимого уровня социальной безопасности возможно экономическое развитие региона с экономической точки зрения [10].

Реализация внутреннего потенциала региона достижима при отсутствии угроз экономического, социального и физического регресса. В условиях нестабильности внешнего мира социальная сфера, как основа экономической безопасности, подвергается серьезным рискам со стороны внешних дестабилизирующих факторов. Поэтому результаты данного исследования позволяют разработать эффективные стратегии в рамках социально-экономического развития территории.

Целью исследования является анализ и оценка социальной безопасности региона на примере Кемеровской области — Кузбасс. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить теоретические аспекты методов оценки социальной региона; провести анализ социальной безопасности Кемеровской области; разработать шкалу оценки социальной безопасности региона и применить ее относительно Кемеровской области — Кузбасса. Объектом исследования стала экономическая безопасность Кемеровской области — Кузбасса, предмет исследования — социальная безопасность Кемеровской области — Кузбасса как важнейший элемент экономической безопасности региона.

Материалы и методы исследования

Для проведения анализа социального аспекта экономической безопасности региона были использованы следующие методы: анализ, обобщение, классификация, систематизация, анализ статистических данных. Материалами исследований стали: нормативно-правовая база РФ, результаты исследований зарубежных и российских ученых в данной области, научные издания, статистическая отчетность Кемеровостата.

Результаты и их обсуждение

В рамках экономической безопасности социальная компонента может быть оценена с помощью определенного набора показателей, характеризующих качество социальных отношений в регионе. Важнейшая роль социальной безопасности для региона обусловлена следующими аспектами: обеспечение своего эффективного

участия в поддержании национальной безопасности страны в целом; достижение целей устойчивого развития; максимально эффективная и рациональная реализация потенциала региона; активация созидательного потенциала общества.

Социальная безопасность региона имеет огромное значение для экономической безопасности государства, поскольку является ее компонентом. Общепринято социальная безопасность региона оценивается в рамках экономической безопасности в целом, что осуществляется посредством анализа определенных показателей, характеризующих социальную сферу. Следует отметить, что унифицированные критерии социальной безопасности на сегодняшний день отсутствуют, как и любые другие в рамках экономической безопасности [3]. Это обусловлено тем, что оценка любой системы, включая экономическую и социальную безопасность — это многофакторная задача, предполагающая сбор большого количества характеристик различной направленности для анализа и формирования мнения о положении региона в этих сферах [9].

Индикаторный и индексный методы являются основными инструментами при оценке социальной безопасности. Поскольку пороговые значения социальной безопасности не стандартизированы, а определяются комплексом факторов и меняются со временем, на практике границы социальной безопасности региона определяются средним значением по округу или стране.

Кемеровская область — Кузбасс представляет собой крупный промышленный регион, имеющий высокий потенциал. Область считается крупнейшим индустриальным регионом и опорной базой для промышленности всей страны. Регион имеет масштабную ресурсную базу, поэтому основные отраслевые направления — это добывающая и перерабатывающая промышленность. Демографический фактор в области стоит достаточно остро, поскольку население региона в последние 10 лет сокращается. В регионе развита химическая промышленность, энергетика, а также машиностроительная отрасль, что формирует неблагоприятную экологическую обстановку и является причиной отрицательной миграции.

Анализ социальной безопасности Кемеровской области — Кузбасса осуществлялся по показателям, встречающимся в большинстве методик. Отразим динамику уровня бедности в Кемеровской области — Кузбассе за 2020–2024 гг. на рисунке 1.

Уровень бедности в Кузбассе за 2020–2024 гг. снизился, при этом снижение можно отметить по всему периоду. Это обусловлено несколькими причинами: рост средней заработной платы в регионе, активизацией и реализацией большого количества социальных программ, поддер-

Рис. 1. Динамика уровня бедности в Кемеровской области — Кузбассе за 2020–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным [2]

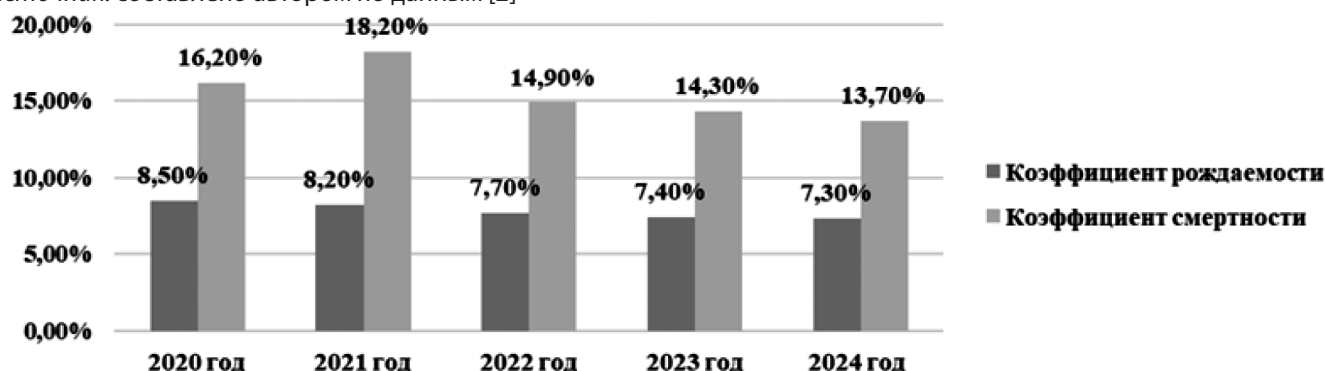

Рис. 2. Динамика коэффициентов смертности и рождаемости в Кемеровской области — Кузбасс за 2020–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным [4]

Рис. 3. Динамика продолжительности жизни в Кемеровской области — Кузбассе за 2020–2024 гг., лет

Источник: составлено автором по данным [1]

живающих отдельные слои населения. Кроме того, на государственном уровне также были предприняты меры, предусматривающие индексацию пенсий, материнского капитала и социальных пособий. Снижение показателя можно считать благоприятной тенденцией.

Далее рассмотрим динамику коэффициентов естественного прироста и смертности в Кемеровской области за 2020–2024 гг., рисунок 2.

Коэффициенты рождаемости снижаются, что в свою очередь является негативной тенденцией. Снижение рождаемости является одним из основных показателей изменения численности региона, который оказывает

сильное влияние на социальную безопасность области [7]. Так, за период с 2020–2024 гг. коэффициенты рождаемости снизились с 8,5 % до 7,3 %.

Коэффициенты смертности с 2021 г. также обладают отрицательной динамикой, однако в данном случае это благоприятное развитие показателя. В 2020 г. коэффициент смертности был ниже последующего периода, основной причиной этому являются последствия пандемии коронавирусной инфекции.

Далее рассмотрим, как изменялся показатель продолжительности жизни в Кузбассе за 2020–2024 гг. (лет), что представлено на рисунке 3.

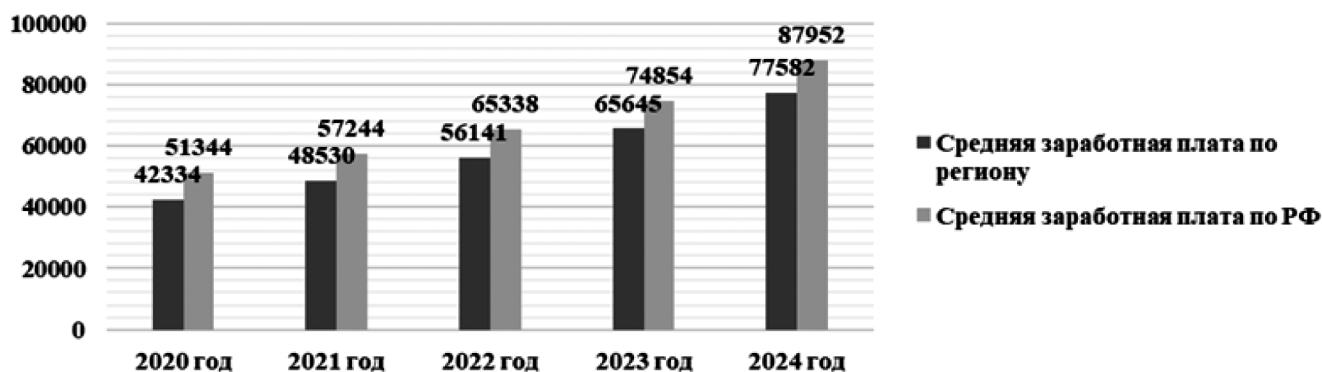

Рис. 4. Динамика показателя средней заработной платы в Кемеровской области — Кузбассе за 2020–2024 гг. по сравнению с показателем по стране, руб.

Источник: составлено автором по данным [4]

Рис. 5. Динамика уровня безработицы в Кемеровской области за 2020–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным [4]

Продолжительность жизни населения Кемеровской области — Кузбасса к 2023 г. возросла, причем по общему показателю — это наивысший результат в исследуемом периоде, в 2024 г. можно наблюдать небольшое снижение.

Показатель средней заработной платы введен практически в каждую предложенную учеными методику. Динамика показателя средней заработной платы в Кемеровской области — Кузбассе за 2020–2024 гг. по сравнению с показателем по стране представлена на рисунке 4.

Как видно из приведенных данных, средняя заработная плата в Кемеровской области по сравнению со средним показателем по стране всегда ниже. В 2024 г. разница составила 13,4 % с преимуществом показателя по стране. В качестве положительной тенденции можно отметить, что показатель средней заработной платы в регионе по периоду исследования все же растет, хотя и менее интенсивными темпами.

Далее рассмотрим еще один из показателей социальной сферы — уровень безработицы в Кемеровской области за 2020–2024 гг. в динамике (рис. 5).

Уровень безработицы в Кемеровской области имеет разнонаправленную динамику. Наивысший уровень от-

мечается по 2020 г., в этот период из-за пандемии коронавируса были введены ограничения, в результате которых многие предприятия обанкротились и закрылись, а сотрудники потеряли работу. Даже введенные льготы для работодателей, не сокративших численность персонала в течение года, не смогли полностью выровнять ситуацию [7]. Следует отметить, что к 2023–2024 гг. коэффициенты безработицы находятся на низком уровне, что, как отмечают специалисты, тоже не всегда имеет положительный эффект, поскольку это может стать причиной формирования «кадрового голода» [5].

Оценка социальной безопасности региона осуществлялась путем сравнения фактических показателей, дающих социальную характеристику региона с их пороговыми значениями. Показатели социальной безопасности Кемеровской области — Кузбасса в 2024 г. приведены в таблице 1.

Необходимо отметить тот факт, что все исследуемые показатели за исключением уровня безработицы, не соответствуют пороговым значениям. Но и низкий уровень безработицы так же не может рассматриваться как позитивный фактор. Далее авторами сформирована шкала оценки социальной безопасности региона, направленная на установление ее уровня (таблица 2).

Таблица 1.

Показатели социальной безопасности
Кемеровской области в 2024 г.

Параметры	Пороговые значения	Фактические значения	Соответствует/не соответствует
Уровень бедности	Не более 7,0 %	10,5 %	Не соответствует
Коэффициент смертности	Не более 12,5 %	13,7 %	Не соответствует
Коэффициент рождаемости	Не менее 22,0 %	7,3 %	Не соответствует
Продолжительность жизни	Не менее 75 лет	70,5 лет	Не соответствует
Уровень безработицы	Не более 4,0 %	2,7 %	Соответствует
Средняя заработная плата	Не менее среднего значения по России (87952 руб.)	77582 руб.	Не соответствует

Источник: составлено автором

Таблица 2.

Шкала оценки уровня социальной безопасности
региона

Уровень социальной безопасности	Шкала оценки	Характеристика уровня
Недопустимо низкий уровень	0–2 показателя из 6	Наиболее низкий уровень, характеризующий серьезные проблемы в социальной сфере региона по разным направлениям. Ситуация требует срочной разработки и реализации специальных мер по снижению угроз
Низкий уровень	3 показателя из 6	Низкий уровень социальной безопасности региона, необходима реализация специальных мер по отдельным направлениям социальной безопасности региона с целью снижения или нейтрализации угроз.
Средний уровень	4–5 показателей из 6	Средний уровень социальной безопасности, требует локальных мер, направленных на особенно слабые направления, для снижения воздействия угроз
Высокий уровень	6 показателей из 6	Высокий уровень социальной безопасности свидетельствует об устойчивой и стабильной ситуации в социальной сфере. В данном случае целесообразными будут мероприятия по поддержанию данного уровня

Источник: составлено автором

В настоящей оценке выявлено, что Кемеровская область обладает недопустимо низким уровнем социальной безопасности. Данный уровень социальной безопасности является наиболее низким и характеризует большие проблемы в социальной сфере региона. На сегодняшний день реализуются меры по повышению социальной безопасности Кемеровской области — Кузбассе, предоставленные в таблице 3.

Таблица 3.

Меры по повышению социальной безопасности
в Кемеровской области

Угроза	Меры снижения угрозы
Снижение рождаемости	— осуществление патронажа семей, ожидающих появления ребенка. Кроме того, если семья оказывается в сложных жизненных ситуациях, необходимо оказывать им помощь
	— бесплатное проведение (в рамках ОМС) всех подготовительных процедур к проведению ЭКО, что повысит процент обратившихся пациентов
	— компенсация части стоимости обучения для детей в многодетных семьях
	— единовременная выплата беременным женщинам, в частности, студентам
Рост смертности	— создание и развитие медицинской инфраструктуры, особенно в труднодоступных и малонаселенных местах. В частности, с помощью развития целевой программы обучения в ВУЗах
	— развитие системы санитарной авиации в труднодоступных местах
	— модернизация и совершенствование системы оказания медицинской помощи гражданам
	— ликвидация дефицита медицинских работников
	— внедрение информационных технологий в медицину
Низкая продолжительность жизни	— пропаганда и поддержка ЗОЖ
	— реализация программы в Кузбассе в период с 2024–2025 гг. «Повышение качества жизни пожилых людей в Кемеровской области–Кузбассе» («Кузбасское долголетие»)
	— формирование условий для активного долголетия и реализации личностного потенциала граждан старшего возраста
	— развитие направления в медицине «гериатрия», оказание соответствующей помощи
	— пенсионное обеспечение — развитие этого направления предполагает повышение уровня пенсионного обеспечения
	— формирование и развитие инфраструктуры для качественной и безопасной жизни граждан старшего поколения

Угроза	Меры снижения угрозы
Высокий уровень бедности	— сохранение всех мер, ориентированных на снижение бедности в регионе, в частности, социальные контракты, на основании которых отдельным категориям граждан полагаются выплаты
	— увеличение средней заработной платы
	— обеспечение и финансирование деятельности социальных учреждений, оказывающих поддержку отдельным категориям населения, находящимся в трудной жизненной ситуации; — индексация социальных пособий и выплат
Низкий уровень заработных плат в регионе	— стимулирование работодателей на повышение окладов сотрудников
	— своевременная индексация заработных плат

Источник: составлено автором

Меры по повышению социальной безопасности Кемеровской области были рассмотрены в следующих плоскостях: увеличение рождаемости и снижение смертности, рост средних заработных плат в регионе, увеличение продолжительности жизни граждан и снижение уровня бедности.

Выводы

В заключении необходимо отметить, что социальный аспект в системе экономической безопасности на региональном уровне является очень важным и достаточно чувствительным к любым изменениям во внешней среде, поскольку охватывает такой ресурс, как население. При этом особого внимания заслуживают незащищенные слои населения, нуждающиеся в помощи от государства. Так, в результате исследования было выявлено, что в Кемеровской области уровень социальной безопасности достаточно низкий, что создает угрозы экономической безопасности по различным направлениям, которые уже в настоящее время проявляются и наносят серьезный ущерб региону. Так, отток населения из Кузбасса, особенно молодежи, с каждым годом возрастает, соответственно регион теряет ценный трудовой ресурс. В настоящее время, когда внешние условия сформировали сложности экономического развития нашей страны в целом и Кемеровской области в частности, поддержание социальной политики представляется необходимым условием для обеспечения экономической безопасности государства и его регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Кузбассе продолжительность здоровой жизни планируют увеличить до 70,2 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/191981-v-kuzbasse-prodolzhitelnost-zdorovoi-zizni-planiruyut-uvelicit-do-702> (дата обращения 15.08.2025).
2. Рейтинг российских регионов по доходам населения — РИА Новости, 16.06.2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20250616/rejting-2021857631.html> (дата обращения 20.08.2025)
3. Сухов, А.Н. Социальная безопасность: теоретико-практический аспект / А.Н. Сухов // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 1. — С. 400–406.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области секторов [Электронный ресурс]. — URL: <https://42.rosstat.gov.ru> (дата обращения 16.08.2025)
5. Титоренко, Е.Ю. Проблемы трудоустройства выпускников СПО / Е.Ю. Титоренко // Качество продукции, технологий и образования: Материалы XVI Международной научно-практической конференции — Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2021. — С. 192–194.
6. Тихонова, О.Ю. Влияние демографического фактора на экономическую безопасность Кемеровской области-Кузбасса / О.Ю. Тихонова, И.И. Берсенев, В.Г. Вершинин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — Т. 14, № 3-1. — С. 245–254.
7. Тихонова, О.Ю. Современное состояние экономической безопасности Кемеровской области — Кузбасс / О.Ю. Тихонова, А.А. Сашко, В.Г. Вершинин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. — Т. 14, № 5-1. — С. 243–252.
8. Фазлиев, И.Н. Социальная безопасность региона: новые подходы к ее оценке и направления ее обеспечения / И.Н. Фазлиев, В.М. Троценко, А.А. Монастырская // Креативная экономика. — 2022. — Т. 16, № 12. — С. 4691–4712.
9. Фаустов, Д.С. Социальные угрозы экономической безопасности региона / Д.С. Фаустов // Студенческая наука — взгляд в будущее: Материалы XVI Всероссийской студенческой научной конференции, Красноярск, 24–26 марта 2021 года. Том Часть 3. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. — С. 122–124.
10. Экономические преступления как фактор, снижающий национальную экономическую безопасность / О.Ю. Тихонова, Е.Ю. Титоренко, Т.В. Котова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2024. — № 10. — С. 142–147.

© Титоренко Елена Юрьевна (lok-13@mail.ru); Тихонова Ольга Юрьевна (olga_tikhonova_76@mail.ru);
Сашко Александр Алексеевич (sashko.aa@kemsma.ru); Берсенев Игорь Инарьевич (inar123@yandex.ru);
Вершинин Вячеслав Геннадьевич (vershina-69@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАЗРЫВА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Чжу Минь

Аспирант,

Санкт-Петербургский Государственный Университет
zhumin5748@gmail.com

Лебединцева Любовь Александровна

Доктор экономических наук, профессор,

Санкт-Петербургский Государственный Университет
llebedintseva879@gmail.com

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет
yy.soc@mail.ru

PARADIGM SHIFT OF THE DIGITAL DIVIDE AND THE EMERGENCE OF THE GAP IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Zhu Min

L. Lebedintseva

Yu Yang

Summary. The rapid development of generative artificial intelligence technologies, while creating enormous value, simultaneously increases the digital inequality, which causes a wide public resonance. In the context of the rapid expansion of the gap in the use of artificial intelligence (GvAI) and the lag of existing theoretical research, there is a need for a systematic understanding of this challenge of the era. This paper, based on the interdisciplinary perspective of technical philosophy and sociology, systematically examines the origin of the digital divide and its paradigmatic development, analyzes the mechanisms of the formation of the DvII, and identifies three structural characteristics of the DvII that distinguish it from the traditional digital divide. These studies provide an analytical framework for the dynamic evolution of the theory of digital inequality and contribute to the formation of a new paradigm for explaining the imbalance in technological social systems.

Keywords: digital divide, artificial intelligence gap, paradigmatic research.

Аннотация. Бурное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта, создавая огромную ценность, одновременно усиливает цифровое неравенство, что вызывает широкий общественный резонанс. В условиях стремительного расширения разрыва в использовании искусственного интеллекта (РвИИ) и отставания существующих теоретических исследований возникает необходимость системного осмысления этого вызова эпохи. Настоящая статья, опираясь на междисциплинарную перспективу технической философии и социологии, систематически рассматривает происхождение цифрового разрыва и его парадигмальное развитие, анализирует механизмы формирования РвИИ, а также выделяет три структурные характеристики РвИИ, отличающие его от традиционного цифрового разрыва. Эти исследования обеспечивают аналитическую рамку динамической эволюции теории цифрового неравенства и способствуют формированию новой парадигмы объяснения дисбаланса в технологических социальных системах.

Ключевые слова: цифровой разрыв, разрыв в использовании искусственного интеллекта, парадигмальные исследования.

Парадокс технологического «расширения возможностей» коренится в самом истоке человеческого использования орудий. Будучи воплощением разума и креативности, орудия изначально предназначались для расширения границ человеческих способностей. Однако материалы, необходимые для их производства, знания и навыки, требуемые для их эксплуатации, а также время и власть, обеспечивающие контроль над ними, всегда ограничены. Именно поэтому обладание ключевыми технологическими ресурсами трансформируется в символ «капитала» и власти, а сами орудия отчуждаются от своего изначального предназначения и становятся катализатором социального неравенства. Исторически каждая технологическая модернизация, повышая производственную эффективность, одновременно способствовала концентрации и усилению контроля над средствами производства. В результате между освободительным идеалом технологий и их реальными

последствиями по укреплению властных структур возникает устойчивое расхождение. Появление цифрового разрыва представляет собой яркое продолжение этого классического парадокса в эпоху информации.

Происхождение и парадигмальные трансформации концепции цифрового разрыва

Генеалогия понятия «цифровой разрыв» восходит к дискуссиям о справедливости распределения инфраструктуры в начале XX века. В 1907 году компания American Telephone & Telegraph (the original AT&T) выдвинула концепцию «универсальной услуги» (Universal Service)¹, направленную на преодоление разрыва в доступности, вызванного фрагментацией телефонной сети. Это стало прообразом последующего «телефонного разрыва». В 1970-е годы теория «разрыва в знаниях»² (Knowledge Gap Theory, Tichenor et al.) и теория «инфор-

мационного разрыва»³ (Information Gap, Natan Katzman) выявили более глубокий кризис: новые технологии, повышая общий уровень знаний общества, одновременно усиливают разрыв между «информационно обеспеченными» и «информационно обделёнными» группами. В 1985 году председатель Независимой комиссии по вопросам мирового развития телекоммуникаций Дональд Мейтланд представил доклад под названием «Недостающее звено» (*The Missing Link*), в котором данное неравенство было впервые чётко связано с глобальным измерением развития.

**Первая парадигмальная трансформация:
от разделения по доступу к разделению
по навыкам (1990-е — 2000-е гг.)**

В середине 1990-х годов стремительное развитие интернет-технологий впервые высветило проблему цифрового разрыва как политический вопрос с выраженным значением для государственной политики. В 1995 году Национальное управление по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США (NTIA) начало публиковать серию докладов о распространении компьютеров, модемов и телефонов. Эти доклады на основе эмпирических данных выявили структурные характеристики социального исключения в сфере технологий: наименее обеспеченные семьи в центральных городах, бедное сельское население и представители этнических меньшинств находились в неблагоприятном положении при подключении к национальной информационной инфраструктуре⁴. В 1996 году на конференции по цифровизации американского общества, состоявшейся в Ноксвилле, штат Теннесси, Альберт Гор произнёс следующие слова: «*That our children will never be separated by a digital divide*» («Наши дети никогда не будут разделены цифровым разрывом»). Именно тогда проблема цифрового разрыва была впервые публично артикулирована. С этого момента она вошла в повестку государственного управления и закрепилась в качестве термина, активно используемого как в политике, так и в академических исследованиях.

Учёные, включая Хоффмана и др., сосредоточили внимание на разрыве между людьми, имеющими доступ к информационно-коммуникационным технологиям, и теми, кто этого доступа не имеет. Такой простой подход, основанный на бинарном делении «имеют» и «не имеют», определяет цифровой разрыв первого уровня, или так называемый «разрыв в доступе» (РД)⁵.

В начале XXI века Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) определила цифровой разрыв как «различия в доступности информационно-коммуникационных технологий и использовании интернета между отдельными лицами, домохозяйствами, предприятиями и регионами, находящимися на разных

уровнях социально-экономического развития»⁶. Впоследствии это понятие было быстро расширено и стало обозначать разрыв между теми, кто способен эффективно использовать интернет и другие новые информационно-коммуникационные средства, и теми, кто не способен их эффективно использовать⁷ (Gunkel, 2003). Таким образом, на основе различий в использовании интернета был выделен второй уровень цифрового разрыва, или «разрыв использования».

Eszter Hargittai (2002) в работе «*Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills*» подчеркнула, что помимо различий в доступе существуют значительные различия в уровне навыков поиска информации в сети⁸. В дальнейшем ею было показано, что для понимания цифрового неравенства необходимо учитывать такие параметры, как качество доступа, степень автономности использования, широта социальных сетей поддержки и разнообразие онлайн-активностей⁹. Особое внимание уделялось важности контекстуальных факторов интернет-использования: социально-экономический статус, уровень образования и другие характеристики фона существенно влияют на то, как индивиды используют интернет, что, в свою очередь, ещё более усиливает цифровой разрыв¹⁰. Van Dijk (2005) в книге «*The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*» также представил комплексный анализ цифрового неравенства. Он подчеркнул, что цифровой разрыв не ограничивается лишь техническим доступом, но охватывает более глубокие социальные различия, и предложил многоуровневую модель доступа: мотивационный доступ, материальный доступ, доступ к навыкам и доступ к использованию¹¹.

Очевидно, что в данный период в понимании цифрового разрыва произошёл парадигмальный сдвиг: от акцента на доступ пользователей к информационно-коммуникационным технологиям к акценту на их способность эффективно обращаться с этими средствами. Исследователи пришли к осознанию того, что феномен цифрового разрыва не является единообразным «различием», а представляет собой комплексное явление, переплетённое с целым рядом социальных, экономических и технологических проблем. Таким образом, переход от технологического доступа к стратификации по навыкам обозначил первую парадигмальную трансформацию в исследованиях цифрового разрыва.

**Вторая парадигмальная трансформация:
от стратификации по навыкам к трансформации
в капитал (2000-е — 2010-е гг.)**

С наступлением XXI века распространение мобильных телефонов и мобильного интернета снизило порог доступа, а глобальная технологическая диффузия в определённой мере сократила цифровой разрыв в количественном измерении. Однако в качественном отношении разрыв, напротив, усилился, и внутри развиваю-

щихся стран технологические различия стали заметно возрастать. На микроуровне исследователи выявили, что распространение аппаратного обеспечения не приводит автоматически к социальному и экономическому развитию: подлинное разделение заключается в способности индивидов трансформировать технологические ресурсы в капитал. Различия в получении и использовании информационно-коммуникационных технологий зависят не только от технических или экономических факторов, но и от неодинакового уровня культурного, социального, личного и политического капитала. Эти различия не только отражают существующее социальное неравенство, но и воспроизводят его, приводя к различным результатам в сфере знаний и жизненных возможностей, тем самым укрепляя социальную стратификацию¹².

Van Dijk (2005) деконструировал цифровые навыки как не единичную техническую способность, а как лестничный комплекс навыков. Он выделял три составляющие цифровых навыков: операционные навыки, информационные навыки и стратегические навыки. Под стратегическими навыками подразумевается целенаправленное технологическое расширение возможностей: индивиды, обладающие стратегическими навыками, способны преобразовывать цифровой доступ в социальный прогресс, тогда как другие используют его преимущественно для развлечений. Таким образом, стратегические навыки выступают ключевым элементом преодоления цифрового разрыва.

Все большее число исследователей начинает сосредотачиваться на вторичных эффектах цифрового разрыва, возникающих между разрывом в доступе и разрывом в использовании: приведёт ли неравенство в обладании технологическими ресурсами к системным разрывам в сфере получения знаний? Этот вопрос стимулировал возрождение классической теории разрыва в знаниях (P. J. Tichenor, 1970) в условиях цифровой эпохи. Вэй Лу и др. (2006) связали теорию разрыва в знаниях с теорией цифрового разрыва и выдвинули, а затем эмпирически подтвердили гипотезу о том, что «разрыв в знаниях может стать третьим уровнем цифрового разрыва после разрыва в доступе и разрыва в использовании»¹³. Castells, (2010) в работе «*The Rise of the Network Society*» развил ключевую идею о том, что цифровые способности должны быть трансформированы в капитал, чтобы обеспечить социальную мобильность. Это знаменует собой смещение фокуса исследований цифрового разрыва с «навыков использования» к «способности к созданию ценности».

**Третья парадигмальная трансформация:
появление интеллектуального разрыва
(середина 2010-х — 2020-е гг.)**

Начиная с середины 2010-х годов технологии искусственного интеллекта, особенно глубокое обучение,

совершили взрывной переход из лабораторий в промышленное применение. Появление генеративных инструментов ИИ, таких как ChatGPT и deepseer, не только вызвало глобальные философские дискуссии о взаимосвязи человека и машины, но и выступило стратегическим драйвером, перестраивающим производственные функции, экономические отношения и структуры государственного управления. Разрыв в области искусственного интеллекта — это новая форма цифрового неравенства, порождённая развитием интеллектуальных технологий; его появление фиксирует эволюцию цифрового неравенства в парадигму, где в центр выходят «власть алгоритмов».

От «пробела доступа», сосредоточенного на доступности физических устройств, через «пробел использования» и «пробел грамотности», фокусирующиеся на различиях в цифровых навыках, до разрыва в области искусственного интеллекта, вызванного бумом генеративных технологий, — сущность противоречия совершила качественный скачок и сместилась к монополии на принятие алгоритмических решений и разрыву в капитале данных. Драйвером этой парадигмальной трансформации являются три структурных дисбаланса:

Во-первых, скорость технологической итерации растёт экспоненциально: цикл технологического обновления сократился с порядка 24 месяцев по «закону Мура» (Moore, 1965) до примерно 6-месячных циклов для AI-моделей (Stanford HAI, AI Index Report 2023¹), а объёмы параметров моделей демонстрируют взрывной рост. Так, например, у GPT-4 число параметров достигает порядка 1,8 трлн. Сложность этих технологий давно превосходит возможности индивидов и сообществ по их осмыслению и адаптации.

Во-вторых, существует дисбаланс в глобальной структуре власти над данными. В настоящее время около 92 % ведущих исследовательских центров в области ИИ сосредоточены в США, Европе и Китае (Nature Index, 2023²), тогда как развивающиеся страны, хотя и предоставляют примерно 78 % мировых исходных данных, получают менее 5% доходов от их капитализации (UNCTAD, Digital Economy Report 2023³), что создаёт высокоасимметричную систему цифровой зависимости.

В-третьих, институциональная реакция застряла в системном отставании и фрагментации. Искусственный интеллект как высокоспециализированная и быстро итеративная передовая технология вырабатывается

¹ Stanford HAI, AI Index Report 2023. <https://hai.stanford.edu/ai-index/2023-ai-index-report>.

² Nature Index, 2023. <https://www.nature.com/nature-index/research-leaders/2023>

³ Digital economy report. <https://unctad.org/topic/ecommerce-and-digital-economy/digital-economy-report>.

Рис. 1. Системные драйверы и структурные последствия разрыва в использовании искусственного интеллекта

за рамки традиционных форм технического управления, в результате чего существующие правовые нормы, этические принципы и механизмы управления на практике часто отстают и не способны обеспечить эффективные институциональные ограничения и регулятивную систему¹⁴.

Вывод

Асимметричная эволюция технологий, институтов и глобальной системы формирует новые черты разрыва в области искусственного интеллекта — его композитность, проникающий характер и способность к самоусилению. Он выходит за пределы традиционных различий, которые можно было бы постепенно сократить с помощью инфраструктурных вложений и повышения цифровой грамотности, и превращается в структурную исключённость, укоренённую в проектировании технологий, накоплении капитала и институциональных установлениях. Внешне-детерминированный характер

этого разрыва особенно очевиден: он порождается как капиталоориентированной логикой технологического пути, так и закрепляется в уже существующих неравных конфигурациях мировой политико-экономической системы.

В настоящее время цифровое неравенство проявляется как наложение и взаимопроникновение трёх измерений — доступа (1.0), грамотности (2.0) и интеллекта (3.0). При отсутствии системного управления и многоуровневого политического ответа, исходящих из перспективы технологической политэкономии, разрыв в области искусственного интеллекта может углубиться; потенциал его воздействия на социальные структуры по масштабам и значению способен соперничать с крупными историческими трансформациями со времён промышленной революции и представляет собой серьёзный вызов для глобальной справедливости и устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adam D. Thierer. Unnatural Monopoly: Critical Moments in the Development of the Bell System Monopoly. Cato Institute. Дата обращения: 14.06.2009.
2. Tichenor, P.J., Donohue, G.A., & Olien, C.N. (1970). Mass media flow and differential growth in knowledge. *Public Opinion Quarterly*, 34(2), 159–170.
3. Katzman, N. (1974). The impact of communication technology: Promises and prospects. *Journal of Communication*, Autumn 1974, 47–58.
4. NTIA. (1995). *Falling Through the Net: A Survey of the "Have Nots" in Rural and Urban America*.
5. Hoffman, D.L., & Novak, T.P. (1998). Bridging the racial divide on the Internet. *Science*, 280(5362), 390–391.
6. OECD. (2001). *Understanding the Digital Divide*. Paris: OECD Publications.
7. Gunkel, D.J. (2003). Second thoughts: Toward a critique of the digital divide. *New Media & Society*, 5(4), 499–522.
8. Hargittai, E. (2001). Second-level digital divide: Mapping differences in people's online skills. *arXiv preprint cs/0109068*.
9. DiMaggio, P., Hargittai, E., Celeste, C., & Shafer, S. (2004). Digital inequality: From unequal access to differentiated use. In *Social Inequality* (pp. 355–400).
10. Hargittai, E. (2004). Internet access and use in context. *New Media & Society*, 6(1), 137–143.
11. Van Dijk, J.A. (2005). *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Sage Publications.
12. Ragnedda, M. (2017). *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. New York, NY: Routledge.
13. Вэй Лу, Чжан Минсин. (2006). Третий цифровой разрыв: разрыв в знаниях в Интернете [J]. *Исследования в области журналистики и коммуникации*, (04), 43–53+95.
14. Ли Шэнлун. (2025). Формирование системы управления искусственным интеллектом с китайской спецификой [J]. *Красное знамя: материалы*, (12), 40–43.

© Чжу Минь (zhumin5748@gmail.com); Лебединцева Любовь Александровна (lbebedintseva879@gmail.com);

Юй Ян (yy.soc@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Agazade E. — PhD Candidate, Baku State University

Aksenov S. — Doctor of Economics, Professor, Ufa University of Science and Technology

Ananicheva S. — Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Pacific national University

Anokhin A. — graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Balasanyan G. — candidate of Historical sciences, Yerevan State University

Bartashevich Yu. — Graduate student, Moscow University of Finance and Industry "Synergy"

Bersenev I. — Candidate of Technical Sciences, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Blagorozheva Zh. — PhD of Sociology, Senior Lecturer, Belgorod State National Research University

Dao Le Minh Trang — PhD student, Kutafin Moscow State Law University

Davydov R. — postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir Branch

Denisova E. — Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Divakov P. — Postgraduate student at the Synergy Moscow University

Eremin S. — The applicant, Krasnodar State Institute of Culture

Gamazin S. — Postgraduate student, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Ghorbani A. — postgraduate student, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Gokinaeva I. — Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Grin M. — Candidate of economic sciences, associate professor, Bryansk State Technical University

OUR AUTHORS

Kashtanyuk V. — candidate of historical sciences (Ph.D.), Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan

Kobzar-Frolova M. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Lebedev N. — Doctor of Economics, Professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Lebedintseva L. — Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg State University

Liseikina O. — Senior teacher, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Lyashenko V. — Postgraduate, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Medvedeva N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Northwestern Institute of Management, RANEPa, St. Petersburg

Myslivets N. — candidate of Sociological sciences, Director of the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Naumov V. — PhD in Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Niu Yixuan — Magistracy, Liaoning Normal University

Orekhova N. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management — branch of RANEPa under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

Panibratov Yu. — Doctor of Sciences in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Patrykin K. — Far Eastern Federal University

Pechenkin A. — Postgraduate student, Samara State University of Economics

Pechenkin D. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow

Petrov I. — Doctor of Economics, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Petrov V. — Export Manager for CIS Countries, JSC DKS, Moscow

Pisarevskaya N. — Candidate of Philological Sciences, ANOVO «Moscow International University»

Sashko A. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Shabalina E. — Candidate of Law, Associate Professor, Autonomous non-profit organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Sheludko A. — Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Smirnov K. — Graduate student, Non-state educational institution of higher education «Moscow University «Synergy»

Strizhov V. — Ufa University of Science and Technology

Tihonova O. — Candidate of Technical Sciences, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Titorenko E. — Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer, Kemerovo State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

Tolmacheva I. — Candidate of Economic Sciences, ANOVO «Moscow International University»

Tsvetov S. — candidate of Sociological sciences, Senior lecturer, Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

Turishcheva T. — Doctor of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Financial University under the Government of the Russian Federation

Verezubova N. — Candidate of economic sciences, associate professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Scriabin

Vershinin V. — Assistant, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Vitovskaya E. — candidate of Law Sciences, Associate Professor, Kuzbass Institute of the FPS of Russia PhD (Law) (Novokuznetsk)

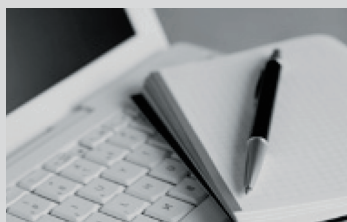
Wang Qing — Associate Professor, Liaoning Normal University

Yavorsky S. — Lawyer, IT ALLIANCE LLC, Moscow

Yu Yang — Saint Petersburg State University

Zhu Min — Postgraduate, Saint Petersburg State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).